СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ

Ф. Дикин
Г. Стори

ДЕЛО РИХАРДА ЗОРГЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге английских авторов на основании многочисленных документов и высказываний участников событий совершенно по-новому для российского читателя рассматриваются как сама фигура Рихарда Зорге, так и работа возглавляемой им группы в Китае и Японии накануне Второй мировой войны.

Книга будет интересна не только специалистам — историкам, но и широким читательским кругам в первую очередь из-за неординарности личности Зорге и существования до сих пор самых противоречивых легенд о нем, а также потому, что авторы смогли «закрыть» многие белые пятна в деле Зорге.

- Ф. Дикин Г. Стори
  - Пролог. ПОСОЛ И КОРРЕСПОНДЕНТ
  - Глава 1. НАЧАЛО ЖИЗНИ РИХАРДА ЗОРГЕ
  - Глава 2. ПЕРИОД УЧЕНИЧЕСТВА В МОСКВЕ
  - Глава 3. МИССИЯ В КИТАЙ
  - Глава 4. ДЕЛО НОУЛЕНСА
  - Глава 5. ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ — ТОКИО
  - Глава 6. ЯПОНСКАЯ СЦЕНА
  - Глава 7. СМОТР ГРУППЫ
  - Глава 8. ТОКИЙСКОЕ НАЧАЛО
  - Глава 9. ИНТЕРЛЮДИЯ В МОСКВЕ
  - Глава 10. НАСТОЯЩАЯ МИССИЯ НАЧИНАЕТСЯ
  - Глава 11. СТАНОВЛЕНИЕ ГРУППЫ
  - Глава 12. ТЕХНИКА ДЕЛА
  - Глава 13. СИБИРЬ ИЛИ ТИХИЙ ОКЕАН? ТРИУМФ В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС
  - Глава 14. НАЧАЛО КОНЦА
  - Глава 15. ТОКИЙСКАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ ТЮРЬМА
  - Глава 16. ОТГОЛОСКИ ДЕЛА ЗОРГЕ
  - Глава 17. МЕСТЬ ПОЛКОВНИКА МЕЙЗИНГЕРА
  - Глава 18. ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ
  - Эпилог. ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95

- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139

- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150

Ф. Дикин Г. Стори
Дело Рихарда Зорге

Пролог. ПОСОЛ И КОРРЕСПОНДЕНТ

Во вторник 23 октября 1941 года в пять часов утра германский посол в Токио генерал-майор Эйген Огг отправил совершенно секретную телеграмму в Берлин, в которой сообщал Министерству иностранных дел об аресте доктора Зорге, специального корреспондента ведущей германской газеты «Франкфуртер Цайтунг» в Японии, а также другого немца — Макса Клаузена. Оба были задержаны японской полицией шесть дней назад по обвинению в «поддержании связей с преступными элементами».

Сначала эта тревожная новость достигла германского посольства в виде слухов, но вскоре получила официальное подтверждение в ответе на запрос, сделанный в японское Министерство иностранных дел. При этом японская сторона лишь сообщила, что аресты действительно имели место и что информацию эту следует рассматривать как сугубо конфиденциальную.

«В ответ на наши настойчивые расспросы японский министр иностранных дел заявил, что Зорге и Клаузен подозреваются в связях с третьей стороной через японских посредников. Я попросил сообщить о результатах допроса и назвать дату, когда возможно будет встретиться с арестованным. Но поскольку следствие еще продолжается, в моей просьбе было отказано».

Д-р Зорге был привычной, хотя и неоднозначной фигурой в немецкой колонии в Токио. Он прибыл в Японию в сентябре 1933 года, имея солидную репутацию специалиста по китайским делам, вполне заслуженную им после нескольких лет работы в качестве корреспондента ряда немецких газет в Шанхае, и впечатляющее количество рекомендательных писем от старейших немецких дипломатов в Берлине в адрес сотрудников немецкого посольства в Токио и даже японского министра иностранных дел.

Новинок быстро стал своим в замкнутой, удушливой атмосфере европейской общины в азиатской столице. В посольских кругах должным образом оценили его превосходное знание Китая, а военные заслуги в первую мировую войну — Зорге служил в артиллерийском полку и был кавалером Железного Креста Второй степени — помогли ему снискать особое расположение и самого посла, и военных атташе. Имея безупречную «крышу» корреспондента «Франкфуртер Цайтунг», Зорге относился к своей профессиональной деятельности с неизменной добросовестностью и тщательностью, что не могло не вызывать уважения со стороны коллег-журналистов. Он быстро

приобрел широкую известность человека, хорошо разбирающегося в тонком, неуловимом и чуждом европейцу мире японской политики, и приезжавшие в Токио немецкие чиновники и журналисты непременно обращались к нему, зачастую с рекомендательными письмами от тех же людей, что рекомендовали в свое время и самого Зорге.

Рихард Зорге был неординарной фигурой в токийском мире. И если его богемная несдержанность в проявлении своих чувств, его высокомерие и нетерпимость, особенно когда он бывал пьян, что случалось довольно часто, и шокировали соотечественников, тем не менее его считали человеком в основе своей серьезным и талантливым, не лишенным к тому же обаяния, что особенно ценили в нем женщины.

Немецкая колония в Токио, находящаяся на другом конце света и изолированная от событий, происходивших в Германии, по-прежнему представляла собой своеобразный микрокосм общества, существовавшего до захвата Гитлером власти в январе 1933 года. Здесь, хоть и осторожно, высказывались антинацистские взгляды, а множество германских семей еврейского происхождения смогли благополучно устроиться в Японии. В общине не чувствовался доминирующий над всем и вся фанатичный нацистский дух. Да и сам посол был известен своим умеренным отношением к нацизму.

Зорге часто поражал окружающих каким-то еретическим радикализмом человека, чуждого всему и всем, но воспринималось это по большей части как проявление типичного германского темперамента экс-вояки, прошедшего фронты Первой мировой войны. Тем более что в 1934 году, вскоре после прибытия в Японию, он благоразумно вступил в зарубежный филиал нацистской партии, а также стал членом нацистской Ассоциации прессы.

Ошеломляющее известие об аресте известного журналиста было встречено в германских кругах в Токио с недоверием. Его коллеги, немецкие журналисты, немедленно написали письмо послу, в котором выразили единодушную поддержку Зорге и зажили, что не верят обвинениям, выдвинутым против него. Они же организовали передачи в тюрьму и потребовали разрешения увидеться о заключенным. Однако в последнем требовании им отказали, хотя послу и нескольким сопровождавшим его советникам, пусть неохотно, но все же позволили официально встретиться и переговорить с Зорге в течение нескольких минут в знак «особого расположения» и лишь после твердого протеста, высказанного германским послом новому премьер-министру Японии генералу Тодзио.

Генерал Отт, как и остальные его соотечественники в японской столице, не мог так просто принять на веру голые факты официальной версии о том, что Зорге подозревается в подрывной деятельности. Посол был знаком с ним с 1934 года, когда он сам еще занимал пост военного атташе в Японии, а Зорге был частым гостем в посольстве и даже входил в узкий круг личных друзей посла. Отт и Зорге часто играли в шахматы, вместе обедали и завтракали на лужайке внутреннего дворика посольства и даже выезжали отдохнуть за город.

Взгляды и мнения самого Зорге, а также источники информации, получаемой им, регулярно обсуждались в беседах о послом и его советниками. К журналисту относились как к близкому другу и вполне надежному соотечественнику.

Вскоре после начала войны в Европе Зорге предложили редактировать информационный бюллетень, выпускавшийся германским посольством, и для этой цели выделили офис, где он мог читать официальные телеграммы, поступавшие из Берлина. Он даже получал плату за свою работу. Как предприимчивый газетчик и бывший солдат с блестящим послужным списком, Зорге сумел установить близкие отношения с часто сменявшими друг друга военными и морскими атташе, обмениваясь с ними информацией и мнениями по различным проблемам технического характера.

Казалось невероятным, что человеку с такой репутацией и связями могли быть предъявлены обвинения в подрывной деятельности. Правда, о его товарище по несчастью, Максе Клаузене, в германском посольстве ничего не знали.

Реакция генерала Отта на эти аресты была однозначной: люди стали жертвой каких-то антигерманских интриг в японских правительственных сферах. Как сообщил в телеграмме Отт, «среди персонала посольства и местных членов нацистской партии существует общее мнение, что подозрение высказано не по адресу. Насколько я знаю, Зорге поддерживал связи с информатором, вхожим в круг принца Коноэ, премьер-министра Японии, чье правительство, правда, недавно пало. В те октябрьские дни 1941 года успешно шли решающие переговоры между Японией и Соединенными Штатами, которые могли решить вопрос войны и мира на Дальнем Востоке, и некоторая конфиденциальная информация о прогрессе на этих переговорах, считавшаяся государственным секретом, попала к Зорге. Появилась, таким образом, возможность политической мести или интриги, в которую оказался вовлечен и сам Зорге. Как признается здесь всеми, группа, враждебная по отношению к Германии, по-прежнему оказывает большое влияние на полицию

и чиновников Министерства внутренних дел и юстиции, и потому мы не можем исключить возможность наличия антигерманских настроений среди тех сил, что стоят за действиями, направленными против Зорге».

Элементы, начавшие борьбу за кулисами японской политической жизни, вполне могли затеять подобную драматическую и скандальную провокацию.

Телеграмма германского посла поступила в Берлин в Министерство иностранных дел в ранний час 24 октября (по европейскому времени). Начальник отдела, курирующий посольство в Токио, записал:

«Рихард Зорге принадлежит к ближайшему кругу друзей посла Отта. В руководящих японских кругах хорошо знают, что Зорге поддерживал тесные связи с послом, еще когда последний был военным атташе. Зорге считается одним из лучших специалистов по Японии, хотя его критическое отношение к принимающей стране часто вызывало значительное неудовольствие официальных японских кругов… Как утверждается в полученной телеграмме, арест можно объяснить влиянием англофильской группировки, которую разозлило падение кабинета Коноэ, приписываемое, среди всего прочего, германскому влиянию… Обращение к премьер-министру Тодзио, который, будучи одновременно и министром внутренних дел, контролировал полицию, должно прояснить вопрос сразу, как только это будет возможно».

Первое, что сделал германский МИД, — пригласил и выслушал японского посла в Берлине, генерала Осиму, близкого друга Тодзио и одного из архитекторов, с японской стороны, тесного военного германо-японского альянса, а также ярого поборника вступления Японии в войну на стороне Германии.

Но каковы бы ни были его личные чувства, Осима и его люди в Берлине мало что могли сообщить. Да, это верно, что он получил «шифрованную телеграмму из Токио, касающуюся этого дела. Но это вопрос, относящийся исключительно к компетенции правосудия и полиции, и, в соответствии с японскими традициями, должен оставаться свободным от какого-либо политического влияния. Арест Зорге, естественно, не имеет особого значения с точки зрения внешней политики. Напротив, японская полиция не решилась бы арестовать Зорге, не имей она определенных причин подозревать его».

Возможно, что Зорге арестовали по обвинению в оказании помощи японскому коммунистическому движению.

Подобное сугубо официальное отношение к инциденту со стороны японского посольства в Берлине вызывало тревогу и не

могло удовлетворить немцев. Чиновник германского МИДа счел подобное обвинение «в высшей степени маловероятным. Посол Отт и персонал посольства были единодушны в своих сомнениях, что Зорге — кстати, отрицавший свою вину, — мог совершить проступок, приписываемый ему». Берлин считал настоятельно необходимым как можно скорее разобраться с этим делом и освободить Зорге. Осиму попросили использовать все его влияние для решения вопроса в подобном духе.

31 октября японский посол стал несколько более разговорчивым. Во время случайной встречи с сотрудником германского МИДа, имеющим отношение к делу, Осима сказал, что «из телеграммы, которую мы получили от министра иностранных дел, стало ясно, что в распоряжении японских следственных органов имеются письменные доказательства связей Зорге с японскими коммунистами. И потому почти невозможно вмешаться в процесс, который должен завершиться судом — инстанцией, политически независимой и ответственной лишь перед самим императором».

Осима считал вполне возможным, что Зорге мог использовать коммунистов для получения политической информации о тенденциях и настроениях, господствовавших в японском правительстве и в стране вообще. Германский чиновник, с которым беседовал посол, счел это в высшей степени невероятным. Он сам служил в Токио и лично знал Зорге, «но никогда не замечал в нем каких-либо коммунистических наклонностей».

Однако и Осима, и германский МИД были единодушны в том, что дело это не должно навредить, да еще в столь деликатный момент истории, курсу германо-японских отношений, направленному на достижение полного военного и политического согласия. Вот почему первая реакция Осимы была точно такой же, как и у его германских коллег. Он не уставал подчеркивать, что «возможно, лучшим решением было бы позволить Зорге беспрепятственно покинуть Японию, с тем чтобы враг не мог извлечь политический капитал из этого инцидента». В любом случае он, якобы, вмешался бы в дело только с тем, чтобы решить его в пользу Зорге.

В Токио тем не менее по-прежнему не намечалось никаких признаков прояснения обстановки. 13 ноября германский посол телеграфировал в Берлин, что несмотря на постоянные напоминания, японский МИД до сих пор не представил никаких доказательств тех обвинений, что были выдвинуты против арестованного, и не сумел договориться о министром юстиции. Необходимые запросы так и не были сделаны. Не разрешалось

более и посещать арестованных немцев.

Несмотря на то что дело держалось в строгом секрете, германскому посольству стало известно о многочисленных арестах среди японцев. «Высокопоставленный чиновник информировал меня по секрету, что арестовано уже более трехсот человек».

Личность Макса Клаузена к этому времени уже была установлена по архивам германского консульства в Йокохаме, где он проходил как бизнесмен, занимающийся экспортно-импортной торговлей и живущий в Японии с 1935 года. «До сего дня в консульстве не слышали ничего в отношении политических взглядов Клаузена и его жены, что могло бы повредить их репутации».

Однако 25 ноября генерал Отт смог телеграфировать в Берлин содержание краткой ноты Японии на немецком, подготовленной для посольства аппаратом общественного обвинителя и составленной на основании результатов предварительного следствия по делу Рихарда Зорге. Документ был передан послу японским министром иностранных дел «с просьбой сохранить все в строгой секретности». Этот меморандум приподнял мрачную завесу, окутавшую Зорге с момента его ареста, и явился первым, пусть и лаконичным, признаком того, что Зорге начал сотрудничать о японскими властями в прояснении истинной природы его миссии в Японии и его собственного прошлого.

Резюме, переданное в Берлин без комментариев, содержало выдержки из первых страниц показаний Зорге.

«Обвиняемый Рихард Зорге, испытав ужасы минувшей войны, пришел к осознанию того, что капиталистической системе наших дней присущи некоторые очевидные противоречия, и присоединился к рабочему движению, боровшемуся за окончание войны, изучал коммунистическую литературу и постепенно стал убежденным коммунистом. В ноябре 1919 года, в Гамбурге, он вступил в члены Германской коммунистической партии и занялся подпольной пропагандой, агитацией и просветительской работой. Когда в январе 1925 года Зорге присутствовал на конгрессе, проводимом Коминтерном, в качестве делегата от Центрального Комитета Секретариата Германской коммунистической партии, он получил указание начать сотрудничество с Информационным отделом Коминтерна и продолжить работу под его эгидой. Весной 1930 года, получив указание сосредоточиться на шпионаже, он отправился в Китай и выполнял там задания в различных районах страны, а получив дальнейшие инструкции параллельно действовать в Японии, он прибыл в Берлин, чтобы вступить в

Германскую национал-социалистическую партию. Для маскировки он одновременно устроился на должность корреспондента «Frankfurter Zeitung» и в этом качестве в сентябре 1933 года прибыл в Японию из Америки. С этого времени и до своего ареста он скрывал свою нелегальную деятельность, выступая в качестве члена партии и корреспондента газеты. В действительности, однако, он создал тайную шпионскую сеть под руководством Коминтерна с помощью югославского националиста Вукелича, ряда японских граждан, а также других иностранцев, и собирал информацию (опять же в сотрудничестве с Коминтерном) по военным, политическим, экономическим и другим вопросам, касавшимся Японии, и передавал ее в Коминтерн с помощью радиопередатчика и различными другими способами».

Генерал Отг добавил, что он обратился к японскому министру иностранных дел с просьбой ознакомить его с доказательствами, на которых основывается этот поразительный меморандум, и что последний «согласился переговорить об этом лично с министром юстиции».

Отт закончил свою телеграмму просьбой проверить обвинения, выдвинутые японской прокуратурой против Зорге, в самой Германии. Расследование также необходимо было провести и в германском посольстве в Токио.

Так в Берлине, как ранее в Токио, было начато дело Рихарда Зорге.

Глава 1. НАЧАЛО ЖИЗНИ РИХАРДА ЗОРГЕ

В душе моей царил хаос.

Зорге

Жизнь шпиона по определению не может быть задокументирована. В случае с Зорге сам факт, что он был арестован в Японии, да еще во время войны в Европе, крайне усложнял для японских следователей задачу проверки непосредственно в Германии тех сведений, которые Зорге счел нужным сообщить о себе. Ну а уж к Советскому Союзу, ясное дело, ни с какими запросами не обратишься. Чисто психологически европейские следователи с их более широким знанием национального характера и традиций, вероятно, сумели бы составить более полный и правдоподобный образ этого человека, однако даже полицейское расследование, проведенное в Германии после ареста Зорге в Токио в октябре 1941 года, не выявило каких-либо серьезных несоответствий и только лишний раз подтвердило эффективность маскировки одного из советских агентов.

И все же была возможность время от времени взглянуть на жизнь и деятельность Зорге глазами тех, кто знал его, пользуясь или краткими письменными свидетельствами, или официальными запросами, сделанными через германский МИД службами безопасности в Берлине в период между декабрем 1941 и ноябрем 1942 года.

Рихард Зорге родился 4 октября 1895 года в маленьком городке Аджикент близ Баку на кавказских нефтяных промыслах. Его отец, Вильгельм Рихард Зорге, был немецким горным инженером, работавшим на нефтяную компанию, входившую в круг финансовых интересов шведа Нобеля. Его мать, бывшая намного моложе мужа, была русской.[1]

Когда Рихарду было три года, семья переехала в Германию и окончательно обосновалась в большом доме в пригороде Берлина — Лихтерфельде. Он был самым младшим из девяти детей и четвертым сыном[2].

О был близок с матерью и оставался таковым всю жизнь, всегда посылал ей подарки и телеграммы на день ее рождения.

В раннем детстве Зорге был впечатлительным и нервным ребенком. Он отказывался спать в темноте, и по ночам в его

спальне постоянно горел ночник. У него был покладистый характер, и к нему хорошо относились его братья и сестры. Семья была дружной, и детство у мальчика прошло в спокойной обстановке, характерной для всех богатых берлинских семей того времени. Отец Рихарда успел нажить и потерять значительные суммы со времени своего возвращения в Берлин, где он стал банкиром. Умер он в 1907 году, и каждый из его детей наследовал личный доход с отцовской собственности.

Рихард пошел в местную среднюю школу в Лихтерфельде, где не проявил каких-то особых способностей или интересов. Он был уравновешенным и спокойным мальчиком, выделявшимся среди сверстников своим физическим развитием. И тогда и всю последующую жизнь он очень гордился своими спортивными достижениями, но, кроме ярко выраженного интереса к истории и литературе, не обнаружил больше никаких особых интеллектуальных талантов. Подобно своему отцу и одноклассникам, был он завзятым патриотом и поклонником пангерманизма, деятельным членом сентиментальной националистической молодежной организации «Вандервогель», ходил в походы и жил в лагерях во время каникул и выходных. Короче, был Рихард средним и ничем не примечательным членом стабильного и комфортабельного общества. Как говорил он своим японским следователям, «я и не мог, и не желал сформировать какое-то свое собственное определенное отношение к миру».

К началу августа 1914 года Рихард Зорге почти закончил школу. Ему было неполных девятнадцать, когда 11 августа он записался добровольцем в одном из военных рекрутских центров в Берлине и после непродолжительной учебной подготовки был направлен в учебный батальон в 3-й гвардейский артиллерийский полк. Не прошло и месяца, как Рихард обнаружил, что воюет во Фландрии. 11 ноября состоялось его боевое крещение огнем в германском учебном полку во время боя у Диксемюде, где, распевая патриотические песни, молодые добровольцы шли на французские пулеметные расчеты, неся при этом сокрушительные потери.

С самого начала войны противники во Фландрии стояли вдоль линии реки Изер, и воюющие армии остались здесь на зиму 1914 года, во время которой им предстояло пережить мрачный и ранее неведомый опыт окопной войны. В июне 1915 года полк, в котором служил Зорге, был переброшен на Восточный фронт, чтобы принять участие в битве за австрийские укрепления в Галиции. Через месяц Зорге получает шрапнельное ранение в правую ногу и эвакуируется в военный госпиталь в Берлине.

Во время лечения он сдает экзамены на аттестат зрелости,

причем с самыми высокими отметками, а поправившись, немедленно возвращается в свой полк, чтобы в марте 1916 года вновь отправиться на Восточный фронт. Однако через три недели Зорге опять был ранен, и на этот раз серьезно. Обе ноги у него были перебиты шрапнелью, и легкая хромота осталась на всю жизнь. После мучительного путешествия через «оккупированную Россию», он попал в университетский госпиталь в Кенигсберге. За свою смелость на поле боя Зорге был удостоен звания унтер-офицера и награжден Железным Крестом Второй степени. Его военные испытания и непосредственное знакомство с ужасами массовой бойни подошли к концу, однако с ними же ушли и иллюзии его поколения студентов-добровольцев призыва 1914 года. В период между первым крещением огнем и обыденным кошмаром окопной жизни на двух фронтах войны Зорге, как и многие его современники, пережил некое духовное перерождение, заставившее его замкнуться в своем внутреннем мире, порвав с семьей и своим классом, и погрузиться в мучительные сомнения относительно основополагающих постулатов того общества, в котором он оказался столь одинок.

«Никто из моих друзей — простых солдат не знал истинных целей войны, так же, как никто не говорил и о каком-то глубинном ее значении. Большинство солдат были выходцами из среднего класса, рабочими или ремесленниками по роду занятий. Почти все они состояли в профсоюзе, а многие — и в социал-демократической партии. Был и один настоящий левый — старый масон-каменщик из Гамбурга, который однако, отказывался говорить о своих политических воззрениях. Мы стали с ним близкими друзьями, и он рассказал мне о своей жизни в Гамбурге, о гонениях и безработице, через которые ему довелось пройти. Это был первый пацифист, с которым я столкнулся. Он погиб в бою в начале 1915 года, как раз перед тем, как я был ранен в первый раз».

Начиная с 1916 года, личность Зорге претерпела первые революционные изменения. Как выразился он сам, «я погрузился в сильнейшее смятение души». В течение последующих двух лет он обдумал и подверг сомнению едва ли не каждую минуту своей предыдущей жизни. Отныне и впредь вся жизнь его будет идти под покровом тайны и противоречий.

В кенигсбергском госпитале Зорге оказался в теплых и дружеских отношениях с одной из медсестер, молодой девушкой-еврейкой, отец которой был активным марксистом-интеллектуалом со связями в Германской социал-демократической партии. Этот эпизод можно считать началом процесса политического самообразования, проходившего в

атмосфере, отмеченной печатью физического страдания и знаком войны. Рихарду исполнился лишь двадцать один год.

Зорге принялся изучать, лихорадочно и бессистемно, классиков социализма и коммунизма, как немецких, так и русских[3].

Несмотря на русское происхождение своей матери, Зорге в то время не знал ее родного языка, и работы русских марксистов и оппонентов марксизма читал в немецком переводе. Он также самостоятельно изучал и труды древнегреческих философов, и Гегеля, «предшественника марксизма».

В октябре 1916 года Зорге записался в студенты экономического факультета Берлинского университета и стал жить дома. В течение этого периода на лекциях и в общении в друзьями-студентами он познакомился со многими политическими течениями, а затем тайно вступил в левую социалистическую организацию, действовавшую в университете. «Я решил не только изучать, но также и принять участие в организованном революционном движении». В январе 1918 года Зорге был официально освобожден от прохождения дальнейшей службы в армии и перевелся в университет города Киля.

Именно там наиболее ярко проявилась интеллектуальная любознательность Зорге и окрепли его революционные воззрения. Первым человеком, оказавшим заметное влияние на молодого студента — ему было тогда двадцать три года, — был профессор Кильского университета д-р Курт Герлах, выходец из весьма обеспеченной семьи, приобретший стойкие левые взгляды во время нескольких лет обучения в Англии, где он попал под влияние фабианцев. Герлах был вдохновенным учителем, увлеченным и неутомимым исследователем политических проблем. В его доме в Киле часто собирались студенты и горячо обсуждали социалистическую или коммунистическую доктрины в апокалиптической атмосфере грядущего неминуемого поражения имперской Германии. Могущественная партийная машина германской социал-демократии, чье официальное руководство — за некоторым исключением — поддерживало войну, уже лишилось многих членов из числа молодого поколения. Разочарованная молодежь повернулась в сторону экстремистской и антивоенной политической оппозиции, которая в апреле 1917 года основала отдельную партию под названием Независимая социал-демократическая партия Германии. Именно в эту организацию и вступил Зорге, вероятно, еще до своего приезда в Киль. С местной организацией этой партии он был связан в первые месяцы 1918 года. Похоже, именно он основал студенческую секцию этой партии, «состоящую из двух или трех

студентов, и сам стал во главе ее. Он также выступал в качестве «руководителя учебной группы в том округе, где жил», читая лекции по истории рабочего движения и вербуя новых членов партии. А после мятежа на германском флоте и восстания рабочих в Киле в октябре 1918 года Зорге стал читать «тайные лекции по социализму для моряков и портовых рабочих, а также докеров. Одну из этих лекций я могу вспомнить даже сегодня. За мной зашли рано утром, тайно провели в какое-то неизвестное мне место, которое оказалось подземными подпольными казармами моряков, и там попросили провести тайный митинг за закрытыми дверями».

Вслед за разгромом германских армий на Западном фронте и отречением кайзера, после событий в Киле по всей северной Германии прокатились спонтанные революционные выступления, особенно мощные в Берлине, где группы крайне левых пытались вырвать власть из рук официального социал-демократического правительства, занятого борьбой с западными союзниками.

Зорге описывает, как «с двумя товарищами я отправился в Берлин на официальную партийную работу в штаб-квартире партии… Но когда мы добрались до Берлина, уже поздно было предпринимать что-либо… Нас заставили остаться на вокзале и обыскали на предмет оружия, но, к счастью, мое оружие не нашли. Любой, имевший при себе оружие и отказавшийся отдать его, подлежал расстрелу. Просидев несколько дней на вокзале, мы с товарищами вернулись обратно в Киль. Вряд ли эту поездку можно назвать триумфальной».

Вскоре после этого он вступает в недавно созданную Германскую коммунистическую партию.

В начале 1919 года Зорге переезжает из Киля в Гамбург, чтобы закончить работу на соискание докторской степени по политическим наукам, которую он успешно завершил в августе этого года с оценкой «summa cum laude»[4].

Весной 1919 года профессор Герлах переехал из Киля в Аахен, где он возглавил кафедру экономики в Технологическом институте, и пригласил Зорге стать его ассистентом. В Гамбурге Зорге, работая над своей докторской диссертацией, почти сразу окунулся в нелегальную деятельность. Но Аахен находился в сердце Рейнланда и был стратегически важным пунктом в революционной борьбе за власть в Германии. Однако, прежде чем принять предложение Герлаха, Зорге по приказанию своего начальства явился в Берлин — в Центральный Комитет коммунистической партии, где сначала доложил об обстановке в Гамбурге и о своей работе там, а затем получил инструкции на «выполнение различных политических поручений для партии в

Аахенском регионе». Его должность помощника Герлаха являлась хорошей «крышей» для нелегальной работы, и он занялся организацией местной кадровой службы регионального руководства коммунистической партии. Его преподавательская деятельность в Технологическом институте не отнимала много времени, и Зорге с увлечением отдался созданию молодежных групп по изучению марксистской литературы и формированию будущей политической элиты в регионе. Вся партийная работа после 1919 года велась в подпольных условиях, но в атмосфере лихорадочного самопожертвования, и с этих пор подобная деятельность приносит Зорге вое возрастающее интеллектуальное и эмоциональное удовлетворение. Он обнаружил в себе талант учителя, горячего и терпеливого одновременно, и молодежь внимательно слушала его толкования марксистских трудов как на тайных собраниях в доме Герлаха, так и повсюду в Аахенском регионе. Но он занимал свой пост не более двух семестров, и к марту 1920 года Зорге в институте уже не работал.

Его увольнение совпало с капповским путчем — попыткой милитаристских элементов германской армии захватить политическую власть в стране, успеху которой, однако, помешала всеобщая стачка, охватившая всю страну, и вооруженные столкновения в индустриальных районах, особенно в Руре. Со времени своего образования Германская коммунистическая партия тайно вербовала в свои ряды военные кадры, известные как М-аппарат, организуя их на региональной основе. Зорге с его опытом военной службы был идеальным кандидатом на такую работу, и более чем вероятно, что он был причастен к подобной деятельности. Частично это подтверждается как недавними советскими сообщениями о его участии в подавлении путча, так и его собственным молчанием на эту тему во время следствия, проводимого по его делу японцами[5].

Спустя некоторое время после путча Зорге начал нелегальную работу в шахтерских округах Рура. В течение всех тех месяцев, что продолжались волнения в промышленных районах, Зорге, по крайней мере, однажды был членом шахтерского забастовочного комитета, в котором он ведал пропагандистской работой.

Согласно его признанию, большую часть 1920 года он провел в Гамбурге, занимаясь формированием партийных кадров и консультируя местную коммунистическую газету, а также выполняя «другие обычные обязанности»[6].

Зорге также утверждал, что не ездил в Аахен до следующего года, но в прошении о присвоении ему докторской степени в Гамбургском университете, которую он получил 8 августа 1919 года, Зорге назвал себя ассистентом Технологического института

в Аахене.

Начиная с 1919 года, Зорге все свое время посвящал нелегальной работе, и вполне вероятно, что его несколько туманный отчет о годах, проведенных в Германии, был предусмотрительно тщательно обдуман с тем, чтобы скрыть его истинную деятельность.

Работа Зорге на шахтах Рура продолжалась, должно быть, в течение первой половины 1920 года. Некоторое время он работал шахтером и сам описывает этот опыт как «столь же ценный для меня, как и полученный мною на полях сражений, и мое новое занятие было также значимо и для партии». Зорге создал партийные ячейки на ряде шахт в угледобывающем районе Рейнланда и в датской провинции Лимбург[7]. Интересно, что ходы и штольни в шахтах, расположенных на германо-датской границе, использовались как контрабандный маршрут для партийных курьеров, и, возможно, сам Зорге имел отношение к подобной деятельности. Ибо в этот начальный период становления германского коммунизма членам различных секций часто приказывали выполнять самые разные функции.

Существуют, однако, веские свидетельства относительно следующего этапа деятельности Зорге. С уходом из Аахенского Технологического института он потерял и «крышу»[8]. Его работа среди шахтеров, которая почти наверняка имела прямую связь с М-аппаратом партии, повсюду искавшим новобранцев для возможных действий в качестве уличных бойцов, привлекла внимание германской полиции[9].

Тогда начальство Зорге приказало ему стать штатным сотрудником местной партийной газеты «Голос шахтеров», и 28 февраля 1921 года имя д-ра Рихарда Зорге появилось в архивах местной полиции как постоянного жителя небольшого рурского городка Золингена.

Сам Зорге несколько странно описывает свои новые функции. «Однажды во время школьных каникул я в течение двух месяцев редактировал золингенскую газету, пока ее редактор находился в тюрьме». Подшивки этой газеты до сих пор сохранились, и из них видно, что Зорге вовсе не был редактором, но имя его встречается время от времени в качестве автора передовиц. Между августом 1921 года и июнем 1922 он регулярно писал статьи, подписанные «Р. З.».

Занимался он и обучением кадров местной партийной организации, а в 1921 году опубликовал свою первую книгу — короткий комментарий к «Накоплению капитала» Розы Люксембург, классическому, но спорному марксистскому труду. Зорге говорит об этой брошюре как о «неуклюжей и незрелой», но

не упоминает, что она была опубликована в Золингене.

В мае 1921 года Зорге женится на Кристиане, бывшей жене Курта Герлаха. Молодые люди часто встречались во время политических дискуссий о социализме и коммунизме, поскольку «Ика» — так звали Зорге в кругу близких знакомых — стал частым гостем в доме Герлаха в Киле. Эмоциональное притяжение между Кристианой Герлах и Рихардом Зорге усилилось в течение последующих двух лет. Но он, похоже, не форсировал этих отношений. Кристиана писала о нем: «Ика никогда не был ни назойливым, ни настойчивым; ему не нужно было искать расположения людей, ибо они тянулись к нему сами — и мужчины, и женщины».

Но дело подошло к развязке, когда осенью 1919 года эти двое вновь встретились в Аахене. Однажды вечером «Ика» позвонил в дверь, и Кристиана поняла, что должна немедленно поговорить с мужем. Последовал дружеский и рассудительный разговор о разводе, Кристиана уехала, чтобы переждать процедуру развода, длившегося девять месяцев, у своей мачехи в Баварии.

После свадьбы Ика и Кристиана сняли дом в Золингене. Она готовилась к защите докторской степени, которую получила в июле 1922 года в Кельне, а он числился сотрудником «Голоса шахтеров». Кристиана никогда не бывала в редакции газеты и ничего не знала о каких-либо других интересах и тайной деятельности своего мужа. И совсем немногие из ныне живущих его друзей и товарищей по партии тех дней вообще знали о его браке.

За все эти месяцы, проведенные в Золингене, имя Зорге всплывает лишь в одном случае, не связанном с его партийной деятельностью в качестве журналиста: на VIII съезде Германской коммунистической партии, проходившем в Йене с 22 по 26 августа 1921 года. Он упомянут как один из сорока одного делегата от региональных организаций Рейн-Вестфалии[10].

Зорге также писал о заседаниях съезда в «Голосе шахтеров».

Но больше никаких следов его передвижений не найдено, вплоть до записи в архивах Золингенской полиции о том, что д-р Зорге выехал из города 28 сентября 1922 года.

Зорге (его партийная кличка в то время была «Роберт») к тому времени был уже обученным и опытным «аппаратчиком», специалистом по нелегальной работе, который мог совмещать открытую пропагандистскую работу в качестве журналиста о выполнением подпольных заданий. В течение последних месяцев его пребывания в Руре, а потом и в Золингене, он был тесно связан, как и в Аахене, с организационной работой среди шахтеров и вскоре стал инструктором в партийной школе,

расположенной близ Вуппераля[11].

Теперь уж Зорге явно попал в списки германской полиции в качестве коммунистического агитатора. С конца войны Рейнланд был оккупирован союзными войсками, и Зорге утверждает — возможно, что он прав, — что местные германские власти угрожали передать его в руки военных властей союзников и что именно по этой причине он был вынужден покинуть район.

По его собственным словам, он отправился в Берлин, чтобы обсудить с Центральным Комитетом партии свое следующее назначение, а заодно и возможную «крышу». Зорге утверждает, что ему предложили оплачиваемую работу, но он якобы предпочел «получить побольше практического опьгга и закончить свое академическое образование». И потому было решено, что он займет должность «ассистента на кафедре общественных наук во Франкфуртском университете» и в то же время «продолжит работу в партийных организациях Франкфурта».

Согласно записям в архивах городской полиции, Зорге, зарегистрировался как прибывший в город 30 октября 1922 года. Однако нет никаких данных, что он когда-либо занимал какой-нибудь пост в университете. Его новая «крыша» была организована в иной манере, которую ныне можно установить.

Годом раньше профессор Герлах переехал из Аахена, чтобы занять должность ассистента профессора экономики во Франкфуртском университете. Он всегда был ученым-бродягой и никогда подолгу не оставался ни в каком университетском городе, но постоянно искал все новых единомышленников-интеллектуалов и был готов к новым приключениям. Герлах был активным социалистом и, как и Зорге, вероятно, был в то время членом коммунистической партии. И либо по указке сверху, либо спонтанно, но он пригласил Зорге приехать во Франкфурт. Развод Герлаха с Кристианой, казалось, ни в коей мере не повредил личным отношениям двух мужчин.

Франкфурт 1920-х — коммерческая и интеллектуальная столица Германии и центр волнующих политических экспериментов в политике, литературе и искусстве, город, стратегически важный для дела коммунизма, особенно для выполнения главной задачи — обеспечения положительного отношения могущественного среднего класса к революции. И потому здесь Герлах был в своей стихии. Вместе с группой единомышленников — профессоров-интеллектуалов — он установил. дружеские отношения О ОДНИМ ИЗ ведущих франкфуртских миллионеров-евреев Германом Вейлем, добившимся успеха в торговле зерном с Латинской Америкой. Следуя традиции городских аристократов и особенно под

влиянием сына Феликса, миллионер проявил восторженный интерес к идее основать частную организацию — на этот раз с целью проведения социальных и экономических исследований[12].

На ранних этапах создания нового института не возникало трудностей с оформлением организационных связей с университетом[13]. В ноябре 1922 года было основано «Общество социальных исследований» с Германом Вейлем (и вскоре после этого его сыном Феликсом) в роли президента. В списке членов Общества появляются и имена профессора Герлаха и д-ра Зорге[14]. Эта организация и была той комиссией, что после продолжительных переговоров о университетом и местными властями, содействовала созданию Института социальных исследований, официально открытого в мае 1924 года, а профессор экономики Франкфуртского университета был его первым директором.

Связь Зорге о этим институтом со дня основания Общества социальных исследований была скорее всего номинальной и использовалась им в качестве «крыши».

Вскоре Кристиана присоединилась к мужу во Франкфурте и подыскала жилье — перестроенный коттедж, который когда-то был квартирой каретника над пустой конюшней, располагавшейся в аристократическом городском доме. Стены комнат были выкрашены в веселые тона другом семьи — художником. Здесь часто собирались люди богемы — такие, как необузданный и блестящий карикатурист Георг Гроц, музыкант Хиндемит, артисты и писатели, — особенно по субботним вечерам, когда эти сборища продолжались до утра. Кристиана, происходившая из зажиточной семьи среднего класса, придерживавшейся традиционного мировоззрения и не имевшей каких-либо политических интересов, находила атмосферу подобных сборищ чуждой для себя и неприятной — «лишенной легкости и блеска».

Она тогда работала библиотекарем в том же институте, где и муж, который, кроме общения с Феликсом Вейлем, похоже, не имел точно определенных обязанностей.

Новую организацию, основанную поначалу как исследовательский центр особо вдохновлял опыт Октябрьской революции, и в институте царила как раз та самая атмосфера, которую искал Зорге, чтобы расширить свои академические познания в политике и экономике. Персонал и студенты института особенно способствовали созданию той прогрессивной атмосферы интеллектуальных салонов Франкфурта 1920-х годов и окружения Альфонса Пакуета, ветерана квакерской журналистики и писателя, чей дом часто посещал Зорге. Живые свидетельства Пакуета о русской революции соперничали с

репортажами американца Джона Рида и англичан Артура Рэнсома и Филиппа Прайса в разжигании энтузиазма и формировании иллюзий тех дней. Как описывал то время один из очевидцев, «новое лицо России волновало все живые умы». Ведущие писатели и литературные критики, сотрудничавшие с независимой газетой «Франкфуртер Цайтунг», вместе с новым поколением немецких художников-импрессионистов и писателей сформировали свою особую интеллигенцию этого послевоенного мира, либерал-коммунистов, хотя и не связанных дисциплиной партийной ответственности.

Группа, собравшаяся вокруг института, ратовала за более эффективную деятельность местной партийной организации, но какую роль играл в этом Зорге, выяснить так и не удалось.

Сам Зорге утверждал, что после прибытия во Франкфурт он стал членом «руководящего отдела», где ведал вопросами обучения, а также был консультантом коммунистической газеты. Его партийная деятельность заключалась также в поддержании «секретной связи между Центральным Комитетом в Берлине и организацией во Франкфурте» — а кроме того, он отвечал за хранение партийных средств и пропагандистских материалов, «пряча большие, пакеты в ящике для угля» в классной комнате или библиотеке Института социальных исследований.

Упоминания Зорге о его подпольной работе в то время в Саксонии не подтверждаются другими данными. Он утверждал, что партийная организация во Франкфурте поддерживала «постоянную секретную связь с рабочей республикой, провозглашенной в результате вооруженного восстания, и что он часто посещал Саксонию со специальными миссиями», вероятно, в качестве курьера. В саксонское правительство, официально социал-демократическое по своему составу, 10 октября 1923 года вошли в качестве членов Кабинета трое ведущих коммунистов: Генрих Брандлер, Поль Бетчер и Фритц Хакерт. Брандлер только что вернулся из Москвы, где с большой неохотой согласился начать — пользуясь тайной финансовой и военной помощью русских — вооруженное восстание по всей Германии с эпицентром в Саксонии. Но правительство рейха отреагировало немедленно, и Саксония, как и ее столица — Дрезден, были заняты регулярной армией почти без кровопролития, после чего коммунистические лидеры спешно вернулись в Берлин.

Поражение коммунистического октябрьского восстания, дирижируемого из Москвы, на время смягчило тяжелый кризис, поразивший партию, и привело к пересмотру всех отношений между русскими и германскими партийными лидерами.

Эти события стали предметом дискуссии и горячих стычек

среди многочисленных групп и отдельных лиц в коммунистической партии, равно как и по всей Германии. Одна из таких стычек, по воспоминаниям очевидца, фрау Мейер, жены руководителя «Средней группы» партии Эрнста Мейера, ожесточенно противившегося саксонской авантюре Брандлера, произошла однажды и на квартире Зорге. «Я потом оправдывалась перед фрау Зорге за то, что ее заставили скучать из-за всей этой политики. Но у нас никогда не было никаких дискуссий с самим Зорге».

Именно в этот период, согласно показаниям самого Зорге, состоялась его первая встреча о русскими.

Осенью 1923 года ведущий советский ученый-марксист и директор Института Маркса и Энгельса в Москве, Д. Б. Рязанов, приехал в Германию якобы для поиска оригинальных рукописей, имевших отношение к интеллектуальной истории марксизма. Зорге утверждает, что «встречался с Рязановым в Берлине и потом во Франкфурте — по весьма примечательному поводу.

Одним из близких соратников Карла Маркса времен I Интернационала был Фридрих Альберт Зорге, эмигрировавший в 1852 году в Соединенные Штаты, где он вел активную деятельность в германской секции американского рабочего движения. В 1872 году Альберт Зорге вернулся в

Европу и был назначен секретарем I Интернационала. После 1870 года он поддерживал обширную переписку с Марксом и Энгельсом, которая стала первоисточником для изучения марксистского движения в целом и был широко известен в марксистских кругах Германии. Письма были опубликованы в 1906 году в Штутгарте. В предисловии к русскому изданию Ленин назвал их «совершенно необходимым дополнением к нашей прогрессивной марксистской литературе».

Рихард Зорге, находясь в изоляции тюремной камеры, заявил, что этот «отец марксизма» был его собственным дедом и что он получил возможность передать Рязанову «два или три письма Маркса к Зорге… Мой дед был секретарем I Интернационала. Я слышал о нем в связи с перепиской Маркса — Зорге. Не знаю, когда он умер, но, вероятно, в Америке в 1870 году». Альберт Зорге умер в Нью-Йорке в 1906 году — факт, очевидно, неизвестный его «внуку».

Все без исключения статьи, написанные в период сентябрь — ноябрь 1964 года в России и в Восточной Германии, настойчиво подчеркивали эту связь между соратником Карла Маркса и Героем Советского Союза (с ноября 1964 года) Рихардом Зорге. Один писатель даже утверждал, что отец Рихарда обучался в Высшей политехнической школе Стефенса близ Нью-Йорка и что

в декабре 1894 года Альберт Зорге писал Энгельсу: «Наш сын работает в Чикаго».

Любопытно, что Рихард, родившийся в Баку в октябре 1895 года, где, согласно всем другим свидетельствам, его отец в то время работал инженером, признавал Альберта Зорге своим дедом и ни словом не упоминал об учебе отца в Соединенных Штатах, где тот едва ли мог оказаться в 1894 году.

Однако среди бумаг, найденных у Зорге после ареста, нашли и брачное свидетельство брата его деда по отцу Георга Вильгельма Зорге, родившегося в Торгау. Саксония — в той же провинции, откуда родом и соратник Маркса Фридрих Альберт. Зачем Рихарду Зорге понадобился этот Документ и для чего он держал его среди своих личных бумаг? В 1933 году он был озабочен вступлением в нацистскую партию, чтобы завершить создание «крыши» для своей разведывательной миссии в Японии. Для этого ему, по-видимому, и необходим был документ, подтверждающий его арийское происхождение. И подлинные документы о его ближайших родственниках вполне могли таковыми послужить, хотя тот факт, что его мать была русской, возможно, мог бы стать причиной осложнений в отношениях с новыми германскими властями и, самое главное, подобные факты могли также открыть полицейским чиновником истинное лицо того Зорге, о жизни которого в Германии до 1924 года у полиции могли быть кое-какие данные. Таким образом, используя документы своей семьи, Зорге постарался создать для себя умеренно фиктивную биографию. Так что Фридрих Альберт Зорге действительно был великим дядей Рихарда и братом его деда со стороны отца. Используя это далекое, но подлинное семейное звено — едва ли существовали когда-либо какие-то контакты между двумя ветвями семьи Зорге — Рихард создал собственный миф о марксистских предках, руководствуясь вполне обдуманными идеологическими намерениями.

Встречи Рязанова и Рихарда Зорге имели и другое значение. Этот краткий контакт между выдающимся ученым-марксистом, знатоком истории социализма и молодым, горячим немецким коммунистическим журналистом, должно быть, вызвал у Рихарда Зорге глубокое душевное волнение и весьма польстил его самолюбию.

Говорили, что Рязанов пригласил Рихарда стать сотрудником в Институте Маркса — Энгельса в Москве для работы над редактированием нового образцового издания работ Маркса. Однако, по словам Зорге, «руководители германской партии не отпустили бы меня». За фасадом этой «культурной миссии» в Германию хорошо просматривались куда более практические

цели. В любом случае, вероятно, это был первый подход русских к Зорге, и интересно, что, когда Зорге переехал в Москву, Рязанов и Кристиану также принял на работу в свой институт.

Вскоре после этих событий последовала вторая и решающая встреча, о которой нам известно, между Зорге и советскими представителями.

В апреле 1924 года во Франкфурте проходил XI съезд Германской коммунистической партии, объявленной вне закона властями Веймарской республики в ноябре 1923 года. Заседания проходили под маркой Спорт-клуба, и были предприняты самые тщательные и хорошо продуманные меры против налетов полиции. Для охраны заседаний и делегатов накануне съезда были созданы сильные и хорошо вооруженные отряды[15].

Центральной темой дискуссии на съезде стал вопрос об ответственности за поражение октября 1923 года, когда веймарским властям удалось упредить вооруженные выступления рабочих в Саксонии и Тюрингии, и весь мятеж ограничился лишь спорадическими и краткими стычками в Гамбурге[16]. Приказ на начало вооруженного восстания, спланированного секретным военным аппаратом Германской коммунистической партии, обученным сотрудниками советской разведки, последовал лишь после категорических директив из Москвы. Эта неудача с немецкой революцией и находилась в центре мучительных дебатов не только между фракциями германской компартии, но и в Москве. От решения этих вопросов зависели будущие отношения советского руководства с немецким.

И потому во Франкфурт была прислана высокопоставленная братская делегация Коминтерна с тем, чтобы использовать все свое влияние и поддержать просоветские силы накануне приближающихся выборов в новый объединенный Центральный Комитет Германской компартии.

Эта русская миссия состояла из шести делегатов, и возглавлял ее Дмитрий Захарович Мануильский, большевик из старой ленинской гвардии, один из самых влиятельных и могущественных членов Исполкома Коминтерна, где он отвечал за германские дела. Другим членом бьш Соломон Лозовский, представитель того же комитета в Профинтер-не — созданной Советами Всемирной федерации красных профсоюзов. В делегацию входили также три члена Центрального Комитета русской компартии.

Зорге писал, что его попросили «помочь найти жилье» для членов советской делегации и что, по крайней мере, один или двое из них квартировали у него дома. Он также «выступал в роли телохранителя», и нет сомнений, что он был своего рода гидом

для приехавших русских.

Зорге назвал имена двух других советских делегатов: Пятницкого и Куусинена, руководящих членов Исполкома Коминтерна. Нет никаких свидетельств, подтверждающих присутствие этих двух людей во Франкфурте в то время, и маловероятно, чтобы в создавшихся обстоятельствах вся верхушка Коминтерна приехала в Германию ради такого случая. Но Зорге часто будет использовать все эти имена в своих последующих показаниях.

Зорге не принимал непосредственного участия в дискуссиях на Франкфуртском съезде партии, но его личное обаяние и яркая личность, независимо от его неопределенного нелегального статуса, привлекли к нему внимание Мануильского и его советников.

Как пишет сам Зорге: «На закрытии съезда они (советские делегаты) попросили меня приехать в этом году для работы в штаб-квартиру Коминтерна в Москву. Я не мог выехать немедленно, поскольку должен был участвовать в нескольких организационных и разведывательных мероприятиях сразу после Франкфуртского съезда, однако предложение делегации Коминтерна взять меня на работу в разведывательное бюро Коминтерна было одобрено партийным руководством в Берлине, и в конце 1924 года я уехал из Берлина в Москву, чтобы в 1925 году приступить к работе».

Много лет спустя, во время следствия, Зорге слегка подправил это заявление, написав: «Переговоры о моем переводе начались в 1925 году. Официальный запрос о моей службе был отправлен в Берлин из Коминтерна».

Миссия советской делегации во Франкфурте провалилась, и большинство, избранное в новый состав Центрального Комитета Германской компартии, повело линию на критическое отношение к попыткам Коминтерна контролировать развитие событий в Германии.

Рут Фишер, одна из представительниц левого направления, позднее так описала отношения Зорге о русскими:

«Мануильский добился успеха в другой, более важной задаче, которая была частью его германской миссии. В сотрудничестве со специалистами ГПУ он имел обыкновение присматривать среди немецких коммунистов людей, подходящих для русской разведывательной службы. Зорге был представлен Мануильскому как человек, которому уже поручали небольшие разведывательные задания для Германской компартии. Мы в Центральном Комитете знали, что немецкие коммунисты числились на русской службе, но не могли влиять на такое

положение дел — и это служило постоянным источником трений между нами и Мануиль-ским».

Франкфуртская встреча продемонстрировала крах политики Коминтерна по отношению к Германии, но, кроме заявления Рут Фишер, есть и еще несколько источников, которые разоблачают использование этой неудачи советскими разведывательными службами. Один из ведущих советских агентов в Западной Европе Вальтер Кривицкий, позднее дезертировавший, хвалился: «Когда мы осознали провал усилий Коминтерна, мы сказали: «Дайте нам спасти то, что еще можно спасти, от германской революции». Мы выбрали лучших людей, подготовленных нашей партийной разведкой и Zersetzungdienst (буквально: Подрывная служба), и ввели их в советскую военную разведку — Четвертое управление Красной Армии».

Сам Зорге признал позднее, что агенты 4-го Управления посещали его еще в Рейнланде и во Франкфурте «и пытались заинтересовать меня сотрудничеством с Управлением».

Если предположить, что Зорге в некотором роде был связан с секретной военной организацией в Германской компартии с 1919 года, то он неизбежно должен был контактировать о советскими офицерами, посланными в Германию для организации и укрепления этого М-аппарата в предвидении неизбежного революционного восстания в 1923 году. Интересно, что одним из главных русских специалистов, посланных в Германию в связи с этой операцией, был Август Гуральский, псевдоним «Клейн». Этот человек ныне объявился в качестве члена советской делегации на апрельском съезде во Франкфурте в 1924 году, и именно Зорге привлек одного из активных рабочих, состоявшего в местной партийной организации, к поискам жилья для Гуральского.

Так что представляется вполне вероятным, что Зорге уже в течение некоторого времени был известен советской военной разведке и что вместе с другими немецкими товарищами, имевшими за плечами военный опыт, он был приглашен в Москву во время Франкфуртского съезда. И приглашение это было частью операции по спасению таких специалистов для работы на Советский Союз после поражения в октябре 1923 года, знаменовавшего собой конец планов на скорую революцию в Германии.

По предварительной договоренности с Германской компартией Зорге и его жена выехали в Москву через Берлин в октябре 1924 года[17].

Супруги ехали как студенты по подлинным немецким паспортам. Впереди их ожидали новые приключения, а каждый следующий шаг все дальше уводил Зорге от того юнца-кадета

образца 1914 года, каким он был когда-то.

Глава 2. ПЕРИОД УЧЕНИЧЕСТВА В МОСКВЕ

Я не хотел выдавать свои организационные связи.

Зорге

Рихард и Кристиана Зорге, как и все иностранные коммунисты, прибывшие в Москву, поселились в отеле «Люкс», который содержался административным аппаратом Коминтерна и находился под строгим надзором. Как писал Зорге в своем «признании», впервые он появился в Москве в апреле 1925 года, но данные, опубликованные недавно в русской прессе, показывают, что Зорге еще в марте стал членом советской коммунистической партии[18], получив партийный билет за номером 0049927, выданный Хамовническим райкомом московской партийной организации. Для окружающих Зорге — научный и партийный работник, член профсоюза работников образования.

Соответственно, автоматически прекратилось его членство в Германской коммунистической партии, но этот поступок не мог вызвать каких-либо сомнений в его политической благонадежности. Быстрый прием Зорге в члены партии подразумевал наличие могущественной поддержки со стороны высоких властей.

Зорге утверждает, что он был назначен «в разведотдел Коминтерна[19] — один из трех основных отделов, которые делали всю черновую работу по подготовке конкретных организационных и политических решений, с помощью которых и осуществлялось руководство международным коммунистическим движением (sic). Отдел существовал с начала 1925 года, однако с течением времени появилась необходимость расширить масштабы его деятельности, и я активно способствовал этому расширению».

В обязанности этого отдела входило «решать особые партийные проблемы», собирать данные о национальном рабочем движении, а также информацию по политическим и экономическим проблемам в различных странах и при необходимости по другим особым вопросам международного значения. Начальником «информационного отдела» был всегда «партийный товарищ с многолетним опытом международной

деятельности, как, например, финский коммунист Куусинен».

Подобно большинству упоминаний о своем европейском прошлом, сделанных Зорге в тюрьме, это описание отдела, в котором он работал в Москве, намеренно неясно и вводит в заблуждение.

Со времени своего основания в 1919 году Коминтерн уже не раз подвергался административным переменам. Его внутренняя структура, в сущности, представляла собой копию партийной машины, построенной по советскому образцу. Это была всемирная партия с национальными отделениями — местными коммунистическими партиями, — основанная, согласно ее первоначальному уставу, «для того чтобы бороться за свержение власти международного капитала и за создание всемирной советской республики». Высшим органом Коминтерна являлся Всемирный конгресс, соответствующий национальным партийным съездам и в принципе собиравшийся ежегодно. На этом конгрессе избирался Исполнительный комитет, соответствующий центральному комитету национальных партий, который, в свою очередь, назначал Президиум. Первым председателем организации и номинальным главой Коминтерна был Григорий Зиновьев. В 1926 году его сменил Николай Бухарин.

Исполнительный комитет имел в своем распоряжении политсекретариат для исполнения принятых Исполкомом Решений. Среди членов этого секретариата, начиная с 1922 г. Да, был финский коммунист Отто Куусинен, а также Осип Пятницкий — оба эти имени Зорге часто называл в своих показаниях. Именно в их руках находилась верховная власть Коминтерна. С самого начала эта пара полностью узурпировала функции Всемирного конгресса как политического органа, а сама, в свою очередь, все в большей степени подчинялась Политбюро коммунистической партии.

Наиболее эффективным среди отделов, непосредственно подчиненных Центральному Комитету, было Организационное бюро (Оргбюро), возглавляемое Осипом Пятницким, старым большевиком с репутацией человека жесткого и несгибаемого, который начинал свою карьеру с контрабандной перевозки подпольной газеты, издаваемой группой Ленина, из Швейцарии в Россию еще до 1905 года. И вот теперь он ревниво охранял свою империю. Кроме всего прочего, был он и членом секретариата Коминтерна.

Организационное бюро было создано на IV Конгрессе Коминтерна в 1922 году, и Исполком Коминтерна переложил на новый отдел ответственность за всю нелегальную работу за

границей, которая включала в себя и организацию подпольных ячеек для ведения подрывной деятельности с использованием партийных аппаратов местных коммунистических партий. Такое административное решение привело к созданию особой подсекции Оргбюро — секции международных связей (СМС) — для ведения непосредственно подпольной деятельности. СМС была, вероятно, основана одновременно с самим Оргбюро. О ее существовании вскользь упоминается в документах Коминтерна, относящихся к 1923 и последующие годам, а затем над этой темой опускается завеса официального молчания.

Главной функцией секции международных связей было служить связующим звеном между Исполкомом Коминтерна и его ведущими региональными отделениями, т. е. коммунистическими партиями за границей. СМС, в сущности, представляла собой секретный «аппарат», посылавший за рубеж специальных агентов для передачи денег и инструкций руководителям местных партий. Это была тайная подпольная «дорога жизни» Коминтерна, настолько глубоко законспирированная, что о ней не упоминалось в открытую даже в Москве. Ее агенты выходили на связь о помощью курьеров, и отчеты о выполнении их миссий давали необходимый разведывательный материал о положении в зарубежном коммунистическом мире. Само существование национальных партий целиком зависело от функционирования этого канала[20].

Именно в эту секцию наверняка и завербовал Ману-ильский Зорге во время своей поездки во Франкфурт, и вполне вероятно, что, даже не сознавая этой связи, Зорге и раньше вступал в контакты с СМС через посредство Главного европейского бюро в Берлине — как местного получателя коминтерновских денег для Рейн-Вестфальского филиала Германской коммунистической партии. Кроме своей работы в подобном заведении, Зорге в Москве время от времени писал статьи для «Inprecoit» — журнала, издаваемого Коминтерном. Во время расследования, проведенного германской полицией, названо восемь статей, подписанных или «И. К. Зорге», или псевдонимом «Р. Зонтер» и опубликованных в период между 1925–1929 гг. Одна из самых ранних брошюр появилась в Германии под названием «План Дэвиса и его последствия», а в 1928 году книга была опубликована в Гамбурге и Берлине под псевдонимом «Р. Зонтер» и называлась она «Новый германский империализм»[21]. Согласно германским источникам, Зорге в этом контексте можно идентифицировать как «Зонтера». Сам Зорге в своих первых показаниях заверил японцев, что он действительно пользовался этим псевдонимом во время работы в Информационном отделе в

Москве. Таким образом, одним из аспектов деятельности Зорге в этой секции Коминтерна была публицистическая и исследовательская работа.

Сохранилось несколько свидетельств, по которым можно судить о пребывании Зорге и его жены в эти дни в Москве. Он уже не был членом Германской коммунистической партии, а был коминтерновским аппаратчиком, и редко, вероятно, согласно инструкции, посещал немецкую коммунистическую группу в русской столице. Один из лидеров Германской компартии Генрих Брандлер помнил его как активного члена Немецкого клуба — общественного Центра немцев, изгнанных в Москву, и немецкоговорящих сотрудников Коминтерна. В своей недавно появившейся в советской прессе статье он пишет, что в период с 1925 по 1929 год Зорге занимался «партийной работой» и был председателем Немецкого клуба, где «активно оппонировал Троцкому».

В 1926 году Зорге ездил в отпуск на Кавказ и побывал в доме своего отца, где он родился. Дом превратили в Дом отдыха, чему Зорге был искренне рад и о чем не преминул поведать в письме своей семье и матери. Кристиана с подругой уехала на курорт в Сочи, расположенный на Черном море, куда муж ненадолго к ней заезжал.

Кристиана Зорге работала в качестве ассистента над рукописями Маркса в Институте Маркса — Энгельса. Но она так и не привыкла к своему новому советскому окружению, которое она нашла мрачным и угнетающим. Появились и настораживающие признаки в поведении мужа — он казался беспокойным, много пил, похоже, что у него были связи с женщинами. Благонадежность самой Кристианы основывалась исключительно на ее лояльности к мужу, а никак не на ее собственных политических убеждениях. Богемное окружение иностранной колонии в Москве в середине 20-х годов не могло заменить ей Германию. В колонии у нее было прозвище «буржуйка» — и на фоне все возрастающего пренебрежения со стороны мужа, о работе которого она не знала ровным счетом ничего, за исключением того, что работа проходила «в офисе», которого она тоже ни разу не видела, Кристиана все свое время делила между институтом и одинокими походами по театрам и музеям или чтением книг, взятых в скудной библиотеке Немецкого клуба. В отличие от своего мужа, который никогда ни единым словом не обмолвился о превратностях политического климата в Москве, Кристиана прекрасно все сознавала и резко отзывалась об усиливающихся сталинских притеснениях и слежке. И в институте и в отеле «Люкс», она замечала растущую

нетерпимость и нежелание людей вступать в какие-либо беседы. Кристиана чувствовала вокруг себя полную изоляцию — даже бывшие друзья избегали ее общества.

В октябре 1926 года она решила уехать из Москвы, оставить мужа и вернуться в Германию. Ей выдали ее германский паспорт, и однажды поздно вечером Рихард Зорге проводил жену на железнодорожный вокзал. И больше нигде и никогда он не упоминал о ней. Верность кому-либо персонально и дальнейшие связи с прошлым, похоже, были отброшены.

Зорге утверждает, что в феврале 1927 года ему было приказано отправиться с миссией в Скандинавию под партийной кличкой «Иоганн» и что это была общая операция, организованная Информационным отделом и Оргбюро. Его задачей было «заниматься разведывательной деятельностью в отношении скандинавских коммунистических партий, экономики этих стран и политических проблем, а также любых важных событий, которые могут произойти». Позднее, в ходе следствия в Японии, Зорге добавил, что у него была и другая задача, а именно — сравнить относительное влияние скандинавских коммунистов и социал-демократов в каждой стране.

Перед отъездом, в период между февралем и мартом он побывал на четырех кратких встречах в Москве с заинтересованными представителями Коминтерна, включая и членов политического секретариата. После чего он, похоже, уехал в Берлин, где провел месяц, занимаясь «исследованиями». По словам Зорге, они заключались в овладении скандинавскими языками и обзаведении «крышей» в виде редакции неустановленного социологического обозрения. Более вероятно, что он устанавливал там контакты с секцией международных связей (СМС) Коминтерна, чтобы организовать курьерскую связь для обеспечения своей миссии.

Согласно его отчету, летом 1927 года он встречался с руководителями Датской компартии, потом отправился в Швецию, где провел три месяца, изучая местные условия, консультируя Шведскую компартию по вопросом пропагандистской работы и создания партийных ячеек на предприятиях. По пути в Норвегию он остановился в Копенгагене, где занимался подобной работой и где пробыл до июня 1928 года, после чего вернулся в Берлин, чтобы «отправить множество отчетов».

Кай Мольтке, в то время член Датской коммунистической партии, недавно опубликовал статью, которая бросает свет на скандинавскую миссию Зорге, хотя, как и все другие источники, добавляет путаницы в хронологию. По словам Мольтке, Зорге

прибыл в Копенгаген в начале 1928 года. Его миссия не имела «ничего общего с разведслужбами или шпионажем, хотя он и был послан как инструктор Коминтерна». Он читал лекции в партийных ячейках, подчеркивая, что датские коммунисты могли бы выжить лишь в случае установления тесных связей с крайне левыми элементами в профсоюзах.

«Умение Рихарда Зорге продумать все аспекты своей работы было необычайным. В его поведении не было ни намека на нелегальное положение или конспирацию. Во время своих визитов в трудные районы портов и фабрик Копенгагена он любил доказывать, что «может выдуть пива не меньше, чем матрос, докер или цементник, или демонстрировал свою физическую силу как борец».

Оставшиеся в живых бывшие члены Шведской компартии уверяли, что Зорге вовсе и не был в Швеции в 1927 году. А записи немецкой полиции говорят, что д-р Рихард Зорге находился во Франкфурте между августом и октябрем 1927 года, а потом якобы убыл в Берлин. Это небольшое свидетельство, полученное во время расследования, проведенного германской полицией в 1942 году, наводит на два предположения, которые на данном этапе можно поставить под сомнение. Каковы бы ни были в тот период истинные функции Зорге в Москве, вполне вероятно, что он был достаточно хорошо осведомлен о структуре Коминтерна, чтобы высказать правдоподобное мнение о таких ведущих фигурах, как Куусинен и Пятницкий, а также о структуре других его секций. Была ли скандинавская миссия придумана, чтобы скрыть какую-то тайную операцию, которая на самом деле проводилась им в Германии и даже, возможно, под контролем совсем другого агентства, такого, как, например, советская военная разведка, с которой, как заявлял Зорге, он имел дела еще до своего прибытия в Москву в 1925 году? Зорге признал, что находился в Берлине в марте-апреле 1927 года, где располагался центральный офис, ведавший всей советской нелегальной деятельностью в Германии и возглавлявшийся руководящим советским функционером Мировым-Абрамовым. Функционер этот числился как пресс-атташе при советском посольстве и подчинялся Пятницкому как представитель СМС — нервного центра тайных операций Коминтерна, занимавшегося главным образом техническими проблемами — такими, как паспорта, подбор безопасного жилья (как это делал Зорге во Франкфурте для советской делегации в апреле 1924 года) и передача денежных средств западноевропейским коммунистическим партиям. Находясь во Франкфурте, Зорге, вероятно, вы-поднял распоряжения Мирова-Абрамова, и вполне вероятно, что весь его отчет о скандинавской

миссии в целом был предназначен просто для того, чтобы скрыть совершенно другую миссию в Германии, предпринятую им В 1927–1928 it.

Второй вопрос, который встает в данном случае и на который невозможно ответить, — это вопрос о том, что тот д-р Рихард Зорге, которого германская полиция зарегистрировала как находившегося во Франкфурте в 1927 году, был совсем другим человеком, а вовсе не советским функционером, работавшим в Москве и выполнявшим таинственную миссию за границей. Еще более странной кажется запись в тех же франкфуртских архивах, показывающая, что д-р Рихард Зорге уехал в Америку 2 февраля 1926 года. Так же неясен и не поддается проверке намек Зорге на то, что одно время он находился в Калифорнии и недолго работал там на киностудии. Единственное, в чем он признался, так это в том, что он посещал Соединенные Штаты по пути в Японию в 1933 году.

В любом случае, его якобы визит в Норвегию так же не находит подтверждения в других источниках, по крайней мере, по срокам, указанным им самим. Недавно появившиеся в Норвегии данные категорично утверждают, что если Зорге и приезжал вообще с какой-то миссией, то это могло быть до 1925–1926 гг., и самое позднее — в 1927 г. Есть данные, показывающие, что в Скандинавию примерно в это время была отправлена оперативная миссия с деликатной целью содействовать «мирному разводу» между Норвежской коммунистической партией и организацией «Мот Даг» — левого крыла некоммунистически настроенной группы норвежской интеллигенции. Переговоры на эту тему велись весной 1928 года самим Куусиненом и были продолжены специальным функционером Коминтерна немцем Рихардом Гайптнером, в то время оргсекрета-рем Западноевропейского бюро в Берлине, с которым Зорге, конечно же, поддерживал связь, равно как и с офисом СМС[22]. Однако Зорге, должно быть, сопровождал Гайптнера в Норвегию в то время или же был занят совершенно другой миссией. У нас есть фотография Зорге, На которой его рукой написано «Осло, апрель 1928».

Согласно отчету самого Зорге, в Москву он вернулся как раз вовремя, чтобы присутствовать на VI Всемирном конгрессе Коминтерна, который открылся в июле 1928 года.

Статус этого съезда был ниже, чем статус Всемирного конгресса его представителей, который должен был собираться ежегодно. Волна битв между советскими руководителями за контроль над ленинским наследством спутала все ранее запланированные мероприятия. С момента смерти Ленина в январе 1924 года Москва была местом ожесточенных сражений за

наследование высшей власти, и борьба эта не ограничивалась лишь центральным партийным аппаратом, но затрагивала и Коминтерн, и каждую коммунистическую партию вне России — даже на фоне поражения октября 1923 года в Германии и отказа от идеи мировой революции. Нет никаких ссылок в каких-либо поздних заявлениях Зорге или в недавних «откровениях» в Москве на эти исторические события.

Одним из результатов этой безжалостной борьбы стало решение отказаться от идеи немедленной коммунистической революции в Западной и Восточной Европе и сосредоточиться на строительстве фундамента объединенной Европы, опираясь на профсоюзы и коммунистические ячейки на предприятиях в каждой стране, строго контролируемые национальными компартиями, с тем чтобы исключить влияние социал-демократов, этих «социальных фашистов», и ориентироваться на Советский Союз.

К 1928 году Сталин окончательно победил в борьбе за власть, и в июле в Москве собрался Всемирный конгресс Коминтерна — впервые с 1924 года. Отныне Сталин контролировал не только советскую государственную машину. Был также ускорен процесс «большевизации» национальных партий за границей. «Левая» оппозиция тотальному подчинению советской политике и интересам выступила против и потерпела поражение в рядах самой влиятельной и могущественной партии за пределами Советского Союза — германской. Как писал Зорге в одном из своих показаний на следствии, «надежды на грядущую мировую революцию были отложены». Сталин был готов отказаться от планирования мирового революционного движений и сконцентрироваться на строительстве «социализма в одной стране». И потому активность Коминтерна, теперь, по-существу, агента советской политики за границей, в отношении национальных партий, где бы они ни действовали, была ограничена организационными задачами, связями с профсоюзами, воспитанием руководства и установлением намеренно враждебных отношений с социал-демократическими группами в Западной Европе.

Таковы были условия, в которых сформировалась основа той краткой миссии, которую Зорге якобы совершил в Скандинавию. И он действительно утверждал, что присутствовал на Конгрессе «как член Скандинавского секретариата»» и специалист по делам Северной Европы под партийной кличкой «Зонтер».

Однако еще более важными, чем «новый курс» в отношении Западной Европы, были теперь особо подчеркиваемые в течение 1928 года дебаты на Конгрессе Коминтерна, который тянулся с

июля по сентябрь, о главной угрозе безопасности Советскому Союзу на Дальнем Востоке и в Азии, которую представляли собой империалистические страны — Великобритания и Соединенные Штаты. Одним из главных документов, принятых конгрессом, была резолюция «О революционном моменте в колониях и полуколониях». Есть немало оснований полагать, что Зорге приложил руку к написанию этого документа, представленного Бухариным. Согласно одному неподтвержденному свидетельству, Зорге годом раньше также путешествовал по советской Центральной Азии и Персии, и вполне возможно, что именно в это время и сформировался окончательно его интерес к дальневосточным и азиатским делам.

Внешне в работе Зорге не произошло каких-либо изменений. После закрытия Конгресса Коминтерна в сентябре 1928 года, сообщил он японской полиции, он вернулся в Скандинавию и сначала отправился в Норвегию, где «партийные проблемы серьезно осложняли разведывательную работу в области политики и экономики».

Данные, полученные от бывших членов Шведской коммунистической партии, подтверждают, что именно в то время Зорге был в Стокгольме, а не в 1927 году, как ˚н сообщил в своем «признании». Шведская партия была расколота на левую и правую фракции — ив начале 1929 года произошел окончательный разрыв. Зорге был известен своим шведским коллегам как «член Оргбюро, занимавшийся исключительно организационными проблемами». Сам он был скорее склонен к компромиссу в отношениях между крайне правыми и крайне левыми точками зрения в национальных партиях. Его описывают как «интеллектуала, немногословного и державшегося слегка в стороне, несмотря на то что его послала Москва».

Так что вполне вероятно, что он прибыл в Швецию со своей миссией вскоре после произошедшего осенью 1929 года раскола, когда ослабленная коммунистическая партия нуждалась в советах и помощи в решении организационных вопросов. Один шведский очевидец предполагает, что Зорге, возможно, дважды бывал в Швеции, но сомневается, что первый свой визит он нанес ранее 1929 года. Однако не подлежит сомнению, что он бывал в Швеции позднее.

Еще одно свидетельство опубликовано недавно в датской прессе Рихардом Йенсеном, бывшим кочегаром угрюмой внешности и экс-членом Датской коммунистической партии, оно проливает некоторый свет на вторую скандинавскую миссию Зорге. «Я помню Зорге так, словно это было вчера. Теперь я знаю, что он и есть тот самый «Иоганн». Руководители Датской

компартии в то время, похоже, думали, что Зорге приехал со своей миссией из Германии, но когда он получил назначение в эту страну, мы (Зорге и Йенсен) вместе ездили в Москву в конце J928 года или в начале 1929-го». Описание, данное Йенсеном, работы Зорге подтверждает версию, изложенную самим Зорге. Что-де миссия его состояла в «специальной помощи в проведении реорганизации всего партийного аппарата», чтобы переключить его внимание с небольших «уличных ячеек» по месту жительства на партийные ячейки на заводах и фабриках. Зорге был «высоким, стройным и очень интеллигентным человеком». Они с Йенсеном вместе ходили в порт и посещали морские клубы. На каком-то этапе в 1929 году Зорге послали с миссией в Англию. Его задача была очерчена на предварительном общем инструктаже в Москве. Советские власти время от времени изучали обстановку на британской политической сцене. Сам Сталин выражал оптимизм относительно возможностей неофициального англо-советского сотрудничества в области профсоюзной деятельности. В 1926 году был создан Объединенный комитет англо-российского торгового союза, и появилась надежда раскачать британское рабочее движение, самое консервативное в Европе, и добиться его активного сотрудничества с советскими партнерами.

Всеобщая забастовка, разразившаяся в мае 1926 года, вызвала временное изменение в отношениях с Советами. Однако провал забастовки озлобил как руководство, так и рядовых членов профсоюзов, и Британская коммунистическая партия переживала серьезный упадок. Партийная конференция в январе 1929 года показала, что в партии осталось всего лишь 3500 членов. Однако экономический кризис этого года, похоже, открыл возможности для оживления советской активности в Англии, и потому потребовалось специальное расследование на месте.

Похоже, что Зорге, еще будучи в Скандинавии, получил инструкции отправиться в Англию, чтобы «изучать рабочее движение, положение коммунистической партии, а также политические и экономические условия в Британии в 1929 году. Инструкции предписывали мне оставаться строго в стороне от внутренних партийных распрей, что полностью совпадало с моими личными желаниями и позволяло посвящать больше внимания политической и экономической разведработе, чем это было возможно в Скандинавии»[23].

История советского шпионажа в Британии в 20-е годы весьма впечатляющая. Дело с письмом Зиновьева и налетом полиции на Советскую торговую миссию в мае 1927 года привело к разрыву дипломатических отношений между Советским Союзом и правительством Болдуина. Британские службы безопасности,

имевшие опыт в борьбе с подобной советской деятельностью, проявляли настороженность, и работа советского агента в Британии была более рискованной и требовала больше полагаться на свои силы, нежели в Скандинавии. Для Зорге это было внове, и скупые объяснения, данные им в Японии, мало что приоткрыли в обстоятельствах его жизни в Англии. Его собственный отчет немногословен. Он-де ездил в угледобывающие районы и «сам видел, насколько глубок был кризис».

Зорге утверждал; что прибыл в Англию весной 1929 года и оставался там примерно около десяти недель[24]. «Моей целью было изучение британской политики и экономики, но поскольку депрессия стольких людей лишила работы, что всеобщая стачка казалась неминуемой, я также решил провести исследование — в случае, если всеобщая забастовка вдруг начнется». Забастовка разразилась на угольных шахтах, и Британская компартия предприняла попытку сотрудничества с лейбористской партией, но последняя призвала сначала положить конец спорам.

Зорге «докладывал обо всех этих делах в Коминтерн». Один очевидец уверен, что частью его «миссии была работа в армии по сбору военной информации и распространению подрывной пропаганды». Он описал его деятельность, как особо опасную, и сказал, что он бы получил до двенадцати лет тюремного заключения, если бы попался. Зорге вынужден был вести уединенную жизнь на весьма ограниченные средства и избегать женского общества. «Только подумай, избегать компании этих стройных, длинноногих английских девушек».

Ясно, что Зорге никогда не контактировал с членами Политбюро британской компартии за все время пребывания в Англии. Не выступал он и в роли эмиссара Коминтерна. Специальным сотрудником, поддерживающим связь между Москвой и Лондоном в то время был русский по имени Петровский, известный в Англии под именем «Беннет» или «Браун». Так что если Зорге вообще был в Англии, то ездил он с отдельным разведзаданием, и в таком случае имел ясные и четкие инструкции избегать связей с Британской компартией.

На обратном пути из Англии в Москву Зорге остановился в Берлине, пребывая в уединении и в состоянии депрессии, столь знакомом его немногочисленным близким друзьям. С 1927 года шли нескончаемые перемены в секциях и бюро Коминтерна. В письме, написанном в феврале, Хамберт-Дроц, швейцарский коммунист и заметная фигура в коминтерновской иерархии, писал Тольятти в Италию, что в московских офисах Коминтерна осталось совсем немного нерусских. Большинство иностранцев

(подобно Зорге), были отправлены за границу с различными миссиями. Куусинен был задвинут на «региональную и издательскую работу», исключающую какую-либо политическую ответственность. Бухарин был «занят русскими делами» и хотя и противился русификации Коминтерна, но был слишком занят, чтобы разбираться в проблемах этой организации.

Теперь Зорге уже знал, что отчеты, которые он посылал из Скандинавии и Англии через берлинскую курьерскую службу, игнорировались и оставались непрочитанными. В беседе с другим дожившим до наших дней свидетелем в Берлине он якобы сказал: «Уже давно, с тех пор как ушел Бухарин, никто не заглядывал в мои отчеты».

Он прибыл в Берлин, испытывая недостаток в средствах и пребывая в напряжении, вызванном опасностями нелегальной работы. В беседе с одним из очевидцев он взорвался: «Эти свиньи! Как я их ненавижу! Это пренебрежение, равнодушие к человеческому страданию и чувствам!» Он был шокирован таким унижением и обдумывал разные виды мести. «По крайней мере, они могли бы уделить мне должное внимание. И они не платили мне месяцами!»

Этот период его пребывания в Берлине и способ возвращения обратно покрыты мраком — возможно, намеренно. У одного источника, который встречался с Зорге на тайных собраниях членов Германской компартии, осталось впечатление, что он был «kaltgestellt» — жаргонное словечко, обозначавшие членов партии, которые балансировали между выполнением разовых миссий и безработицей. Зорге был в шоке от жестокой реальности, и что-то сломалось в нем в то время. Он обнаружил, что он — еще один из армии лишенных иллюзий, незаметная жертва не знающих жалости сил, борющихся на московской политической сцене.

Эти сообщения об умонастроениях Зорге в Берлине в 1929 году дают основания полагать, что он пережил серьезный кризис духа, никак, не отраженный в изложенной им «официальной версии» срыва его карьеры в этом году. Вероятно, однако, что какого-то рода важная брешь возникла в жизни Зорге после его возвращения в Москву в мае или июне 1929 года[25].

«В ходе детальных, подробных допросов, проведенных дознавателем Йосикавой, мне с трудом удалось осветить те запутанные и сложные перемещения, затронувшие мое непосредственное начальство в Москве. Я подробно изложил здесь, что до 1929 года именно Коминтерн был моим «московским начальством» (т. е. Центром) и что после 1929 года мой «порядок подчиненности» подвергся кардинальным изменениям, связанным с изменением ситуации в мире.

Попытайся я охватить весь этот запутанный и сложный материал в первых допросах, проведенных полицией, это, безусловно, привело бы к путанице и задержкам».

Степень созданного таким образом затруднения наводит на серьезные размышления.

Похоже, Зорге не указал даты своего возвращения в Москву (май или июнь 1929), чтобы избежать подозрения в существовании какой-либо связи между полным изменением его собственного положения, отставкой Бухарина с комин-терновских постов в ноябре и сбоями в коминтерновской машине. В одном месте он, похоже, подтверждает слова о взрыве своего недовольства в Берлине: «Коминтерн не интересовался полученной от меня политической информацией»; однако на протяжении всего следствия, проведенного японцами, Зорге продемонстрировал завидное мастерство в сокрытии истинной природы прекращения его отношений с этой организацией, начавшихся в эйфорической атмосфере коммунистических салонов Франкфурта образца 1924 года.

Для его собственного объяснения характерно не только наличие тщательно продуманных пропусков в информации, но и вполне сознательное приукрашивание своей роли — черта, развившаяся в нем в тюрьме.

«По возвращении в Москву я представил Информационному бюро (предположительно СМС) не только обычный отчет, но также и достаточно откровенный анализ того, что не так в моих информационно-собирательных поездках и изучении тех стран, которые я посещал. И кроме этого, я представил следующие основополагающие предложения…» Суть этих предложений — в разделении СМС и шпионских организаций, связанных с политическими, экономическими невоенными проблемами. «И далее я предложил, что Москве следует решительнее, чем это было в прошлом, развести таких агентов-шпионов в зарубежных странах с организациями Коминтерна, с тем чтобы быть уверенными, что степень отделения отвечает требованиям секретности».

На последующих допросах Зорге объяснил японцам, что он предложил Пятницкому такие изменения, «поскольку был уверен, что шпионаж, который мне нравился и для которого, думаю, я был вполне пригоден, был бы невозможен в тесной структуре партийной деятельности… Мой характер, вкусы и устойчивые предпочтения — все вело к политической, экономической и военной разведке, как можно дальше от партийных споров».

Касаясь огромных упрощений в оценке одновременного кризиса в Советском Союзе и в Коминтерне, Зорге продолжает:

«В действительности произошел сдвиг центра тяжести: от Коминтерна к Советскому Союзу. Пятницкий был согласен, что, возможно, я не гожусь для партийной работы, что скорая мировая революция — не более, чем иллюзия, и что мы должны сосредоточиться на защите Советского Союза. Вот почему я покинул Коминтерн».

Глава Оргбюро и всех его вспомогательных секций Осип Пятницкий был центральной фигурой в организациях Коминтерна. И «совет», данный ему Зорге, если таковой вообще был дан, был и наивным, и ненужным.

Действительно, в 20-х годах функции Коминтерна значительно расширились, но оказались достаточно неопределенными, как и его отношения о советскими государственными властями. Слишком многое здесь зависело от личности, энергии и честолюбивых устремлений отдельных индивидуумов. Все секции Коминтерна в Оргбюро, а с ними и в СМС, находились в тесном контакте о советскими службами безопасности и разведкой Красной Армии. Даже Зорге вскользь упоминает об общих заседаниях этих органов.

После кризиса 1929 года и установления абсолютного сталинского контроля над советским правительственным аппаратом, службы безопасности усилили свое проникновение в администрацию Коминтерна, начавшееся в апреле 1925 года, и было бы вполне логичным, если бы именно организация Пятницкого стала их первой мишенью. Независимо от мотивов, переход Зорге в разведку Красной Армии вполне мог быть инициирован самим Пятницким или произошел благодаря его связям и с его помощью.

Краткое описание Зорге его деятельности в период между 1925 и 1929 годами было, пусть неохотно, но передано японскими властями германскому посольству в Токио вскоре после завершения первых этапов следствия по делу Зорге. 2 января 1942 года эта информация была передана по телеграфу послом Оттом в Берлин вместе с комментариями полковника Мейзингера, гестаповского атташе и полицейского специалиста по коммунистическим делам. Во время ареста Зорге и Клаузена Мейзингер находился в поездке по Китаю. Отт срочно вызвал его в Токио, чтобы он занялся расследованием этого дела, и Мейзингер предпринял безуспешную попытку добиться немедленного освобождения арестованных, но потерпел в этом неудачу, как и в попытках встретиться с самим Зорге в тюрьме.

Анализ показаний обоих арестованных, неохотно переданных японскими властями немецкому посольству, вызвал профессиональный скептицизм у полицейского специалиста.

Мейзингер считал, что документы были подделаны и что в любом случае они были не закончены и не подписаны. Он составил список из сорока вопросов, которые были переданы японскому министру иностранных дел. Ответа не последовало.

По мнению Мейзингера в показаниях Зорге содержались «некоторые неточности и противоречия», и Мейзингер особо подчеркнул, что в них нет каких-либо конкретных подробностей, особенно, где дело касается дат, имен, местоположений, способов связи и вознаграждения. Показания частично представляли собой частично набросок, а частично — неверное изложение фактических и организационных вопросов. Он считал сомнительным, что автор этих показаний на самом деле был знаком с разведывательной службой Коминтерна.

Германские службы безопасности в Берлине попросили проверить эти утверждения. В конце января они доложили, что в отношении московских лет, «ничего не известно о том, работал ли Зорге в Информационном отделе Коминтерна с 1925 по 1929 под псевдонимом «Зонтер». Так же, как неизвестно, ездил ли он по заданию Коминтерна в Скандинавию в 1927 году и присутствовал ли на Конгрессе Интернационала в Москве». Здесь следует читать «Шестой (не Второй, как указано в показаниях) Всемирный конгресс Коминтерна», проходивший в Москве с 17.7 до 1.9.28.

Согласно «проверенным источникам» — Зорге, который описан, как находившийся в непримиримой оппозиции к Сталину, работал с 1925 по 1929 год в качестве личного секретаря ведущего советского представителя коммунистической оппозиции в России… (Он) также сообщил, что выполнял некоторые функции в советской коммунистической партии, но был освобожден от них в результате спора с группой Бухарина в Коминтерне[26].

В собрании изданий Коминтерна, имевшихся в распоряжении немецкой полиции, оказалось возможным идентифицировать некоторые статьи, написанные «И. К. Зорге» и «Р. Зонтером».

«Вполне вероятно, что д-р Рихард Зорге действовал под этими двумя псевдонимами, особенно, как он сам утверждал, когда работал в Информационном отделе. Если показания Зорге содержат пробелы и не выражены на обычном языке Коминтерна, это, вероятно, из-за той манеры, в которой он писал отчет».

Таков был скудный результат запроса, сделанного в германскую полицию относительно московского периода Зорге, но он содержит одну значительную вещь, а именно: Зорге, возможно, был связан каким-то образом с Бухариным и правой оппозицией. Действительно, сам Зорге в одном случае описал

себя лишь как «что-то типа личного секретаря Бухарина» и сообщал, что он, Зорге, «спорил по политическим проблемам с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, которые решительно порвали в то время с Коминтерном». Это ловкое ложное объяснение неудач группы Троцкого, проигравшей Сталину в битве за верховную власть над советской государственной машиной, в то же время обнажает природу любых политических отношений, если таковые когда-либо существовали, между Бухариным и Зорге. Последующее внезапное упоминание об «изгнании фракции Троцкого» нисколько не проясняет собственную позицию Зорге в этих спорах. Однако уход Зорге с его поста в Коминтерне совпал со смещением Бухарина о поста председателя Исполкома Коминтерна в июле 1929 года и его окончательной опалой и изгнанием из Политбюро в ноябре того же года.

За напыщенным описанием своей деятельности, написанным для японцев, Зорге скрыл, однако, следы этого кризиса в своей жизни. Он не дает никаких личных объяснений своему «добровольному» переходу, и лишь одна знаменательная фраза намекает на напряжение и страхи, охватившие Москву вскоре после победы Сталина. В исправлениях и добавлениях к первоначальным показаниям, написанных в осторожной и уклончивой манере, Зорге говорит о тех многочисленных иностранцах в Москве, которые работали раньше в Коминтерне «или в подобном аппарате» и которые ушли (подобно ему самому) в «советский аппарат или экономические агентства». Многие из этих иностранцев ныне считали, «что Коминтерн утратил свою важность и необходимость».

В другом случае манера изложения Зорге — образец далеко просчитанного искажения.

«Радикальные перемещения и подвижки на ключевых постах в других (не русской) партиях из-за внутрипартийных споров и гонений, вызванных сильными колебаниями и частыми ухудшениями в качестве и опытности национальных лидеров; в результате всего этого руководители Советского Союза были вынуждены больше уделять внимания политике Коминтерна».

Российская коммунистическая партия с помощью Коминтерна «успешно выполнила свою главную задачу — создание социалистического государства». Волна мировой революции стала спадать «уже в 1928–1929 годах, особенно в Китае». Международное рабочее движение перешло в глухую оборону. Жизненно важной задачей отныне стала защита процесса построения социализма в Советском Союзе. «Троцкизм, неприменимый к каким-либо практическим целям, был разжалован до положения пустой темы для бесед

интеллектуалов». У Коминтерна больше не было независимого руководства, которое могло бы игнорировать русскую коммунистическую партию, как «когда-то это делал Зиновьев», однако это было ошибочным мнением, распространенным среди небольшого меньшинства коммунистов, что Коминтерн-де устарел и вышел из моды. Руководящее положение советской партии не было «конечно, ни неизменным, ни постоянным». Другие национальные партии должны были постепенно захватить власть, и «нынешнее господствующее положение Коммунистической партии Советского Союза должно было рассматриваться как временное».

Подобный анализ политического климата в Москве в 1928–1929 годах вполне мог быть продиктован сталинской политикой в отношении членов русской оппозиции. Реагировал ли Зорге подобным образом, пока находился в Москве? Или поверил в официальную версию под воздействием своей секретной работы за границей и продолжал цепляться за это убеждение в одиночестве тюремной изоляции? Или он выдумал свою веру в сталинскую правоту в надежде быть обмененным?

Любая попытка проанализировать достоверные исторические условия, истинную природу революционного изменения в организационных связях и лояльности Зорге в дальнейшем затуманивается недавними высказываниями в различных статьях, появившихся в советской прессе. Согласно этой тщательно синхронизированной версии, Зорге после своего вступления в советскую Коммунистическую партию в Москве в марте 1925 года в течение нескольких последующих лет бодро и радостно занимался «научной деятельностью» — т. е. писал статьи и книги по германским проблемам и был президентом Немецкого клуба, верноподданно изгнавшим подозреваемых последователей Троцкого из среды немецкой колонии в Москве.

Рихард Зорге, голословно утверждается в другом недавнем советском опусе, написал личное заявление о своей прошлой жизни в партийной ячейке в Москве, в которой он состоял, в 1929 году, в год, когда он написал свою автобиографию и заполнил анкету». Последний документ, как это было принято, он должен был бы заполнить еще в 1925 году, в момент вступления в партию, и странно, что любые другие документальные свидетельства о нем, которые стали нынче доступны советским журналистам в Москве, датированы 1929 годом, «годом, подведшим черту всему, что случилось раньше».

Другими словами, нет никакого намека на существование какой-либо связи между Зорге и Коминтерном или какого-то ключа к природе его деятельности в течение предыдущих четырех

лет, которую он кратко и умышленно туманно описал для японских следователей. Коминтерновская интерлюдия исчезла из его показаний, и Рихард Зорге выходит из московского сумрака лишь в том роковом 1929 году, чтобы сразу же оказаться в офисе генерала Яна Карловича Берзина, всевидящего и всезнающего главы 4-го Управления разведки Красной Армии.

Это придуманное объяснение, или отсутствие объяснения Предыстории вербовки Зорге в качестве сотрудника советской разведки наводит на размышления. Возможно, что подозрение Мейзингера было в конце концов верным, и Зорге никогда не работал в аппарате Коминтерна. Возможно, сам Зорге сказал больше, чем полуправду, когда заявил, что еще в начале двадцатых годов, в Германии, он встречался с агентами 4-го Управления. Возможно, что уже тогда он был завербован в советскую разведку и что его последующая работа в Москве и миссии в Скандинавию, Англию и, весьма вероятно, в Германию выполнялись лишь под прикрытием агентов Коминтерна. Во время его прибытия в Москву в 1925 году он, конечно же, заполнил обычную анкету и написал автобиографию еще до своего вступления в советскую партийную организацию, и копии этих документов ушли в 4-е Управление. Таким образом, вполне вероятно, что «дело» Зорге просматривали в офисе Берзина в 1929 году или благодаря вмешательству Пятницкого, или как часть известной процедуры в тот момент политического кризиса и беспорядков в советской машине, когда военные разведывательные власти протянули свою защищающую длань, чтобы спасти ценных и опытных иностранных коммунистов, которые были изгнаны сталинской политической полицией — ГПУ — из аппарата Коминтерна и «других агентств»[27].

В любом случае теперь, после тщательно спланированной технической подготовки Зорге должен был получить задание и отправиться на выполнение новой и особо трудной миссии под непосредственным контролем 4-го Управления в Китай. Миссия эта должна была стать частью масштабной разведывательной операции на Дальнем Востоке.

4-е Управление уже завербовало множество членов Германской компартии после срыва планов вооруженного восстания в Германии в 1923 году и доставило их в Россию для обучения и соответствующей подготовки. После решения Центра перенести главное усилие информационных, разведывательных и пропагандистских служб с Европы на Дальний Восток, во главе многих советских миссий и шпионских групп встали или вошли в их состав именно люди, завербованные в Германии и первоначально готовившиеся для подобной работы в Западной

Европе. Пути Зорге и многих из них пересеклись в Китае, где он вспомнил их как знакомых «еще по германским дням».

Перенос внимания советского руководства с Западной Европы на Дальний Восток представлял собой не что иное, как рискованное предприятие с целью изменить баланс сил в мире в свою пользу. Успешная революция в Китае, распространившаяся по всей Азии, разрушила бы превосходство западных капиталистических держав в Европе путем уничтожения их колониальных владений, что, в свою очередь, создало бы угрозу и экономике Соединенных Штатов.

Новое задание Зорге было лишь эпизодом в этой крупномасштабной операции, которая и с политической, и с разведывательной точек зрения была начата на фоне поразительных промахов и грубых ошибок.

Сам Зорге, похоже, рассматривал свою китайскую миссию, «которая была ужасно важна для меня лично», с облегчением и интересом. Было лишь «несколько политических наблюдателей», которые сознавали важность развития событий на Дальнем Востоке, и «уж совсем немного было тех, кто действительно мог адаптироваться в тех условиях».

«Во время моей первой встречи о генералом Берзиным наша беседа в основном сосредоточилась на том, насколько 4-е Управление как военная организация могла иметь отношение к политическому шпионажу, поскольку Берзин слышал от Пятницкого, что я интересовался такого рода работой. И после неоднократных встреч с Берзиным я получил в конце концов назначение в Китай». После первой же беседы Зорге «решает оставить Коминтерн. Я получил официальный документ, формально освобождающий меня в дальнейшем от каких-либо обязанностей, связанных с Коминтерном». Зорге утверждал, что остался, однако, при этом членом советской компартии и продолжал платить взносы, «но мои контакты с партийной ячейкой в качестве члена партии прекратились».

«У меня были личные беседы с Пятницким и Куусиненом об этом прожекте». Он также встречался и с Ману-ильским. «Эти коминтерновские руководители были моими старыми знакомыми и личными друзьями в течение долгого времени». А шпионская деятельность Зорге на Дальнем Востоке была в некотором смысле совершенно новой и «вызывала особый интерес моих старых друзей».

Постоянные ссылки Зорге на это трио высших коминтерновских функционеров и чиновников советской компартии, а также на его близкие отношения о ними не только демонстрируют его чувство собственной значимости, но также,

вероятно, предназначены для того, чтобы всячески скрыть изменения в балансе политической власти в Москве и скрыть свое полное подчинение 4-му Управлению, поскольку поначалу он настаивал, что не был его постоянным сотрудником, а лишь поддерживал связь его «специальными представителями».

На ранних этапах следствия Зорге был намеренно двусмысленным по причине личного характера в своих ссылках на высшее начальство, неопределенно называя его «московские власти» или «московский центр», а временами упоминая и Центральный Комитет советской компартии[28].

В своих более поздних показаниях перед японским судом первой инстанции Зорге признал, говоря об истинной природе своей деятельности, что «если быть точным, приказы для меня исходили не из «московского Центра», а из 4-го Управления Красной Армии. Я не хотел в моем заявлении прояснять мои организационные связи, и потому постарался как можно больше запутать эти сведения, камуфлируя суть общими фразами».

Далее он продолжает пояснять истинную причину, побудившую его к обману: «Я боялся, что, если я признаю, что работал на 4-е Управление, меня передадут Кемпей (японская военная полиция). Я слышал об англичанине Рэдмене, переданном туда[29]. Более того, я чувствовал, что полиция не поймет того, что я рассказал об отношениях между Коминтерном и Советским Союзом и советской компартией. В конце концов, когда в декабре 1941 года прокурор начал свои допросы, он не был уверен, что я работал на военную организацию».

4-е Управление Красной Армии подчинялось через Информационный отдел (в 1930–1934 — Секретный отдел, а после 1934 — Особый отдел) Центральному Комитету советской компартии, являясь одной из шести секций советской военной разведки, и его первейшей задачей было создание сети агентуры, шпионских групп и связей за пределами Советского Союза. Управление имело собственную школу для обучения шифровальщиков, радистов и диверсантов, независимую от других советских агентств, в частности, от Коминтерна и ГПУ. Однако в практике решения кадровых и учебных вопросов не было ничего необычного.

Генерал Ян Карлович Берзин, начальник 4-го Управления, был легендарной личностью революции. Его социальное происхождение было характерным для многих высших офицеров Красной Армии. Его настоящее имя Петер Куузис, и был он сыном бедного латышского крестьянина. Родился он в 1890 году и начал жизнь с батрачества. Закончив семинарию, он рано начал играть роль воинствующего боевика в рядах социал-демократической

партии. Он был арестован царской полицией и приговорен к смертной казни, но по молодости лет был помилован и отправлен на два года в тюрьму. Освободившись, Берзин занялся самообразованием и, похоже, прослушал курс политической экономии в Риге. С началом февральской революции для его политической и военной деятельности характерна некая двойственность. В октябре 1917 года он был членом Петроградской организации партии большевиков, потом, до весны 1919 года — заместителем министра иностранных дел Советской Латвии, когда военные успехи белых армий привели его к командованию Латышской стрелковой дивизией. Вскоре Берзин становится главным политкомиссаром другого соединения Красной Армии, где и началась его карьера в советских службах безопасности.

В ноябре 1920 года он становится начальником 4-го Управления Красной Армии[30]. Берзин был выдающимся человеком и к тому времени, когда Зорге встретился с ним, уже признанным мастером разведывательных операций и обладал личным опытом подпольной работы за границей.

У Берзина, вероятно, было досье на Зорге, начатое еще в бытность последнего в Германии и уж, конечно, со времени его прибытия в Москву. Опыт Зорге в качестве журналиста представлял особый интерес для 4-го Управления как отличное прикрытие для операций за границей и необходимое дополнение для политического наблюдателя. Его бесспорный и разнообразный военный опыт, возможно, имел еще большее значение.

Задание Зорге окончательно обрело форму после серии инструктажей. Все связи с недавним прошлым были оборваны. Он получил в 4-м Управлении новую кличку «Рамзай». «Я начал вести разведывательные операции в своем номере в отеле и в домах, расположенных в разных районах». Потом он поселился в отеле «Новая Европа», и сам Берзин или его помощники тайно посещали его там. В своем признании Зорге придает этому предварительному инструктажу патетическую важность. Была проведена также серия встреч с занимавшими ключевые посты чиновниками Коминтерна, представителями «других коммунистических организаций» и советской коммунистической партии и ее Центрального Комитета, а также с сотрудниками военной разведки. «Однажды два члена Советского народного комиссариата иностранных дел присутствовали на такой встрече, чтобы обсудить политический аспект моей разведывательной деятельности».

На одном из допросов в Токио Зорге спросили: «Вы посещали

встречи подготовительного комитета в вестибюле отеля «Новая Европа» или в обычном частном доме Москвы?» Зорге ответил, что не существовало вообще никакого подготовительного комитета. Берзин и некоторые другие принимали участие в беседах. В основном его инструктировали сотрудники Дальневосточной секции этой организации. Сам генерал Берзин консультировал его «по другим вопросам, относящимся к подробностям моей политической и экономической миссии. Он знал всех руководителей еще по партийному движению, и я знал, что он поддерживает связь по телефону с военными руководителями и ключевыми людьми в Центральном Комитете».

Окончательный инструктаж Зорге включал встречу с сотрудниками политической и шифровальной секций 4-го Управления, с тем чтобы привести в соответствие его основные директивы и технические детали поддержания связи его миссии с Центром. Последующие события показали, что Зорге, хотя и не был специалистом по радио, но тем не менее получил достаточную подготовку в области кодов и шифров.

Зорге предусмотрительно не называл имен каких-либо сотрудников, кроме Берзина, с которыми он теперь контактировал. В недавних статьях, появившихся в советской прессе, утверждается, как будто впервые, что непосредственно ответственным за дальневосточную миссию Зорге в 4-м Управлении был сотрудник этой организации «Алекс», чье настоящее имя было Борович, который работал в Дальневосточной секции 4-го Управления. Он был, по-ви-димому, «убежденный коммунисг-ленинец, служивший комиссаром в годы гражданской войны». Полковник Борович пришел на советскую службу из военного аппарата Польской коммунистической партии. Он был непосредственным руководителем Зорге по операции в Китае[31].

Сам Зорге так описывает свое задание: он должен был сосредоточиться на исследовании социальной и политической структуры Нанкинского правительства Чан Кайши, в особенности на его военной мощи, а также различных региональных групп и фракций в Китае, оппозиционных Нанкину, китайской политике в отношении Великобритании и Соединенных Штатов, и особо китайского сельского хозяйства и промышленности. Другими словами, перед Зорге, в сущности, стояла задача как перед политически и экономически опытным наблюдателем — подробно изучать ресурсы и политику правительства Чана. На основании этих данных советские власти смогли бы лучше оценить баланс сил в Китае между Чаном и коммунистами. 4-е Управление явно не имело в Китае никаких источников

разведанных о Нанкинском правительстве. Действительно, есть свидетельства, показывающие, что сеть советских связников и агентов совершенно развалилась и что миссия Зорге была частью общей попытки восстановить утраченные связи в Китае.

Советы не имели также никакой связи с китайской Красной Армией и внутренними районами, находившимися под контролем коммунистов, а истребление китайских коммунистов и руководства профсоюзов в прибрежных городах, особенно в Шанхае и Кантоне после разгрома 1927 года, вероятно, разрушило подобные контакты, хотя до сих пор за это отвечал главным образом Коминтерн и его агентства. В апреле 1929 года по обвинению в шпионаже были закрыты все советские консульства во всех жизненно важных районах Маньчжурии, в результате чего дипломатические отношения между Нанкином и Москвой были официально прерваны.

Кроме потребностей политической разведки, куда более настоятельной была необходимость восстановить радиосвязь, без которой не может функционировать никакая **шпионская** сеть, ограниченная в своих возможностях. **У** Зорге не было предварительного опыта в этой области, поскольку в своей европейской миссии он полагался на средства и возможности офиса коминтерновской секции международной связи в Берлине.

4-е Управление намерено было также восстановить свою сеть военной разведки и для этой цели, а также для того, чтобы уладить техническую сторону новой шпионской группы, базирующейся в Шанхае, и был назначен опытный агент, который должен был возглавить китайскую миссию, став непосредственным начальником Зорге.

Человек этот известен лишь по своей кличке «Алекс», и Зорге просто упоминает о нем, как «о старом ветеране 4-го Управления». Этот человек был завербован Бо-ровичем в Берлине и, как и Борович, был поляком.

К миссии «Рамзая» должен был присоединиться и радист для поддержания радиосвязи. При 4-м Управлении была своя радиошкола, но Зорге не бывал в ней, поскольку человек, назначенный в его группу, встречался с ним в Берлине. Зорге называл его Себером Вейнгартеном или «Вейнгартом».

«Теперь оставалось лишь подобрать «крышу» для самого Зорге. Он должен был выехать из Советского Союза по «своему подлинному паспорту, выданному на его имя германским правительством. В графе «род занятий» в паспорте значилось «журналист». В ноябре 1929 года он выехал из Москвы в Берлин — ибо именно здесь начиналась первая стадия его путешествия на Дальний Восток. В Берлине он подписал два контракта,

которые обеспечивали ему прикрытие в качестве свободного журналиста. Одно соглашение было заключено с издательским домом, издававшим социологический журнал. Другое — с сельскохозяйственной газетой — «Getreide Zeitung». Зорге планировал изучать сельское хозяйство Китая и надеялся использовать свои статьи для сельскохозяйственной газеты в качестве материала для книги. Через редактора этой газеты д-ра Юстуса Шлосса, который был другом Феликса Вейля, патрона Франкфуртского института общественных исследований, где Зорге работал в 1924 году, он получил рекомендательное письмо от Департамента прессы германского МИДа, датированное 28 ноября 1929 года, к германскому генеральному консулу в Шанхае.

Зорге покинул Берлин и отправился один через Париж в Марсель. Здесь к нему присоединился «Алекс», и уже вдвоем они сели на японский корабль. Радист Вейнгартен, находившийся по заданию 4-го Управления в Германии, сел на пароход еще в Гамбурге. Воя эта компания через Суэц, Коломбо и Гонконг направилась в Шанхай, где и сошла на берег в январе 1930 года[32].

Глава 3. МИССИЯ В КИТАЙ

У японцев скверная кожа, у коммунистов —
скверное сердце.

Чан Кайши

Город Шанхай — главный порт, обслуживающий долину реки Янцзы, и промышленный центр Китая в 1930 году был поделен на собственно китайский город, Международный сеттльмент, управляемый как экстерриториальный анклав Муниципальным советом, избранным Соединенными Штатами, Великобританией, Францией и Японией и охраняемый полицией этих стран, и отдельную французскую концессию. Это был город ярких контрастов и смешанной юрисдикции.

Через шанхайский порт проходили почти все грузы заморской торговли Китая, и именно Шанхай был центром, куда стекались почти все иностранные инвестиции, направляемые в страну. А в стороне от иностранной общины, китайских торговцев, банкиров, докеров и фабричных рабочих, лежал мир эмигрантов и подпольщиков, чувствовавших себя Достаточно безопасно в пределах международного анклава. Около двадцати пяти тысяч русских обосновались здесь после революции 1917 года, ведя по большей части неясное существование, перебиваясь случайными заработками и живя в маленьких мастерских, содержа рестораны и танцзалы. И среди них было много людей, завербованных разведывательными службами всех ведущих государств мира.

Шанхай также приспособили для своих нужд коммунисты, выбрав город в качестве центра китайской городской революции и разместив здесь Штаб-квартиру подпольного Центрального Комитета Китайской коммунистической партии, поддерживавшего хрупкие, ненадежные связи с недавно «освобожденными» «красными» районами Внутреннего Китая. Из-за краха надежд на немедленную революцию на Западе Шанхай в двадцатых годах стал модным местом, своего рода магнитом, привлекавшим толпы прогрессивных специалистов и советников из Европы и Соединенных Штатов, стекавшихся сюда в погоне за миражом грядущего триумфа революции в Азии.

Наряду о журналистами и свободными художниками, бизнесменами, занятыми экспортно-импортными операциями, торговцами оружием и военными авантюристами в Шанхай приезжали и профессиональные, обученные Москвой агенты,

многие из которых имели уже опыт неудачных экспериментов, поставленных Коминтерном, и работы в зарубежных советских агентствах в Германии и Западной Европе. Их задача теперь состояла в подготовке кадров для китайской революции, чтобы кадры эти ориентировались на Советский Союз и находились под его контролем.

Таков был фон, на котором Рихард Зорге и его помощники планировали выполнить свое задание, не засветившись.

10 января 1930 года два германских гражданина прибыли в Шанхай на японском судне. Они путешествовали по подлинным паспортам, выданным на их настоящие имена. Это были д-р Рихард Зорге и м-р Вейнгартен. Об их прибытии немедленно стало известно шанхайской городской полиции, которая, однако, не сразу узнала о существовании еще и третьего человека, руководителя всей компании. И надо признать, что и по сей день его настоящее имя так и не установлено.

«Алекс», старший в группе, должен был принять дела у людей из Красной Армии, действовавших в Шанхае, и с помощью Вейнгартена — специалиста по радио, восстановить регулярную радиосвязь с Россией, прерванную совсем недавно. И хотя шанхайская полиция довольно быстро отнесла Зорге и Вейнгартена к числу вероятных советских агентов, однако истинные задачи китайской миссии 4-го Управления так никогда и не были установлены.

В течение шести месяцев своего пребывания в Китае Зорге занимался подготовительной работой по организации шпионской группы, которая должна была базироваться в Шанхае, распространяя свою деятельность на весь центральный Китай, а также устраивал для себя журналистскую «крышу». И первое, что он сделал, — нанес визит в Германское генеральное консульство в Шанхае, о чем гласит запись от 17 января, — ровно через неделю после прибытия в Китай. В консульстве он представил рекомендательное письмо от департамента прессы германского МИДа в Берлине, датированное 28 ноября 1929 года и написанное в качестве рекомендации редактором немецкой сельскохозяйственной газеты д-ром Юстусом Шлос-сом, который пользовался поддержкой германского министерства продовольствия и сельского хозяйства.

Зорге объяснил сотрудникам германского консульства, что желал бы изучать сельскохозяйственные условия Китая, чтобы написать серию статей для газеты д-ра Шлосса. Его приняли без вопросов и снабдили несколькими рекомендациями на имя ведущих немецких бизнесменов в Шанхае, а также к другим консульским властям в Китае.

В последующем отчете сотрудник германского консульства, принимавший Зорге, особо подчеркнул, что ему были выданы рекомендательные письма к двум германским корпорациям — «Dyestuffs» и «Nitrogen», как лучшим местам для получения материала по сельскому хозяйству Китая. «Зорге тогда занимал меблированную комнату в одном из скромных пансионов и, очевидно, вел довольно уединенную жизнь. В адресной книге для немцев, живущих на Дальнем Востоке, указан его адрес: «Д-р Рихард Зорге, П. О. 1062, Шанхай», который был прекрасно известен шанхайской полиции.

Германское консульство в дальнейшем почти ничего не знало о деятельности Зорге, за исключением разве того, что он предпринял продолжительную поездку в глубь Китая и что одно время ходили смутные слухи, что он якобы связан с китайскими левыми.

Но все это выглядело довольно естественным на фоне его открытых журналистских связей, которые он завел еще в Берлине, поскольку Зорге не делал особых попыток скрыть свои левые убеждения в беседах с немцами, живущими в Китае. И в самом деле, другое поведение могло бы только вызвать подозрения.

Почти невозможно теперь проследить деятельность Зорге и его передвижения в эти первые месяцы пребывания в Китае. Очевидно, что поначалу его главными источниками информации были приятели-журналисты, а также немецкие бизнесмены, особенно торговцы оружием в Договорных портах, то есть те, чьей информацией воспользовался бы любой профессиональный журналист.

9 мая 1930 года, как записано в архивах шанхайской муниципальной полиции, Зорге выехал в Кантон, где пробыл шесть месяцев. Жил он все это время в международном сеттльменте, в меблированных комнатах, содержавшихся какой-то датчанкой, и беспрепятственно расширял свои познания Китая. Из Кантона он совершал многочисленные «исследовательские поездки» в южные районы страны, а также устанавливал контакты в городе, подобно шанхайским. Посетив германское консульство, он получил возможность войти в среду немецкой общины, а рекомендательные письма генерального консула оказались для него весьма полезными.

Кантон был вторым по значению после Шанхая открытые портом и индустриальным центром, а его близость к колонии Британской короны — Гонконгу — сделала город ценным с точки зрения прослушивания. Это был также и тот центр, из которого можно было изучать фракции соперничающих друг с другом военачальников в южных провинциях Китая и их отношения о

режимом Чан Кайши в Нанкине.

В течение этих первых месяцев укрепилась репутация Зорге как журналиста, специализирующегося на китайских делах, и, соответственно, окрепла и «крыша». Однако в середине ноября он получил известие от «друзей», что его присутствие настоятельно необходимо в Шанхае, и, таким образом, первый период ученичества для него закончился.

Остальные члены шанхайской миссии были в большей степени заняты техническими проблемами. У «Алекса» были инструкции или помогать, или забрать под свое руководство существующую группу 4-го Управления, прибывшую в Шанхай незадолго до него. Первую группу, отправленную в Шанхай для этой цели, возглавлял сотрудник 4-го Управления, известный под именем «Джим» или «Лехман». Его главной задачей было восстановить радиосвязь между Шанхаем и Советским Союзом и, кроме того, — в случае, если бы он сумел заполучить полезную развединформацию, — передавать ее своему начальству.

«Джим»[33], чье настоящее имя по-прежнему неизвестно, был главным специалистом по радиосвязи и, вероятно, возглавлял радиошколу, готовившую кадры для Красной Армии в учреждении, расположенном в пригороде Москвы. Его миссия была усилена другим специалистом из этой же радиошколы, Максом Клаузеном, прибывшим в Шанхай отдельно от остальной группы.

Вся предшествующая карьера Клаузена может служить классическим примером вербовки целой группы техников, отобранных по тайным каналам Коминтерна для военной и политической разведки. От сетей связи, которые эти люди были обучены создавать, зависело функционирование всей системы советского шпионажа.

Клаузен был сыном бедного лавочника с одного из островов у побережья земли Шлезвиг-Гольштейн. В 1917 году он был призван в германскую армию и направлен в войска связи, где получил общую подготовку для работы на радиотелеграфе. После увольнения в запас, в 1919 году, стал моряком. Поскольку Международный союз моряков и его международный двойник, расположенный в Амстердаме и Гамбурге, образовали часть коммунистической системы связей, посылая курьеров, а также используя для этой цели моряков на кораблях по всему миру, то очень быстро и Клаузен угодил в эту машину. В августе 1927 года он вступил в Гамбурге в морскую организацию Германской коммунистической партии. Секретарем этой организации был Карл Лессе — фигура высокого ранга в Международном союзе моряков и аппарате Коминтерна.

Вскоре после этого Клаузен нанялся на трехмачтовую шхуну, направлявшуюся в Мурманск для лова тюленей. Следующий рейс у него был на немецком фрахтовом судне «Ева Рикмер», принадлежавшем компании «Восточно-Азиатские морские линии».

Через Лессе на Клаузена в сентябре 1928 года, после нескольких месяцев тщательного наблюдения вышел агент советской военной разведки «Георг» и спросил, имея в виду его прежний опыт в радиосвязи, не хотел бы он отправиться в Москву «поработать на разведывательную организацию». Клаузен принял предложение «Георга» и выехал из Берлина с билетом первого класса в кармане и романом Томаса Манна в багаже. Ему было сказано: «Место вашего назначения — в этой книге». Простой буквенный код внутри книги, будучи расшифрованным, давал адрес в Москве.

По прибытии в Москву Клаузена встретили и отвезли в офис 4-го Управления Генерального штаба Красной Армии. Так он оказался завербован непосредственно советской военной разведкой.

После нескольких месяцев интенсивного обучения в радиошколе Красной Армии Клаузена отправили в Шанхай, где он должен был присоединиться к «Джиму», и в марте он уехал из Москвы. До Шанхая он добирался, через Харбин[34]. В Москве ему показали фотографию человека, который будет ждать его каждый вторник в пять часов вечера в «Палас-отеле» в Шанхае. В левой руке он должен будет держать номер газеты «Шанхай Таймс», а в правой — трубку. Предусмотрен был и короткий обмен приветствиями. Этот контакт вывел Клаузена на русского из числа белых эмигрантов по имени Константин Мишин. Он был помощником «Джима», завербовавшего Мишина в колонии русских белых в Шанхае. Похоже, что одно время Мишин был бродячим уличным певцом. После некоторых промедлений и предосторожностей Мишин привел Клаузена к «Джиму».

Первым заданием Клаузена было научить Мишина обращаться с радиопередатчиком, чтобы тот смог самостоятельно выступать в качестве радиста, а потом попытаться установить связь с ближайшей советской радиостанцией во Владивостоке.

В июле 1929 года, после того как была установлена связь между Шанхаем и Владивостоком, Клаузен получил указание от своего руководителя отправиться в Харбин, чтобы там установить другую радиостанцию, которой должна будет пользоваться группа Красной Армии в Маньчжурии. Весь его радиоинструмент любезно и незаметно перевез для него французский дипломат. Условия для деятельности в Харбине были существенно

осложнены бдительностью местной китайской полиции. Китайско-советские отношения на границе обострились, и налеты китайской полиции на советское консульство в апреле этого года служили постоянным предостережением.

Одним из источников информации для группы оказался американский вице-консул Лиллестром, и именно в его доме Клаузен и установил радиопередатчик.

В октябре 1929 года Клаузен вернулся в Шанхай и нашел работу в авторемонтной мастерской в качестве «крыши» для своей деятельности в качестве радиста группы Лехмана.

В 1930 году Лехману сообщили о прибытии новой миссии из Москвы и Клаузену было велено встретиться с одним из ее членов. Им оказался Вейнгартен, коллега Клаузена по радиошколе 4-го Управления. Оба они были членами одной и той же партийной ячейки в Гамбурге и обучались по одной и той же программе. Как это часто бывает в подобных кругах, именно братство учившихся в Москве радистов служит средством установления контактов между разными миссиями и отдельными агентами, работающими в зарубежных странах. Обе группы объединили свои технические ресурсы для выполнения общей задачи по налаживанию радиосвязи по всему Китаю и обеспечению выхода на Москву через Владивосток.

Теперь уже Вейнгартен представил Клаузена «Алексу» и Зорге, и Макс получил указания осесть в Шанхае и подыскать себе жилье. Он снял однокомнатную квартиру на первом этаже дома в районе Хонкей. Однако было трудно вести радиопередачи без внешней антенны, и, проведя небольшое расследование, Клаузен обнаружил, что в мансарде над ним живет финская леди. Он предложил ей поменяться квартирами, но леди отказалась. Возникло легкое неудовольствие с обеих сторон. Тогда Зорге предложил Клаузену оплачивать Разницу в стоимости аренды этих двух квартир, после чего леди согласилась на обмен. А вскоре Клаузен и его соседка стали часто встречаться.

Эту финскую леди звали Анна Валлениус, она бежала из Советской России от русской революции. Была она вдовой торговца также финского происхождения, за которого вышла замуж в маленьком городке Семипалатинске в Казахстане, когда было ей всего шестнадцать лет. Когда началась революция, они сбежали вместе с мужем и осели в Шанхае, где муж и умер в 1927 году. Ко времени встречи с Клаузеном Анна зарабатывала на жизнь в качестве швеи, а также сиделки в больнице на неполный рабочий день.

Одиночество сблизило Анну с веселым и добродушным соседом по этому грязному и мрачному дому. В то время она,

конечно, ничего не знала о подпольной деятельности Клаузена. Любовная история развивалась по своим законам, и вскоре Клаузен вынужден был решать с самим Зорге вопрос, не повлияет ли подобное общение на безопасность группы. Однажды вечером Клаузен пригласил Анну в танцзал, где познакомил с Зорге. В своих показаниях японской полиции Клаузен утверждает, что Зорге предупредил его: «Все в порядке, ты можешь жениться на ней, но будь осторожен в отношении нашей секретной работы. Если твоя женитьба будет угрожать нашей безопасности, ты будешь отозван в Москву»[35].

Так или иначе, но Макс и Анна поселились вместе в ее первоначальной квартире в мансарде и стали вести совместное хозяйство. Где-то в апреле 1930 года Лехман уехал в Европу, а его группа была поглощена преемниками[36]. Клаузен и Мишин теперь находились под началом «Алекса» и работали как техническая команда вместе с Вейнгартеном, ныне изображавшим из себя агента по продажам немецкой патентованной автоматической плиты.

Поначалу все попытки восстановить разведывательную группу в Шанхае продвигались очень медленно. «Алекс», действовавший под «крышей» агента одной из чешских оружейных фирм, завязал контакты с руководителями китайских националистов, а также, по словам Клаузена, «тайком встречался с гангстерами и членами Китайской коммунистической партии». Однако шанхайская полиция выследила его, и «Алекс» с женой спешно отплыли на пароходе в Европу. Руководителем группы 4-го Управления в Шанхае отныне стал Зорге.

Среди европейских журналистов, работавших в Китае в то время, была и Агнес Смедли, хорошо известная представительница американских левых, официально аккредитованная в качестве корреспондента газеты «Франкфуртер Цайтунг» в Шанхае. Она родилась в 1894 году в Колорадо. Отец ее был разнорабочим, а мать содержала меблированные комнаты. Агнес никогда не посещала высшую школу, хотя и предпринимала несколько раз краткие попытки заняться самообразованием. Так, одно время она слушала вечерние лекции в Нью-Йоркском университете, потом училась в летней школе в Калифорнии, где прервала учебу коротким и катастрофически неудачным замужеством, и к концу Первой мировой войны связалась с индийской националистической группой, действовавшей в Соединенных Штатах. В 1918 году ее арестовали за эту деятельность, а в следующем году Смедли отплывает в Европу на фрахтовом судне в качестве стюардессы. В Данциге она сбежала с корабля и отправилась в Берлин, где возобновила

сотрудничество с индийскими националистами, а также завела роман с одним из их лидеров, который продолжался восемь лет. В 1931 году Агнес Смедли была в Москве на встрече индийских революционеров, а потом под видом журналистки открыто путешествовала по Германии и Скандинавии. В 1928 году она разрывает отношения с индийским лидером и подписывает контракт с «Франкфуртер Цайтунг», обязуясь представлять газету в качестве корреспондента на Дальнем Востоке. В Китай она добиралась через Москву, где присутствовала на Шестом конгрессе Коминтерна. Она без устали сражалась по всему миру — бунтарь, ищущий дела, боец, никогда не прекращавший готовить себя для грядущей битвы, а также своего рода воплощение обиды, негодования и крушения иллюзий.

В мае 1929 года мисс Смедли прибыла в Шанхай по фальшивому американскому паспорту и тут же вызвала стойкое подозрение по отношению к себе со стороны муниципальной полиции. Она сразу же стала знаменитой в прогрессивных кругах европейской колонии, этого маленького мира моральных и политических беженцев, изгнанников, существовавших в стороне от респектабельной деловой общины: мира писателей и журналистов, ожидавший Великой китайской революции как освобождения от гнетущего их чувства личных крушений и как вознаграждения за пережитый крах миража революции на Западе. Эти временные поселенцы прибыли в большинстве своем из Германии и Центральной Европы, служивших сценой недавних поражений Коминтерна, хотя до 1933 года было еще далеко. Многие из них были еврейской национальности. Другие, составлявшие, вероятно, самую крупную обособленную группу, прибыли из Соединенных Штатов. Это были люди, утратившие иллюзии одновременно с увяданием вильсонианских мечтаний 1917 года, отягощенные бессилием меньшинства левых фракций Америки.

Все эти представители Европы в Шанхае, естественно, тяготели к убежищу в виде местных филиалов, спонсируемых Советами организаций, основанных Коминтерном в двадцатые годы для мобилизации прогрессивного общественного мнения и в качестве дополнительного пропагандистского оружия в проведении революционной политики коммунистов. Среди этих «независимых» организаций были, например, Международная «красная» помощь, гражданское либеральное лобби Коминтерна, используемое, в частности, в деле Сакко и Ванцетги, чтобы вызвать симпатии общества к политическим заключенным в капиталистических странах; Общество культурных связей с зарубежными странами, занимавшееся распространением

напечатанной в собственных издательствах Коминтерна советской культурной пропаганды по всему миру, с использованием своих многочисленных филиалов на местах, а также Международный союз революционных писателей и его издательский синдикат, которым заправлял Вилли Мюнзенберг.

Мисс Смедли чувствовала себя в этом мире как дома, равно как среди групп китайских левых, ставших для нее преемниками индийских революционеров Калифорнии и Берлина, для которых Шанхай был главной конспиративной базой в Китае, поскольку Международный сеттльмент предоставлял убежище от полиции китайских националистов из Нанкина, хотя и был подвержен неожиданным рейдам со стороны европейских двойников последней в самом сеттльменте.

Подобный круг людей стал объектом пристального внимания для Зорге, когда он принялся создавать свои каналы получения информации. Похоже, что с Агнес Смедли он встретился вскоре после отъезда «Алекса» в Европу, то есть в ноябре 1930 года. Как это произошло — неизвестно. В одном из своих показаний Зорге намекнул, что у него было рекомендательное письмо для нее из газеты «Франкфурте? Цайтунг». Возможно, что они уже встречались раньше во Франкфурте или в Берлине еще в 1928 году. В том же году в одно и то же время они были в Москве.

Зорге проявил осторожность, не открывая этого эпизода. «Я слышал о ней еще в Европе», — сказал он японскому следователю. В своем признании он утверждал: «Я знал, что могу оказаться зависимым от нее. Я просил ее помощи в организации моей группы в Шанхае и особенно в подборе китайских сотрудников. Я встречался со всеми ее китайскими друзьями, с кем только можно, делая особые попытки познакомиться с теми, кто добровольно выражал согласие сотрудничать и работать с иностранцем ради «левого» дела».

Мисс Смедли играла роль рекомендательного письма, и небольшая группа китайских «помощников и поддерживающих» была, со всеми предосторожностями, наконец создана. Их странными кличками пестрят страницы показаний Зорге. Он заявил японскому следователю: «Очень трудно запоминать китайские имена, да и много лет прошло с тех пор». Но было и куда более реалистичное объяснение этому: длинная рука японской полиции вполне могла добраться и до оккупированного Китая. Так что Зорге, похоже, пытался защитить своих бывших помощников.

Осенью 1930 года круг информаторов Зорге пополнился весьма значительным помощником, и способ, каким это было сделано, открывает фрагмент незаметной работы

коммунистической разведки в Китае. Зорге очень хотел регулярно получать надежную информацию о японской политике в Китае, а также иметь материалы общего характера, касавшиеся отношения Японии к развитию событий на Дальнем Востоке.

Еще подыскивая для себя китайских агентов из местных, Зорге обратился за помощью к Агнес Смедли. За несколько месяцев до этого она познакомилась с японским Журналистом по имени Одзаки Хоцуми, китайским корреспондентом ведущей японской газеты «Асахи» из города Осака. Представила их друг другу некая миссис Ирэн Вайдмейер, владелица книжного магазина «Цайтгейст» на Сучоу-крик. Заведение это якобы торговало литературой левого толка и политическими изданиями, однако на деле являлось одним из местных аванпостов всемирного издательского синдиката Коминтерна, созданного Вилли Мюнзенбергом, и неотъемлемой частью его пропагандистского аппарата, со штаб-квартирой в Берлине. Магазин этот служил не только местом для встреч европейских и азиатских сочувствующих «левому» делу, но также и техническим звеном в цепи связи. Владелица его, миссис Вайдмейер, была немкой, вышедшей замуж за молодого китайского студента, учившегося в Берлине, и уехавшей с ним в Москву где-то в 1924 году. Ей было велено открыть книжный магазин в Шанхае, как для легальных «культурных» целей, так и для того, чтобы обеспечить безопасный адрес для персональных контактов, а также тайное хранилище для почты и документов — скромный сегмент комингернов-ской организации в Шанхае.

Мисс Смедли, должно быть, рассматривала свое знакомство с Одзаки — японским специалистом по китайским делам — как особо ценное. В любом случае, их отношение ко многим мировым событиям, как правило, совпадало.

Одзаки Хоцуми был сыном токийского журналиста, ко времени рождения сына — в мае 1901 года — работавшего в газете в Тайхоки (Тайпех) на Формозе — принадлежавшем Китаю острове, который Япония превратила в свою колонию. Еще будучи школьником, молодой Одзаки попал под влияние перемен, захлестнувших Дальний Восток на волне Первой мировой войны, а после 1919 года, уже став студентом в Токио, подхватил и послевоенный вирус активной общественной деятельности, характерный для его поколения.

Аресты первых руководителей Японской коммунистической партии в 1923 году произвели на него глубокое впечатление, и он стал принимать активное участие в работе групп по изучению марксизма в Токийском императорском университете, где в 1925 году получил степень магистра. Отработав год после окончания

университета, Одзаки поступает в штат токийской газеты «Асахи Симбун», чтобы приобрести, как он сам пишет позднее, «командную позицию для временного наблюдения и исследований». Атмосфера редакции с ее осторожным консерватизмом была скучной в сравнении с волнующими дебатами учебной группы в университете, которая и прежде, и до сих пор продолжала оказывать интеллектуальное влияние на молодого Одзаки.

Революционные события в Китае в 1927 году дали молодому журналисту пропавший было стимул для активной деятельности, и в ноябре этого же года Одзаки получает назначение в китайский отдел своей газеты, а в ноябре следующего года в качестве специального корреспондента отправляется в Шанхай. Это официальное назначение обеспечило ему личную свободу, возможность сбежать и от подпольных групп по изучению марксизма в университетских кругах, и от обычного традиционного офиса «Асахи», и от непрекращающихся и достаточно успешных попыток японских властей воспрепятствовать формированию левой оппозиции в стране.

Связь Одзаки с мисс Смедли крепла в постоянном общении и обмене мыслями и информацией к их обоюдной пользе — как профессиональной, так и любой другой. Обычно они встречались в вестибюле «Палас-отеля» или у нее на квартире, и Одзаки снабжал ее новостями о деятельности Нанкинского правительства Чан Кайши, а также о ситуации в Японии. Как далеко зашли эти контакты и перешли ли они границы профессиональной журналистской деятельности — остается неясным. Похоже, что Одзаки наконец-то почувствовал себя довольным и вознагражденным тем, что теперь он член более многочисленной компании преданных миссионеров, посвятивших себя служению великому делу, а широта и истинная природа интересов мисс Смедли не вызывали его любопытства.

Где-то в ноябре 1930 года в офисе Одзаки появился японец, живущий в Китае, по имени Кито Гиничи, и сказал, что он только что прибыл из Соединенных Штатов через Индокитай. Как сообщил Одзаки своему следователю после ареста, «впоследствии я решил, что Кито был связан о Американской коммунистической партией» или, скорее, с ее действующей японской секцией. Одзаки был осторожен с гостем, оказавшимся, как он позднее узнал, заслуженным агентом Коминтерна, связанным о японской секцией Американской коммунистической партии. Вскоре после этой встречи Кито предложил Одзаки познакомить его с «блестящим американским репортером». Его-де зовут «Джонсон», и он «хороший человек».

Одзаки почувствовал какой-то подвох и даже испугался, что Кито — полицейский, потому решил посоветоваться с мисс Смедли. Та тоже встревожилась, узнав, в чем дело, и спросила Одзаки, не говорил ли он кому об этом предложении, на что Одзаки ответил отрицательно. «Потом она сказала, что слышала о Джонсоне, но строго предупредила меня, чтобы я нигде и никогда не упоминал об этом человеке».

Похоже, Зорге также имел какие-то неясные и особые причины быть несколько осторожным в отношении Кито, конечно же, связанного со своей партией. «Я заявляю со всей определенностью, что он не был членом моей группы и что я никогда не работал с ним. Я несколько раз слышал о нем от Смедли и Одзаки, но никогда не встречался с ним сам, и у меня нет ни малейших воспоминаний о нем». Зорге с особой настойчивостью отверг предположение, что именно Кито познакомил его с Одзаки. «Я догадываюсь, что, наверное, это Смедли имела какую-то прямую или косвенную связь с Кито и передала ему мое желание найти японца, которому я мог бы доверять». И, наконец, таинственное: «Более того, Москва запретила мне иметь дела с известными людьми вроде Кито».

Через несколько дней мисс Смедли сообщила Одзаки, что «Джонсон» действительно «хороший человек», и сама представила ему Одзаки в китайском ресторане на Нанкин-роуд. Атмосфера встреча отличалась непосредственностью и взаимным доверием. В конце разговора «Джонсон» попросил Одзаки снабжать его подробностями о внутренней ситуации в Китае и японской политике в отношении различных политических групп. То, что «Джонсон» был на самом деле Рихардом Зорге, оставалось неизвестным Одзаки в течение нескольких лет, хотя эти двое впоследствии встречались, по крайней мере, раз в месяц на квартире мисс Смедли или в китайских ресторанах где-нибудь за городом.

Зорге нашел своего самого ценного сотрудника, «моего первого и самого важного помощника».

Со времени своего прибытия в Шанхай Одзаки неплохо зарекомендовал себя в определенных китайских кругах, близко связанных о коммунистической партией, с которыми он сотрудничал без колебаний, например, подписываясь на займы таких организаций, как Антиимпериалистическая лига. С некоторой гордостью он посещал встречи политических консультативных групп, состоявших из пяти или шести членов Китайской коммунистической партии, читал лекции по текущей международной политике[37]. «Члены этой группы были не очень искушены в политике и довольно невежественны в

международных делах. И потому мое участие в ее работе, должно быть, приносило пользу».

Но кроме чувства интеллектуального превосходства, была еще эйфория от таинственности, в которой проходили эти встречи. Одзаки вспоминает о своем посещении в качестве наблюдателя двух «коротких митингов», проведенных китайскими коммунистами в шанхайских парках. Это было местное изобретение, «типа собрания, которое может начаться и вдруг быстро рассеяться, подобно ветру».

Хотя формально он не был членом Китайской коммунистической партии, тем не менее большую часть времени Одзаки занимала работа на эту организацию и близкие ей группы.

Интерес китайского коммунистического руководства к японским делам был особенно сосредоточен на Toa Dobun Shoin, или Восточно-Азиатской школе режиссуры, учебном заведении, дававшим высшее образование и основанном для японских и китайских студентов отцом либерально мыслящего государственного деятеля Японии принца Коноэ в качестве вклада в дело японо-китайского взаимопонимания. И преподаватели, и студенты этой школы были захвачены тем вихрем всеобщего революционного пыла, что бурлил вокруг них после революционных событий в Кантоне и Шанхае в 1927 году, и чувствовали себя аванпостом прогрессивной японской интеллектуальной жизни, далекой от угнетающих ограничений их собственной страны. Именно через студентов этой школы Одзаки и познакомился о некоторыми китайскими лидерами, с которыми он потом сотрудничал.

Ячейка внутри Восточно-Азиатской школы режиссуры, похоже, была первоначально организована самими китайскими коммунистами, а впоследствии она соединилась с другими группами японских журналистов, придерживающихся левых убеждений, а также временных «гостей» из Японии, собравшихся в Шанхае на встречу Всетихоокеанских профсоюзов в феврале 1928 года — дальневосточного отростка Профинтерна — Международного «красного» синдиката со штаб-квартирой в Москве. Этот учебный круг встречался регулярно, а его члены отныне входили в шанхайскую секцию Китайской коммунистической партии. Одзаки часто посещал эти собрания, и на одном из них он познакомился с японским журналистом по имени Каваи Текиши, приехавшим в Пекин в 1926 году «и ныне работавшим в газете «Шанхай Уикли».

Японское вторжение в Маньчжурию в сентябре 1931 года изменило декорации на дальневосточной политической сцене.

Станет ли этот «инцидент» прелюдией к дальнейшему продвижению Японии в провинции северного Китая? Как скажется японская агрессия на судьбе борющихся политических сил в других частях китайской земли? И, самое главное, каков риск начала русско-японской войны? Как однажды сказал Зорге Клаузену в Шанхае, «японская армия захватила Мукден, что осложняет нашу работу в Китае».

Хотя Зорге энергично отрицал, что его миссия включала в себя и ведение разведывательной деятельности в Маньчжурии — где уже находилась группа Красной Армии, базировавшаяся в Харбине, — инструкции, данные ему при отъезде из Москвы, были достаточно широки и включали в себя в том числе и изучение японских намерений в отношении Китая, а потому информация о недавних событиях в Маньчжурии имела прямое отношение к стоявшей перед ним задаче. «Зорге, Смедли и я обсуждали все эти события», — позднее говорил на следствии Одзаки. Потом он привлек Каваи. Встреча состоялась в одном из излюбленных мест — в китайском ресторане на Нанкин-роуд. Одзаки выступал в качестве переводчика, и он же, вероятно, подготовил Каваи для интервью. Зорге попросил Каваи совершить поездку на север Китая и в Маньчжурию, чтобы ответить на четыре вопроса: как идет становление нового «независимого», контролируемого японцами государства Маньчжоу-Го; какова позиция, занятая после манчжурского инцидента полуавтономным японским гарнизоном, расположенным в этом районе и известным как Кван-тунская армия; какова политическая реакция «белых» русских, мусульманских и монгольских меньшинств; и, самое главное, умонастроения в этом северном пограничном районе по отношению к Советскому Союзу.

Когда Каваи вернулся из этой поездки, потребовалось несколько встреч, чтобы прочитать его письменный отчет, причем одна из этих встреч состоялась на квартире мисс Смедли. Зорге никогда не задавал уточняющих вопросов о деталях, не был дотошен в мелочах, но желал услышать впечатления Каваи о ситуации в целом. «У меня есть и другие источники», — говорил он. Вскоре Каваи был арестован японской полицией в Шанхае, которая допрашивала его, но потерпела неудачу в попытках раскрыть его подпольную деятельность. Через три недели он был освобожден.

Сражение, разразившееся в Шанхае 28 января 1932 года между японским военно-морским гарнизоном и 19-й китайской пехотной армией, обнаружило в драматической и концентрированной форме силу и слабость нанкинского режима,

отношение британского и американского правительств к Чан Кайши, а также цели и задачи экспансионистской политики Японии в отношении Китая — той самой главной мишени Зорге, на которую ему указали в Москве.

Как писал сам Зорге в своем «признании»:

«Начало сражения в Шанхае в 1932 году отметило новую тенденцию в политике японской дипломатии, хотя, конечно, в то время мы не знали определенно, была ли это просто случайная стычка или же это была японская попытка захватить Китай вслед за приобретением Маньчжурии. Было также невозможно сказать, двинется ли Япония на север, по направлению к Сибири, или же на юг, в Китай. Моя работа стала намного более важной после «шанхайского инцидента». Мне пришлось вскрывать истинные намерения Японии и подробно изучать боевые приемы японской армии на примере сражения в Шанхае».

Его собственный боевой опыт напомнил ему те времена, когда он был солдатом на Первой мировой войне, однако на этот раз он испытывал восторг революционного энтузиазма. Китайские действующие войска не подчинялись напрямую ни Нанкину, ни китайским коммунистам, и для Зорге они стали символом первого настоящего сопротивления японской агрессии. «Я видел китайские оборонительные позиции, и я видел также и японские ВВС, и морокой флот в действии. Китайские солдаты были очень молоды, но весьма дисциплинированны, хотя большинство из них были вооружены одними гранатами». В волнении, с тевтонской ностальгией по окопам сам Зорге передавал гранаты китайским солдатам. Он сам наблюдал за сражениями, которые велись в разных районах города, а затем получил еще и информацию о японской боевой тактике от немецких военных советников, прикомандированных к китайским войскам.

Относительно главного направления японской политики Зорге получил «весьма полезную информацию» от Од-заки, который сразу же после инцидента написал специальный отчет, в основу которого были в основном положены интервью с японским военным атташе, служившим в японском консульстве в Шанхае. Этот вооруженный инцидент продемонстрировал высокий моральный дух китайских войск и антияпонские настроения китайской торговой общины и подтвердил убеждение, что «шанхайский инцидент» был намеренной провокацией японцев. Как утверждали источники Одзаки и как он сам говорил Зорге, на японцев произвела большое впечатление реакция китайцев на инцидент и теперь Япония лишь надеется, что ей удастся каким-то образом локализовать конфликт. За инцидентом последовало создание нового коалиционного правительства в Нанкине, а

также значительно расширилась и укрепилась база режима Чан Кайши, о чем Одзаки также удалось узнать достаточно подробно.

Все эти данные послужили основанием для подробного отчета, который Зорге сам написал и отправил в Харбин весной 1932 года для дальнейшей передачи в Москву. Информация, изложенная в отчете, представляла для России особый интерес. Советская политика в отношении Китая зависела от оценки относительной силы Чана и коммунистов, и если, анализируя «шанхайский инцидент», можно было бы сделать вывод, что Чан в состоянии возглавить сопротивление японскому проникновению на китайскую территорию, то в таком случае отношение Советов к Китайской коммунистической партии выглядело бы несколько неискренним.

Более поздний взгляд на японскую политику дает основание сделать вывод, что главным достижением Зорге в Китае стало снабжение Москвы жизненно важной информацией, «которая помогла определить политику Коминтерна по отношению к Китайской коммунистической партии».

В феврале 1932 года газета, на которую работал Одзаки, велела ему возвращаться в Японию. «Я стоял на распутье. Я мог либо продолжить свое сотрудничество с «Джонсоном», либо подчиниться начальству и вернуться домой. В то время я чувствовал, что дальнейшая помощь «Джонсону» в Шанхае стала бы для меня слишком тяжелым бременем». Кроме того, Одзаки хотел познакомиться с ситуацией, сложившейся к тому времени на родине, а поскольку его связи с «Асахи» были поистине бесценным долгосрочным вложением, Зорге пришлось принять неизбежное. «В данном случае ничем нельзя помочь».

Но разлука оказалась временной.

Кроме китайских и японских информаторов, Зорге в своей деятельности полагался также и на европейские источники информации. Таковыми были, главным образом, немецкие бизнесмены, сотрудники консульств, члены группы военных советников в Нанкине. Как известный и уважаемый журналист Зорге с легкостью вращался в этом кругу, который в свою очередь сформировался вокруг Генерального консульства Германии в Шанхае. Он утверждал, что в качестве информаторов выбирал членов военной миссии и военных наблюдателей, прикомандированных к нанкинскому правительству, таких как, полковник (позднее генерал) фон Крибель, ставший впоследствии генеральным консулом в Шанхае. «Военные советники часто приглашали меня в Нанкин и сами приезжали ко мне в Шанхай».

Зорге посещал и внутренние районы Китая, бывал в Ханькоу и других городах, сопровождая некоторых из военных советников.

Немцы в то время испытывали в Китае новые типы гражданских самолетов и создавали внутреннюю авиалинию — «Евроазия», пилотов которой Зорге всячески обхаживал. Именно от них, утверждает Зорге, он узнавал об обстановке в отдаленных районах Китая, не упуская при этом случая полетать с ними. Но общение это ни в ком случае не подразумевало попытку вербовки агентов —. источники эти были обычными рабочими контактами профессионального журналиста.

Было лишь одно возможное исключение: д-р Г. Войгт или Войдг — один из представителей германской электротехнической фирмы Сименса. Зорге хорошо его знал и посылал в Москву экономическую информацию, полученную от д-ра Войгта — даже уже после китайского периода. Зорге однажды сказал Клаузену, что в случае его ареста или если он вынужден будет вдруг резко сменить свое местожительство, Клаузен должен будет найти номер телефона Войдга и восстановить с ним связь.

Есть данные, свидетельствующие, что Войдг в Китае работал на немецкую военную разведку. Он был, тем не менее, частым спутником Зорге в Шанхае, и тайна эта так и остается нераскрытой.

Другой немец и приятель-журналист, с которым Зорге также обменивался информацией, — Вольфганг Зорге, китайский корреспондент берлинской газеты, с которым Зорге иногда путали. Вольфганг Зорге был старым китайским «волком», имевшим неплохие связи с китайскими властями, знакомый с группами «белых» русских и с китайскими тайными бандами, специалист по Маньчжурии, где Рихард и встретился с ним впервые, будучи в Харбине. Он бегло говорил по-русски и в качестве корреспондента частенько бывал в Советском Союзе. Рихард Зорге говорил Клаузену, что он всегда предельно осторожен в общении с этим коллегой-журналистом из-за антикоммунизма последнего. Шанхайская же полиция считала, что Вольфганг, вполне возможно, работает на германскую военную разведку.

Как-то весной 1931 года Вейнгартен передал Зорге сообщение, полученное из Москвы, в котором говорилось, что к группе присоединяются еще два агента, и что один из них — «Поль» — остановился в «Палас-отеле», а другой — «Джон» — в отеле «Франция». Зорге договорился о встрече с ними по телефону. Оба они зарегистрировались в отеле под теми же именами, что были у них в паспортах, «но я не помню, какие это были имена».

«Поль», по-видимому, был прибалт, как и многие другие советские агенты того времени. Он имел звание полковника

Красной Армии и был специалистом по военным вопросам. Вполне возможно, что главным его назначением было организовать военную связь с китайскими коммунистами и закончить работу, которую «Алекс» и Лехман, столкнувшись с немалыми трудностями, похоже, так и не сумели выполнить. Он также должен был стать преемником Зорге на более поздней стадии деятельности группы. Они с Зорге тесно сотрудничали друг с другом, нигде при этом, по сути, не пересекаясь. Клаузен, встретивший как-то «Поля» у Вейнгарте-на, «подумал, что он старше Зорге по званию».

Второй из новоприбывших, «Джон», вошел непосредственно в группу Зорге. Был он, по словам Зорге, бывшим членом Польской коммунистической партии. Его нынешняя функция состояла в том, чтобы взять на себя шифро-и фотоработы. Он снял дом на авеню Жоффре во французской концессии, и дом этот стал одним из основных мест для встреч членов группы. Обычно эти встречи происходили по вечерам, когда слуги-китайцы уходили домой. Фотографии документов, предназначенных для передачи в Москву, «Джон» делал у себя в ванной, а затем передавал их Зорге. Он открыл также небольшое фотозаведение на Северной Сычуаньской улице, чтобы создать себе «крышу».

Встречи в доме «Джона» описаны Клаузеном. Выпивка была всегда обеспечена, и Зорге часто похвалялся своими приключениями во время поездок по стране. Так однажды он рассказал, как соблазнил красивую китаянку в Нанкине и вынудил ее отдать ему карту и светокопии китайского военного арсенала, которые он сфотографировал и отправил в Москву.

На этих встречах Клаузен иногда встречал и мисс Смедли, и Войдга. В одной из своих заметок он указывает, что группа Зорге состояла из Вейнгартена, Войдга, «Поля», Смедли и его — Клаузена. О Смедли он отзывался очень резко: «В интеллектуальном отношении мы были слишком далеки. Единственное впечатление, сохранившееся у меня о ней, — что она была истеричной, тщеславной и самодовольной женщиной».

По его собственным словам, Зорге выехал из Шанхая в Москву в декабре 1932 года. Первоначально он планировал вернуться домой окончательно после двух лет пребывания в Китае, однако его «обязанности были слишком многочисленны, чтобы их можно было закончить» в то время, и потому он решил остаться еще на год.

Личность его преемника «Поля» по-прежнему остается не установленной, а последующую деятельность группы можно проследить лишь фрагментарно. Известно только, что в октябре 1931 года Зорге, согласно указанию из

Москвы, послал Клаузена установить радиосвязь с группой 4-го Управления в Харбине.

В начале 1934 года связь с Шанхаем, похоже, оборвалась. Наиболее вероятная причина этого — возросшие оперативные трудности в Шанхае после «инцидента» 1932 года. 4-е Управление прекратило — по крайней мере, на время — свои операции в Шанхае где-то в 1933 году. Самого «Поля» Клаузен встречал в том же году, некоторое время спустя в штаб-квартире в Москве, одетого в форму генерал-майора Красной Армии.

По заданию 4-го Управления Красной Армии Рихард Зорге провел в Китае три года. И за это время приобрел себе репутацию не только журналиста, специализирующегося на дальневосточных делах, но и эксперта по китайскому сельскому хозяйству — теме, совершенно необходимой для изучения будущего китайского коммунизма. А кроме этого Зорге выполнил и все поставленные перед ним задачи секретного характера. Как говорил он японскому следователю, «благодаря статьям, которые я присылал из Китая, я стал хорошо известен в мире германской журналистики». Приобрел он также и бесценный опыт подпольной деятельности в условиях Дальнего Востока.

Данные об этой стороне его деятельности можно почерпнуть почти исключительно из его «признания» и показаний на следствии после ареста в октябре 1941 года, а также из японских источников и из показаний других членов группы во время их пребывания в японской тюрьме. История китайской миссии, таким образом, может быть воссоздана по кусочкам, на фоне строгого тюремного заключения, изоляции и интенсивных допросов, длившихся многие месяцы. Сам Зорге был прекрасно осведомлен об опасности, грозившей любому немцу, в случае если какая-либо связь между нацистом и японскими властями выйдет наружу, но он также прилагал все усилия, чтобы скрыть, насколько это было возможно, информацию о структуре советских разведывательных операций в целом. Всегда оставалась возможность, что в конце концов он найдет способ вернуться в Советский Союз.

Картина несколько проясняется относительно природы и размаха деятельности Зорге в Китае, хотя и остается по-прежнему туманной и расплывчатой, а временами и противоречивой, обманчивой и неполной.

Своей всесторонней неопределенностью пункты его первоначального инструктажа косвенно дают понять, что русская военная разведка испытывала недостаток в точной и постоянной информации о Китае. Об этом же говорит и экспериментальный характер миссии Зорге. Из первоначальных разведывательных

целей, установленных для Зорге, главной была оценка политической, социальной и военной силы Нанкинского правительства Чан Кайши.

Достижением Зорге в этой области был в первую очередь экспертный политический анализ, хотя способы и средства для получения материала и методы передачи его отчетов сами по себе навешивали на него ярлык шпиона. Благодаря китайским «помощникам» в Кантоне, сеть Зорге распространилась, до Нанкина и Гонконга. Из информации, по крупицам собранной из всех возможных источников, Зорге складывал целостную картину, характеризующую режим Чана и его правящую элиту.

От группы немецких военных советников в Нанкине Зорге мог узнать и доложить в Москву, по крайней мере, в общих чертах, о расположении и вооружении нанкинской армии, о структуре ее «ударных» дивизий и об отношениях ведущих военачальников с Чан Кайши. От этих немецких советников и с дополнительной помощью китайских «помощников» Зорге получал материал о военной промышленности, как, в частности, заполучил он копии арсеналов в Нанкине.

Оценка военных возможностей Чана в случае вооруженного столкновения с Японией была жизненно важной для Советов. Столь же важной была и оценка его возможности использовать поднимающуюся волну китайского национализма, враждебного в отношении европейских государств и их экс-территориальных привилегий в Договорных лортах, особенно в Шанхае. Престиж Чана в оіром-ной степени зависел от достижения соглашений по всем этим пунктам. Соединенные Штаты, в частности, были предпочтительнее в качестве объекта для уступок. Конфиденциальный американский меморандум по этим вопросам — известный как доклад Фессендена — Зорге сумел заполучить еще до его публикации «от американской стороны». Точный источник информации неизвестен.

Группе Зорге так и не удалось установить надежную радиосвязь между Шанхаем и Москвой, и большая часть полученных ею материалов доставлялась в Москву с помощью курьеров через Харбин. Зорге упоминает, что два особо важных и длинных отчета были отправлены в Москву один — в конце 1930 года, а другой в июне 1932 года сразу после «шанхайского инцидента».

Нет данных о каких-либо сообщениях, отправленных по радио Клаузеном из Шанхая или Кантона, и, похоже, действительно, по техническим причинам было передано очень мало сообщений. Не сохранилось и каких-либо отчетов, которые были отправлены курьерской связью во Владивосток.

Что до самого Зорге, то для него китайская миссия стала периодом бесценного обучения как работе о использованием «крыши» журналиста в особых условиях Шанхая и внутренних районов Китая, так и повседневного столкновения с опасностями и удачами жизни сотрудника советской разведки за границей. Возможно, однако, что главный интерес китайской интерлюдии состоит в том, что именно тогда Зорге приобрел двух своих главных помощников, позднее появившихся и на токийской сцене — Хоцуми Одзаки и Макса Клаузена, чьи судьбы теперь были крепко повязаны с судьбой Зорге. А услуги, оказанные ему Агнес Смедли в создании китайской шпионской группы, привели непосредственно к тому, что судьба Смедли также переплелась с судьбой Зорге. Так, сразу после войны руководитель американской военной разведки в Японии генерал Уиллоби попытался было обвинить Агнес Смедли в шпионаже, и ее угроза подать в суд за клевету вынудила его предать гласности все дело Зорге и его последствия.

Глава 4. ДЕЛО НОУЛЕНСА

Ноуленс выдавал себя за швейцарца.

Его истинной национальности я не знаю.

Полагаю, что он балт.

Зорге

Китайская миссия Зорге была лишь одним из звеньев в цепи советских шпионских групп, действовавших на Дальнем Востоке под началом различных советских учреждений. Насколько можно судить по туманным в этом отношении показаниям Зорге, все эти группы, похоже, прибыли в Китай примерно в одно и то же время и были отозваны также почти одновременно. У всех у них была общая главная цель, хоть и выполняли они различные специальные функции.

Кроме группы Лехмана в Шанхае, которую заменила миссия «Алекса» — Зорге, 4-е Управление Красной Армии организовало в этом городе еще одну группу, о которой Зорге упоминает как о группе Фролиха — Фельдмана. «В их обязанности входила организация связи о китайской Красной Армией и сбор разведданных, касающихся ее. «У этой группы была собственная радиосвязь с Москвой, поддерживаемая Фельдманом — радистом группы[38].

Фролих (который также проходил под именем «Тео») был генерал-майором Красной Армии. По словам Зорге, эта группа не сумела выполнить возложенную на нее миссию и в 1931 году покинула Шанхай.

Поскольку позднее Клаузен видел Фролиха в Харбине, представляется вполне вероятным, что он мог быть послан туда для усиления группы Красной Армии в Маньчжурии, ставшей ключевым районом после японского вторжения. Районом, где кроме сбора настоятельно необходимых разведданных — касающихся японской военной активности на границе с Сибирью, Фролих также, по словам Клаузена, имел отношение к организации возможных диверсионных групп, призванных перерезать Восточно-Китайскую железную дорогу (КВЖД) в случае боевых действий.

Зорге настаивал, что во время пребывания в Шанхае у него не было никаких рабочих отношений с этой группой, ни инструкций, которые предписывали бы выходить на контакт с ней. «Шанхай

такой небольшой город, что было достаточно трудно избежать неожиданной встречи». Зорге выходил иногда на членов этой группы, чтобы обсудить общие проблемы, «но у нас не было никаких рабочих отношений». Наиболее вероятно, что члены всех этих групп предварительно встречались, особенно это касается радистов, учившихся в одном и том же московском заведении.

В одном случае Зорге называет группу Фролиха— Фельдмана «соседи» — технический разведывательный термин для обозначения отдельной группы, подчиняющейся другому ведомству.

Харбинская группа, в которую одно время входил и Клаузен, имела своей главной целью сбор разведданных о военной обстановке в Маньчжурии, но была у нее еще одна небольшая, но достаточно существенная обязанность — поддерживать связь о группой Зорге в Шанхае. Харбин был коммуникационным центром на пути между Шанхаем и Москвой, по которому курсировали советские курьеры. «Харбинская группа действовала в качестве почтового ящика для меня: я передавал им письма и документы, подлежащие отправке в Москву, а они отправляли их». Деньги для Зорге передавались через те же каналы[39]. Члены обеих миссий, в свою очередь, установили двустороннюю курьерскую связь между Харбином и Шанхаем. Похоже, что харбинская группа была распущена в 1932 году.

Кроме этих временных и достаточно эфемерных миссий Красной Армии в Китае, намного более значительным было Дальневосточное бюро самого Коминтерна — главная мишень полицейских сил Международного сеттльмента и французской концессии в Шанхае.

Неясное назначение Дальневосточного бюро в Шанхае впервые проясняется, когда в апреле 1931 года французская служба безопасности в Сайгоне арестовала некоторых индокитайских коммунистов, которые дали показания о своих связях с этой организацией. Но куда более сенсационной оказалась цепочка обстоятельств, которая и привела к полному разоблачению этой организации.

1 июня 1931 года британская полиция арестовала в Сингапуре француза — агента Коминтерна, поддерживавшего подпольные связи о Малайской коммунистической партией. Среди его бумаг были обнаружены телеграфные адреса и номер почтового ящика в Шанхае: «Хиланоул, ящик 208». Расследование было продолжено полицией сеттльмента и привело к некоему Хилари Ноуленсу, учителю французского и немецкого языков. 15 июня 1931 года он был арестован. Обыск, проведенный на его квартире, ничего не дал, кроме ключа от английского замка к

квартире в доме 49 по Нанкин-роуд, где были обнаружены три больших стальных сейфа. И оказалось, что в этих сейфах хранились отчеты Дальневосточного бюро Коминтерна за период с 1930 по 1931 год вместе о отчетами местного филиала Всетихоокеанского секретариата профсоюзов.

Хотя и британская, и французская полиции уже знали о существовании Дальневосточного бюро, внимательное изучение этих документов впервые открыло детали этой организации и пролило свет на природу ее деятельности и степень распространения ее влияния.

Коминтерн со штаб-квартирой в Москве уже давно организовал, как часть своего аппарата, серию региональных секретариатов или постоянных отделов, каждый из которых находился под контролем члена Центрального Исполнительного комитета Коминтерна и отвечал за поддержку и надзор за местными коммунистическими партиями в различных частях света, а также за подготовку для них советских миссий.

Дальневосточный отдел был организован открыто, в качестве регионального секретариата на V Конгрессе Коминтерна в 1924 году. У него были свои собственные организации, включая и пропагандистские, ответственные перед Центральным Исполнительным комитетом и разделенные на Ближнє-, Средне- и Дальневосточные секции. Местный Дальневосточный филиал находился во Владивостоке, и его офис, предположительно, был тайно перенесен в Шанхай в 1930 году — в год всеобщей попытки всех советских учреждений вернуться на китайскую сцену после поражения 1927 года.

Всетихоокеанский секретариат профсоюзов представлял собой дальневосточный филиал Профинтерна — контролируемой Коминтерном организации Всемирных «красных» профсоюзов, и был основан как постоянная организация со штаб-квартирой во Владивостоке одновременно с Дальневосточным бюро. Случилось это после конференции, проходившей в Ханькоу в 1927 году. На этой конференции присутствовал Лозовский, глава Профинтерна, а также ведущие члены Китайской, Американской, Английской, Французской и Индокитайской коммунистических партий, а также других партий[40]. Это была встреча руководящих коминтерновских агентов, и целью вновь избранного секретариата было финансирование, организация и поддержка Всекитайской федерации труда и мобилизация китайского городского пролетариата на новую китайскую революцию.

Секретариат, должно быть, переехал из Владивостока одновременно с Дальневосточным бюро. И хотя о его существовании и пропагандистской деятельности было широко

известно, истинный размах его подпольных операций стал явным лишь в ходе расследования дела Ноуленса. Похоже, это была относительно новая организация, поскольку регулярные отчеты она стала представлять лишь с февраля 1931 года. Персонала у нее меньше, чем в бюро — двое мужчин и две женщины. Их главная работа состояла в организации и финансировании Всекитайской федерации труда, которая, хотя номинально и находилась под контролем Китайской коммунистической партии, но была строго подотчетна Москве.

Результаты полицейского расследования, проведенного после ареста Хилари Ноуленса, чья личность стала предметом продолжительных международных запросов и поисков, показали, что он был главой организации Коминтерна в Шанхае, имея под своим началом штат из девяти европейцев.

Деятельность бюро была в первую очередь связана с Китаем, с передачей денежных средств Китайской коммунистической партии и ее организациям, таким, как Молодежная Лига, вербовавшая студентов и устраивавшая их поездки на учебу в Ленинскую школу и в Университет трудящихся Востока в Москве, решая таким образом ключевую задачу обучения и подготовки будущих партийных кадров. Такой же важной, но отдельной была задача установления и поддержания связи о китайской Красной Армией и советскими районами в Центральном и Северном Китае.

Вдобавок к этим задачам, организация занималась также передачей денег и вербовкой студентов для учебы в Советском Союзе и поддержанием связей о коммунистическими партиями Японии, Индокитая, Филиппин и Кореи.

Дальневосточное бюро и Секретариат тесно сотрудничали друг с другом и, вполне возможно, даже действовали сообща. И хотя отчитывались они формально по отдельности, хранились их отчеты в одной квартире. Обе службы совместно использовали высокоразвитую курьерскую службу для связи о Европой и с азиатскими коммунистическими партиями. Общими были и шифры, и телеграфная корреспонденция, а также почтовые ящики в Шанхае (восемь из которых были выявлены полицией). Делились и расходы на специальные миссии, а члены одной организации выполняли при случае задания для другой.

Деньги также приходили из одного и того же источника — Западно-европейского бюро Коминтерна в Берлине, и размещались потом на счетах в семи разных китайских банках. Отчеты показали размах их деятельности в Шанхае в 1931 году: так, Дальневосточное бюро израсходовало на свою деятельность от 120 до 150 тысяч фунтов стерлингов за год, из которых 95

тысяч — в Китае. А Секретариат расходовал до тысячи фунтов в месяц.

Очевидно, Ноуленс был главой обоих офисов и, кроме жизненно важного дела поддержания связи, он, похоже, отвечал также за безопасность и за наем подходящего жилья в Шанхае. Смешанная группа имела в своем распоряжении четырнадцать или пятнадцать помещений для жилья, офисов и явочных квартир.

Во время ареста у Ноуленса нашли два паспорта — бельгийский и канадский. Кроме того, выяснилось, что он пользовался двенадцатью псевдонимами. Его адвокаты сделали попытку доказать, что он бельгийский гражданин, однако полиция сумела найти в Бельгии истинного владельца бельгийского паспорта, найденного у Ноуленса, а самого Ноуленса предварительно идентифицировать как Поля Ругга, видного члена Швейцарской коммунистической партии, исчезнувшего в Москве в 1924 году. Швейцарские власти отказались предоставить Ноуленсу какую-либо защиту, и в августе 1931 года шанхайская полиция передала дело Ноуленса и его жены, арестованной вместе о ним, в суд.

Арест Ноуленса и разоблачение аппарата Коминтерна на Дальнем Востоке породили тревогу и недоумение в левых кругах Шанхая. Сам Зорге, очевидно, уехал из города через две недели после получения известия об аресте Ноуленса, но, согласно записи в полицейской картотеке британского сеттльмента, вернулся обратно через месяц.

Существовала ли какая-либо связь между Зорге и организацией Ноуленса? Прибыв в Шанхай, он арендовал почтовый ящик № 1062. Один из находившихся в распоряжении Ноуленса имел номер 1077. Полиция, которая вела наблюдение за почтовыми ящиками Ноуленса, ввела подобные меры и по отношению к Зорге. Однако это вполне могло быть просто ничего не значащим совпадением.

Полиция также подозревала Зорге в том, что он является членом Секретариата, однако это вполне объяснимо: в сентябре 1931 года в Шанхае был создан местный комитет в защиту Ноуленса, юристы которого утверждали, что Ноуленс был всего лишь секретарем этой якобы открытой легальной организации. В этом комитете выделялась Агнес Смедли. Его поддерживали Международная организация «Красная Помощь», а также такие известные и прогрессивные американские журналисты, как Эдгар Сноу и Гарольд Исаакс. Похоже, что и Зорге открыто сотрудничал с этим комитетом как с частью всемирной кампании, организованной в прогрессивных кругах за освобождение

Ноуленса. И действительно, когда Одзаки впервые встретился с Зорге, он подумал, что это своего рода профессиональная деятельность Зорге, которой он занимался наравне о журналистикой.

В своем «признании» Зорге утверждает, что «впервые узнал о том, что Ноуленс занимался в Шанхае подпольной деятельностью только после ареста» последнего. Но это утверждение противоречило его же собственному описанию «коминтерновской группы в Шанхае», которое дополняет картину деятельности этой организации, вскрывшуюся после ареста Ноуленса.

С этой группой Зорге встретился в Шанхае в 1931 году «случайно». Группа имела два филиала — организационную и политическую секции. «Через этот аппарат шла прямая личная связь между Москвой и Китайской коммунистической партией. Секция считалась «особо секретной». Ее возглавлял Ноуленс, имея под началом «одного или двух помощников». Его основной обязанностью была передача денег Китайской компартии и поддержание связи с ее Центральным Комитетом, поиск безопасных адресов для важных встреч между посланцами Коминтерна и китайскими руководителями, организация курьерской и радиосвязи о Москвой и передача «секретных материалов между Москвой и Китаем». Эта секция также отвечала за безопасность организации и охрану членов политического филиала, коим она могла приказывать ограничить свои передвижения.

Политический филиал возглавлял Герхард Эйслер, также с «одним или двумя помощниками». Его главной задачей было снабжение Китайской коммунистической партии директивами Коминтерна, быть каналом обмена информацией между партией и Москвой и «представлять отчеты, касающиеся всех общественных проблем, включая и проблемы рабочего движения в Китае». Отчеты эти передавались в Москву организационным филиалом.

Согласно протоколам шанхайской полиции, Эйслер жил на Вонгшоу-гарденз в Международном сеттльменте. А Зорге после июня 1931 года жил в доме № 23 на той же улице[41]. Возможно, что Зорге как раз и снял квартиру Эйслера.

Несмотря на эти совпадения, шанхайская полиция не идентифицировала Эйслера как члена Дальневосточного бюро, как не связала она и Зорге с организациями Коминтерна в Китае[42]. Это говорит о хорошо продуманной системе ухода членов Дальневосточного бюро и Секретариата, так как полиции не удалось ни арестовать никого, кроме Ноуленса и его жены, ни выйти на их помощников в Шанхае.

После ареста Ноуленса положение Эйслера стало явно ненадежным, и, по словам Зорге, он спешно вернулся в Москву. Оба они раньше встречались в Германии, «еще с тех дней, когда мы оба участвовали в германском коммунистическом движении», вместе работали в организации Коминтерна в Москве, где также часто встречались. Зорге признал, что они возобновили старое знакомство в Шанхае и что он «встречался с Герхардом всего-навсего три раза». По словам Зорге, миссия Эйслера в Шанхае напоминала его собственную в Скандинавии, т. е. он был специальным представителем Коминтерна в местной коммунистической партии.

С 1930 года русские были особенно озабочены тем, что китайское руководство в Шанхае может стать слишком независимым от Москвы, так что вполне вероятно, что главной задачей Эйслера было навязывание директив Коминтерна Центральному Комитету Китайской компартии. Позднее, в 1936 году Эйслер объявился в качестве представителя Коминтерна в Американской коммунистической партии. Вернувшись в Европу о другой миссией, он в 1941 году сбежал в Соединенные Штаты, где и был в конце войны арестован в Нью-Йорке по обвинению в шпионаже. Затем он совершил эффектный побег в Англию, и британские власти позволили ему отправиться дальше, в Польшу.

Сейчас Эйслер живет в Восточной Германии и недавно дал осторожное интервью для прессы в Восточном Берлине, в котором и описал свои встречи с Зорге.

Как и Зорге, он подтвердил, что они встречались в Германии еще до поездки Зорге в Советский Союз и что «кое-где в самых сложных обстоятельствах, когда легко можно было в буквальном смысле потерять голову, Зорге был очень спокойным, хладнокровным человеком. Наши разговоры, когда мы встретились (в Шанхае), были короткими и только по делу. Встречи не могли быть долгими. Но он мог за несколько минут обрисовать сложную ситуацию, разъяснить намерения и планы врага и тем самым помочь друзьям и предостеречь их».

Москва заменила Ноуленса другим опытным сотрудником Коминтерна, который также знал Зорге. Это был Карл Лессе, бывший ведущий функционер в контролируемом Коминтерном Международном союзе моряков и руководитель его секции в Германской коммунистической партии.

Именно Лессе завербовал Клаузена в партию в Гамбурге в 1927 году, и вскоре после прибытия в Шанхай Клаузен и Вейнгартен навестили Лессе в его номере в отеле. Лессе сообщил Клаузену, что он был организатором для китайских коммунистов и работал на «шанхайский филиал Коминтерна».

После ареста Ноуленса шанхайская полиция установила наблюдение за Зорге, и не только за его почтовым ящиком № 1062, но и за квартирой на Вонгшоу-гарденз в период между июлем 1931 и январем 1932 годов, после чего отсутствуют какие-либо данные о продолжении слежки. Согласно полицейским рапортам, Зорге бывает дома очень мало, а когда бывает, «проводит время, играя с друзьями в шахматы. Получает много телефонных звонков и очень осторожен, старается сделать так, чтобы его разговоры не мог услышать никто из его домашних».

Зорге сообщал, что он был связан с Освальдом Дени-цем, «агентом Третьего Интернационала». Этот человек был установлен шанхайской полицией, как прибывший из Берлина 2 августа 1931 года и попавший в тень дела Ноуленса. Он выдавал себя за направляющегося в Гамбург коммивояжера какой-то шарлатанской медицинской фирмы. Все свои передвижения старался сохранять в тайне. Открыл дело по торговле недвижимостью, но почти сразу же закрыл его. Так часто менял свои адреса, что денежные переводы, приходившие на его имя из коминтер-новских источников в Европе, никогда не доходили до него. Дениц уехал в Советский Союз в декабре 1931 года, или завершив свою миссию, или, что более вероятно, найдя обстановку опасной.

Поскольку Карл Лессе прибыл из Гамбурга и поскольку — по словам Клаузена — его «крышей» была «торговля лекарством от проказы», то более чем вероятно, что Дениц и Лессе были одним и тем же человеком. Подозрения полиции о его связях о Зорге — еще один показатель как опасностей, сопутствующих этой профессии, так и вполне вероятной перспективы провала, которая угрожала группе Зорге на волне шпиономании, поднявшейся после ареста Хилари Ноуленса.

Несмотря на то что в своем «признании» Зорге отрицает какие-либо оперативные связи с коминтерновской группой в Шанхае, нет сомнения, что офицеры Красной Армии и сотрудники Коминтерна в ходе их обучения и последующих зарубежных миссий формировали своего рода тайное братство и устанавливали личные отношения. Зорге даже заметил, что «эти организации (группы Красной Армии в Китае и Дальневосточное бюро Коминтерна в Шанхае) после дела Ноуленса потерпели крах, поскольку их члены слишком хорошо знали друг друга… Наша же группа избегала контактов подобного рода». Дело Ноуленса имело два последствия в коммунистических кругах Азии.

Данные из архивов по делу Ноуленса говорят о существовании подфилиала или Южного бюро в Гонконге,

недавно организованного, чтобы поддерживать прямую и более независимую связь с коммунистическими партиями Индокитая и Малайи. 6 июня 1931 года британская полиция арестовала некоего Нгуен Ай Куака.

Этот человек был одним из ведущих агентов Коминтерна на Дальнем Востоке. Он приехал в Европу из Сайгона в качестве стюарда на французском корабле и какое-то время работал мойщиком посуды в Лондоне, а потом перебрался в Париж, где открыл небольшую фотомастерскую.

Этого молодого человека быстро затянуло в крайне левые круги, и впервые он привлек к себе внимание публики на Учредительном съезде Французской коммунистической партии в Туре в октябре 1920 года, где выступил с речью о колониальных условиях в его родном Индокитае. В поисках потенциальных лидеров для Дальнего Востока аппарат Коминтерна в Париже обратил внимание на Нгуен Ай Куака, и в 1924 году он уезжает из Франции в Москву. В том же году в советскую столицу прибывает и Зорге.

В следующем году Нгуен Ай Куак сопровождает Бородина во время его поездки в Китай в качестве специалиста по азиатским делам и начинает формирование в Кантоне и Южном Китае кадров для Коммунистической партии Индокитая. В 1927 году он был делегатом конгресса Всетихооке-анского секретариата профсоюзов в Ханькоу, а К 1930 году поддерживает активную переписку с Дальневосточным бюро в Шанхае и руководит его филиалом в Гонконге.

После его ареста советский фронт организаций, возглавляемых Международной организаций «Красной помощи», как и в случае с Ноуленсом, развернул всемирную кампанию в его защиту о целью не допустить передачи арестованного британскими властями в Гонконге французской службе безопасности в Сайгоне. Нгуен Ай Куак таинственно исчез из поля зрения на целых восемь лет. И вновь открыто объявился в качестве руководителя Коммунистической партии Индокитая (вскоре ставшего известным как Вьетнам). Звали этого человека Хо Ши Мин.

Дело Ноуленса имело последствия и для Японии, которая, в отличие от Китая, имела самую значительную, с точки зрения Коминтерна, коммунистическую партию на Дальнем Востоке. Связь между Москвой и Токио в те годы поддерживалась через Шанхай и Владивосток, и доклады об обстановке в Японии составляли важную часть работы как Дальневосточного бюро, так и офисов Секретариата. Пространные отчеты, найденные во время обыска на квартире Ноуленса, дали возможность полиции

японского сеттльмента установить, по крайней мере, некоторых из «японских сотрудников» этих офисов.

Среди подозреваемых, арестованных полицией, оказались и несколько студентов Восточно-Азиатской школы режиссуры. Более важным уловом оказался один из инструкторов этой школы Нозава Фусаи, учившийся в одной группе с Одзаки; дом его впоследствии стал местом для встреч Агнес Смедли и миссис Вайдмейер. Нозава был арестован япон-ской полицией в июле 1931 года, через несколько недель после ареста Ноуленса, но продержали его не более месяца. В действительности же Нозава был связником Дальневосточного бюро с Токио, но об этом полиция так и не узнала. Нозава продолжил свою конспиративную деятельность и впоследствии был направлен на помощь Одзаки в Японию. Дыхание опасности коснулось группы Зорге.

На самого Зорге дело Ноуленса и его возможные последствия произвели тяжелое впечатление. Это было своего рода классическим предостережением.

В своем «признании» Зорге писал, что нанкинское правительство «арестовало руководителей Китайской коммунистической партии и из их показаний узнало и о существовании Ноуленса, и о его деятельности». Факты говорят о прямо противоположном. Арест Ноуленса был единственной причиной провала Дюкре, агента Коминтерна во Франции, в Сингапуре. А член Политбюро Центрального Комитета Китайской коммунистической партии возглавлявший «Отдел особых дел» (ГПУ), был арестован нанкинскими властями в апреле 1931 года и выдал им адреса нескольких руководящих членов, так же, как и связи между партией и агентствами Коминтерна в Китае.

Этот случай привел к аресту и казни генерального секретаря Китайской коммунистической партии и полному разрыву связей между партией и Дальневосточным бюро — удар, который не мог не обратить на себя внимание Зорге. Он делает, однако, лишь одно осторожное замечание по этому поводу: «Я также сообщал новости, которые мне случалось услышать о Китайской коммунистической партии; например, касающиеся активности Красной Армии в Китае и разгрома партийного руководства, но у меня не было организационных контактов с членами партии». В качестве мести за это поражение Чжоу Эньлай, один из уцелевших руководителей Центрального Комитета китайской компартии, приказал немедленно убить всех ближайших родственников «предателей», выдавших полиции секретную информацию.

Ноуленс и его жена были переданы нанкинскому

правительству, предстали перед военным трибуналом и в октябре 1931 года были приговорены к смерти. При обстоятельствах, которые так никогда и не были прояснены, пара была депортирована в Советский Союз в июне следующего года и исчезла из виду. Предполагали, что их обменяли на нанкинских агентов, захваченных русскйми.

Судьба Ноуленса вспомнилась Зорге, когда он сидел в тюремной камере в Токио, ибо это было дело одного из ведущих советских агентов, таинственно исчезнувшего. Как будут реагировать советские власти сейчас, когда сам Зорге оказался в столь бедственном положении и когда удовлетворение от выполненной блестящей миссии в пользу Советского Союза было его единственным утешением? Разве не так же, как в случае о Ноуленсом? И эта иллюзия оставалась с ним до конца.

Настоящая личность Ноуленса не была установлена британской полицией в Шанхае, которая удовольствовалась тем, что приняла в качестве окончательной версию о его швейцарском происхождении. Но Зорге знал больше. «Швейцарские власти могли по его акценту сказать, что он коренной швейцарец. Я не знаю его истинной национальности. Полагаю, что он балт»[43].

Если Ноуленс действительно был советским, тогда можно частично объяснить тот особый интерес, который проявили в отношении него русские власти. Но ведь и у Зорге также было советское гражданство…

Глава 5. ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ — ТОКИО

Я мог бы кое-что сделать в Японии.

Зорге

Зорге прибыл в Москву в январе 1933 года. Он снял номер в отеле «Новая Москва» [44] и явился с докладом к Берзину в штаб-квартиру Управления, где его «радушно встретили» и сообщили, что его работа в Китае признана в высшей степени удовлетворительной, а также спросили, какие у него есть мысли на будущее. Зорге, однако, не горел желанием сразу же приступать к обсуждению другого задания. Сначала ему бы хотелось закончить книгу, которую он написал о сельском хозяйстве Китая и над которой продолжал работать каждый вечер. Время от времени его вызывали в 4-е Управление для бесед, но Берзин часто встречался с Зорге у того в отеле или же приглашал его к себе домой.

Как член Российской коммунистической партии, вернувшийся из-за границы, Зорге доложил о своей поездке Центральному Комитету, «где я вновь встретил Смолянского, который вел мои дела еще с 1929 года». Зорге предстал перед небольшой комиссией и завершил процедуру, установленную партией. «Смолянский сказал, что я высоко котируюсь в партии».

Григорий Смолянский был первым секретарем этой организации, а также заместителем главы Секретариата по Центральной Европе. Недавно появившиеся в советской прессе данные дают основания предполагать, что Зорге был его другом и часто бывал у Смолянского дома. Григорий описан, как «профессиональный революционер и секретарь Всесоюзного Центрального Исполнительного комитета».

Его сын помнит Зорге. Он, по его словам, был «широкоплечим светловолосым, с резко очерченными бровями, прямым открытым взглядом и крепко сжатым ртом. Однако его внешность никоим образом не оставляла впечатления угрюмости или отрешенности».

Кроме того, Зорге несколько раз встречался — по вопросам, связанным с его работой в Китае, — с членами Комиссариата по иностранным делам и сотрудниками ГРУ, а также с «Джимом» (Лехманом), начальником радиоотдела 4-го Управления и его

давним знакомым еще по Шанхаю. У всех у них было множество вопросов, которые они хотели бы задать Зорге. Как говорил сам Зорге японской полиции: «Каждый раз один из них поднимал новый вопрос и мне приходилось готовить отчет, так **410** я день и ночь печатал на машинке».

Уже в апреле, спустя восемь недель после своего прибытия в Москву, Зорге вызвали в 4-е управление, и Берзин сообщил, что ему не позволят закончить книгу. Он должен отправиться в следующую миссию за границу. Есть ли у него какие-либо предпочтения в этом вопросе? Зорге ответил, что он бы выбрал Азию, и в частности, Северный Китай или Маньчжурию. Затем полушутливо заметил, что смог бы кое-что сделать в Японии[45].

Через, несколько дней его вновь пригласили в офис Берзина. Оказалось, что Центральный Комитет российской коммунистической партии непосредственно заинтересован в японском направлении.

Во время последующих встреч с Берзиным было согласовано, что миссия Зорге в Японию должна поначалу носить предварительный, своего рода экспериментальный характер.

«Кому-нибудь придется выяснить (как писал Зорге), возможно ли мне и моим помощникам легально въехать в Японию, возможно ли будет для нас общаться с японцами и иностранцами, проживающими в Японии, каковы технические возможности установления радиосвязи или любой другой связи и, наконец, возможно ли собирать информацию, касающуюся японской политики в отношении Советского Союза».

Такова была суть его миссии. Как он писал в своем «признании», главным в его задании было «пристально следить за японской политикой в отношении Советского Союза после Маньчжурского инцидента и одновременно внимательно изучать вопрос, планирует ли Япония нападение на Советский Союз.

…Такова была в течение многих лет главная задача моей группы и, не будет преувеличением сказать, единственный объект моей миссии в Японии».

Было решено, что поначалу Зорге останется в Японии максимум на два года. За это время он должен решить, есть или нет у него возможность заняться шпионажем в Японии. Японцы славились пресловутой шпиономанией и подозрительностью, а в атмосфере националистической экзальтации, поднявшейся после исключения Японии из Лиги Наций, все иностранцы в этой стране стали объектами подозрительного внимания. Сам факт, что первая миссия Зорге в Токио была пробной, дает основания предполагать, что советские разведывательные службы столкнулись в Японии с особыми трудностями.

Берзин сказал Зорге, что ему будут приданы два помощника, один из которых японец, а другой — радист. Зорге также предостерегли от каких-либо контактов с находящейся в подполье Японской коммунистической партией или с японскими левыми. Ему также велено было держаться подальше от русского посольства в Японии.

Использование советских посольств и консульств за границей в шпионских целях было жестко ограничено после налетов полиции в Ханькоу и Харбине в 1927 году и скандала в Англии в том же году, когда британская полиция устроила обыск в советском торговом агентстве. И потому неизмеримо более важным оказалось развивать специальную разведывательную технику с помощью различных советских агентств, действующих независимо от местных официальных представителей. Это лишь подтвердило давнее мнение Зорге о необходимости полного обособления разведывательной деятельности даже от административного аппарата Коминтерна.

«Я был независимым руководителем шпионской группы, действовавшей в Японии, и я был послан в Японию как независимый руководитель этой группы 4-м Управлением. Я был на особом счету в 4-м Управлении, и я был единственным российским коммунистом в моей группе».

Как и в случае своей предыдущей миссии, Зорге побывал, по крайней мере, на одной общей инструктивной встрече, где присутствовали также представители Коминтерна, 4-го Управления и ГПУ. С разрешения Берзина он также искал совета и руководства на более личной основе. Так, у него состоялась серия бесед со Смолянским из Центрального Комитета партии о советско-японских отношениях. Беседовал он также и с Радеком. Короткие неформальные встречи состоялись в кабинетах Центрального Комитета. «Примерно в это же время я встретил в комитете старого друга «Алекса». Радек, «Алекс» и я вели долгие дискуссии по основным политическом и экономическим проблемам, включая Японию и Восточную Алию».

Недавно «Алекс» был твердо идентифицирован русской прессой как Борович. Он не был связан с «Алексом» — участвовавшим в китайской миссии. Сам Зорге писал о нем, что он «работал раньше на секретариат Российской коммунистической партии в Москве, но одновременно на-холился в 4-м Управлении». Ясно, что именно Борович непосредственно занимался теперь организацией миссии Зорге в Японию.

Упоминание Зорге о Радеке и значительно, и озадачивает. Похоже, что и Зорге, и его жена Кристиана знали Радека еще во время их совместного пребывания в Москве. Но этот

«буревестник» первых боевых дней Коминтерна и германского поражения 1923 года, находился ныне в политической опале и лишь тускло мерцал на политическом небосклоне, пребывая на обочине власти.

В дополнение к своим разнообразным дарованиям, Радек в руководящих партийных кругах считался еще и специалистом по китайским делам, а также был ректором Университета Востока, в котором из азиатских студентов готовились кадры для будущего руководства коммунистическими партиями Азии. Похоже, что Борович в этот период был прикомандирован к Радеку в качестве «военного советника».

И оппозиционная группа Бухарина — Радека, и руководство советской военной разведки уже находились в то время под огнем Сталина. Подобно Смолянскому, и Радек, и Борович были расстреляны во время чисток, и потому их деятельность по подготовке миссии Зорге в Японию, можно сказать, символизировала конец эпохи.

Еще одна полезная встреча состоялась у Зорге с двумя членами советской зарубежной службы, жившими в Токио. Оба говорили по-японски и «объяснили условия жизни в Японии». Завершила раунд приглашений встреча Зорге с «моими старыми друзьями Пятницким, Мануильским и Куусиненом».

Оставалось решить, какая «крыша» была бы наиболее подходящей для его нынешней миссии. Может быть, немецкий журналист? Эта «крыша» неплохо послужила ему в Китае, и теперь у него уже действительно была репутация неплохого корреспондента. Что касается группы Зорге в Токио, то все ее члены должны будут собраться сразу, как только он прибудет в Японию.

7 мая 1933 года Зорге уехал из Москвы в Германию — первый пункт на его пути в Японию. Более четырех месяцев провел он в советской столице. Возможно, что, по крайней мере, часть этого времени он прожил с русской женщиной Екатериной, которая работала инженером на предприятии, производящем медицинские препараты. Безусловно, он жил у нее и во время своего следующего приезда в Москву в 1935 году. Все знакомые знали ее как русскую жену Зорге[46] . Вполне вероятно, что он, должно быть, встретился с ней в начале 1933 года. Но возможно, что общаться они стали в 1929 году, если не раньше.

Зорге прибыл в Берлин с устоявшейся репутацией журналиста, специализирующегося по Дальнему Востоку. Коллега Зорге по русской военной разведке опубликовал в советской прессе под псевдонимом «товарищ Горев» краткое описание пребывания Зорге в Берлине в 1933 году[47].

Сам «Горев» также готовился покинуть Берлин, чтобы отправиться с миссией на Дальний Восток, когда получил указания от «главы нелегальной берлинской организации, которого я знал как «Оскара», встретиться с товарищем «Рамзаем». «Гореву» было сказано, что они с «Рамзаем» — новая кличка Зорге — будут «соседями» и что им следует обсудить вместе «некоторые вопросы оперативного характера».

«Горев» описывает их первую встречу, состоявшуюся в кафе в аристократическом пригороде Берлина, и приводит некоторые из высказываний Зорге, в которых тот в общих словах характеризует ситуацию, сложившуюся в мире в 1933 году: растущая опасность войны против Советского Союза, противостояние оппозиционных сил, фашистских и советских, трудности подпольной работы в Японии. Главное впечатление, оставшееся у «Горева» от общения с Зорге, — «целеустремленность сотрудника советской военной разведки».

По словам «Горева», целью приезда Зорге в Берлин было приобретение настоящего германского паспорта, а также удостоверения корреспондента газеты. Архивы веймарской полиции попали в руки гестапо, а кроме того, Зорге был лично известен многим бывшим членам Германской коммунистической партии. И потому операция была в высшей степени опасной. Берзин, руководитель советской военной разведки, который, как утверждает «Горев», был ответственным за этот план, пошел на рассчитанный риск, будучи «асом в диалектике разведки». Дело в том, что гестаповская служебная машина в то время не была еще столь отлаженной, какой она стала впоследствии, и потому Зорге мог вести себя решительно и смело. Он успел глубоко изучишь нацистскую литературу и фразеологию и потому прибыл в Берлин «идеологически подкованным».

Позднее Зорге утверждал, что он подал заявление о приеме в нацистскую партию. Возможно, что эта идея обсуждалась с советскими руководителями высокого уровня, но кажется невероятным, что можно было предпринять нечто подобное.

Несущественным в то время было и членство немецкого журналиста в недавно основанной нацистами Ассоциации прессы. Зорге, однако, обратился в берлинскую полицию, о чем говорят ее архивы от 1 июня 1933 года, с заявлением о выдаче ему нового германского паспорта и в своем curriculum vitae ясно указал, что он прибыл в Германию прямо из Китая, а никак не через Москву. Поступая таким образом, он представил рекомендации уважаемых личностей, будучи вполне уверенным, что это должно свести практически к нулю риск дотошного полицейского копания в его прошлом. Даже если его давние связи с Германской

коммунистической партией в Гамбурге и Руре и выйдут наружу, то теперь это будет уже делом прошлым, поскольку многие бывшие коммунисты ныне также вступили в нацистскую партию.

И однако же лишь 1 октября 1934 года он был официально принят в токийский филиал нацистской партии. Таким образом, у властей было вполне достаточно времени, чтобы сделать все необходимые запросы относительно прошлого Зорге. Высказывалось предположение, что на ответственном посту в архивах гестапо служил советский агент. Если верить Шелленбергу, он сам проверил личное дело Зорге в 1940 году и обнаружил, что «если и не было доказано, что он был членом Германской коммунистической партии, то любой мог сделать вывод, что он, по крайней мере, симпатизировал ей. Он (Зорге), конечно же, находился в тесном контакте с огромным количеством людей, известных нашей разведке как агенты Коминтерна, но у него были также и тесные связи с людьми из влиятельных кругов, которые всегда могли защитить его от слухов подобного рода».

Как бы там ни было, но Зорге той весной пошел в Берлине на рассчитанный риск.

По словам «Горева», его коллеги-разведчика, 9 июня Зорге отправил из Берлина следующее сообщение в московский Центр: «Ситуация для меня не очень привлекательная, и я буду рад, когда смогу исчезнуть отсюда».

А 3 июля он вновь пишет: «Дела у нас заметно оживились, и интерес к моей персоне может стать намного более пристальным».

Зорге пробыл в Германии около восьми недель, занятый устройством своей журналистской «крыши», но, по-видимому, он, по крайней мере, однажды встречался с Кристианой. Есть основания полагать, что положение было таково, что он и Кристиана, столь долго прожившие врозь, вполне дружелюбно развелись. Для своих старых друзей Зорге по-прежнему оставался, как вспоминает один из них, «старым коммунистическим идеалистом».

«Он по-прежнему желал освободить мир от капиталистического империализма и милитаризма и хотел сделать так, чтобы войны в будущем были невозможны. Все трудности, нехватки, недостатки и ошибки Советского Союза были лишь прискорбным явлением переходного периода».

В то же время друзья заметили, что он стал довольно много пить.

Зорге договорился с двумя газетами — «Borsen Zeitung» и «Tagliche Rundschau», — что он будет присылать им статьи из

Японии. Последняя считалась в некотором роде прогрессивной газетой и в декабре 1933 года была запрещена. А до того времени Зорге регулярно посылал статьи в ее редакцию. Ведущий автор «Tagliche Rundschau», д-р Зеллер, был тоже когда-то солдатом, и частично по этой причине они с Зорге понравились друг другу. У Зеллера в Японии был друг — полковник германской армии Эйген Отт, помощник военного атташе, временно назначенный ответственным по связям и инструктажу в японский артиллерийский полк в городе Нагоя. Зеллер дал Зорге рекомендательное письмо для Отта, в котором описал Зорге как человека, заслуживающего полного доверия как в политическом, так и личном плане. Рассказывая об этом эпизоде следователям девять лет спустя, Зорге заметил: «В то время немцы за границей с подозрением относились друг к другу. И потому, если мне нужно было, чтобы Отт доверял мне, письмо, подобное зеллеровскому, было просто необходимо».

Куда более дерзким шагом, однако, стала попытка заручиться поддержкой ведущего национал-социалистического теоретического журнала «Геополитик», основанного Карлом Хаусхофером, чья концепция геополитики — соотношения политики и географии, была тогда очень модной в высших партийных кругах. Зорге встретился с редактором, д-ром Волфинкелем, в Берлине. Волфинкелю уже было известно имя Зорге по тем статьям, что он посылал в германскую прессу из Китая, и он оказался достаточно любезным, чтобы дать Зорге рекомендательное письмо, в котором представил его двум сотрудникам германского посольства в Токио.

Собрав в Берлине рекомендательные письма от своих коллег-журналистов, а также от деловых фирм, торгующих с Японией, Зорге затем отправился в Мюнхен, чтобы навестить Карла Хаусхофера, от которого также получил рекомендательное письмо к д-ру Ворецу, германскому послу в Токио, и м-ру Дебучи, японскому послу в Вашингтоне.

Стоит вспомнить, что, согласно ортодоксальным марксистским взглядам того времени, нацистский режим считался недолговечным. Более того, Зорге прекрасно знал, что некоторые немцы в Японии были в душе антинацистами. И потому, как писал он, «после долгих размышле-ний я решил вооружиться еще в Германии как рекомендательным письмом от считавшейся пронацисткой «Геополитики», так и от «Tagliche Rundschau», известной своими антинацисткими взглядами».

Зорге также предложил свои услуги финансовой газете «Algemmen Handelsblad» из Амстердама, которая согласилась регулярно получать от него статьи из Токио[48].

Из всех тайных встреч Зорге в Берлине главной была его встреча с будущим радистом его группы «Бернгардом». Тогда же они договорились вновь встретиться уже в октябре в «Империал-отеле» в Токио.

Теперь Зорге был готов отправиться в дальнейший путь, имея массу рекомендательных писем и надежную «крышу» иностранного корреспондента. Ехал он под своим собственным именем и по подлинному германскому паспорту. В своем последнем письме из Берлина, датированном 30 июля, он пишет: «Я не могу утверждать, что выполнил все на сто процентов, но было просто невозможно добиться большего и было бы бессмысленно оставаться здесь лишь для того, чтобы подписать соглашения о сотрудничестве с другими газетами… Я болен от безделья. Сейчас я могу только сказать, что предпосылки для моего возвращения к работе более или менее созданы».

Поскольку могли возникнуть сложности практического характера, а также оставался большой риск быть узнанным, отправься он на Дальний Восток маршрутом через Сибирь, или Шанхай, или Суэц, Зорге решает воспользоваться другим путем — через Францию, минуя строго контролируемые порты Северной Германии, и далее в Соединенные Штаты.

И потому в июле он отплывает из Шербура в Нью-Йорк. Не осталось никаких данных о его неспешных передвижениях во все последующие недели, за исключением его визита к японскому послу в Вашингтоне с рекомендательным письмом от Хаусхофера и получения от посла такого же документа, адресованного начальнику Информационного департамента Министерства иностранных дел Японии в Токио, а также двух встреч в Нью-Йорке и Чикаго с членами аппарата Коминтерна в Соединенных Штатах, один из которых был сотрудником газеты «Вашингтон пост». Зорге встречался с ним на Всемирной выставке в Чикаго. От него он и узнал, что его японские помощники прибудут в Японию из Калифорнии, чтобы присоединиться к нему в Токио, а также способ установления контакта с ними.

Отплыв из Ванкувера 6 сентября 1933 года Зорге прибыл в Йокохаму.

Глава 6. ЯПОНСКАЯ СЦЕНА

Вишня — цветок среди цветов,
воин — среди людей.

Японская пословица

Политическая атмосфера в Токио, когда туда прибыл Зорге, оказалась душной и гнетущей, как и японская погода в сентябре, когда наступает сезон внезапных тайфунов. Все выглядели вздернутыми и нервными, и угроза насилия, казалось, висела в воздухе. Чуть больше года прошло с того дня, когда группой молодых офицеров в своей официальной резиденции был застрелен премьер-министр Инукаи Цуйоси, а в июле 1933 года, как раз за два месяца до приезда Зорге, полиция в последнюю минуту раскрыла заговор, направленный на уничтожение всего Кабинета.

Предполагаемыми жертвами этого убийства должны были стать премьер-министр Саито Макото и двенадцать его коллег. Адмирал Саито был человеком сдержанным, умеренно-оптимистического характера. Он не поддался патриотической истерии, а потому и стал мишенью для нападок со стороны националистов. Суть его позиции хорошо иллюстрируют слова, сказанные им уже в качестве премьера редактору газеты «The Japan Advertiser»: «Все будет хорошо, пока мы, старики, будем сидеть здесь, чтобы давить на тормоза».

Но в качестве фигуры общенационального масштаба этого проницательного моряка затмевал министр обороны Араки Садао. Генерал-лейтенант Араки был известен по всей Японии как защитник Кодо — или учения «Имперский путь». Подобно другим ультранационалистским элементам того периода, учение Кодо зачастую искренне, если это было удобно, представлялось его приверженцами, как нечто невыразимое словами. Суть их кредо, однако, состояла в вере в силу и добродетельность «прямого правления императора» и в божественную миссию Японии по расширению империи.

Что значит «прямое правление императора» никогда точно не определялось: нет сомнения, что идея эта была слишком возвышенной, чтобы подвергаться сухому анализу. Но для молодых ультранационалистов, офицеров японской армии, это само собой подразумевало радикальную реконструкцию японского общества на социалистических началах. Все богатство — финансы, основные фонды и землю, — превышающее некую

определенную стоимость, следовало отдать или (как писали приверженцы Кодо) «вернуть» императору. Не удивительно, что среди защитников Кодо было много бывших социалистов и коммунистов. Поскольку, похоже, эта концепция приводила революционные действия в гармонию с традиционной верностью императорскому дому. Она была очень привлекательна для политически сознательных и недовольных младших офицеров в армии и флоте, которые презирали огромные капиталистические синдикаты — так называемые дзайбацу — и парламентских политиков, действовавших с ними заодно и во многих случаях на стороне этих концернов. В то же время эти крайние националисты испытывали дикий страх перед международным марксизмом, представленным в мире Коминтерном и Советским Союзом. Последний вообще рассматривался в качестве главного внешнего врага Японии.

Что до божественной миссии японской нации, то оккупация Маньчжурии, начавшаяся в сентябре 1931 года, была всего лишь первым шагом того процесса, который непременно должен быть продолжен. И вот здесь-то и начинался спор между сторонниками Кодо и генералом Араки о том, следует ли идти дальше на север и северо-восток. Судя по тем речам, что произносил Араки в 1933 году, генерал считал войну с Россией неизбежной и действительно близкой. Он даже установил дату нападения — года через два. Он обращался во многих случаях «к кризису 1935–1936 годов», когда Япония получит возможность поднять оружие против советских сил на Дальнем Востоке.

Вместе с генералом Араки в качестве министра обороны и его другом генерал-лейтенантом Масаки, занимавшим другой ключевой пост — генерального инспектора военной подготовки, — оказалось, что школа Кодо — Кодо-ха, как ее называли, — стала превалировать в военном мышлении Японии. Это мировоззрение, похоже, получило в то время широкое распространение и в кругах военных атташе в Токио. Американский посол Джозеф Грю заметил в своем дневнике 7 сентября^ 1933 года (на следующий день после прибытия Зорге в Йокохаму), что один из его собственных помощников-атташе согласен со своими зарубежными коллегами и считает русско-японскую войну «абсолютно неизбежной» и предсказывает, что начнется она весной 1935 года.

В действительности, однако, Араки и Масаки — защитники Кодо и кумиры молодых офицеров, уже летом 1933 года начали терять почву под ногами.

Японскую армию никоим образом нельзя было считать той сугубо дисциплинированной монолитной организацией, каковой

ее преподносили всему остальному миру. На самом деле ее раздирали противоречия и зачастую очень жестокая фракционная борьба.

У Араки и Масаки были могущественные враги внутри их собственной службы. В оппозиции к ним находилось множество старших офицеров, уверенных, что было бы неумно ссориться с Россией и считавших, что многоречивый Араки просто безрассуден и чересчур эмоционален, что является плохим примером для молодежи. Все эти оппоненты Кодо-ха были известны, на жаргоне тех дней, как школа Тосей, или Тосей-ха, или «Фракция сдерживания» — название, позволяющее предполагать, что эта система взглядов была относительно трезвой и сдержанной.

Действительно, в системе взглядов «Фракции сдерживания», возможно, присутствовала несколько большая примесь здравого смысла, чем в учении Кодо-ха, однако «сдерживание» едва ли подходящий термин для офицеров, пытавшихся втянуть Японию в, по всей видимости, бесконечную войну в Китае. Они были, конечно, несколько менее радикально настроены, чем их соперники, но тем не менее убеждены, что политическое влияние армии, значительно возросшее после успехов в Маньчжурии, должно и далее увеличиваться.

Во второй половине 1933 года направление «сдерживания» принялось подрывать гегемонию Кодо-ха, заручившись поддержкой нескольких влиятельных союзников: часть армии сопротивлялась той форме крайнего национализма, что проповедовал Араки.

Находившийся на вершине властной пирамиды император проявлял нескрываемое отвращение к милитаризму во всех его формах. Великолепный наездник, он впечатляюще смотрелся на ежегодном смотре-параде на плацу в парке Йойоги, где были расквартированы гвардейские батальоны столицы Сидя на своем белом боевом коне император являл собой живое воплощение японского главнокомандующего, и тем не менее сцена эта чем-то неуловимо напоминала выезд кайзера в Потсдаме. Кое-кто подозревал, что император Японии рассматривал свое руководство вооруженными силами страны как неприятную, но неизбежную обязанность.

Император был человеком скрытным, академически образованным, всецело погруженным в занятия личным хобби — изучение биологии морских животных. Со времени убийства в 1928 году в Маньчжурии японскими офицерами маньчжурского военачальника Чан Цзолина император испытывал постоянное чувство тревоги и беспокойства, думая о том, что еще можно и

необходимо сделать, чтобы воспрепятствовать подобным эксцессам в собственной армии. Теоретически император был не только священным и неприкосновенным, но и всемогущим, сохраняемым ради своей конституционной обязанности издавать законы с согласия парламента. При этом ни в коем случае не предполагалось, что он может предпринимать какие-либо действия по собственной инициативе. В вопросах, касающихся военных и военно-морских операций, он действовал по рекомендациям службы начальников штабов (подобные дела находились вне компетенции Кабинета министров), а в управлении армией и флотом пользовался советами министра обороны и военно-морского министра, которыми неизменно назначались генералы и адмиралы действительной службы. При ратификации договоров с иностранными государствами он непременно выслушивал мнение своего Тайного Совета. Все остальные политические решения принимались Кабинетом и лишь формально одобрялись императором, перед которым члены Кабинета были лично ответственны.

Кроме того, император был открыт и для других важных источников влияния. Так, лорд-хранитель Малой Печати занимал положение, в чем-то аналогичное тому, что занимает личный секретарь в Букингемском дворце, и был повседневным советником императора в делах политических, а также присутствовал на большинстве аудиенций, даруемых гражданским министрам Кабинета. Пост этот в 1933 году занял граф Макино, либерально мыслящий ветеран, уже давно вызывавший неприязнь у крайних националистов. И он действительно был одним из тех, кого приговорили к смерти в июле 1933 года. Как и премьер Саито, тот старый человек был у власти, чтобы «давить на тормоза». То же можно было сказать и о министре императорского двора — обер-гофмейстере. Оба они были особы, приближенные к императору. Но самым заметным из всех личных советников был, без сомнения, пожилой принц Сайондзи, последний оставшийся в живых член небольшой, но могущественной олигархии, известной как Генро-ин[49].

В огромной степени благодаря нескольким годам, проведенным в Париже, еще когда он был молодым семнадцатилетним юношей, Сайондзи с недоверием относился к влиянию военных на политическую жизнь страны. Это был скептик с рациональным складом ума и репутацией профранцузски и проанглийски настроенного политика. Он хранил пылкую, страстную, хотя и вполне сознательную преданность императорскому дому, пребывая в убеждении, насколько можно было судить со стороны, что английская

монархия должна стать образцом для монархии японской. Другими словами, император во что бы то ни стало должен оставаться в стороне от всех спорных дел. Император не должен вмешиваться в текущую жизнь, кроме как в исключительных обстоятельствах и по самым важным делам или занимать определенную позицию по любым вопросам высокой политики. Он должен быть конституционным монархом, равно как и теократическим сувереном.

Поведение японской армии в Маньчжурии в 1931 году и позже вызывало глубокое неодобрение Сайондзи, но осторожный старик никогда не прекращал, до самой своей смерти в 1940 году, предостерегать императора против того, чтобы слишком явно демонстрировать свои намерения в отношении армейских движений. Нет сомнения, Сайондзи был уверен, что волна националистической истерии пойдет на убыль. Между тем император сумел заранее положить руку на тормоза, однако ему никогда не следовало садиться за руль.

В действительности же не всегда можно было с уверенностью сказать, кто, собственно, занимает место водителя и ведет Японию тем опрометчивым курсом, который через десятилетие привел ее к Пёрл-Харбору. Именно на этот вопрос и пытались найти ответ посольства и иностранные корреспонденты в Токио. Структура власти в Японии была такова, что один человек или группа людей могли получить безраздельный контроль над страной, направлять и координировать функции Кабинета и высшего командования. Когда-то давно такая безраздельная власть принадлежала на практике Генро-ин. К концу девятнадцатого — началу двадцатого века это стало выглядеть так, словно Кабинет, состоявший, за исключением военных министров, из партийных политиков, мог контролировать вооруженные силы. Подобная тенденция, однако, резко оборвалась в 1932 году, а после убийства Инукаи в мае 1932 года партийные кабинеты сошли на нет, и администрация Саито состояла уже почти полностью из чиновников.

К 1933 году армия и флот имели большее значение, чем какая-либо из гражданских групп, и из двух этих служб армия была более могущественной. Но, как мы висели, самой армии не хватало единства, а ее фракционные различия так и не были преодолены до самого Токийского мятежа, случившегося в феврале 1936 года. Однако, если говорить об армии, как едином целом, то позиция армии в тридцатые годы была такова, что она желала править, не беря на себя ответственности власти.

Военно-морской флот также страдал от раздробленности, однако фракционные разногласия здесь были куда менее

острыми, хотя и во флоте хватало своих радикально настроенных молодых офицеров. Но по-настоящему серьезный раскол во флотских кругах произошел в 1930 году по вопросу о Договоре о разоружении, подписанном в Лондоне. К 1933 году в ответ на растущие претензии армии флот начал сплачивать свои ряды. Мысли высших военно-морских офицеров были сосредоточены на проекте проведения следующей конференции по разоружению, которую планировалось провести в 1936 году. Было всеобщее согласие, что на этой ассамблее Японии не следует идти ни на какие уступки Великобритании и Соединенным Штатам, и можно быть уверенным, что убеждение это было инспирировано не только соображениями океанской стратегии, но также верой в то, что более могущественный флот, в смысле количества кораблей и орудий, означал бы усиление флотских позиций в Токио в противостоянии с армией.

Обе эти службы не слишком любили друг друга. Японские офицеры флота «имели обыкновение считать своих соотечественников, служивших в армии, людьми пусть смелыми, но глупыми, подобно узколобым фанатикам, не имевшим никакого представления о том, что творится в мире за пределами Восточной Азии. Конечно, разговоры о грядущей охватке с Советским Союзом расстраивали флот, у которого сама мысль о возможности русско-японской войны в 1935 или 1936 годах вызывала неприятие, ибо флот опасался, что война с Россией может вовлечь Японию в конфронтацию с Соединенными Штатами, а этого следовало бы избегать, по крайней мере, до начала сороковых годов. Необходимо было время для выполнения программы строительства флота и решения вопроса о его нефтеснабжении. В общем, флот полностью отвергал идею о необходимости конфликта о Россией. Флотские специалисты высказывали мнение о предпочтительности японской экспансии на юго-запад, в район Китая. Соответственно, и в спорах между Кодо-ха и Тосей-ха последняя могла быть уверена в поддержке со стороны флота.

Действительно, Кабинет Саито, как и его преемник — администрация под началом адмирала Окады, описывался в то время как «флотский Кабинет», тем более что повсюду ходили слухи, что принц Сайондзи, рекомендуя назначить адмирала Саито премьером вместо убитого Инукаи, стремился превратить флот в противовес фракции Араки в армии.

Парламент фактически не контролировал ни армию, ни флот. Во власти парламента было увеличить или урезать ежегодный бюджет, представляемый правительством, однако в случае отклонения бюджета в силу вступал бюджет предыдущего года.

Так или иначе, но к 1933 году обе палаты парламента утратили большую часть того влияния, которым они упивались в двадцатые годы.

Более того, одна из двух ведущих партий — Сейукаи — состояла из ярых националистов, приветствовавших более значительную роль армии в политических делах. Даже Минсейто, главный соперник Сейукаи, имеющая репутацию наиболее «либеральной» из этих двух партий, ни в коем случае не оставалась безучастной к той волне патриотических чувств, что захлестнула Японию после маньчжурской авантюры и последовавшего изгнания страны из Лиги Наций.

Что до японских левых — это было движение меньшинства, пребывающего после 1931 года в состоянии хаоса и замешательства. Многие социалисты успели запрыгнуть на подножку поезда военного национализма. Возможно, свою роль сыграл в этом рост фашизма в Европе, а угрозы со стороны правых фанатиков, без сомнения, заставили замолчать многих социалистов. Но самым важным в данном случае была уверенность в том, что эксплуатация Маньчжурии поможет смягчить экономический кризис, порожденный всемирной депрессией, а потому Араки и школа Кодо рассматривались многими социалистами как несомненно антикапиталисгическая сила, и потому многие социалисты и даже некоторые коммунисты обнаружили, что они вполне в состоянии превозносить достоинства концепции «Имперский путь».

Для тех же социалистов, которые отказывались плыть по течению, настали тяжелые времена. За ними непрестанно следила полиция, а также были введены решительные ограничения на то, что они могут сказать или написать публично. Ведь газеты и журналы любого сорта существовали с позволения полиции, которая старалась изо всех сил, разоблачая и искореняя то, что тогда называлось «опасными мыслями» причем мысли эти не ограничивались идеями Маркса и Ленина. Бескомпромиссные христиане, пацифисты, феминистки, защитники контроля над рождаемостью, энтузиасты эсперанто — все они, так же, как и левые социалисты, подвергались арестам без предупреждения. Арест, конечно, совсем не обязательно означал преследование или обвинение. Он мог означать всего лишь несколько часов допроса и предупреждений в местном полицейском участке. Или же неделю, месяц, три месяца заключения по усмотрению полиции, с последующим освобождением от предъявления какого-либо обвинения. Как и в большинстве полицейских государств, поведение полиции в Японии характеризовалось непредсказуемостью и своеволием.

Коммунистическая партия была объявлена вне закона. Активная поддержка коммунизма или открытые симпатии к Коминтерну влекли за собой не только арест, но и строжайшее следствие, а также и некое обвинение, кончавшееся обычно тяжелыми сроками тюремного заключения — если только обвиняемый не сможет убедить следователей и судей, что он искренне раскаялся и изменил свои убеждения. Приверженность левым революционным убеждениям считалась самым ужасным идеологическим преступлением, и неизменная цель полиции и судебных властей заключалась в том, чтобы получить не только признание, но и доказательства измены и предательства от самих обвиняемых коммунистов. В этом отношении официальная политика напоминает правительство Сегуна в период гонений на христиан в первой половине XVII века.

Иностранцам, живущим в Японии, эта мания проводить дознания об «опасных мыслях» казалась довольно забавной. Во всех своих поступках японский народ был законопослушным и конформистским, объединенным чувством верности Трону и Императору. Однако большинство иностранцев в Японии мало что знали о том потенциальном революционном недовольстве, что подспудно зрело по мере углубления депрессии. Крах шелкового рынка в Америке в 1930 году поставил огромную часть сельскохозяйственного населения на грань нищеты. Два года спустя север Японии постиг катастрофический неурожай, и единственной возможностью для тысяч фермерских семей в этом районе как-то избежать настоящего голода зимой 1932–1933 годов была продажа своих дочерей городским маклерам, наводнившим сельскую местность и действовавшим здесь от имени тайных домов свиданий, кафе и борделей. Это были настоящие страдальцы, и молодые армейские офицеры как никто другой сочувствовали им, поскольку сами в большинстве своем были родом из деревни. Свою обиду и негодование они сфокусировали на правительстве, на Большом Бизнесе и на парламентских политиканах, а также на таких особняком стоявших фигурах императорских придворных, как, например, Сайондзи или Макино. Критика самого суверена считалась особой формой ереси, которую образование и семейное воспитание делали для японца вещью невозможной. Революционные пыл и гнев требовали какого-то выхода. И отдушина была найдены — ультранационализм, проявлявший себя насилием как дома, так и за границей на протяжении тридцатых годов.

В то время большинство работающего населения Японии по-прежнему было занято в сельском хозяйстве, несмотря на бурное

развитие тяжелой промышленности. Огромное сельское население обеспечивало промышленности постоянный приток дешевой рабочей силы, как мужской, так и женской. Немногие из вчерашних крестьян работали на огромных концернах — железолитейных заводах, сталеплавильных производствах, судостроительных верфях, а также на шахтах и фабриках, — в то время как великое их множество трудилось в средних и совсем крошечных мастерских, на многих из которых было занято не более пяти-шести человек. Многие из этих мастерских производили разные вещи, являясь, по существу, филиалами одной или нескольких огромных финансово-промышленных корпораций, дзайбацу, занимавших господствующее положение в экономике и сохранявших традиционно тесные связи с правительством.

Оплата была низкой, рабочий день долгим, и все же в те годы в городках и крупных городах жизнь была более терпимой, чем в сельской местности. Патернализм, традиционный для японской промышленности и торговли, имел свои положительные стороны, равно как и недостатки. Если человек устраивался на работу на какую-то фабрику или шахту, его работодатель обязан был заботиться о нем до пенсии. На крупных фирмах рабочие дважды в год получали такие пособия, как бонусы, бесплатное или по низким ценам жилье и медицинскую помощь. Безусловно, было много примеров грубой, жестокой эксплуатации труда. Стандарты, установленные Международной организацией труда в Женеве, чаще игнорировались, чем соблюдались. Представление о коллективном договоре, столь понятном рабочим Америки или Англии, находилось в зачаточном состоянии, а профсоюзное движение было еще слабым и беззубым. В целом же японский городской пролетариат, казалось бы, естественная среда для произрастания семян марксизма, похоже, более думал о своих обязанностях перед страной и императором, нежели о человеческих правах.

Административная структура правительства находилась в руках зачастую чрезмерно властной, но в целом эффективной гражданской службы. Аристократы по рождению по-прежнему пользовались определенным влиянием. Палата пэров еще обладала властью, которая во многих отношениях была, по крайней мере, не меньшей, чем у Палаты представителей, однако в реальной власти и общем престиже высокие круги армейской, флотской и гражданской бюрократии, включая noblesse de robe[50], затмевали потомков киотской знати и земельных лордов времен Току-гавы. Местное самоуправление было подконтрольно Министерству внутренних дел, а губернаторы префектур

назначались из Токио. Подобная же централизация власти наблюдалась и в системе образования, а также на всех уровнях юриспруденции.

Все это напоминало Зорге условия, существовавшие в Германии до 1918 года. И все же Япония произвела на него большое впечатление как незнакомая страна, а два года, проведенные им в Китае, оказались лишь слабой подготовкой к ее восприятию. Атмосфера Токио ничем не походила на шанхайскую. Благодаря Международному сеттльменту и французской концессии общий настрой в Шанхае в большей степени напоминал атмосферу западного города. Токио же был намного менее интернационален, чем казался на первый взгляд гостю, прибывшему из-за границы.

Действительно, в центре города было много современных зданий, пикантно соседствовавших с широкими рвами и крепостными стенами, окружающими императорский дворец и замок Сегуна. В этом по виду космополитичном районе располагалось длинное, невысокое здание из желтого и коричневого кирпича, напоминавшее алтарь народа майя на полуострове Юкатан. Это был «Империал-отель», известный среди европейцев в качестве последней из череды гостиниц, расположенных на пути через Суэц на Восток, начинавшейся в отеле «Шапард» в Каире.

В вестибюле отеля с низкими потолками, устроенными на разных уровнях, и в подземных барах, напоминающих пещеры, и магазинах-пассажах собирались пестрые компании туристов, правительственных гостей, журналистов и работников иностранных посольств и деловых контор.

Японцы, казалось, были здесь явным меньшинством, а их хорошие манеры и вовсе делали их присутствие временами почти незаметным. Те из них, кто часто посещал отель, были, как правило, людьми, жившими когда-то за границей и приобретшими иностранные вкусы и друзей-ино-странцев. В книжном магазине отеля в продаже были две ежедневные токийские газеты на английском языке. Обилие улыбок и вежливости словно окутывали приезжавших европейцев и американцев в кокон благорасположения, что весьма льстило их личному тщеславию.

Но «Империал-отель», подобно Токийскому клубу или международным клубам Йокохамы и Кобе, был крошечным анклавом, островком в этой чуждой иностранцу обстановке господства японских нравов, японского языка и японского народа.

Вне этого анклава иностранец встречался с почти универсальной вежливостью, которой сопутствовало невероятное

любопытство. Здесь он никогда не встречался о явным равнодушием, столь обычным в Китае. Японское любопытство могло быть дружелюбным или враждебным, но редко отсутствовало вовсе.

Иностранец неизбежно находил японский язык устрашающим барьером на пути к истинному пониманию народа, и, соответственно, большая часть иностранцев, живущих в Японии, были намного более ограничены в своих контактах с местными японцами, чем их подозревала в том полиция. В случае с посольствами языковый барьер означал, что двум или трем членам дипломатического или консульского персонала, специализировавшимся в японском языке, приходилось оказывать исключительное доверие. По этой же причине корреспонденты иностранной прессы обычно крепко зависели от услуг своих говорящих по-английски подчиненных. Подобная ситуация была характерна и для большинства иностранных агентств по перевозке грузов, банков и экспортно-импортных контор.

Поскольку английский был обязательным предметом в средних школах и высших учебных заведениях Японии, можно предположить, что все японцы, независимо от занимаемого положения, в той или иной степени владели английским, хотя нельзя сказать, что это было так уж необходимо. Образованный человек — возможно, выпускник одного из императорских университетов — был в состоянии в той или иной степени читать и писать по-английски. Но он, как правило, не горел желанием общаться на английском и чувствовал себя неловко, обращаясь к иностранцу. Вероятно, только англичане худшие лингвисты, чем японцы.

Если к этим сложностям с языком добавить и другие, а именно: своеобразие японской психологии, то можно понять непредсказуемость, характерную для общения с ними. Открытые и приветливые в легкой беседе японцы тех дней, беседуя с иностранцами, моментально становились осторожными и скрытными, если разговор переходил на более серьезные темы — например, на политику. В таких случаях японец обычно вежливо, но твердо уклонялся от продолжения разговора.

До некоторой степени это объяснялось присущей японцам манерой общения, при которой, как правило, собеседники старались избегать прямых и утвердительных форм речи. Предложение могло быть составлено столь осторожно и уклончиво и так обставлено оговорками, что смысл его так и оставался неясным для иностранца. Разговаривая с соотечественником, японец знает, что в большинстве случаев невысказанные нюансы, остающиеся за видимыми

двусмысленностями сказанного, будут прекрасно поняты собеседником, а потому нет необходимости быть конкретным в каждом отдельном случае.

Существовала, однако, куда более важная причина для всеобщей уклончивости в разговорах. Тридцатые годы были особенно страшными, беспокойными и тревожными годами для большинства японцев. «Опасные разговоры», как и «опасные мысли», могли привести к неприятностям. Граница между теми и другими была расплывчата и неопределенна, а потому общее благоразумие и осмотрительность вынудили японцев вести себя сдержаннее, чем обычно, общаясь с иностранцами.

Более того, агрессия в Маньчжурии и сражения в Шанхае в начале 1932 года вызвали чувство осуждения в Соединенных Штатах так же, как и в большинстве стран Европы, а вскоре Японию изгнали из Лиги Наций в Женеве. И все это заставило японцев чувствовать себя на родине в изоляции от всего мира и внесло в их отношения с иностранцами еще больший налет застенчивой сдержанности.

Такой была Япония в то время, когда в конце лета 1933 года Зорге прибыл в страну. На взгляд западного человека это действительно была страна парадоксов. Это было государство, которым номинально управлял богоподобный император, лишенный, однако, реальной власти, на практике всецело принадлежавшей централизованной бюрократии, обязанной, в свою очередь, в вопросах высокой политики неуклонно следовать курсу, навязанному ей одной из военных служб. Японцы были нацией, известной своей покорностью, конфуцианской дисциплиной и самопожертвованием и тем не менее таившей в себе демонов смуты и волнения. Это была земля, которую любили или ненавидели те немногие иностранцы, что приезжали сюда, чтобы узнать ее получше. И нет сомнения, что эти чувства были взаимны.

И было мудро со стороны Зорге понять, что первые два года его пребывания в Токио должны стать временем опыта и проб. Потому что по сравнению с Китаем Япония действительно представляла собой закрытую книгу.

Глава 7. СМОТР ГРУППЫ

За работу, товарищи!

Ленин, 31 декабря 1910 года

Приехав в Токио, Зорге снял номер в «Санно-отеле». Первый его визит был в германское посольство. Новый посол д-р Герберт фон Дирксен еще не прибыл из Европы, однако персонал посольства хорошо встретил Зорге. Похоже, что он действительно с самого начала установил с сотрудниками посольства самые сердечные отношения. По его собственным словам, на дипломатов особое впечатление произвела рекомендация, полученная Зорге от японского посольства в Вашингтоне на имя Амаи Иидзи, главы департамента информации японского Министерства иностранных дел.

«Когда я приехал в Японию, в германском посольстве спросили меня, не знаю ли я кого-нибудь в Министерстве иностранных дел, и мне сообщили, что я могу получить рекомендацию к чиновникам из МИДа. Я с довольно гордым видом ответил, что у меня в кармане есть письмо на имя Амаи и что никакие рекомендации для японского Министерства иностранных дел мне больше не нужны».

На следующий день после визита в посольство Зорге посетил Амаи в Министерстве иностранных дел и был представлен нескольким японским и иностранным журналистам. В те дни Аман был важной фигурой в Японии и считался признанным оратором министерства: каждую неделю он проводил пресс-конференции, которые посещали ведущие журналисты Токио.

Один из них — Мицукадо Аритоми из «Фудзи Симпо», друживший с германским послом, из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать Зорге свое доброе расположение. Например, он подыскал ему жилье в «Мегуро-отеле», которое больше устраивало Зорге по цене, нежели «Санно-отель». Чуть позже, когда Зорге уже снял дом в районе Азабу, Мицукадо помог ему переехать, но в те первые дни своего пребывания в Японии Зорге был настороже: у него вызывали подозрения даже такие жесты доброй воли. Он пришел к выводу, что Мицукадо, вероятно, работал на городскую полицию, поскольку именно он познакомил Зорге с японцем, бывшим социалистом, говорившим по-русски. По привычке, оставшейся неизменной во все время пребывания Зорге в Японии, он притворился, что не знает русского языка.

Справедливо было в данном случае это подозрение или нет,

Зорге был прав в своей уверенности, что за всеми его передвижениями, как и за передвижениями всех остальных иностранцев, неусыпно следила полиция и ее агенты. Он чувствовал, что необходимо действовать с величайшей осторожностью. Никакой серьезной разведывательной работы быть не может до тех пор, пока не подберется дееспособная группа помощников и пока он не познакомится с ситуацией в стране в целом. Для этой цели Зорге начал собирать коллекцию книг о Японии, и коллекция эта со временем выросла в библиотеку, содержавшую более тысячи томов.

В начале октября он был готов к встрече с радистом «Бернгардом», с которым последний раз встречался в Берлине. «Бернгард» только что прибыл в Японию вместе с женой (как «м-р и м-с Вендт») и поселился в пригороде Йокохамы, назвавшись бизнесменом. Когда они встретились в вестибюле «Империал-отеля», Зорге сказал «Бернгарду», что тот должен, не теряя времени, установить радиопередатчик у себя дома, а затем встретиться с третьим членом группы, югославом Бранко Вукеличем.

В ходе предварительного следствия, проведенного японской полицией, Зорге утверждал, что во время его пребывания в отеле «Ноаллис» в Париже, где он останавливался на пути в Шербур из Германии, связник позвонил ему и сказал, что «некто Вукелич» уже устроился на квартире в районе Бунка[51]. Район Бунка представлял собой комплекс служебных квартир, расположенный примерно в четверти часа езды на такси от «Империал-отеля». По указанию Зорге «Бернгард» позвонил Вукели-чу домой, чтобы удостовериться, что Вукелич действительно живет там, а затем отправился на встречу с ним в район Бунка. На квартире Вукелича состоялся диалог в духе членов секты «дзен»:

Бернгард: Вы знакомы с Джонсоном?

Вукелич: Да, я знаю его.

Бернгард: Я сам не Шмидт, но он послал меня.

После чего Бернгард ушел.

На следующий день Зорге, довольный тем, что его человек на месте, отправился сам на встречу с Вукеличем. Однако после первой же встречи Зорге расстроился, найдя Вукелича нездоровым и без средств. Не самое благоприятное начало для сотрудничества…

Бранко Вукелич в то время был молодым человеком двадцати девяти лет. Любопытный ход событий привел его, его жену и маленького сына из Европы в квартал Бунка в Токио. Вукелич родился в августе 1904 года в городе Осиеке в Хорватии в семье офицера австро-венгерской армии[52] . Детство его прошло в

гарнизонном городке империи. В 1918 году семья переехала в Загреб, где Вукелич пошел в школу. Новое югославское государство появилось в результате первой мировой войны в атмосфере интеллектуального брожения и споров, и Вукелич, подобно многим своим приятелям-студентам, попал под влияние как национализма, так и левой идеологии[53]. Еще в школе он присоединился к группе, называвшей себя Прогрессивный дарвинистский клуб, и прошел через распространенную в то время болезнь юношеской революционности.

В 1922 году югославский министр внутренних дел был застрелен молодым коммунистом, которого впоследствии казнили. Из опубликованных воспоминаний матери Вукелича мы узнаем, что этот жестокий эпизод стал глубоким эмоциональным ударом для ее сына. Услышав о смертном приговоре юному террористу, Бранко пришел в нервное возбуждение и слег в постель, а спустя несколько дней положил букет красных гвоздик на свежую могилу на Загребском кладбище. Свои чувства он выразил в серии записок, отражавших его муки и осуждавших жестокость югославской полиции по отношению к политическим заключенным.

Закончив среднюю школу, Вукелич поступил в Загребскую академию искусств. Здесь он вступает в студенческую коммунистическую фракцию Марксистского клуба студентов университета и принимает активное участие в частых стычках с полицией — к безмерной тревоге его матери. По крайней мере однажды, похоже, он попадает под арест.

Бранко счел благоразумным ненадолго покинуть страну и провел несколько месяцев в Брно в Чехословакии, где, по словам его матери, «продолжил подпольную партийную деятельность». Одновременно он поступил на факультет архитектуры университета в Брно, но, проучившись два семестра, вернулся в Загреб.

И миссис Вукелич вновь пришлось переживать по поводу политической активности ее сына. Она к этому времени уже разошлась с мужем и в 1926 году переехала в Париж вместе с Бранко и двумя дочерьми. В Париже Бранко стал студентом Сорбонны. Югославская полиция, должно быть, передала досье на него французским коллегам, поскольку в Париже он вновь дважды подвергался аресту. В своих показаниях японцам Вукелич утверждал, что по просьбе матери порвал в то время с югославскими коммунистическими группами. Компартия Югославии была запрещена после убийства министра внутренних дел в 1922 году и вскоре раскололась на две враждующие фракции. Политические взгляды молодого поколения югославов

отражали тревожные проблемы, стоявшие перед новым унитарным государством, впервые в истории собравшим под одной крышей сербов, хорватов и словенцев. Оппозиция существующему белградскому правительству включала в себя как коммунистические, так и непримиримо сепаратистские элементы. Эти группы объединялись в разнообразные подпольные образования, такие, как Марксистский студенческий клуб в Загребе. Некоторые из современников Вукелича к концу 1941 года поддерживали контролируемое осью Рим — Берлин — Токио «Независимое государство Хорватия».

Согласно появившейся в октябре 1964 года в югославской прессе статье, поворотным пунктом в жизни Вукелича во Франции стала его встреча с полковником де ля Роком, братом лидера «Кагула» — экстремистской фашистской и террористической организации. Учитывая предыдущие связи Бранко с подобными личностями и группами в Югославии, факт этот уже не кажется столь удивительным, каким мог бы показаться на первый взгляд. Однако во время следствия, проведенного японской полицией, Вукелич ни словом не обмолвился об этом эпизоде. В статье утверждалось, что благодаря де ла Року, личным секретарем которого он стал, Вукелич вошел в деловые круги Парижа. Возможно, что именно влияние де ла Рока способствовало тому, что Бранко стал сотрудником компании «G6nerale de l'Electricit6» — факт, который он признал перед японцами.

Из опубликованных в югославской прессе материалов следует, что Вукелич действительно выполнял инструкции коммунистов, проникая в круг знакомых де ла Рока. Однако нет больше никаких свидетельств, которые бы подтверждали или опровергали данное предположение.

В январе 1930 года, отдыхая на морском курорте на атлантическом побережье Франции, Вукелич познакомился с девушкой-датчанкой Эдит Олсон, в которую он влюбился. Позднее они поженились, и у них родился сын, которого назвали Поль.

В августе 1931 года Вукелич вернулся в Югославию для службы в югославской армии, одновременно уволившись с работы в Париже. Военная служба, однако, продолжалась недолго, поскольку в ноябре он был комиссован из-за болезни. Вместе с матерью Бранко отправился на юг Франции подлечиться и лишь в январе вновь воссоединился с женой и сыном в Париже и принялся искать работу, поскольку его прежняя фирма не могла взять его обратно.

Вернувшись в Париж в конце января 1932 года, «он стал вести странный образ жизни. Он никуда не выходил, кроме как для

того, чтобы посетить по каким-то делам Барона (полковника де ла Рока). Раз в месяц он встречался с «Иваном», с которым вел долгие конфиденциальные беседы. Он с необычным старанием начал изучать фотографию и собрал дома радиоприемник, а также занялся журналистикой и стал писать для некоторых газет».

В своем заявлении японской полиции Вукелич не упоминает о таинственной фигуре «Ивана», утверждая вместо этого, что однажды, когда он искал работу, в одном из кафе Латинского квартала, которое часто посещали югославские студенты, он столкнулся с двумя старыми друзьями из Загреба. Один из них, по имени Клейн, был членом Загребского марксистского клуба. Другой, человек по имени Будак, также принимал участие в работе клуба, хотя Вукелич больше помнил его как хорватского сепаратиста. Более того, оба учились вместе с Вукеличем в старших классах школы в Загребе[54].

Клейн и Будак сообщили Вукеличу, что они сбежали через горы в Австрию, когда правительство Югославии развернуло массированную кампанию против коммунистов в 1929 году.

В последующие дни Вукелич часто встречался с этими друзьями. Некоторые даже подозревали, что в его семейной жизни было далеко не все ладно. Ни Клейн, ни Будак ни разу не были у него дома — неизменно Вукелич бывал у них на квартирах. Он рассказал им о своих неудачных поисках работы и об опыте службы в югославской армии. Друзья посочувствовали и пообещали помочь ему найти работу. Со своей стороны, они попросили его написать автобиографию, обратив особое внимание на короткий период военной службы.

То, что представил друзьям Вукелич, в действительности являлось частично произведением биографического характера, частично политическим отчетом объемом шестьдесят машинописных страниц, большая часть которого была связана с анализом положения в югославской армии. Вукелич подвел итог следующими словами: «Я описал те демонстрации, которые мы осмеливались организовать в армии, а также и другие случаи, свидетелем которых был сам или о которых слышал. В заключение я описал все те классовые и национальные противоречия, что разделяли офицеров, поскольку некоторые офицеры были сербами, а некоторые хорватами. Те офицеры, что служили во время великой войны 1914–1918 годов, были родом из сельской местности; но многие более молодые офицеры были выходцами из класса буржуазии. Я обсудил и проанализировал их психологию».

В последующие две-три недели, пока Клейн и Будак читали

этот документ, югославская пресса публиковала отчеты о волнениях в загребском гарнизоне, некоторые офицеры которого были арестованы по обвинению в подрывной деятельности против правительства. Клейн похвалил Вукелича за содержательность и аналитичность написанной им автобиографии. Человек, который может так писать, сказал он Вукеличу, не должен беспокоиться о том, что не найдет работу. Так или иначе, Клейн собрался отправить рукопись Вукелича в «Іпргесогг», печатный орган Коминтерна, а когда Вукелич шутливо запротестовал, Клейн заверил его, что отчет окажет большую помощь «движению» — имея в виду Коминтерн.

Нет сомнений, что в похвале Клейна присутствовали некоторые элементы лести, однако, вполне вероятно, что отчет действительно произвел на него большое впечатление. Вукелич неплохо владел и речью, и пером, а его знание югославской армии основывалось, в конечном счете, не только на собственном кратком опыте военной службы и детских наблюдениях ребенка, выросшего в офицерской семье. Вукелича, высокого, плотного сложения мужчину, в Японии часто принимали за бывшего кадрового военного. Во всем его облике всегда присутствовало нечто неуловимо военное.

С этого момента Клейн начал давить на Бранко с тем, чтобы заставить Вукелича принять активное участие в работе на Коминтерн, неустанно повторяя при этом, что годы бездеятельности со времени его разрыва с коммунизмом можно считать «скорее отпуском», чем «дезертирством». Вукелич, однако, поначалу отверг предложения Клейна, говоря, что он больше не верит в коммунизм и утратил веру в перспективу близкой революции. У него не было никакого желания участвовать в агитационной и пропагандистской работе югославской или французской коммунистической партии. Да, он признавал теоретическую возможность «построения социализма в одной стране», однако сомневался, будет ли такое построение успешным. По его мнению, более верояг-ным представляется вариант, при котором Россия скатится к обществу, контролируемому системой государственного капитализма и управляемому привилегированным классом бюрократов и генералов.

Однако Клейн не слушал этих возражений. Он заставил Вукелича признать, что существует некая вероятность мировой революции при условии сохранения мира и успешного выполнения сталинского пятилетнего плана. Он упирал на то — и это помогло Вукеличу принять решение — что главная задача Коминтерна — помочь Советскому Союзу сохранить мир во всем

мире, что позволило бы русским построить социализм в их стране.

Вукелич сменил аргументы и принялся нападать на Коминтерн за его интеллектуальную скудость, приводя в качестве примера высказывание в газете «Юманите» о том, что немецкие социал-демократы виновны в подъеме фашизма. На это Клейн возразил, что сам аргумент, приведенный Вукеличем, подтверждает, что «новая организация», на которую-де они с Будаком работают, нуждается в приливе свежей крови и что ей как раз необходим кто-то типа Вукелича для выполнения некоей специфической задачи. Коммунистические партии на местах были слишком захвачены предвыборной игрой, а их члены слишком хорошо известны полиции, чтобы получать от них информацию по внутренним вопросам. И более того, продолжал Клейн, фракционная борьба, инспирированная Троцким и другими, ослабила Коминтерн. И потому информация, поступающая от коммунистических партий, была не очень-то достоверной. Недостаток точной информации и привел, в частности, к тому, что «Юманите» смогла предложить читателям не более, чем поверхностную интерпретацию событий, происходящих в мире.

Для Вукелича подобные слова явились откровением. Он сразу понял, что в качестве центра всемирной разведки Коминтерн мог бы уступить только Ватикану. На него также произвел огромное впечатление аргумент Клейна, что цель «организации» — сотрудничество в пассивной защите Советского Союза, пока эта страна будет занята построением социализма.

Десять лет спустя в своих показаниях Вукелич заявил:

«Я был уверен, что если можно было бы лет на десять отвести от Советского Союза угрозу войны, то в стране могли бы появиться социалистические культура, экономика и достаточно мощная система обороны, чтобы отразить любое нападение капиталистов. Клейн согласился с таким мнением.

Даже если при нашей жизни и не представлялось возможным совершить мировую революцию, мы могли, по крайней мере, обратить свои надежды на страну, проводившую социалистический эксперимент и таким образом оставить социалистическую идею грядущим поколениям. И я почувствовал, что эта мысль стала для меня тем побудительным мотивом, который и заставил меня принять участие в движении».

В конце концов Вукелич дал согласие встретиться с другим членом «организации», надеясь таким образом несколько больше узнать о работе, которой ему предстоит заниматься.

Но, вероятно, именно шпионажа он и не ожидал, и не желал. В те дни, во всяком случае, интеллектуалы, подобные Вукеличу,

симпатизирующие марксизму независимо от того, были они членами партии или нет, как правило, не считали шпионаж приемлемым занятием для коммуниста. И это было особенно верно во Франции того времени. Например, Анри Барбье (ведущая фигура во французской партии), вызванный в 1931 году в Москву, с негодованием отверг предложение Берзина работать на советскую разведку. Барбье ответил Берзину, что не в традиции французского рабочего движения заниматься подобными делами и потребовал, чтобы Берзин прекратил вербовку агентов среди членов Французской коммунистической партии.

Незнакомец, с которым Вукеличу надлежало встретиться, оказался женщиной лет тридцати. Она называла себя «Ольгой» и была особой спортивного вида и вкусов (так, она хвалилась своими успехами в лыжных гонках). По ее акценту Вукелич определил, что она родом из одной из балтийских стран, возможно, из Финляндии. Он встретился с ней, узнав ее по условному знаку, который был оговорен заранее. Было это в марте 1932 года.

Судя по появившимся позднее в Париже данным, можно сделать вывод, что «Ольга» была полькой и являлась членом аппарата СМС (секция международных связей) Коминтерна — жизненно важной и закрытой секции в управленческой структуре этой организации.

В своем подходе к Вукеличу «Ольга», похоже, использовала те же основные аргументы, что и Клейн, указав на обязанность всех коммунистов защищать Советский Союз.

Она продолжала говорить, что «особая» работа заключалась в сборе информации. Похоже, однако, что это заставило Вукелича насторожиться, поскольку он ответил, что у него нет опыта конспиративной деятельности и что все его знания военных дел ограничиваются четырьмя месяцами военной службы.

«Но, — парировала Ольга, — обязанности включают в себя не только все эти военные детективы в духе Филиппа Оппенгейма. Я не предлагаю вам красть секретные шифры, обольщая юных офицеров, — хотя я, возможно, и не отказалась бы упасть в объятия привлекательного молодого французского офицера, если бы это могло помочь нашему делу. Я не ожидаю, что вы станете взломщиком сейфов. Мне бы хотелось, чтобы вы использовали свой опыт в качестве журналиста». (Вукелич сказал ей, что он когда-то, еще будучи студентом, написал две или три статьи для югославской прессы.)

Она особо подчеркнула, что Бранко должен наблюдать за событиями и анализировать их, как марксист, и что, куда бы его

ни отправили, там обязательно будет «какой-то опытный товарищ», который научит его всему. «А также будут и сочувствующие нашему делу, которые помогут вам в вашей работе».

«Но почему, — спросил Вукелич, — Коминтерн не может использовать советские посольства для сбора информации?»

«Любая страна, кроме России, может использовать посольства как для разведки, так и для пропаганды. Она также может пользоваться услугами деловых фирм, миссионеров, студентов. В нашем же случае мы вынуждены полагаться на молодых коммунистов, подобных вам, и других сочувствующих. За советскими посольствами всегда ведется наблюдение, и если посольство окажется вовлеченным в эти дела, Советский Союз становится как бы сообщником Коминтерна, тогда как у советской дипломатической службы и у Коминтерна взгляды далеко не всегда совпадают[55].

Когда Вукелич взмолился, что он и как коммунист не очень опытный, «Ольга» ответила, что на самом деле это совсем неплохо, поскольку его имя ни о чем не говорит полиции.

Так что в конце концов, хотя, возможно, и без особого энтузиазма, но Вукелич согласился работать на «организацию». «Ольга», сообщает он в своих показаниях, велела ему уехать из Парижа. Она дала ему задание кое-что перевести, а также три тысячи франков задатка.

На их следующей встрече, состоявшейся весной где-то месяц спустя, «Ольга» сообщила Вукеличу, что он должен будет отправиться на задание либо в Румынию, либо в Японию. Вукелич предпочел бы Румынию. Вскоре она представила его «пожилому товарищу со светлыми волосами, по виду бизнесмену, который, вероятно, тоже был родом из стран Балтии». Человек этот говорил мало, но внимательно наблюдал за Вукеличем, задавал ему незначительные вопросы о его прошлом и о планах на будущее. Вукелич понял, что его оценивали, и был уверен, что произвел хорошее впечатление на незнакомца.

Похоже, что Вукелич еще несколько раз встречался с «Ольгой» «до лета» и дважды — после: в середине лета и в начале осени[56]. Вскоре после встречи с пожилым незнакомцем Вукеличу сообщили — предположительно «Ольга», — что местом назначения для него будет Япония, а не Румыния, однако, «приказа на марш» пока не поступало. «Ольга» не возражала против того, чтобы жена Эдит и сын сопровождали Вукелича на Дальний Восток, поскольку он сказал, что Эдит была квалифицированным преподавателем датской гимнастики, очень популярной в то время в Японии, и что это могло бы дать им

правдоподобный повод для поездки на Восток. Соответственно, «Ольга» назначила встречу, по результатам которой, по словам Вукелича, «некий старший товарищ — женщина — должна была сделать вывод, подходит ли моя жена для этой цели или нет». Эдит благополучно прошла проверку. («Товарищей практически не интересовали идеологические воззрения моей жены, поскольку она всего лишь сопровождала меня в Японию и никто не планировал, что она должна будет помогать мне в работе».) Так что Эдит занялась совершенствованием своего гимнастического мастерства. И она действительно съездила в Данию, чтобы получить там рекомендательные письма от одной из известных датских школ, поддерживающей устойчивые связи с японским гимнастическим миром.

В октябре, на последней встрече с «Ольгой» — «в действительности она лежала в постели после операции аппендицита, но поднялась, чтобы провести встречу», — Вукеличу сообщили, что вопрос с его назначением в Японию окончательно решен. «Ольга» также добавила, что завидует Вукеличу, поскольку Япония была известна своей красотой.

«Как долго, — спросил Вукелич, — мне придется пробыть там?»

«Два года. Если вы чувствуете, что вам нелегко, вы будете совершенно правы, если откажетесь. Но уж коль скоро вы примете решение поехать, вам придется добросовестно работать, и вам не будет позволено уехать из страны, когда вам того захочется».

Вукелич ответил согласием, однако признался, что его истинным желанием было бы поехать в Москву, чтобы там изучать марксизм. Его заверили, что вполне может статься, что в один прекрасный день его желание будет удовлетворено.

По указанию «Ольги» он вскоре встретился еще с одним товарищем — человеком лет тридцати, евреем, юж-ноевропейцем, возможно, родом из Венгрии. Было ясно, что именно этот человек передал Вукеличу подробности его отъезда и он же сообщил, что югославу следует снять квартиру в районе Бунка в Токио, где он встретится со связником, который и даст ему дальнейшие указания.

После нескольких месяцев ожидания срок отплытия был назначен через шесть недель, то есть времени едва ли хватило бы на то, чтобы найти подходящую «крышу». Однако Вукелич узнал, что французский иллюстрированный еженедельник «Вю» планирует выпустить специальный номер, посвященный Дальнему Востоку[57].

Вукелич посетил редакцию журнала и договорился о назначении его корреспондентом, поскольку был неплохим

фотографом. Одновременно с помощью экспресс-почты он обменялся письмами с югославской газетой «Политика», предложив ей себя в качестве специального корреспондента. Он не был полным новичком в газетном деле, поскольку уже успел опубликовать несколько статей.

Об отъезде Вукелича в Японию знала, несомненно, его мать. Во время их последней встречи в Париже, он сказал ей: «Здесь нет ничего опасного. Ты же знаешь, что эта страна всегда влекла меня».

Семья отплыла из Марселя 30 декабря 1932 года на итальянском корабле. Это было долгое плавание — через Суэц и Сингапур. Пока они находились в пути, Зорге как раз вернулся из Китая в Москву. Не ранее 11 февраля Вукелич сошел на берег в Йокохаме. Так случилось, что это был японский народный праздник Кигенсетсу, когда традиционно отмечался день основания государства императором Дзимму в 600 году до новой эры.

Почти сразу Вукелич обнаружил, что ему будет весьма трудно свести концы с концами. Друзья «Ольги» перед отплытием из Франции снабдили его 1800 иенами, и Вукелич посчитал, что эту сумму ему придется «растянуть» на шесть месяцев, однако уже в Японии понял, что супружеской паре, живущей в «Империал-отеле», требуется не менее десяти иен в день. Квартира в районе Бунка обходилась, конечно, дешевле, и триста иен в месяц поэтому казались подходящей суммой. Однако он быстро понял, что его расчеты неверны, ибо основывались на устаревшей информации.

«Все это оказалось потрясающей неудачей, почти провалом, и позднее мне пришлось столкнуться с большими трудностями.

Десяти иен в день на квартиру и еду хватало супружеской паре десять лет назад, а в 1933 году, когда мы приехали в Японию, женатая пара европейцев тратила более десяти иен в день, даже снимая квартиру в районе Бунка. Более того, эти десять иен в день заставляли европейцев ограничивать себя во многом — в осмотре достопримечательностей, например. Десять иен в день не позволяли потратить хотя бы одну иену на подобные цели».

Многие японцы считали в то время район Бунка — наряду с «Империал-отелем» — отвечающим последнему слову европейской роскоши и целесообразности. (Бунка по-японски означает «культура»). Однако район этот вернее было бы описать как провинциальный стандарт комфорта и вкуса, соответствующий концу викторианской эпохи. Дома выходили окнами на оживленную дорогу, а также на глубокий, довольно

мрачного вида канал Окано-мизу, что переводится как «превосходная чайная вода», и очень оживленную электрическую железную дорогу, по которой в течение всего дня каждые несколько минут с грохотом проносились поезда.

Оказаться заточенным здесь, да еще в стесненных материальных обстоятельствах, стало тяжким испытанием и для мужа, и для жены. Эдит Вукелич, судя по всем отзывам о ней, не отличалась бережливостью.

Вукелич понял, что ему придется ждать до августа визита «Шмидта» — человека, который должен будет дать ему дальнейшие инструкции и указания в Японии. По крайней мере, такой вывод можно сделать из высказывания Вукелича в его признании. «Шмидт» же (Зорге) вышел на контакт с ним лишь в октябре.

Возникает вопрос, почему семья Вукелича была сорвана с места задолго до прибытия Зорге в Японию. Ни «Бернгард», радист, ни четвертый член группы — японец из Америки не появились в Токио до самой осени. Так почему же Вукелич отправился в неблизкий путь так рано?

Вполне возможно, что он хотел выехать сразу же, как только был решен вопрос с его местом назначения. Однако это не следует из его поздних показаний японским следователям. Более вероятным представляется, что у тех, кто организовал переезд, были причины отправить Вукелича и его жену как можно скорее, не откладывая дело в долгий ящик.

Причиной могла стать «тревога из-за последствий разоблачения парижской службой безопасности в июне 1932 года разведывательного аппарата, возглавляемого советским агентом Ирайей Биром. Арест Бира и шестерых его сотрудников последовал вслед за бегством из Франции Жака Дюкло, одного из членов руководства Французской коммунистической партии, и интенсивными полицейскими поисками и расследованиями, продолжавшимися в течение нескольких месяцев. И никто не мог быть уверен, чем и где закончится эта погоня.

Москва придавала огромное значение организации новой шпионской сети в Японии, ибо, в конечном счете, в 1932 году уже можно было воочию видеть, как японские войска топчут землю берегов Аргуна, Амура и Уссури вдоль всей границы советского Дальнего Востока. И потому нельзя было позволить, чтобы кому-то типа Вукелича, предназначенного для работы в этой сети, грозила опасность быть арестованным еще до того, как начнется его путешествие.

После встречи с Вукеличем Зорге очень быстро пришел ему на помощь. Для начала он сразу ссудил его деньгами, а потом

передал довольно крупную сумму, достаточную, чтобы Вукелич с женой и ребенком смог перебраться из района Бунка в район Ушигоме, где они сняли дом.

Все это стало возможным после того, как Зорге получил деньги от курьера в Никко. Эта встреча, первая в череде встреч с курьером 4-го Управления в Японии, была обговорена еще в Москве до отъезда Зорге в Германию и на Дальний Восток. Курьер приехал из Шанхая в конце 1933 года или в начале 1934-го. Приехав, он позвонил в немецкое посольство, а также написал Зорге на адрес посольства, сообщив о том, что он договорился со швейцаром в «Империал-отеле», чтобы тот утром определенного дня проводил Зорге к нему в номер.

Встреча в «Империал-отеле» состоялась, как и было запланировано, а на следующий день Зорге с курьером встретились под видом осмотра достопримечательностей в Никко, где среди каменных фонарей и криптомерий мемориальной часовни Йеуяси, курьер передал Зорге пакет, «в котором находились главным образом деньги». Он также сообщил Зорге номер почтового ящика в Шанхае «для использования в случае крайней необходимости».

Зорге поначалу вынужден был довольно серьезно субсидировать Вукелича. Кроме того, именно Зорге ввел югослава в более широкий круг людей, который в конечным итоге охватывал большую часть иностранной прессы и высших должностных чинов французского и британского посольств. Одним словом, можно сказать, что именно Зорге поставил Вукелича на ноги. Он вынужден был сделать это, если хотел, чтобы его помощник был хоть чем-то ему полезен.

Между тем четвертый член группы, японец Мияги Йотоку, молодой человек примерно одних лет с Вукеличем, также ждал в городе знака от «Шмидта». Он прибыл в Японию в октябре из Калифорнии и сразу поставил себе за правило читать ежедневную газету, издававшуюся на английском языке — «Japan Advertiser». И как-то утром, в середине декабря он, наконец, увидел в ней то, что искал. Это было объявление, помещенное в колонке «ТРЕБУЕТСЯ» и гласившее:

«ТРЕБУЕТСЯ: Гравюры укийоз старых мастеров, а также книги на английском языке на ту же тему срочно. Обращаться п/я 423, «Japan Advertisep>, Токио».

Объявление по указанию Зорге поместил Вукелич. Мияги послал ответ в газету, и вскоре они с Вукеличем встретились в одном из офисов редакции. И у Мияги, и у Вукелича в бумажниках лежало по однодолларовой купюре с совершенно одинаковыми номерами, служившей паролем.

Через несколько дней, накануне Нового года Зорге встретился с Мияги в художественной галерее Уено, использовав обговоренный заранее условный знак. (На Зорге, к примеру, был надет черный галстук.) Мияги, которого при всем желании трудно было назвать закаленным и опытным аппаратчиком, был, как и Вукелич, любителем, попавшим в ситуацию, созданную стараниями профессионалов, и потому понадобилось четыре-пять встреч с Зорге, чтобы он смог догадаться, что его, собственно, приглашают стать шпионом, поскольку только теперь Зорге открыто попросил Мияги снабжать его информацией по полтическим и военным вопросам Японии[58].

Мияги Йотоку провел детство на острове Окинава, где он родился в феврале 1903 года и был вторым сыном в семье фермера. Отец его в 1906 году переехал в Давао, что на Филиппинах. Год занятия сельским хозяйством на новом месте закончился неудачей, и старший Мияги перебрался в Америку, где устроился работать на ферму близ Лос-Анджелеса. Мальчика, оставшегося на Окинаве, воспитывал дед. Ребенок был средних способностей, в 1917 году сдал вступительные экзамены в учительскую школу в своей префектуре. Однако не прошло и двух лет, как он заболел туберкулезом, и болезнь вынудила его уйти из школы.

Случилось это в марте 1919 года, а уже в июне он присоединился к отцу в Калифорнии.

Это было не самое хорошее время для переезда в Соединенные Штаты, поскольку именно на этот период пришелся пик антияпонской агитации в Калифорнии. Шестнадцатилетний юноша окунулся в совершенно незнакомое общество, и первое, что ему пришлось сделать, — это выучить английский, для чего он некоторое время посещал школу в Броули, где жил его отец.

Мияги скоро узнал, что ему предстоит стать жертвой дискриминации на трех уровнях. Ибо ему не только довелось познать предубеждение американских белых против азиатов вообще и японцев в частности, но он также страдал и от высокомерного отношения тех японцев, что постоянно жили в Америке, особенно так называемых «нисеи» — японцев во втором поколении, и высокомерие это особенно проявлялось в их отношении к недавно прибывшим эмигрантам.

«Японские эмигранты в Соединенных Штатах нередко встречались с пренебрежительным отношением к себе со стороны японского посольства и «нисеи». А временами японский военный атташе действительно следил за японскими иммигрантами».

Но это еще не все. Мияги обнаружил, что в Америке, в японской общине Калифорнии, его окинавское происхождение

делало его изгоем. С самого начала своей жизни он как уроженец острова получил нечто вроде комплекса неполноценности, особо проявлявшегося при общении с японцами с Хонсю и других главных островов. Жители архипелага Рюкю, в котором Окинава — крупнейший остров, из поколения в поколение управлялись, прямо или косвенно, японцами, и ассимиляция в значительной степени имела место. И тем не менее особенности в обычаях и культуре — не очень большие, но все же заметные — отличали «чистых» японцев от «чистых» окинавцев. Последние всегда были очень обидчивы, особенно когда сталкивались с дискриминацией, практикуемой против окинавцев «чистыми» японцами[59].

Все это, естественно, воспитывало окинавцев в духе своего рода врожденного бунтарства. Тот факт, например, что он родился на Окинаве, оказал глубокое влияние на умственное развитие. Токуда Куичи, самого, пожалуй, известного коммунистического лидера Японии.

Поскольку по-английски Мияги говорил неплохо, он записался в школу искусств в Сан-Франциско, но его больные легкие продолжали доставлять ему массу неприятностей, и, проучившись несколько месяцев, он вынужден был бросить школу. Поправившись, он поступил в школу искусств города Сан-Диего. У него обнаружился настоящий талант художника, и в выпускном классе он оказался в самом верху списка.

Поработав около года на ферме, осенью 1926 года он переезжает в Лос-Анджелес, где поселяется в доме, расположенном как раз напротив железнодорожного вокзала.

В это время Мияги вместе с тремя другими японцами принял участие в рискованной затее — они открыли собственный ресторан под названием «Сова». И здесь, в задней комнате «Совы», друзья организовали небольшое общество для еженедельных обсуждений вопросов философии, искусства и социальных проблем. Вскоре общество стало известно как Реимеикаи, или «Общество рассвета». Со временем число членов общества увеличилось, хотя, похоже, никогда не переваливало за тридцать человек. Вскоре к ним присоединился анархист, когда-то близко общавшийся с Котоки Суцуи, японским анархистом, казненным в 1911 году, как говорили, за организацию заговора с целью убийства императора Мейдзи. Еще один новый член, коммунист, работал с Сен Катаямой, ветераном марксизма, живущим в Москве. По словам Мияги, «Общество рассвета» поначалу придерживалось леволиберальных взглядов и не было догматическим по своему характеру. Сам Мияги начал читать произведения русских писателей — особенно Толстого, Горького, Бакунина и Кропоткина — и вскоре обратился в анархическую

веру.

Летом 1927 года он стал жить вместе с девушкой-японкой по имени Ямаки Чийо. Она не играет никакой роли в нашем повествовании, и о ней практически ничего не известно[60]. Однако Мияги с девушкой сняли квартиру в доме миссис Китабаяси, а вот это имя нам следовало бы запомнить. Поскольку, как мы дальше увидим, именно миссис Китабаяси — добрая сорокалетняя женщина, по-матерински относившаяся к Мияги, спустя несколько лет окажется в фокусе внимания. После переезда в дом Китабаяси Мияги начал пользоваться успехом как художник. Во всяком случае, похоже, что на деньги, получаемые от продажи своих картин, он мог вести вполне безбедное существование.

Между тем в задней комнате «Совы» гармония мало-помалу рушилась. «Общество рассвета», по словам Мияги, «все больше склонялось влево», и процесс этот пошел еще быстрее, когда его члены, теперь их было около тридцати, прошли обработку на лекциях по теории марксизма, прочитанных двумя европейцами, вступившими в их общество, — швейцарцем «Фистером» и «Гербертом Харрисом», русским профессором из колледжа. Подобный уклон не понравился Мияги и другим членам-анархистам. Последовала серия ссор, завершившихся расколом, который, как писал Мияги, «ускорил смерть Общества». В действительности же произошла попытка захвата Общества коммунистами, которые составляли теперь в нем большинство. И когда эта попытка не удалась, члены-коммунисты оставили «Сову» и создали свою пусть небольшую, но активную группу в другой части Лос-Анджелеса.

Сам Мияги стал коммунистом лишь два года спустя, в 1929 году, но его обращение в новую веру произошло, по его собственному признанию, не столько благодаря прочитанным им книгам или влиянию друзей, сколько из-за обиды «на бесчеловечную дискриминацию, практикуемую в отношении азиатской расы» в Соединенных Штатах. Но даже на этой стадии он не вступал непосредственно в коммунистическую партию, а вместе с Ямаки Чийо и миссис Китабаяси стал членом сочувствовавшей коммунистам организации, а именно Общества пролетарского искусства, основанного в 1929 году. Мияги выпускал крошечный собственный журнал и читал членам общества лекции по истории изящных искусств. Все это время, как и раньше, он часто болел.

Лишь под влиянием коминтерновского агента Яно Дутому Мияги, наконец, по-настоящему вступил в партию. Яно, работавший где-то в районе Нью-Йорка до приезда в

Калифорнию, в 1930 году побывал в Москве. Потом вернулся в Америку, где вскоре и познакомился с Мияги. Случилось это в конце 1930 года. Они общались несколько месяцев, и осенью 1931 года Яно удалось убедить Мияги вступить в партию.

Мияги говорит, что поначалу он отказывался на том основании, что его прежняя жизнь давала ему уважительную причину для отказа. Неясно, однако, что он подразумевал под этим. Или он имел в виду свое нездоровье, или остатки предубеждения, которое он по-прежнему испытывал в отношении марксизма-ленинизма? Но, так или иначе, Яно удалось преодолеть сопротивление Мияги, убедив его в том, что членство в партии будет способствовать «усилению» его активности.

«Тогда я согласился вступить и получил партийную кличку «Джо». Поскольку я не отличался крепким здоровьем, меня освободили от необходимости посещать партийные собрания, как и от многих других обязанностей. Моей главной задачей было изучать положение японских сельскохозяйственных рабочих и анализировать китайские проблемы».

Его освободили также и от необходимости писать письменное заявление с просьбой о приеме в Коммунистическую партию Соединенных Штатов, но его кличка «Джо» была зарегистрирована Яно в Коминтерне в Москве, поскольку Яно «поддерживал прямые связи с Коминтерном как парторганизатор, работающий в Соединенных Штатах».

Менее чем через год Яно познакомил Мияги с белым американцем, который, очевидно, был человеком, так или иначе связанным с Коминтерном. Незнакомец попросил Мияги поехать в Японию. «Примерно на месяц, — сказал он Мияги, — потому что вы человек наш», — имея в виду, что Мияги член американской, а не японской компартии. Дальнейшие инструкции он должен был получить в Лос-Анджелесе от человека, известного Мияги по имени Рой.

Похоже, что Мияги согласился на это предложение или приказ и встретился с Роем, однако больше он ничего не стал предпринимать. Он «продолжал», как писал сам Мияги, «помогать забастовщикам и искать подходящие темы для рисунков», хотя Рой неоднократно и настойчиво просил его отправиться в Японию.

И вот в один из сентябрьских дней 1933 года Рой и Яно вместе явились к Мияги и сказали, что он должен отправиться в путь без дальнейший проволочек. Он должен поехать в Токио, где его ждет дело, однако в Японии ему придется провести не более месяца.

Когда в октябре Мияги, наконец, готов был отплыть из

Соединенных Штатов в Японию, Рой велел ему вернуться самое позднее через три месяца. Поэтому Мияги отправился в путь налегке, оставив все свое личное имущество в Америке. Рой дал ему двести долларов на расходы и, кроме того, — однодолларовую банкноту. «Следи за объявлениями в рекламном вестнике «Japan Advertiser», — сказал он Мияги и далее объяснил, как следует Мияги установить контакт с нужными людьми в Токио посредством сравнения долларовых купюр с совершенно одинаковыми номерами.

Белых пятен в этой истории масса. Кто был тем аппаратчиком, американцем или европейцем, который приходил к Мияги вместе с Яно осенью 1932 года? Кто такой Рой? Кем на самом деле был Яно? Почему именно Мияги выбрали в качестве японского помощника Зорге?

И если на первый вопрос ответить невозможно, то и второй практически ставит в тупик. Однако известно, что у Мияги в Лос-Анджелесе был двоюродный брат по имени Мияги Йосабуро, член компартии, пользовавшийся в своих делах именем «Рой». Непосредственно в протоколе следствия имя Йосабуро не появляется, но в показаниях о «коммунистической партии», написанных Мияги по предложению следователя, Йосабуро уже появляется в списке тех, кто был арестован «карающей дланью американских властей» во время партийного коммунистического съезда в Лонг-Бич, штат Калифорния.

Эти аресты имели место в январе 1932 года. Среди обвиняемых, однако, не было американских граждан, а только японские, ибо собрание это считалось незаконным для иностранцев, выступавших за свержение американских государственных институтов. Более того, другие источники не подтверждают данных, что Мияги Йосабуро находился среди тех, кого арестовали и обвинили в незаконной деятельности.

В своих показаниях Мияги упоминает о Рое как об «американском коммунисте». Если Йосабуро был «нисеи» — японским эмигрантом во втором поколении, имевшим американское гражданство и если допустить, что он и Рой — одно и то же лицо, то тогда описание Мияги Роя как «американского коммуниста» формально правильно. Но если у Йосабуро было американское гражданство, едва ли его могли арестовать вместе о другими на Лонг-Бич, поскольку американский гражданин имел право состоять в коммунистической партии и ничего незаконного в этом не было. С другой стороны, Йосабуро могли арестовать, а потом освободить, не предъявив ему никакого обвинения. Этим и можно объяснить появление его имени в списке Мияги.

Все эти выводы — не более, чем предположения, насколько

это касается установления личности Роя. Но есть и еще один небольшой ключ в разгадке. Мияги сообщил следователям, что уже после того, как он покинул Америку, он узнал от миссис Китабаяси, что Рой часто заходил к ним в Дом в Лос-Анджелесе, интересуясь новостями от Мияги из Японии. Это дает все основания предположить, что Рой был японцем и столь личные отношения характерны скорее для Родственников или друзей, нежели для деловых партнеров или политических единомышленников. Тогда скорее всего Рой действительно был двоюродным братом Мияги, который был убедительно неискренним, когда говорил следователю, что Рой был членом партии в Лос-Анджелесе, которого он в течение некоторого времени знал лично.

Что до Яно, все, что нам известно, — это то, что он приехал из Нью-Йорка и с начала двадцатых годов работал на коммунистическую партию Америки, возможно, в одно время с таинственным Кито Гиничи, агентом, который помог познакомить Одзаки и Зорге в Шанхае. У него был, по крайней мере, один псевдоним (Такеда), и похоже, что он был важной фигурой в партийных кругах на национальном уровне. По словам Мияги, «Яно приехал в Сан-Франциско из Нью-Йорка, из штаб-квартиры партии, чтобы в Калифорнии действовать как организатор». Это, как говорит Мияги, произошло в конце 1929 года, сразу после ареста четырех ведущих японских коммунистов в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе. Очевидно, Яно несколько раз бывал в Калифорнии до 1929 года, поскольку, оказывается, что он был среди тех, кого Мияги включил в список как членов дискуссионной группы «Сова», слушавших лекции «Фистера» и «Харриса» о марксизме.

Очень заманчиво поверить, что во время пребывания в Москве в 1929 году Яно поощрили завербовать в Соединенных Штатах подходящего японца для подпольной работы. Конечно, его положение в партии в Калифорнии не пострадало бы из-за пребывания в Советском Союзе. Мы можем с некоторой долей вероятности догадываться, что именно Яно и выбрал Мияги как надежного активиста для будущей работы в Японии, и само вступление Мияги в Американскую коммунистическую партию в 1931 году может быть точнее интерпретировано как его вербовка под давлением Яно в руководимый Москвой аппарат. Постольку, как мы видели, Мияги не просили написать письменное заявление о приеме в партию, Яно завершил все дело, зарегистрировав Мияги под именем «Джо» в штаб-квартире Коминтерна.

У Яно была масса времени, чтобы еще до осени 1931 года

изучить характер Мияги и его привычки. В конце концов он знал Мияги еще по ресторану «Сова». Таким образом, это скорее похоже на то, как если бы Яно — или те, кто его инструктировал, — держали Мияги в качестве «сони» или пассивного агента для каких-то неопределенных знаний в будущем — по крайней мере, до второй половины 1932 года, когда Мияги было впервые сказано, что он должен отправиться в Японию. Если Мияги «был освобожден от партийных собраний и другой партийной деятельности, обязательной для члена партии», это можно было объяснить не только как признание его слабого здоровья, но также желанием удостовериться в том, что он не привлек к себе внимания японских консульских властей. Последние были известны своей ненавистью к японским радикалам на Тихоокеанском побережье[61]. Мияги как агент был бы скомпрометирован в Японии о самого начала, попади он в «черный список» японского консульства Лос-Анджелеса, поскольку в случае его поездки в Японию эта информация непременно была бы передана токийским властям.

Однако в любом случае Мияги был правильным выбором. События покажут, что он выполнял свои обязанности в Японии правильно, настойчиво и творчески. Ту кажущуюся неохоту, с которой он поначалу отнесся к предложению вернуться на Дальний Восток, можно было бы истолковать как факт, что он был достаточно счастлив в Калифорнии среди своих друзей в японской общине. Но Берзин уже принялся продвигать своих людей через границы. Вукелич был на месте, в Токио, еще в начале 1933 года, Зорге прибыл туда в сентябре, а вскоре к нему должен был присоединиться и радист «Бернгард». И становится понятным, почему именно в этот момент Яно и Рой оказали сильное давление на Мияги, чтобы заставить его как можно скорее отправиться в Японию. В этом случае они, конечно, следовали указаниям, полученным из Москвы, — через какие именно каналы, мы до сих пор сказать не можем.

Оказавшись в Японии, Мияги, в отличие от Вукелича, не испытывал особой нужды в деньгах. Он снял комнату в доме друга и, похоже, без особых трудностей сбывал свои картины. И действительно, в течение последующих пятишести лет — до самого лета 1939 года — он зарабатывал вполне прилично на продаже своих картин.

С Зорге Мияги познакомился, как он сам писал, где-то в конце 1933 года, в картинной галерее Уено. В наступившем 1934 году, после одной или двух встреч Зорге (которого Мияги знал как «Шмидта» или «Шмита») попросил его не возвращаться в Америку. Он должен остаться в Японии, где был бы более всего

полезен в служении тому делу, которому они оба преданы, — предотвращению войны между Японией и Советским Союзом. Мияги не без колебаний согласился.

Зорге по-прежнему не считал нужным торопить события на данном этапе. Он не требовал от Мияги огромного количества информации, и все, что он получал от него в эти первые дни их сотрудничества, были устные пересказы новостей и комментариев, которые уже появились в японских газетах и журналах. Материал такого рода был ценен для Зорге-журналиста, но не приносил видимой пользы Зорге-шпиону.

Согласно требованиям, согласованным заранее в Москве, действующая группа была теперь укомплектована полностью. У Зорге (как и обещал Берзин) был свой радист и два помощника, один из которых был японцем. Однако с точки зрения Зорге Мияги был новичком, он прожил в Америке с шестнадцати лет, а потому мир Токио был ему незнаком. У него, конечно же, не было связей в японском правительстве или среди высоких чинов вооруженных сил. Недоставало также опытности и зрелости — Мияги исполнилось тридцать, когда он встретился с Зорге. Но Мияги мог читать и писать по-японски, и в то время это было его единственным достоинством как помощника, не считая его природной чувствительности, интеллигентности и добродушия.

Невозможно сказать, в какой момент Зорге решил возобновить контакты с Ходзуми Одзаки. Намерение это, вполне возможно, возникло уже тогда, когда миссия его была определена Берзиным, поскольку он, конечно, знал, что его шанхайский помощник работает в газете «Асахи» в городе Осака. Зорге успел достаточно хорошо изучить японские привычки и обычаи, чтобы знать, что в тех обстоятельствах самое лучшее было бы обратиться к Одзаки через третье лицо, предпочтительнее японца. Этим лицом вполне мог быть Мияги. Другого выбора, собственно, и не было.

Весной 1934 года, через пять месяцев после начала их сотрудничества, Зорге отправил Мияги в качестве эмиссара в Осаку, в редакцию газеты «Асахи», чтобы он встретился с Одзаки, и результаты этой поездки в значительной степени определили направление миссии Зорге в Японии.

Глава 8. ТОКИЙСКОЕ НАЧАЛО

Я думаю, мне удается водить их всех за нос.
Из сообщения Зорге в Москву от 7 января 1934 года

В приемной газеты «Асахи» в городе Осака Мияги показал визитную карточку с именем «Минами Риучи» и попросил встречи с Одзаки. Он сказал Одзаки, что явился по поручению иностранца, который был очень дружен с Одзаки в Шанхае. Этот человек теперь в Японии и очень хотел бы возобновить знакомство.

Одзаки сразу же насторожился. Этот незнакомый «Минами» вполне мог оказаться полицейским шпиком, узнавшим в Шанхае нечто, дискредитирующее его, Одзаки. Подозрения терзали Одзаки. В продолжение всей этой неспокойной, прохладной беседы он чувствовал, что незнакомец, желавший его увидеть, вполне мог оказаться, «Джонсоном», европейским агентом, с которым они с Агнес Смедли познакомились в Шанхае.

Редакция газеты была явно не самым подходящим местом для подобных разговоров, и потому Одзаки договорился встретиться с «Минами» вечером в китайском ресторане. И здесь первоначальные страхи Одзаки исчезли, а его догадка в отношении личности иностранца подтвердилась. «Я узнал, — вспоминал он позднее, — что «Минами» был Мияги Потоку, член Американской коммунистической партии, которого послали в Японию по приказу Коминтерна, и что одной из его задач было снова свести нас с «Джонсоном».

Через несколько дней Одзаки встретился с Зорге («Джонсоном») в заранее обговоренном месте — в оленьем парке в Наре. Точный ход их беседы нам неизвестен. Но в какой-то момент Зорге попросил Одзаки вновь работать с ним.

— Ты поможешь мне? — спросил Зорге.

— На этот раз это Япония, а не Китай.

Зорге хотелось бы быть в курсе взглядов Одзаки на политическую, экономическую и военную ситуацию в Японии. И Одзаки не разочаровал друга. Несколько лет спустя в судебном документе так описывалась эта ситуация:

«Он (Одзаки) встретил Зорге, который настаивал на возобновлении им разведывательной деятельности. Обвиняемый с готовностью согласился присоединиться к группе, хотя и был полностью осведомлен о том, что Зорге вместе с Мияги Йотоку и

другими создал в Японии разведывательную группу со штаб-квартирой в Токио с целью поиска и сбора различной информации о наших военных, дипломатических, финансовых, политических, экономических и других делах, а также военных секретов и секретов, относящихся к нашим военным ресурсам, — и эта информация должна была передаваться московским властям».

«Обвиняемый с готовностью согласился». Это значит, что Одзаки практически без колебаний принял предложение Зорге. Действительно, японское выражение, использованное в судебных протоколах — kaidaku — значит «готовность согласиться или принять» и имеет нюанс «быстро согласиться» или даже «искренне, сердечно согласиться». Многие японцы, знакомые с делом Зорге, и в особенности те из них, кто знал Одзаки лично, не могли поверить, что Одзаки «с готовностью согласился».

Можно признать, что решение Одзаки помочь Зорге в Японии было логичным. Но кажется невероятным, что он сделал это без колебаний. В тот день в Наре он перешел свой Рубикон, что потребовало от него смелости особого рода, и это самоочевидно для любого, кто знал не понаслышке условия жизни в Японии в тридцатые годы нашего века. Большинство японских интеллектуалов, придерживавшихся левых убеждений, не объявили бы так сразу, не сходя с места, о своем решении. Даже просто обещание обмениваться информацией как журналист с журналистом едва ли — в те трудные времена — можно было охарактеризовать как «kaidaku», т. е. «согласился быстро и с готовностью».

Но факт остается фактом: Одзаки принял предложение Зорге. И когда Особая политическая полиция («Токко») завершила свое расследование по делу Одзаки, в ее отчете утверждалось, что «миссия по разглашению внутренней информации о Японии была жизненно важной и ее следовало рассматривать как почетное задание». И с этим мы вполне можем согласиться. Также ясно, что решение Одзаки есть показатель силы личности Зорге. Эти двое питали друг к другу огромное уважение. Сотрудничество в Шанхае переросло в настоящую дружбу. Был ли Одзаки, по крайней мере, субъективно обязан «Джонсону» (под этим именем он знал Зорге до 1936 года)? Не могло ли быть так, что Одзаки не знал, как отклонить его просьбу о сотрудничестве?

Количество и качество разведданных, добываемых Одзаки в течение последующих семи лет, будет освещено в ходе нашего повествования. Однако Зорге имел доступ и к другому источнику равноценной или даже более важной информации, а именно, к германскому посольству.

Общение Зорге с полковником Эйгеном Оттом было в высшей степени полезным для них обоих. Для Зорге это была возможность обеспечить себе ценную связь с немецкой колонией в Токио, и, по мере развития их личных отношений, доброе отношение к нему Отта и других сотрудников посольства стало решающим элементом в создании его сети источников информации.

Полковник Отт, служивший артиллеристом в Первую мировую войну, занимал важный пост в секции политического управления министерства обороны во времена Веймарской республики. Он входил в личный штат генерала Курта Шлейхера и был на его стороне во время эфемерного и недолгого пребывания последнего у власти в декабре 1932 года в качестве последнего германского канцлера перед пришествием Гитлера. В июне 1934 года Шлейхер был убит во время чисток по делу Ромма — и это был акт личной мести со стороны нацистского руководства. Протеже Шлейхера, Отт год назад получил назначение подальше от опасного политического климата, установившегося при новом германском режиме и был отправлен военным наблюдателем в Японию.

Ныне Отт пребывал в Нагое в качестве специального офицера связи в 3-м артиллерийском полку. В мае 1934 года, как раз когда Зорге встречался в Наре с Одзаки, Отт был уже военным атташе, получив назначение на этот пост в феврале этого же года, хотя по-прежнему оставался в Нагое. Напомним, что в Берлине д-р Зеллер из «Tagliche Rundschau» дал Зорге рекомендательное письмо к Отту. В этом письме, как мы упоминали в предыдущей главе, он описывает Зорге как «совершенно заслуживающего доверия — как политического, так и личного».

Жизнь иностранца в провинциальном японском городке была очень одинокой. Как бы ему ни было интересно в необычной обстановке, как бы ни были послушны и исполнительны японцы, но бывают у европейца моменты, когда он стремится оказаться в обществе близких по духу европейцев. И- чем прилежнее он изучает японскую жизнь и японский язык, тем острее, должно быть, чувствует ПОтребность время от времени вернуться в привычное окружение, за пищей для ума, которую могут обеспечить ему лишь его соотечественники. В этом отношении полковнику Отту повезло, поскольку с ним в Японии была его семья. И все же иностранная колония в Нагое была мала и при этом разбросана по всему огромному городу (четвертому по величине в Японии), а космополитичные центры Токио и Йокохама на востоке и Кобе на западе находились в нескольких часах езды на поезде.

И потому приезд Зорге, похоже, обрадовал супругов Отт. Ведь он был образованным человеком и к тому же бывшим солдатом, подобно Опу, воевавшим на фронтах первой мировой. Все это привело к тому, что между ними установились близкие дружеские отношения. Как написал сам Зорге, «одну из причин нашей дружбы можно найти в моей солдатской службе, когда я сражался и был ранен в Первую мировую войну. Отт участвовал в войне, будучи молодым офицером». Отт и Зорге и по возрасту принадлежали к одному поколению — Отту в то время только что исполнилось сорок, Зорге — тридцать девять. Другая причина дружеского расположения состояла в том, что оба они служили в одной и той же дивизии. Но важно отметить, что, как правило, Зорге всегда удавалось установить особо хорошие отношения с немецкими офицерами, будь это в Китае или в Японии. Ведь в конечном итоге война была единственным временем в его взрослой жизни, о котором он мог говорить открыто, не боясь чем-то выдать себя или свою секретную миссию.

Все, знавшие Зорге, согласны в том, что он был очень компанейским — заводным, веселым, щедрым и рафинированно утонченным, когда это было необходимо. Он мог себе позволять язвительные высказывания в адрес убежденных нацистов, что, однако, совсем не вредило ему в глазах Отта.

Как говорил Зорге следователю, «Отт считал меня человеком ярко выраженных прогрессивных взглядов, не нацистом, не коммунистом, а просто несколько эксцентричной личностью без каких-либо фанатичных пристрастий или слепой веры».

Высказывали предположение, что, пока Отт был в Нагое, Зорге мог снабжать его полезной информацией, касающейся японских военных дел, или по крайней мере предлагать ему новый взгляд на события в Японии, что придавало дополнительную ценность докладам Отта военному атташе в Токио и способствовало упрочению профессионального положения самого Отта. Возможно, что так оно и было. Однако между прибытием Зорге в Японию и переводом Отта в порядке повышения в Токио, в начале весны 1934 года эти двое вряд ли встречались. Более того, сомнительно, чтобы Зорге имел доступ к большим объемам ценной информации во время первых шести месяцев своего пребывания в Японии.

Зорге стал по-настоящему близким другом Отта после переезда последнего в Токио, где Отг поселился в районе Сибуя. Фрау Отг была доброй артистичной и понимающей женщиной. Они с мужем предоставили Зорге «место у очага», и он, в свою очередь, отвечал им дружеской привязанностью. Все знали, что только ради фрау Отг Зорге мог снизойти до того, чтобы «вести

себя прилично». Он был по-богемному нетерпим к хорошим манерам и не выносил общепринятые светские условности, и хозяйки в Токио вскоре перестали приглашать его на ленчи и обеды. Он ненавидел официальную одежду, и на него нельзя было положиться, когда дело касалось соблюдения светских приличий. Так, например, жена одного из немцев вспоминает, как она пригласила Зорге на обед, на котором он так и не появился, причем даже не дав себе труда найти убедительные оправдания. Хозяева обиделись и больше никогда не приглашали его в гости. Но в компании Оттов Зорге никогда не демонстрировал грубой стороны своей натуры — а если такое и случалось, то фрау Огг по-матерински устраивала ему нагоняй, и Зорге немедленно раскаивался. Замечали, что только ради фрау Отт Зорге соглашался надевать по вечерам смокинг.

Можно было подумать, что Зорге «обрабатывал» супругов Отг лишь ради своих секретных целей. Однако в обстоятельствах, когда у Зорге не было никакой необходимости лгать в этом специфическом вопросе — во время следствия, проводимого следователем Йосикавой, — Зорге продолжал утверждать, что «Отг был приятный, хороший человек». Допуская, что вся карьера Зорге требовала постоянного двуличия, это замечание подразумевает, что у него, по крайней мере, было некое человеческое и сугубо «непрофессиональное» отношение к друзьям, доверием которых он так бесчестно злоупотребил.

В конце 1933 года новый германский посол в Японии Герберт фон Дирксен прибыл в Токио. До этого он был послом в Советском Союзе. С точки зрения Зорге первоочередной задачей посла было «вести германо-японские отношения в русле враждебности к СССР». Тот факт, что в 1933 году Германия и Япония почти одновременно покинули Лигу Наций, способствовал созданию дополнительных уз между двумя странами, которые могла бы еще больше укрепить разделяемая ими враждебность по отношению к Советскому Союзу.

К тому времени Зорге был уже в хороших отношениях о персоналом посольства, а его статья для «Tagliche Rundschau», написанная в конце 1933 года, вызвала в Германии значительный интерес, чем еще больше упрочила позиции Зорге в посольстве.

Положение Зорге в посольстве еще более упрочилось после того, как в 1934 году в Токио прибыл новый военно-морской атташе, капитан Поль Веннекер.

«Это был человек военный благородный, с характером. Однако вопросы политики были совершенно выше его понимания, и потому я мог быть ему кое в чем полезным. Веннекер, подобно мне, был холостяком, и мы вместе посещали такие места, как

Атами, и «стали добрыми компаньонами».

Сердечное и по-настоящему веселое общение с «Польхеном» (так Зорге звал своего друга) продолжалось на протяжении всего времени пребывания Веннекера в Японии с 1934 по 1937 год и возобновилось после того, как Веннекер вернулся в Токио в 1940 году в чине контр-адмирала, сопровождаемый следующим под его началом боевым кораблем «Германия». Эта дружба, в высшей степени полезная для подпольной работы Зорге, может служить еще одной иллюстрацией личной привлекательности Зорге для многих, если не для большинства немецких офицеров.

Князь Альбрехт фон Урах также числился среди тех друзей, которых завел Зорге в первый же год пребывания в Японии. Урах, прибывший в Токио в 1934 году в качестве корреспондента газеты «Volkischer Beobachter», еще в Германии прочел некоторые статьи Зорге и горел желанием познакомиться с ним. После встречи он обнаружил, что Зорге — типичный берлинец, проницательный, резкий, буйный, шумный, любитель выпивки и женщин. На первый взгляд эти двое, князь и Зорге, имели мало общего. Урах, принадлежавший к вюртембергской знати, был куда более элегантным и куда менее необузданным, чем Зорге, но он был беспечным и добродушным, а также намного моложе Зорге и менее опытным как журналист. Личность Зорге весьма интересовала его. Урах считал его человеком слегка забавных, эксцентричных взглядов, но безусловно чистым душой и сердцем. И к тому же Зорге очень нравился Отту, который служил в дивизии под командованием отца Ураха, выдающегося генерала времен войны 1914–1918 годов. Более того, Зорге долго пробыл на передовой, служа в пехотном полку (берлинском «Мэйфлайес»), в котором начинал свою карьеру профессионального военного отец Ураха. Как бы то ни было, Урах и Зорге быстро нашли общий язык. И хотя первый представлял главную нацистскую партийную газету, Зорге никогда не старался скрыть в его присутствии многие из своих неортодоксальных взглядов — например, открыто восхищался Красной Армией. Но хотя Зорге часто, казалось, был откровенным со своими немецкими друзьями, он никому из них, включая Ураха, ни малейшим намеком или оговоркой не выдал, что он не понаслышке знаком с Советским Союзом.

В конце весны 1934 года, ко времени своей первой в Японии встречи с Одзаки, Зорге уже имел совершенно определенную репутацию в немецкой общине. Его считали энергичным журналистом с особым даром понимания Дальнего Востока. Именно как к специалисту по дальневосточным делам к нему и относились и сам посол, и все военные атташе, признавая его

неоспоримый авторитет. Если кто-то и бывал шокирован рассказами о его буйном поведении, то большинство относились к нему вполне терпимо: в конце концов, у Зорге не было ни жены, ни семьи. Ну а что касается его запоев, то это явление само по себе совсем не чуждо традициям иностранных корреспондентов. Французский журналист, встречавшийся с Зорге в то время, описывает манеру Зорге, как «странную смесь шарма и жестокости»[62]. Зорге каким-то странным образом становился объектом уважения и неодобрения одновременно.

Как и все другие корреспонденты, Зорге исправно посещал пресс-конференции, которые три раза в неделю устраивало японское Министерство иностранных дел, а также поддерживал постоянный контакт с «Ренто» (позднее «Домен») — японским агентством новостей и с пресс-бюро Министерства обороны и Министерства военно-морского флота Японии. Он вступил в немецкий клуб Кейхин (Токио — Йокохама), используя на полную катушку библиотеку клуба, равно как и бар, а также стал членом Токийского клуба — обладателя одного из лучших в мире собраний книг о Японии, изданных на западноевропейских языках. Зорге часто выезжал за пределы столицы, проявляя особый интерес к сельской местности, где многие районы по-прежнему пребывали в упадке от последствий катастрофического неурожая и краха американского шелкового рынка. Обедал Зорге у Ломьера — в превосходном немецком ресторане, который располагался в подвале, неподалеку от Гиндзы, и принадлежал ветерану битвы при Циндао. Зорге постоянно видели в «Империал-отеле», где он сплетничал в вестибюле или играл в кости в нижнем баре. Ну и, конечно же, он был частым посетителем посольства, где обменивался новостями и комментариями в канцелярии и с военными атташе. И если поначалу его общение с послом Дирксеном происходило от случая к случаю, то со временем их отношения стали более близкими.

Тогда, как и сейчас, если чего и хватало в Токио, так это «западных» кафе-ресторанов и баров, и это вдобавок к чисто японским центрам отдыха и развлечений. Работали также французские, итальянские, испанские, русские, скандинавские и латиноамериканские кафе-бары. Было, по крайней мере, одно кафе, оборудованное и оформленное в духе старинной английской таверны, с дубовыми панелями, оловянными кружками и охотничьими рогами на стенах. В подобных заведениях официантки, принеся выпивку, должны были сидеть рядом с посетителями, играя своего рода роль гейш, ублажая гостей комплиментами, смеясь их шуткам и следя за тем, чтобы

стаканы клиентов не пустовали. (В «Черной птице» девушки-официантки красили волосы в ярко-оранжевый цвет, однако в конце тридцатых годов полиция, действуя из патриотических соображений, положила конец этой практике.)

И нет сомнений, что кафе и пивные залы в немецком стиле также должны были сыграть свою роль в этой шпионской шараде. Два из них — «Фледермаус» и «Рейнгольд» — особенно нравились Зорге. Оба заведения принадлежали немцам и обслуживались официантками-япон-ками, и оба находились в районе Гиндзы. «Фледермаус» — довольно маленькое, тускло освещенное кафе, в котором стояли четыре столика и работали две-три официантки. Фридрих Сибург, писатель, много раз встречавшийся с Зорге во время своих наездов в Японию, оставил весьма реалистичное описание «Фледермауса».

«Это была унылая, мрачная дыра с грязными, вытертыми сиденьями, покрытыми неким подобием гобелена. Здесь не было ничего японского, за исключением одной-двух низкого пошиба девиц-официанток, которые обычно приходили и садились рядом с посетителями, обнимая их руками за шею и неестественно хихикая. Японцы вряд ли посещали подобные места, и для меня оставалось загадкой, как человек с таким вкусом, как у Зорге, мог часто посещать подобную дыру».

Князь Урах также вспоминает «Фледермаус» как «прокуренный, непривлекательный бар», где Зорге часто напивался, «проходя все возможные фазы опьянения: поднятие духа, слезливую жалость, агрессивность, манию преследования, манию величия, горячку, полубессознательное состояние и, наконец, мрачное, унылое состояние одинокого похмелья, от которого можно было избавиться лишь с помощью еще большего количества алкоголя».

А вот «Рейнгольд» был совершенно другим, более вместительным и в целом намного более привлекательным. Это был и ресторан, и бар одновременно, принадлежавший хорошо известному герру Кетелю. На должности официанток подбирались девушки с претензией на интеллигентность. Условия работы и оплаты были весьма неплохими. Среди посетителей встречались и космополитичные японцы, занимавшие самые разные посты в мире бизнеса, и политики, и члены немецкой колонии, и другие европейцы. Здесь, в «Рейнгольде», Зорге, как мы увидим дальше, нашел себе верную и преданную возлюбленную.

Пьянствовавшие в баре «Империал-отеля», в «Рейнгольде» или «Фледермаусе» или в «отелях» на побережье Хом-моки, близ Иокогаты Зорге и его друзья-холостяки стали известны полиции

как «балканский клуб».

Вукелич и радист группы «Бернгард» в эту компанию не входили. В то время Вукелич в основном интересовал Зорге как хороший фотограф — и именно он фотографировал копии донесений, которые передавал ему Зорге. Результаты его работы, обычно в виде микрофильмов, потом отправлялись в Москву через редкие встречи с курьерами в Шанхае.

Возможно, поначалу Вукеличу приходилось чаще заниматься подобной работой, чем впоследствии, ибо попытки установить радиосвязь с 4-м Управлением в большинстве своем оказывались неудачными, причем, как обнаружил Зорге, по большей части из-за «трусости Бернгарда».

Устроив себе «крышу» под видом бизнесмена, занимающегося экспортом в Йокохаму, «Бернгард», очевидно, установил два радиопередатчика — один в своем доме в Йокохаме, другой — в токийском доме супругов Вукели-чей. «Бернгард» не переставал жаловаться, что обращение с этими передатчиками затруднено из-за многих технических сложностей. Сложности, конечно, были, нет сомнений. Но ясно также и то, что сам радист испытывал непреходящий страх неожиданного провала и ареста. Уместно будет процитировать здесь отчет, сделанный им после возвращения в Советский Союз в 1935 году.

«Я действовал в Йокохаме под маской иностранного торговца, отправляя неиссякаемым потоком образцы японских товаров иностранным фирмам и таким образом маскируя свою деятельность. Зорге, добиваясь признания со стороны московской штаб-квартиры, приказывал мне отправлять бесчисленное количество сообщений, но многие из них я не отправлял, поскольку как радист чувствовал, что частые передачи и приемы сообщений были бы равносильны приглашению полиции прийти и обнаружить нас».

Примерно в то же время Зорге сказал о «Бернгарде» следующее: «Как радист «Бернгард» меня устраивал, но он все больше и больше пил и зачастую пренебрегал своими обязанностями по передаче информации. Человек, занимающийся шпионажем, должен демонстрировать некоторую смелость, «Бернгард» же был необычайно робок и не отправил и половины тех сообщений, что я передавал ему».

Где-то в 1934 году Зорге окончательно решил, что «Бернгард» должен уехать, и в начале 1935 года была достигнута договоренность, что радист с женой вернутся в Москву.

Сознавая предварительный и исследовательский характер своей миссии, какой ценности информацию мог собрать Зорге в 1934 и первой половине 1935 года для передачи в 4-е

Управление? Ответ может быть следующим: возможно, информации было не очень много, но была она достаточно достоверной и проверенной, чтобы произвести впечатление на 4-е Управление, и конечно, достаточной, чтобы вызвать у Зорге уверенность, что шпионаж в Японии — занятие вполне возможное.

Весной 1934 года фундаментальный вопрос, ради ответа на который Зорге, собственно, и был послан в Японию, а именно: каковы японские намерения в отношении России — приобрел особое значение, поскольку в течение зимы японо-советские отношения заметно обострились. Никакого прогресса не наблюдалось и в переговорах между двумя странами о будущем контролируемой русскими Восточно-Китайской железной дороги, пересекавшей северную часть Маньчжурии. Было ясно, что японцам следует либо купить эту линию, либо попросту захватить ее. И если переговоры о продаже слишком затянутся или закончатся безрезультатно, всегда существовала возможность того, что японская Квантунская армия, подлинный правитель Маньчжоу-Го, просто захватит железную дорогу с одобрения или без оного со стороны Токио.

Большинство военных атташе в Токио были уверены, что японо-советский конфликт вполне вероятно разразится в 1935 году. Американский посол Джозеф Грю 9 марта 1934 года имел долгую беседу со своим русским коллегой Юреневым, в которой намекнул на общее мнение, распространенное среди дипломатов, что весной 1935 года можно ожидать японского нападения на советский Дальний Восток. Однако, как отметил в своем дневнике Грю, «посол ответил, что, пока никто не может предсказать точную дату нападения, он считает более вероятным, что подобное нападение случится этой весной».

Начало весны 1934 года вполне могло стать временем особых осложнений для Зорге, смягченных, возможно, лишь тем, что супруги Отт переехали в Токио. Одзаки должен был приступить к работе в мае, но, в конце концов, он был в Осаке, а не в столице, и в то время у него еще не было тесных контактов в кругах японского правительства и уж тем более среди высшего командования.

Зорге заставил Мияги выяснить все, что можно, о военных планах Японии, и в течение всей первой половины 1934 года — точная дата неизвестна — тот подготовил для Зорге отчет о позиции армии в отношении Советского Союза. В этом отчете утверждалось, что нападение на Россию, судя по высказываниям армейских служащих и характеру персональных назначений в армии, по-видимому, не за горами. Мияги также указал, что

Квантунская армия была усилена и что некоторые офицеры при общении с прессой агитировали за нападение, а Sakurakai («Общество Сакура» — объединение, собравшее в свои ряды почти сотню политически активных капитанов, майоров и лейтенантов) стало намного более влиятельным и «способно ускорить принятие решения о нападении на Советский Союз».

В этом отчете, основанном в общем-то на слухах и сплетнях, а также на внимательном изучении газет и журналов, упоминание об «Обществе Сакуры» должно было представлять значительный интерес для Зорге. Это была именно того рода информация, которую он мог передать в конфиденциальном порядке и с большой выгодой для себя как в Москву, так и в германское посольство. Хотя к тому времени Сакура-каи не было по-настоящему тайным обществом, тем не менее о его существовании японские офицеры не спешили оповестить широкую публику и уж тем более иностранцев, и скорее всего, европейские посольства вряд ли что-либо слышали о нем.

Однако к середине мая страхи близкой войны слегка улеглись. Летом — возможно, в июле — Зорге сказал Мияги, что «Коминтерну» нужна информация о японской армии, основанная на военных публикациях в прессе. И Мияги стал регулярным подписчиком (через книжный магазин в районе Канда-Роуд) ежемесячного журнала «Gunji to Gijutsu» («Военное дело и технологии»). Начиная с августовского выпуска 1934 года, он делал выписки из множества статей с такими названиями, как «Новое советское оружие», «Анализ состояния Красной Армии» и «Новое вооружение французской, германской и британской армий».

Едва ли это можно было отнести к разряду разведывательных материалов высочайшего класса, и не удивительно, что через несколько месяцев Зорге сообщил Мияги, что сообщений из этого источника больше не требуется. Также не удивительно, что, когда Зорге был в Москве в 1935 году, ему сказали, что следует возобновить передачу выдержек из журнала «Военное дело и технологии»[63]. Так что Мияги пришлось вновь вернуться к этой задаче особой важности, которую он забросил предположительно, по указанию Зорге, еще весной 1936 года.

Однако калибр поставляемой Мияги информации все возрастал по мере того, как развивались его связи и ширились источники. Сюда можно было включить и небольшое число людей, которых можно было бы назвать субагентами организации Зорге. Мияги надеялся, как он говорил Зорге в 1934 году, создать национальную сеть доверенных информаторов в большинстве районов страны. Но этого он так никогда и не смог достичь «из-за

недостатка подходящих людей». И тем не менее временами он мог положиться, подобно Одзаки, на информацию из самых неожиданных кругов, так же, как и на своих сознательных помощников. Но у Мияги уже был помощник, работавший на него, — знакомый по калифорнийскому периоду Акийяма Койи, приехавший в Японию за несколько месяцев до Мияги.

Миссис Китабаяси, квартирная хозяйка Мияги в Лос-Анджелесе, познакомила Мияги с Акийямой у себя дома еще в 1931 году. Акийяма тогда работал в газете, издававшейся на японском языке под названием «Nicht-Bei Shim-bun», и, похоже, оказывал немалую помощь и поддержку Мияги, рецензируя и рекламируя выставки его картин. Это был человек средних лет, родившийся в 1889 году.

Оказавшись в Токио, Акийяма, похоже, был далек от процветания, и Мияги, вскоре приехавший в Японию и, без сомнения, помнивший о хорошем отношении Акийя-мы к нему в Калифорнии, начал помогать другу, давая ему от двадцати до тридцати иен в неделю — скромную, но никоим образом не презренную сумму в те дни. Акийяма, вероятно, мог поинтересоваться у Мияги, не может ли он послужить ему каким-то образом. А может, предложение исходило от самого Мияги. Но, так или иначе, вскоре Акийяма уже делал письменные переводы для Мияги с японского на английский, получая почасовую плату.

Готовя отчеты для Зорге, написанные по-японски, Мияги старался пользоваться исключительно черными чернилами, поскольку отчеты потом перефотографировал Вукелич для дальнейшей передачи «Коминтерну» и для этих целей черные чернила подходили лучше, чем синие. Однако часто бывали такие отчеты, которые представляли непосредственный интерес для самого Зорге, и потому требовалось срочно и точно перевести их на английский. Переводчиком в большинстве случаев был Акийяма, пользовавшийся синими чернилами, и Мияги решил не говорить Акийяме, что бумаги подлежат фотографированию. Акийяма, закончивший коммерческий колледж в Калифорнии, без сомнения, лучше владел английским, чем Мияги, и потому, когда срочно требовался перевод, Акийяма садился за работу и работал по четыре часа без передыху, в зависимости от размеров и сложности содержания переводного материала. Он переводил на английский как написанное рукой Мияги, так и бесчисленные японские тексты, значительный поток военной, экономической и политической информации разведывательного характера.

Так продолжалось в течение восьми лет, в течение которых Акийяма получал пусть и небезопасный, но стабильный заработок. Большую часть времени, однако, он жил вместе с

Мияги, не проявляя явного интереса ни к коммунизму, ни к подпольной деятельности приятеля. Он, конечно, знал, что их могут арестовать и что в этом случае сурово накажут за измену и шпионаж. И тем не менее этот любопытный человек, которого Уиллоби прямо называл «единственным наемным работником», похоже, был совершенно равнодушен к вопросам секретности. «Это был не тот человек, — признал Мияги, — который мог бы стать серьезным помощником в шпионской работе». На самом деле Акийяма был привязан к Мияги узами дружбы и сильной экономической зависимости, а идеологические симпатии играли в их общении минимальную роль. Это имело свои недостатки, и в 1939 году Мияги попытался найти другого опытного переводчика, но безуспешно, «и потому мы были вынуждены позволить Акийяме продолжать работу». Стоит, однако, упомянуть, что, несмотря на тревогу Зорге в отношении сотрудничества с Акийямой, с которым Зорге наверняка не встречался, Мияги убедительно заявлял, что этому человеку можно верить.

Фактически все разведданные, полученные Зорге в 1934 году и за шесть месяцев 1935 года, были отправлены в Россию с курьером, поскольку радиосвязь, которой ведал «Бернгард», практически не действовала. «Я мог отправить лишь самое короткое сообщение, — признавался Зорге, — и то очень редко».

Но отправка материалов с курьером требовала поездки в Шанхай. В мае 1934 года Зорге ездил сам, передав свой пакет незнакомцу, которого он принял за скандинава. («Я не знаю, чем он занимался и где, да я и не спрашивал».) Следующая поездка, вероятно, состоялась — хотя никакой даты не указано — в разгар лета, в конце июля, вскоре после отставки Кабинета министров, когда адмирал Окада сменил адмирала Саито на посту премьер-министра. Эмиссаром из Токио в данном случае была жена «Бернгарда», встретившаяся со связником (женщиной) в номере «Палас-отеля» в Шанхае. Состоялась и еще одна поездка в Шанхай в тот год, осенью, когда нервный «Бернгард» вез материалы из Японии. Договоренность об этой встрече стала темой одного из нечастых радиосеансов. А в начале 1935 года жена «Бернгарда» совершила еще одну поездку в Китай: похоже, что у нее была та сила характера, которой явно недоставало ее мужу.

Поездка Зорге в Шанхай в конце весны 1934 года была не единственным его путешествием на континент в этом году, поскольку осенью он сопровождал Отта в поездке по Маньчжурии. Однако нет причин предполагать, что в ходе этой поездки, о которой нам мало что известно, Зорге встречался с курьером из Москвы. Вероятно, возможный риск был слишком велик, чтобы его игнорировать. Да и тот факт, что Зорге сопровождает Отта в

поездке по Маньчжурии, сам по себе красноречиво свидетельствовал о дружбе, возникшей между ними.

Примерно в это же время, но, вероятно, еще до поездки в Маньчжурию, статус Зорге значительно повысился в связи с получением официального уведомления о принятии его в нацистскую партию.

А тем временем в течении событий наметился поворот, последствия которого могли серьезно повлиять на перспективы для Зорге развернуть эффективную разведдея-тельность. В сентябре 1934 года газета «Асахи» предложила Одзаки перейти в ее токийский штат. Его основным местом работы в Токио должна была стать исследовательская организация, известная как Общество по изучению Восточно-Азиатских проблем (Toa Mondai Chosa-kai). Эта организация только что была создана под покровительством токийского филиала газеты «Асахи» — и в штате ее состояли в основном люди из «Асахи». Главной темой исследований общества были китайские дела, что вполне подходило Одзаки как специалисту по Китаю, ставшему признанным авторитетом и даже опубликовавшим свой перевод книги Агнес Смедди «Дочь земли». В большой степени благодаря своим связям с этим исследовательским обществом (в деятельности которого принимали участие представители вооруженных сил, правительственных департаментов и большого бизнеса) Одзаки после переезда в Токио смог существенно повысить уровень своих личных контактов.

Как только Одзаки обосновался в Токио, они с Зорге стали встречаться регулярно — примерно раз в месяц. Встречи проходили в ресторанах, а время от времени — в высококлассных клубах с гейшами. Одзаки даже назвал некоторые из них следователям — и список его выглядит, как путеводитель Мишелина по Токио 30-х годов. На первых встречах с Зорге Одзаки в общении с персоналом ресторана и гейшами пользовался псевдонимом «Одаке», но вскоре понял, что может создать себе лишние трудности, навлекая на себя то самое подозрение, которого он всячески хотел бы избежать. «И потому в дальнейшем я представлялся как Одзаки из «Асахи».

Постоянно повторяющейся темой бесед Одзаки и Зорге в течение зимы 1934–1935 годов, похоже, был вызывающий все большую тревогу ультранационализм, поскольку он был тесно связан с вопросом отношения Японии к Советской России. Вообще говоря, националистическое движение в Японии до сих пор состояло из двух течений — традиционалистского и радикального. Хотя последнее предпочитало лобовую атаку на бастионы капитализма, оба течения были непримиримо

враждебны к коммунизму и считали Советский Союз естественным врагом японского государства. Поскольку армия боролась за обретение абсолютного контроля над судьбами Японии и с этой целью поощряла и использовала фанатичный национализм, отсюда следовало, что изучение обоих проявлений ультранационализма и любых сдерживающих его факторов становилось жизненным интересом для Зорге.

Еще раньше, в июле, на одной из встреч, состоявшейся в промежутке между их первой встречей в парке Нара и переездом Одзаки в Токио, Одзаки дал Зорге подробный отчет о различных кознях и «инцидентах», устроенных правыми и радикалами в предшествующие годы, и особенно об убийстве премьера Инукаи 15 мая 1932 года. Они тогда встретились в храме Хейян в Киото. В знаменитом саду, гуляя среди цветущих лотосов и слушая стрекотание цикад в летнем зное, они могли подробно обсудить все вопросы, не очень боясь быть подслушанными.

Вся подобная информация, включая и чисто историческую, не подлежащую передаче в Москву, добавлялась к тому капиталу специализированных знаний, которые Зорге усердно приобретал, и потому эти беседы имели для него огромную ценность не только как основа для выводов, которые он мог сделать как журналист и шпион, но также как средство, позволяющее произвести впечатление на германское посольство своей проницательностью и точным анализом событий в стране.

Потребность в дальнейших сведениях о крайне националистических течениях заставила Одзаки еще раз прибегнуть к услугам — на этот раз в самой Японии — своего старого сотрудника Каваи Текичи. Последний питал искреннее уважение к Одзаки, на которого он смотрел как на патрона. Каваи в мае 1932 года провел три недели в застенках японской полиции в Шанхае, после чего в июле этого же года вернулся в Японию и, не теряя времени, разыскал Одзаки, чтобы попросить у него совета и, без сомнения, заверить, что полиции в Шанхае не удалось напасть на след группы «Джонсона». Одзаки посоветовал ему на время «лечь на дно», но в конце 1932 года одобрил решение Каваи вернуться на континент, на север Китая, чтобы там работать на китайских коммунистов.

Одзаки сам сопровождал Каваи в Пекин, где пробыл два или три дня и где вновь встретился с Агнес Смедли, чтобы обсудить будущую миссию Каваи в этом районе. Каваи должен был с определенным интервалом времени выходить на связь с некоторыми китайцами (их имена не установлены), информируя последних о деятельности японской армии и отношении к ней местных китайских лидеров. Потом Одзаки вернулся в Японию —

якобы из отпуска.

На деньги, полученные от китайского связника, Каваи открыл в Тянцзине книжный магазин — как раз напротив помещения, где располагалось «Подразделение специальных служб» японской армии в Тянцзине. «Подразделение специальных служб» — организация, отвечавшая за политические операции и разведку и потому имевшая отношение ко все делам — как законным, так и не очень, затрагивавшим японские интересы на континенте.

История жизни Каваи включает недолгую активную работу, когда он был еще совсем молодым человеком, в двух сугубо националистических обществах, поддерживаемых консервативной партией Сейукаи в японском парламенте. После своей первой поездки в Китай в качестве журналиста в начале 1928 года он стал известен, как «китайский ронин» — несущий эмоциональную нагрузку термин, означающий для одних патриотически настроенного японца, всегда готового любой ценой способствовать росту влияния своей страны в Китае, а для других этот термин звучал пренебрежительно, означая, на их взгляд, типичных ушлых «саквояжников». Обстоятельства жизни Каваи как в Японии, так и в Китае способствовали его тесному общению с различными правыми авантюристами, и сам он не стремился оборвать эти связи после своего обращения в коммунизм. Хотя «обращение», вероятно, слишком сильное слово в случае с Каваи, чтобы охарактеризовать процесс его мышления, поскольку он, похоже, не имел сколько-нибудь определенных идеологических убеждений, хотя и был искренним в своих симпатиях к китайским коммунистам. Скорее всего, вскоре после его первой поездки в Китай Каваи просто осознал, что они были предвестниками будущего. Но его услуги Одзаки как в Китае, так и позднее в Японии были мотивированы скорее чувством личной преданности, нежели побуждениями твердо убежденного в чем-то человека. Каваи не был интеллектуалом и, тем не менее, сохранял стойкие моральные обязательства перед Одзаки. Очевидно, что Зорге и иногда Мияги считали Каваи не более, чем безмозглым приживальщиком — вердикт, игнорирующий понятие о человеческом мужестве. Ведь Каваи пережил жестокие допросы, находясь под арестом в полиции Шанхая, а вскоре ему пришлось пережить куда более мучительные испытания.

Книжный магазин Каваи в Тянцзине бьи удачно расположен, поскольку репутация его хозяина и его связи бывшего правого активиста и «китайского ронина» сделали Каваи persona grata в «Подразделении специальных служб», размещавшемся как раз через дорогу от магазина, что, в свою очередь, давало возможность собирать массу информации, ценной для китайских

коммунистов. Однако отношения Каваи с китайскими связниками все более обострялись, пока окончательно не прекратились. После чего он снова вернулся в Японию, чтобы встретиться с Одзаки и «выяснить, — как он писал, — что делать дальше». Было это в феврале 1934 года. Одзаки велел ему отправиться на север Китая, где и оставаться, пока с ним не установят «какого-нибудь рода связь». Но уже через год — в марте 1935 — Каваи вернулся в Японию, нашел Одзаки в его токийской квартире и вновь попросил указаний.

На этот раз Одзаки посоветовал ему оставаться в Токио. Каваи, соответственно, чтобы «выполнить указания Одзаки и решить немедля неотложную проблему обеспечения средств к существованию», отправился жить к другу, которого он называл Фуита Исаму и который жил в пригороде Токио. Каваи познакомился с ним на севере Китая. На самом деле Фуита был связан с «Подразделением специальных служб» в Тянцзине. Однако летом 1933 года в Токио он оказался вовлечен в странный, причудливый заговор, известный как «Дело солдат, посланных богом» — предположительно, coup d'6tat (государственный переворот). Солдаты эти, как намекали уже давно, включили в свою программу уничтожение всего японского кабинета одним ударом — бомбардировкой с воздуха. Роль Фуиты во всем этом была второстепенной. Однако «Дело солдат, посланных богом» лишь подчеркнуло тот факт, что друг Каваи был прислужником крайне правых, а это означало, что Каваи попал, можно сказать, на стратегическое место для сбора необходимой группе Зорге текущей информации об ультранационалистическом движении.

И тем не менее Каваи не был в непосредственном контакте с самим Зорге, ему даже не сообщили, что Зорге теперь в Японии. Хотя Одзаки познакомил его с Мияги. Как-то в начале мая 1935 года Одзаки сказал Каваи: «Я полагаю, что тебе, должно быть, скучно и потому хочу познакомить тебя с хорошим парнем. Он только что вернулся из Франции и, поскольку друзей у него нет, он сказал мне, что ему необходим компаньон. Иди и познакомься с ним».

Одзаки устроил обед на троих в ресторане Уено, и на этой первой встрече Каваи и Мияги сразу понравились друг другу. Одзаки уехал домой около полуночи, оставив молодых людей развлекаться дальше. В результате Каваи оказался мертвецки пьян и на следующее утро к своему удивлению обнаружил, что его доставили через весь город на такси к одной из знакомых девушек Мияги. Так началось сотрудничество Мияги и Каваи, продолжавшееся в течение последующих восьми месяцев. Каваи

стал субагентом Мияги и начал работать на группу Зорге.

Через семь лет, на допросе у следователя, Мияги утверждал, что Каваи давал мало ценной информации. И не вызывает сомнений, что в качестве источника разведданных Каваи был намного полезнее в Китае, нежели в Японии, ибо в своей собственной стране он утратил все связи. Ему постоянно не хватало денег, и, похоже, в тот период он никак не мог найти себе постоянную работу. Но его тесный контакт с авантюристами типа Фунты не был совсем уж бесполезным, поскольку в июне 1935 года Мияги и Каваи смогли подготовить тщательно сделанную, хотя и грубо начерченную схему-диаграмму, на которой были наглядно изображены руководство, союзники и враги соперничающих фракций в японской армии.

Мияги отдал эту замечательную схему Зорге, и после ареста последнего полиция нашла этот листок в его бумагах. Схема представляла собой точное руководство к запутанной структуре власти в армии. Вооруженный подобными документами Зорге, единственный из всех иностранцев, сумел поразительно точно квалифицировать мятеж, разразившийся в самом сердце Токио в 1936 году.

Вскоре после получения этой схемы от Мияги Зорге подготовил и передал в Москву отчет для 4-го Управления о своей миссии и ее перспективах. «Я сообщил Москве, что хотел бы, чтобы меня вызвали для консультаций и чтобы сменили «Бернгарда» на радиста получше. В мае 1935 года я получил указания из Москвы вернуться домой, не откладывая». Однако сначала Зорге отправил «Бернгарда», который добирался до Москвы через Шанхай и Сибирь. А уж потом, в конце июня и сам отплыл в Америку, скрыв, конечно же, тот факт, что из Америки он намеревался отправиться прямиком в Советский Союз, прихватив с собой внушительный пакет разведматериалов, включая, без сомнения, и схему Мияги. Все эти материалы представляли собой фотокопии подлинников, преимущественно в микрофильмированном виде.

В нашем распоряжении имеется единственное описание Зорге в Америке, написанное женщиной, хорошо знавшей его еще по Берлину 20-х годов:

«Ика (Зорге), которого мы раньше знали как спокойного ученого человека, явно изменился за те годы, что он проработал на Советский Союз. Когда я видела его последний раз в Нью-Йорке в 1935 году — он стал буйным, сильно пьющим человеком. Мало что осталось в нем от обаяния романтически настроенного студента-идеалиста, хотя он по-прежнему оставался необыкновенно привлекательным внешне. Но его холодные

голубые, слегка косящие глаза с густыми бровями сохранили способность к самоиронии, даже когда для этого не было причины. Волосы его были по-прежнему каштановыми и густыми, но скулы и печальный рот были впалые, а нос заострился. Он совершенно изменился».

В Нью-Йорке «связник коммунистической партии» передал ему фальшивый паспорт. («Я не хотел, чтобы в моем подлинном паспорте стояла отметка, что я был в Советской России».) Это был старый паспорт, слегка подправленный для того, чтобы подойти своему новому владельцу. В него была вклеена фотография Зорге и описание его внешности. В графе «национальность» стояло «австриец», а имя было «длинным и диковинным».

Из Америки Зорге отплыл во Францию, хотя его отъезд чуть было не отложили в последний момент — Зорге забыл уплатить выездную пошлину, что и обнаружил таможенный офицер на борту корабля, как раз в тот момент, когда судно уже готовилось покинуть док Нью-Йорка. «Казалось, он собирается ссадить меня на берег, но я сунул ему пятьдесят долларов, и вопрос был тут же улажен. Вопросы в Соединенных Штатах решаются очень гибко».

Прибыв во Францию, он отправился в Россию через Австрию, Чехословакию и Польшу. В советском консульстве в Париже он получил въездную визу, пройдя через обычную процедуру, «как и любой другой путешественник». («Я не воспользовался никакими особыми привилегиями».)

И так долгим, окольным путем он на поезде достиг, наконец, места своего назначения — Москвы.

Но дома Зорге пробыл всего лишь три недели, и это был его последний приезд.

Глава 9. ИНТЕРЛЮДИЯ В МОСКВЕ

Когда в июле 1935 года Зорге вернулся в Москву, он сразу явился с докладом непосредственно к новому начальнику 4-го Управления генералу Семену Петровичу

Урицкому, которого Зорге описывает как «не очень сильно интересовавшегося чисто военными проблемами».

Генерал Урицкий родился в 1895 году — в тот же год, что и Зорге. Карьера его поразительно напоминала карьеру Берзина, и действительно, оба они проработали в тесном сотрудничестве в течение нескольких лет. В августе 1919 года Урицкий был «начальником оперативного штаба разведки Красной Армии», а позднее стал командиром кавалерийской бригады. Военную репутацию себе он создал, возглавив в марте 1921 года штурм мятежного форта Кронштадт. И вся его последующая карьера была как у любого старшего офицера Красной Армии, пока, наконец, он не сменил Берзина, став в 1935 году во главе 4-го Управления. Назначение это было одобрено «Центральным Комитетом партии и руководством Народного Комиссариата обороны»[64].

В разговоре с Урицким Зорге мог с уверенностью утверждать с позиций своих знаний и связей, что организация шпионской работы в Японии была делом вполне возможным, что должно было оказаться приятной новостью для его начальства, поскольку, если верить Уиттакеру Чамберсу, другая шпионская коммунистическая группа в Японии, возглавляемая американцем, вообще не достигла никаких результатов. Американец «мог-де доложить лишь об одном единственном успехе — он выиграл чемпионат Японии по бейсболу в Токио[65].

Зорге добивался и получил согласие своего начальства на признание Одзаки полноправным членом своей группы, а также потребовал заменить пугливого радиста «Бернгарда» Клаузеном или Вейнгартеном.

В то же время он попросил предоставить ему «абсолютную свободу» в развитии любых отношений, какие он сочтет нужным, с германским посольством в Токио. Что значили слова «абсолютная свобода» можно понять из следующих показаний, данных им японским следователям:

«В ходе моего визита в Москву в 1935 году я получил разрешение снабжать посольство определенным количеством информации, с тем чтобы укрепить свои позиции. Причем решение вопроса, какую именно информацию передавать и когда, было оставлено на мое усмотрение. Но я обещал Москве, что

ограничу подобную информацию до минимума».

Как писал Зорге, простейшими способами вести шпионскую работу внутри германского посольства были «обсуждения, консультации и изучение, а также обмен второстепенной информации на информацию первостепенной важности — другими словами, использовать шпроту, чтобы поймать макрель».

Во время пребывания Зорге в Москве там собрался Седьмой конгресс Коминтерна, на котором Зорге очень хотел побывать, однако ему категорически запретили это делать. И запрет этот имел смысл, поскольку его вполне могли опознать какие-нибудь иностранные делегаты или наблюдатели, присутствующие на конгрессе, и факт этот мог просочиться в Германию или Японию.

В Москве Зорге жил на Садовой улице в комнате, которую ранее занимал один из его друзей. И здесь, на короткое время пребывания в столице Зорге возобновил относительно уединенную домашнюю жизнь со своей русской «женой» Екатериной. После возвращения Зорге в Японию короткие послания от Екатерины время от времени включались в сообщения, отправляемые ему по радио 4-м Управлением. Он же, в свою очередь, сообщал об отправке писем и одежды для нее из Японии по обычным почтовым каналам[66].

Куусинен и Смолянский пригласили Зорге к себе, а Мануильский, возможно, занятый на Конгрессе, лишь позвонил ему по телефону, отчасти для того, чтобы сообщить, что Зорге ни в коем случае не должен появляться на каких-либо заседаниях Конгресса. Пятницкий был болен и жил за городом. Общественная жизнь была тогда, по словам Зорге, «очень ограниченной». Единственный человек, с которым он часто встречался, был его бывший радист в Китае, немецкий техник Макс Клаузен, поскольку Максу уже было велено готовиться к тому, чтобы присоединиться к группе Зорге в Японии. А потому этим двоим было о чем поговорить.

Клаузена вызвали в Россию в августе 1933 года. А до этого он около восьми месяцев провел в Мукдене, где под присмотром японцев, оккупировавших город, проводил на верхнем этаже своего дома тайные радиосеансы, посылая на советскую территорию редкие сигналы, содержавшие данные разведки, собранные местной группой 4-го Управления, работавшей под общим руководством офицера, обосновавшегося в Харбине. «Крышей» Макса Клаузена в Мукдене был бизнес — магазин по продаже мотоциклов, велосипедов и автомобильных принадлежностей. Капиталом, необходимым для открытия своего дела, — двумя тысячами долларов США — Клаузена снабдило 4-е Управление.

Макс и Анна, которую все считали его женой, были хорошо известны в европейской общине, а Макс даже стал секретарем немецкого клуба где-то через шесть месяцев после приезда в Мукден. В соответствии со своим прошлым моряка с севера Германии, он был компанейским здоровяком, антиподом интеллектуалов, резким, грубым, но, по-видимому, щедрым, по-своему преданным своей сожительнице Анне. Его, должно быть, забавляло, что примерно в то же время другой его коллега по шпионской группе в Мукдене, тоже немец, стал казначеем клуба.

Однако деятельность Макса Клаузена в Мукдене, как легальную, так и всю прочую, нельзя было назвать успешной. За год он передал не более пятнадцати сообщений, а качество информации было далеко не лучшим. Что до торговли мотоциклами, то следует признать, что Клаузену не удалось вернуть ни цента вложенных денег. Позднее Макс подведет итог в оправдательном объяснении: «Наше рискованное предприятие в Маньчжурии в целом потерпело неудачу». И неудивительно, что ему довольно резко было велено передать дела кому-то другому, а самому возвращаться в Москву.

Возвращались Макс с Анной по транссибирской железнодорожной магистрали с билетами, купленными до Берлина, — частично потому, что это, по мнению Макса, поможет им выбраться из Маньчжурии с меньшими хлопотами, а частично для того, чтобы успокоить Анну, которую страшила сама мысль вновь оказаться на советской территории. Она была стойкой антикоммунисткой, и сомнительно, сознавала ли она даже тогда, что Макс работает на советский аппарат.

Было бы преувеличением сказать, что Макс оказался в немилости, когда по возвращении в Москву его вызвали в 4-е Управление. Но, конечно же, тучи над ним сгустились и положение усугубилось, когда ему пришлось доложить, что в ночь их прибытия у них с Анной в московском отеле было украдено все до копейки. Сама Анна впоследствии утверждала, что ее одурманили и таким образом сумели выкрасть паспорт.

Однако в Управлении Максу лишь посоветовали немедленно уехать вместе с Анной в Одессу, чтобы немного отдохнуть и восстановить силы. Правда, они еще десять дней оттягивали этот отпуск, поскольку Макс по вполне естественным причинам не торопился уехать до тех пор — пока не получит свой багаж, который он не смог сразу получить на железной дороге и привезти в отель «Москва». Очевидно, что багаж забрали в 4-е Управление и уже оттуда передали Клаузену, что дает основания полагать, что Берзин и его офицеры хотели неспешно проверить личные вещи этой пары.

За эти несколько дней задержки Макса приняли на работу в радиошколу Управления, располагавшуюся в южном пригороде Москвы, и ему было также велено представить письменный рапорт о работе в Китае и Маньчжурии, который занял у Макса меньше четырех машинописных страничек и мог рассматриваться его начальством как совершенно незначительный.

В Одессе Макс и Анна поселились на загородной вилле, принадлежавшей 4-му Управлению и расположенной на берегу Черного моря примерно в часе езды на трамвае от центра города. Вилла состояла из десяти комнат и могла, таким образом, по советским условиям вместить пятьдесят-шестьдесят человек, Макс каждый день ходил на рыбалку, но один, без Анны, которая большую часть времени бездельничала или, скорее всего, мрачно бродила по берегу моря. Но раз или два они ездили вместе в Одессу слушать оперу. Макс обнаружил, что Вейнгартен тоже живет на вилле, и они часто выпивали вдвоем в городе, поскольку на вилле по приказу Берзина был установлен строгий «сухой» закон.

Отпуск продолжался шесть недель, после чего Макс, вернувшись в Москву, получил назначение в радиошколу, где его главной работой была помощь в создании портативных радиостанций, способных одновременно и передавать, и принимать сообщения. Макс был весьма знающим специалистом, и можно себе представить, насколько полезным было его присутствие в школе во всех отношениях. Вместе с другими он действительно добился успеха в конструировании новой станции — хотя сам впоследствии и не пользовался этим типом радиопередатчика в Японии, «поскольку он был очень сложным и потому трудным в починке». Когда этот проект был закончен, он занялся дальнейшей практической подготовкой к передаче и получению радиосообщений. Все это происходило на четвертом этаже радиошколы. Здесь Макс работал вместе с Вейнгар-теном и офицером Красного Военно-Морского флота. Они обменивались посланиями с секретными радистами в Польше, Румынии и Турции, а также с советскими радио-постами вдоль всей балканской границы. И, кроме того, Макс читал курс по радиотехнике для молодых солдат — курсантов школы.

И вдруг совершенно неожиданно в начале 1934 года Макс получает приказ выехать из Москвы в Поволжскую немецкую республику. Ему были выданы проездные документы на имя Ротмана — его собственный паспорт остался в 4-м Управлении — и сказано, что он будет работать ремонтником на машинно-тракторной станции.

Позднее Макс утверждал, что его выгнали в наказание за

неудовлетворительную работу в Маньчжурии. Однако более вероятным предположением является то, что таким образом его наказали за сожительство с Анной. И действительно, еще до возвращения из Маньчжурии он вызвал неудовольствие начальства, отвергнув предложение ехать в Россию одному.

На Волгу Макс ехал, полный злобы на 4-е Управление, и поначалу им с Анной пришлось пережить тяжелые времена, ибо зарплаты ремонтника на машинно-тракторной станции им далеко не хватало для нормальной жизни. Но очень скоро обстоятельства изменились — когда начальство на станции распознало способности Макса к технике и поручило ему работу по установке радиостанций на фермах и тракторах для организации двусторонней связи «ферма-трактор». Макса также попросили прочитать курс по радиосвязи для работников фермы, и на какое-то время он даже преуспел в качестве политического пропагандиста, старательно «восхваляя существующий советский режим». А это означало значительную прибавку к зарплате, и перспективы показались еще более радужными, когда чиновник из Энгельса, столицы Поволжской немецкой республики, предложил ему тысячу рублей в месяц за такую же работу, какой он занимался на станции. Однако это предложение заставило забеспокоиться нынешнее начальство Макса, хотя оно могло предложить ему значительно меньше того, что предлагали в Энгельсе — не более шестисот рублей в месяц.

И потому, когда весной 1935 года Макс получил телеграмму из 4-го Управления с указанием вернуться в Москву, он ее просто проигнорировал. Не тронула его и вторая телеграмма в его адрес — более повелительная по содержанию.

Однако жить тихо и мирно на берегах Волги ему все же не позволили. В апреле руководитель энгельсского филиала коммунистической партии объявился собственной персоной в маленьком городке, где жили Макс и Анна, и пригласив к себе Макса, он, размахивая телеграммой от маршала Ворошилова, категорически, не терпящим возражения тоном сообщил Максу, что он должен немедленно отправляться в Москву.

Макс вынужден был подчиниться. Он уехал в Москву без Анны, вооружившись рекомендательным письмом от энгельсского комитета партии в адрес 1-го Управления Красной Армии. Макс прекрасно знал, что документ был не по адресу, как знал и то, что это приведет к путанице и задержке, когда он появится в Москве, однако это никоим образом не расстраивало его. Наоборот, он испытывал чувство злорадного удовлетворения, поскольку давно затаил злобу на 4-е Управление за то, как оно с ним обошлось. В любом случае он не был, как правило, расположен вновь работать

с разведкой, и потому должным образом доложился в 1-м Управлении. Как он и ожидал, лишь после нескольких телефонных звонков офицеров этого управления он был, наконец, востребован в собственном управлении.

Оказавшись, наконец, по адресу, Макс был препровожден в кабинет генерала Берзина, который сразу спросил его, почему он проигнорировал две телеграммы, вызывавшие его в Москву. Макс ответил, что, во-первых, жизнь его на Волге «достигла экономической и общественной стабильности», а во-вторых, что он просто хотел воспользоваться случаем, чтобы выразить протест против ссылки его в качестве наказания в этот район. Берзин пообещал разобраться и ответил согласием на мольбу Макса позволить ему забрать в Москву и Анну, остававшуюся пока в Поволжье.

Вернувшись в Москву с Анной, Макс с помощью 4-го Управления купил дом в пригороде Москвы — Химках. Устроив там Анну, он решил сам жить в радиошколе, посещая Химки раз в неделю, так что Анна фактически все время пребывала в одиночестве. Но не прошло и месяца, как Максу, возможно, в результате давления со стороны Анны, женщины долготерпеливой, но далеко не бесхарактерной, удалось снять комнату для двоих в центре Москвы, хозяин которой, по словам Макса, заводской рабочий, «уехал из Москвы, чтобы избежать летней жары».

На первомайском параде 1935 года можно было видеть Макса Клаузена и Вейнгартена, шагавших по Красной площади во главе небольшой группы молодых китайцев. Это были курсанты — слушатели специального курса филиала радиошколы, созданного исключительно для китайских коммунистов. Сам Макс не имел отношения к их обучению — за это отвечал Вейнгартен. Этот курс для китайских радистов — само существование которого, по словам Вейнгартена, было строго охраняемым секретом — еще не открылся, когда в январе 1934 года Макс с Анной уехали в Поволжье. Знаменитый Великий поход китайской Красной Армии начался в ноябре этого же года, и утверждалось, что решение перенести главную базу «красных» с границы Куангси-Фукиен в северо-западный район Китая было принято по указанию Москвы. В мае 1935 года Великий поход все еще продолжался — до августа красные не продвинулись севернее Шенси. Ясно, что молодые слушатели, работавшие под началом Вейнгартена, были предназначены для службы в китайской Красной Армии, после того как она обоснуется в той части Китая, к которой был прямой, хотя и трудный доступ из Советского Союза через дикие, но дружественные территории. В действительности и сам

Вейнгартен должен был отправиться в Красный Китай. Вот почему именно Клаузена, а не Вейнгартена выделили для миссии Зорге в Японии.

Однажды в конце лета Вейнгартен сообщил Клаузену, что Зорге в Москве и хочет встретиться с ними обоими в конце дня в кафе недалеко от радиошколы. И когда эти трое встретились, Зорге за выпивкой объявил, что хотел бы, чтобы один из них, или Клаузен или Вейнгартен, поехал бы с ним радистом в Токио. Однако Макс ответил, что он теперь числится в западноевропейском отделе Управления и потому рано или поздно должен будет отправиться в Германию.

«Можешь об этом не беспокоиться, заверил его Зорге. Я договорюсь, чтобы ты смог приехать в Токио».

Вскоре Макса вызвали в кабинет Корина, начальника дальневосточных операций 4-го Управления, и сообщили, что с этого дня он будет числиться в этом отделе и вскоре должен будет присоединиться к Зорге в Токио. Сам Зорге присутствовал в кабинете, когда Макс получал новые указания.

В то время Макс обучал работе на радиоприемнике шведскую пару в филиалах 4-го Управления, расположенных неподалеку от Смоленской площади. И вот теперь он бросил все и принялся готовиться к своей будущей миссии в Японии.

Через шесть лет, после ареста в Токио он напишет письменное заявление на имя политической полиции, в котором изложит свои взгляды на Японию. Некоторые отрывки из этого сочинения есть смысл процитировать, поскольку они прекрасно иллюстрируют склад ума Макса Клаузена. Следует, однако, напомнить, что, вполне возможно, написано это было по принуждению и, без сомнения, в условиях строгого тюремного заключения.

«Я считал Англию (пишет Клаузен) самой тиранической страной в мире, однако позднее пришел к выводу, что Япония, новичок в современном мире, еще хуже, чем Англия, потому что Япония стала мощной капиталистической страной о помощью самого простого и дешевого способа — копирования всех изобретений, придуманных другими нациями. И это привело меня в негодование.

Поскольку даже другие капиталистические страны не вызывали у меня подобного негодования, не было ничего удивительного, что я почувствовал глубокое удовлетворение, когда Москва приказала мне приступить к шпионской деятельности в Японии…

На самом деле я ничего не знал о Японии до того, как приехал сюда, но я считал ее агрессивной нацией, потому что она

покорила Корею около тридцати лет назад и десять лет назад оккупировала Маньчжурию. Я испытывал жгучее негодование и страстно желал свергнуть японскую капиталистическую систему. В то время я не понимал истинных мотивов японского правительства…

Я был очень горд, когда Москва доверила мне вести радиооперации в токийской шпионской группе. Я приехал в Японию как враг японского правительства, но, как я думал, как друг японского народа.

Я всегда считал, что японцы страдают под жестоким гнетом со стороны правительства, и потому после приезда сюда я был уверен, что, находясь в оппозиции к политической системе, я работал ради блага и процветания народа. Но я ошибался. Я никогда не видел страны, которой управляло бы более искреннее правительство. Япония — первоклассная страна. За годы, проведенные в ней, я осознал, что совершил величайшую ошибку в своей жизни».

В Японию Зорге и Клаузен добирались порознь — первый, вероятно, выехал в конце августа 1935 года, а последний — в сентябре. Оба, очевидно, получили прощальный инструктаж у генерала Урицкого, на котором генерал напомнил им, что главная цель их шпионской деятельности — это давать точный анализ японских намерений в отношении Советского Союза. Планирует ли Япония совершить нападение, и если да, то когда? В своем «признании» и в устных показаниях перед японским судом Зорге утверждал, что Урицкий сказал им с Клаузеном, что их первейшая задача состояла «в предотвращении войны между Японией и Советским Союзом. Это был вопрос первостепенной важности для всех руководителей в Москве».

Зорге дает понять, что Урицкий предупредил его о необходимости пристально наблюдать за развитием японогерманских отношений. И хотя летом 1935 года было еще слишком рано предсказывать, насколько далеко может зайти улучшение двусторонних отношений, Москва была убеждена, что явно имело место возобновление дружеских отношений и, более того, что направлены они были главным образом против Советского Союза.

Нет сомнений, что Москва уже была осведомлена о том, что с немецкой стороны протянулись первые, пока пробные щупальцы, поскольку в мае или июне Риббентроп попросил немецкого бизнесмена, имевшего связи на Дальнем Востоке, д-ра Фридриха Хака, обратиться к генерал-майору Осиме, японскому военному атташе в Берлине, и передать ему конфиденциальное предложение Риббен-тропа рассмотреть возможность начала

какого-либо рода переговоров между двумя странами о создании оборонительного союза против России.

Обратный путь Зорге в Японию окутан тайной. Сам он утверждал, что вылетел из Москвы самолетом. Уиллоби, однако, сообщает, что Зорге добирался в Японию на первом «юнкерсе», вылетевшем из Германии. Но ни среди экипажа, ни в списке пассажиров этого рейса не встречается фамилия Зорге.

Некоторые свидетельства дают основания предполагать, что в действительности он возвращался в Японию через Европу и Соединенные Штаты. По его собственным словам, он побывал в Голландии — возможно, чтобы нанести визит в редакцию той амстердамской газеты, которую он представлял. Он утверждает, что там он уничтожил свой фальшивый паспорт на имя австрийского гражданина, а также рассказывает, как на обратном пути побывал у портного в Нью-Йорке, который успел сшить ему костюм до того, как Зорге отплыл-из города в начале лета, что, когда он вновь встретился с этим человеком, высадившись в Америке, Зорге пользовался австрийским именем, которое было у него в фальшивом паспорте. Портной вспомнил и самого Зорге, и то, что два или три месяца назад у него было другое имя. Однако, заметил Зорге позднее, «люди в Соединенных Штатах не находят ничего странного, когда один и тот же человек пользуется разными именами».

Единственное, что, по крайней мере, можно точно утверждать, это что Зорге вернулся в Токио до конца сентября 1935 года. Любопытно, что, судя по рассекреченным протоколам, японские судебные власти, похоже, почти не проявили интереса к путешествию Зорге из Москвы в Токио в 1935 году.

Намного больше известно о передвижениях Макса Клаузена. Он доплыл морем из Ленинграда до Гавра, где пересел на другой пароход, направлявшийся в Нью-Йорк. Анна осталась в Москве, но Макс не скрывал своего намерения встретиться с ней позднее в Шанхае и забрать с собой в Японию. 4-е Управление снабдило Макса необходимыми средствами и двумя паспортами, итальянским и канадским, в добавление к его собственному. Он пересек Атлантику на американском корабле «Бостон» и, возможно, отработал свою поездку в качестве члена экипажа, поскольку выяснилось, что в Стокгольме он купил американский сертификат моряка. Но в нью-йоркском консульстве он восстановил свой германский паспорт и, пока оставался в Нью-Йорке, согласно полученной инструкции, жил в «Линкольн-отеле», где его посетил «м-р Джонс», аппаратчик, который поинтересовался, как у него с деньгами. Возможно, это и выглядит удивительно, но Макс от денег отказался. Когда он

уезжал из Москвы, jb 4-м Управлении ему выдали 1800 долларов и если до Нью-Йорка он доплыл как матрос, то тогда тем более его расходы были не очень велики.

14 ноября Макс Клаузен сел в Сан-Франциско на пароход «Татсута-мару» в качестве пассажира, а две недели спустя, 28 ноября, сошел на берег в Йокохаме. Причем, когда он высаживался на японскую землю, среди его вещей не было радиопередатчика, но он ухитрился контрабандой провезти две электронные лампы для него. Другие радиодетали он приобрел уже в Японии.

Перед расставанием в Москве Зорге сказал Клаузену, что он должен находиться в баре «Голубая лента» близ Су-кийябаси, в Токио каждый вторник в определенное время вечером. 28 ноября 1935 года, день прибытия Клаузена в Японию, оказался вторником. Но уже на следующий вечер Макс отправился в токийский немецкий клуб, где и встретил Зорге. Однако во время этой встречи им удалось лишь обменяться несколькими фразами, поскольку вокруг было слишком много людей. Но они сумели урвать несколько минут, чтобы побеседовать наедине в библиотеке, где и договорились, что встретятся завтра в баре «Голубая лента» в шесть часов вечера.

А тем временем Анна в Москве была предоставлена самой себе. Через день или два после отъезда Макса ее навестила женщина из 4-го Управления, которая велела ни с кем не общаться, а чтобы удостовериться, что инструкции выполняются, эта женщина едва ли не ежедневно посещала Анну. Время от времени появлялся человек из Управления и передавал Анне деньги на житье. Так, находясь под постоянным наблюдением, Анне пришлось прожить в полном одиночестве всю осень и зиму.

Последующая судьба друга и товарища Макса Клаузена по радиоделу, Вейнгартена, остается неясной. Нет сомнения, что он отправился в Китай. Предполагали, однако, что позднее его отправили в Германию, где он записался в армию. Он был арестован в 1943 году в штаб-квартире военной разведки на Восточном фронте. Оказалось, что главной его задачей было следить за прибытием секретных агентов, засылавшихся в Германию из Советского Союза. Немцы заставили его работать на себя и продолжать радиопередачи, таким образом захватывая все новых советских агентов, по мере того как они прибывали, и передавая их в руки гестапо, которое, конечно же, сумело выпытать у Вейнгартена ключ к его шифру, хотя по-прежнему нуждалось в его услугах. Ведь у каждого радиста свой почерк, и Москва сразу же заметила бы подмену. Если все это правда, то вполне вероятно, что Вейнгартен дожил до конца войны.

Глава 10. НАСТОЯЩАЯ МИССИЯ НАЧИНАЕТСЯ

Не талант, не экзамены, которые я сдавал в московской разведывательной школе, но мое углубленное изучение японских проблем — вот что имело самое большое значение.

Зорге

После возвращения из Москвы главной заботой Зорге было устроить Клаузена и проследить, чтобы радиостанция была приведена в рабочее состояние. Это потребовало некоторого времени, но уже в декабре Зорге познакомил Макса с Вукеличем и предложил, чтобы радиосеансы велись из дома последнего. Вукелич тогда жил один — Эдит ненадолго вернулась домой в Данию, и они с Максом выбрали две комнаты на втором этаже, которые показались им вполне подходящими для этой цели.

И все же первая радиопередача велась, по-видимому, не из дома Вукелича, а из дома Гюнтера Штайна, журналиста, представлявшего лондонские газеты «News Chronicle» и «Financial News». Макс познакомился со Штайном в декабре в доме Зорге. Гюнтер Штайн прибыл в Японию годом раньше. Позднее он стал натурализованным британским подданным, хотя и был немцем по рождению. На каком-то этапе своей карьеры он был московским корреспондентом газеты «Berliner Tageblatt». Его книга «Сделано в Японии» завоевала ему широкое признание и репутацию специалиста по японским делам.

На допросе в полиции «токко» Макс Клаузен утверждал, что Гюнтер Штайн был членом группы Зорге, тогда как сам Зорге описывает Штайна скорее как «симпатизирующего», чем настоящего действующего члена своей группы. Это, похоже, является более точной интерпретацией позиции Штайна[67]. До своего отъезда из Японии в начале 1938 года Штайн оказывал некоторые услуги Зорге и его помощникам.

Во время своей первой встречи в доме Зорге Макс Клаузен и Гюнтер Штайн обсудили проблемы радиосеансов, и, очевидно, Штайн предложил свой дом в распоряжение Макса, поскольку набросал на бумаге план — как к нему добраться, а через несколько дней Макс отправился к нему и осмотрел дом. Именно

со второго этажа дома Штайна он и установил в первый раз связь с «Висбаденом» (Владивостоком) в середине февраля 1936 года.

Между тем опасность вплотную подошла к группе Зорге: 21 января 1936 года Особая полиция арестовала Каваи Текичи.

Напомним что Каваи снимал комнату в пригороде Токио у своего друга — авантюриста крайне правого толка — и снабжал Мияги и Одзаки информацией об ультранационалистическом движении.

Утром 21 января он неожиданно проснулся, почувствовав резкий холод, и посмотрел на часы. Было всего лишь пять часов утра. Каваи пришло в голову, что 21 января — день смерти Ленина и что сегодня вечером у него встреча с Одзаки и Мияги в одной из забегаловок в деловой части города.

И в этот момент ширмы, отделявшие его спальню, полетели в разные стороны и не менее восьми полицейских ворвались в комнату. Каваи вспоминает, что его первой мыслью было: «Все открылось!» Лица товарищей — в Шанхае, Тянцзине, Маньчжурии и Токио — всплыли у него в памяти. Нашла ли полиция кого-нибудь в Токио? Или на континенте? В первом случае дело было серьезно, ибо это означало, что власти подобрались к самому сердцу группы. А если полиция действовала по информации с континента, тогда ситуация, подумал Каваи, не столь отчаянна.

Один из детективов, офицер «токко» из штаб-квартиры городской полиции, сунул под нос Каваи какой-то документ. Это был ордер на его арест, выданный юрисконсультом японского консульства в Чунцине в Маньчжурии. «Вы отправитесь в холодные места, — сказал детектив. — Даем вам десять минут, чтобы одеться».

Каваи утверждает, что в тот момент, когда он почувствовал холод наручников на запястьях и его вытолкали из дома, он неожиданно воспрянул духом и сказал себе: «Ладно! Эти собаки у меня попляшут!»

Последовало долгое утомительное путешествие через вою Японию в порт Модзи на севере Кюсю. Передаваемый от одного полицейского участка другому, из одной префектуры в другую Каваи постоянно находился под охраной не менее десяти детективов. Из Токио в Кавасаки, в Атами, в Гифу, в Киото, потом в Кобе, Фукияму, Ива-куни, Симоносеки и, наконец, в Модзи — автобусом, трамваем, поездом и машиной. Путешествие заняло больше недели, да еще в Модзи пришлось ждать два или три дня, пока прибудет пароход из Дайрена. На борту парохода наручники с Каваи, наконец, сняли, и впервые за последние несколько недель он смог помыться. Ему даже позволили выпить немного саке за вечерней трапезой. Столь долгое путешествие, пусть и

утомительное, не было особо жестоким. Каваи лишь слегка или вообще не допрашивали. Похоже, что никто из сопровождавших его толком не представлял, в чем, собственно, его обвиняют, а следователь в Токио вообще предположил, что все это, вероятно, ошибка.

Однако все изменилось с момента прибытия в порт Дайрен. Офицер полиции сразу громко заорал на Каваи: «Приехал, мошенник! Мы взяли всех твоих друзей в Мукдене, Кайани, Пекине, Тянцзине и Шанхае! И тебя достали в твоем Токио! Ты, ублюдок! Видишь теперь, что у правосудия длинные руки!» Но в участке береговой полиции порта Дайрен, по крайней мере, неплохо топили, и Каваи провел в нем две ночи, прежде чем его по железной дороге отправили в Чунцин, где поместили в камеру городской тюрьмы.

Очень скоро он предстал перед юрисконсультом японского консульского суда, где ему было предъявлено обвинение в пропагандистской деятельности в Шанхае и в принуждении по приказам «Международной коммунистической партии» некоего Седзима Рюки к поступлению на работу в Кемпетай (Военную полицию) ради получения секретной военной информации. Предполагалось, что Каваи передавал такую информацию, полученную от Сед-зимы, членам Китайской коммунистической партии. Выслушав все эти обвинения, Каваи испытал некоторое облегчение. Власти, похоже, весьма смутно представляли себе, что происходило на самом деле, похоже бьио, что следствие целиком сосредоточилось на его связях с Китайской компартией. Получив возможность ответить на обвинения, Каваи заявил, что все, что касается пропагандистской деятельности, было правдой. А вот остальные обвинения он решительно отверг. Он-де никогда не получал такой информации — тридцать семь пунктов было перечислено в обвинительном заключении — и уж, конечно же, Седзима и сам должен хорошо знать об этом.

«Ладно, — заявил консульский чиновник, собирая бумаги, — остальные вопросы я задам вам в другой раз».

Каваи вернули в камеру. Но почти тут же вызвали обратно, и он предстал перед двумя детективами, которые принялись всерьез допрашивать его. Один из них был любезен и даже временами добр; другой же был груб и осыпал Каваи бранью. Вопросы, задаваемые ими, касались природы той информации, что Каваи получал от Седзимы, и способов передачи ее китайским коммунистам. Каваи чистосердечно отрицал, что ему хоть что-то известно об этом.

В конце концов его забрали из следственной тюрьмы и отконвоировали по снегу в полицейский участок Чунциня, где

бросили в обледеневший подвал. Из примыкавших темниц доносились крики и проклятия на японском, корейском, китайском языках. «Здесь, — сказал один из детективов, — даже если тебя и убьют, твоя смерть будет списана на естественные причины. Так почему бы тебе не согласиться сотрудничать с нами, пока не начались неприятности?» Каваи ничего не ответил. Тогда с него сдернули одежду и до беспамятства избили стальными прутьями.

Придя в сознание, Каваи обнаружил себя лежащим на кушетке в теплой комнате. Кто-то принес ему немного горячего кофе, а потом его вновь отправили в камеру следственной тюрьмы, но примерно через сутки вновь перевели в подвалы центрального полицейского участка Чунциня и снова крепко избили. Пытка продолжалась в течение пяти дней, а потом вдруг прекратилась. Полиция явно не могла решить, что ей делать с Каваи, и Каваи уже знал, что он победил. Имя Одзаки Хоцуми ни разу не сорвалось о его губ.

В консульском суде Каваи был приговорен к десяти месяцам тюремного заключения за нарушение Закона о сохранении мира и лишь в июне 1936 вышел на свободу. Позднее он узнал, за что его арестовали. Его имя назвал полиции Седзима Рюки.

Сотрудничество Рюки с Каваи началось весной 1929 года в Пекине. Седзима был клерком в японском правительственном учреждении. Они с Каваи и трое-четверо других японцев, симпатизировавших китайскому коммунистическому движению, объединили усилия в изучении марксистской литературы и ее приложении к ситуации в Китае. С течением времени теоретические изыски уступили место практической работе, и учебная группа превратилась в китайско-японскую Лигу борьбы — организацию, занимавшуюся агитацией и пропагандой и действовавшую под руководством Китайской коммунистической партии.

В начале 1932 года Седзима поступил на службу в японскую Кемпетай в Маньчжурии в качестве переводчика. В феврале 1933 он получил приказ присоединиться к операциям по очистке провинции Джихо от китайских вооруженных сил. Седзима надеялся погибнуть в бою и в качестве последней услуги делу китайского коммунизма выкрал секретные документы Кемпетай, чтобы передать их Каваи, который, как бьи уверен Седзима, находился в Шанхае и отвечал за передачу бумаг китайцам. С этой целью Седзима доверил украденные документы курьеру. Однако в этот момент Каваи уехал из Шанхая по делам, и потому бумаги попали к китайским коммунистам по другим каналам. Каваи ничего не знал об этих передачах, и потому во время

допросов мог вполне чистосердечно ссылаться на свое незнание. Хотя, с другой стороны, Седзима, очевидно, вполне искренне верил, что секретные документы прошли через руки Каваи.

Сражение в Джихо не принесло Седзиме почетной солдатской смерти, но разожгло или же просто возродило буржуазное сознание. Седзиму мучили сомнения в отношении своих поступков. Так продолжалось несколько месяцев, пока, наконец, Седзима не обнаружил, что находится под наблюдением полиции. В конце концов он добровольно явился в центральный полицейский участок Чун-циня и чистосердечно признался во всем.

И вот в разных городах Китая и Маньчжурии японская полиция стала хватать одного за другим членов китайско-японской Лиги борьбы. Сам Каваи, арестованный в Токио, был, вероятно, последним из арестованных по этому делу.

Следствие в Чунцине было не только варварским по форме, но и бестолковым по сути. Ограничив расследование кругом отношений Каваи с Седзимой и китайскими коммунистами, полиция не сумела вскрыть его связи с Одзаки и группой Зорге в Шанхае. Но даже если Каваи и не задали ни одного вопроса об Одзаки, это ни в коей мере не умаляет ту силу духа, что была проявлена им в подвалах тюрьмы Чунциня. Как он пишет в своей книге, «если во время допросов в Чунцине я сказал бы хоть слово об Одзаки, Зорге или о своей работе в Японии, то группа Зорге была бы открыта уже в 1936 году. Но тогда Зорге и Одзаки скорее всего избежали бы приговора к высшей мере наказания — смерти».

Выйдя из тюрьмы, Каваи остался на континенте и в течение нескольких лет его связи с группой Зорге практически прекратились. В Японию он вернулся лишь в сентябре 1940 года.

У нас нет данных о том, как реагировали Одзаки и Мияги на неожиданное исчезновение Каваи из Токио, нет также и данных, сообщили ли они Зорге о том, что случилось. В любом случае вскоре они занялись сбором разведданных для Зорге о событии, взбудоражившем всю Японию, а возможно, и весь мир. А именно, о мятеже части токийского гарнизона, начавшегося на рассвете 26 февраля 1936 года.

Пока Зорге находился в Москве, драматические события сотрясали Японию. 16 июля 1935 года генерал Мазаки, герой радикальной фракции Кодо («Имперский путь») был вынужден уйти в отставку с важного поста генерал-инспектора военной подготовки. Его отставка была подстроена врагами и безошибочно воспринята как победа более традиционно мыслящей Тосеи-ха (фракция «Сдерживание») Уход Мазаки

вызвал сенсацию, и вскоре Токио наполнился слухами о грядущем насилии. Было заявлено, что молодые горячие головы из Кодо-ха никогда не согласятся с тем, что произошло, поскольку из объявленных 1 августа ежегодных армейских назначений и продвижений стало ясно, что министр обороны намерен лишить поддержки фракцию Кодо, отправляя всех смутьянов подальше за море.

Среди тех, кого коснулись эти чистки, оказался и полковник Аизава, служивший в городе на берегу Внутреннего моря. Этот офицер специально отправился в Токио, чтобы выразить протест против увольнения Мазаки. В Министерстве обороны он разыскал начальника бюро военных дел, генерал-майора Нагату, ответственного за армейские назначения и известного противника Мазаки и Кодо-ха. Аизава намерен был убить Нагату, если последний откажется выслушать его, однако в бурной беседе, состоявшейся между ними, он не пошел дальше требования отставки Нагаты. Конечно, в большинстве армий мира подобное нарушение субординации не осталось бы безнаказанным. И потому нет ничего удивительного в том, что две недели спустя Аизаве сообщили, что он назначается в полк, базировавшийся на Формозе.

Аизава снова отправился в Токио. Он прошел в Министерство обороны и, шагая по коридору, достиг кабинета Нагаты, открыл дверь и выхватил меч. Первый удар Аи-завы не достиг цели. Другой офицер, оказавшийся в комнате, попытался защитить Нагату и был серьезно ранен. Нагата же был зарублен насмерть. «Мне стыдно, — заявил Аизава на военном трибунале, — что я не сумел убить Нагату с первого удара».

Убийства, вне всякого сомнения, были свойственны японской традиции. Но убийство генерала боевым офицером было делом немыслимым в течение последних пятидесяти лет. Каждый сознавал, что этот инцидент был симптомом того, что называлось «гекокийо» — «свержение старших младшими, высших низшимй». Это выражение, впервые использованное для описания феодальной анархии XV века, похоже, вполне подходило к ситуации, сложившейся в японской армии с ее политически активными молодыми офицерами, чьи радикальные и по-настоящему мятежные настроения угрожали как военным, так и гражданским руководителям.

Таким образом, Зорге вернулся в Японию, еще более неустроенную, разлаженную предчувствиями близкого насилия, чем когда он впервые прибыл в эту страну два года назад. И Одзаки, и Мияги изложили ему причины убийства

Нагаты, после чего у Зорге осталось мало сомнений в том,

что следует ожидать большого кровопролития.

Знаменитый «Ni Ni Roku Jiken», или «инцидент 26 февраля», был связан и с убийством Аизавой генерала Нагаты, и с последовавшим военным трибуналом над полковником Аизавой, заседавшим в казармах Первой дивизии в Токио. Дело тянулось долго и получило широкую огласку в прессе, печатавшей день за днем отчеты о нем, Аизава и его адвокаты превратили дело защиты офицера в рупор полусырых идей фракции Коде, выражаемых с полемическим задором. Председатель суда позволил повернуть дело так, чтобы моральная инициатива оказалась в руках обвиняемого. Аизава добился успеха, представляя себя бескорыстным японским патриотом, озабоченным лишь судьбой страны и желающим избавить ее от слабости, коррупции и предательства в высших сферах, символизируемых кабинетом, советниками трона, огромными капиталистическими корпорациями и некоторыми военачальниками, включая и свою жертву — генерала Нагату.

Это cause celebre (знаменитое дело) всколыхнуло многих молодых офицеров Первой дивизии, разделявших взгляды Аизавы, и в январе полиция уже раскрыла заговор нескольких офицеров, ставивших своей целью убийство членов кабинета[68]. На самом деле было много признаков грядущей тревоги, но единственное, что предприняли военные власти, — это приказали Первой дивизии приступить к несению службы в Маньчжурии и быть готовой перебраться на континент в конце февраля.

Военный трибунал над Аизавой прозаседал весь февраль, и каждый день этого процесса все больше раскалял атмосферу, уже насыщенную слухами о неминуемом кровопролитии. И Одзаки, и Мияги продолжали снабжать Зорге информацией по делу Аизавы и всех замешанных в нем. И потому Зорге не очень удивился армейскому взрыву, разразившемуся 26 февраля. По словам Зорге, «сотрудники посольства пребывали в растерянности, не зная, как расценивать события 26 февраля».

То, что произошло утром 26 февраля и в последующие три дня, могло поставить в тупик неискушенного наблюдателя. Около 1400 солдат покинули казармы на рассвете в сильный снегопад. Командовали ими младшие офицеры, ни один из которых не был в чине выше капитана. Главная часть повстанцев заняла группу зданий в правительственном квартале Токио, включая и Министерство обороны, штаб-квартиру столичной полиции и парламент. Одновременно части мятежников предприняли атаки на резиденцию премьер-министра и на дома нескольких известных людей. Среди жертв оказались два бывших премьер-министра, а сам премьер-министр чудом избежал смерти[69].

Лидеры переворота, молодые офицеры, выпустили манифест, выдержанный в довольно туманных, расплывчатых выражениях. В нем заявлялось, что все было предпринято из чувства долга перед императором.

И с этого момента мятежники стали вести себя пассивно. Казалось, они выжидали, когда влиятельные генералы из фракции Коде возьмут на себя ведение государственных дел. Правительство тоже поначалу было странно пассивным. И лишь поздним вечером 26 февраля оно выпустило заявление, подписанное министром обороны. В нем ничего не говорилось о «повстанцах» или даже «мятежниках», но лишь о «молодых офицерах регулярных войск». На следующий день встречей нескольких генералов и молодых мятежных офицеров начались переговоры с повстанцами. Одновременно, пока они продолжались, к столице были подтянуты верные правительству войска, матросы Первого флота окружили город, танки двинулись по заснеженным улицам, и армейские посты окружили цитадель повстанцев — часть из этих постов была укомплектована матросами-новобранцами. Через два дня, 29 февраля, офицеры-мятежники и рядовые капитулировали без единого выстрела.

Зорге был захвачен этим удивительным, потерпевшим неудачу дворцовым переворотом. В течение всех четырех дней он пытался увидеть все, что можно, собственными глазами и велел членам своей группы исследовать истинную природу и последствия этого дела. «Наша шпионская группа, — сказал Зорге, — рассматривала изучение этого инцидента как одну из своих главных обязанностей».

В своем «признании» он пишет:

«Инцидент этот носил типично японский характер, и потому его мотивы требовали особого изучения. Пристальное изучение его и в особенности изучение точек напряжения в обществе и внутреннего кризиса, который он обнажил, было намного более ценным в понимании внутренней структуры японского общества, чем просто данные о силе войск или сбор секретных документов».

Анализу инцидента 26 февраля Зорге посвятил, по крайней мере, три разных отчета: один для германского МИДа, другой — для Управления в Москве и третий — для публикации в качестве статьи в журнале Хаусхофера «Zeitschrift for Geopolitik».

Доклад в Берлин был написан под настойчивые уговоры его друзей в германском посольстве. Как это произошло, лучше всего передают слова самого Зорге:

«В разговорах с Дирксеном, Оттом и Веннекером я снова и снова подчеркивал социальный аспект событий 26 февраля, говоря, что мне понятны те социальные проблемы, с которыми

столкнулась Япония. В итоге персонал посольства обратил свое внимание на эту сторону инцидента и попытался собрать о нем всю доступную информацию, какую можно. Сам Отт имел особый канал, через который он мог получать статьи и листовки.

Моя шпионская группа, конечно, накопила огромное количество материала об этом событии. В действительности я много узнал о событии с разных сторон, потому мое мнение легко повлияло на позицию, занятую посольством, и в результате и Дирксен, и Огг старались привлечь меня к работе. Вот почему они попросили меня написать для Берлина отчет об инциденте».

Зорге утверждал, что, начиная с 1936 года, его мнение имело значительный вес в германском посольстве, и можно было не сомневаться, что его репутацию еще более укрепило верное истолкование февральского мятежа, которое могло бы оказаться поверхностным и незначительным, если бы не помощь Одзаки и Мияги.

Военное положение, объявленное в Токио после начала Февральского мятежа, оставалось в силе в течение многих недель, что никак не облегчило задачу для иностранных дипломатов и журналистов, желающих узнать истинную подоплеку этого инцидента. Легко предположить, что никто из них не мог полагаться на советы японских знакомых в такой степени, в какой мог полагаться на своих помощников Зорге. Мияги, например, собирал информацию о мятеже в течение двух месяцев после его окончания.

Конечно, первой заботой Зорге было подготовить отчет для Москвы. Советский интерес к февральскому мятежу можно было выразить серией вопросов. Например, до какой степени этот взрыв отразил то глубокое недовольство, что было характерно для страны в целом? Каковы были цели, экономические и политические, молодых офицеров? Не приведет ли мятеж к ослаблению власти и снижению престижа японской армии? Какое влияние окажет это событие на направление японской внешней политики? Обострит ли оно или умерит антисоветские настроения в Японии?

И Зорге дал Москве ответы на эти вопросы. В документальный отчет о происшедшем он включил некоторую информацию, взятую из своей статьи в «Геополитике». Полицейское досье на Зорге сообщает нам, что он передал в Москву информацию «об окружении мятежников соединениями военных моряков в районе Министерства иностранных дел». В «Геополитике» Зорге был осторожнее, не пойдя дальше утверждения, что военно-морские силы «сурово осудили» мятеж и что это «внесло большой вклад в предотвращение

распространения повстанческого движения», поскольку японские власти прилагали все усилия к тому, чтобы скрыгь от иностранцев ту злобу, что существовала в отношениях между армией и флотом. Одним из самых строго охраняемых секретов была истинная роль, сыгранная в те дни моряками, поддержавшими твердую реакцию императора на мятеж. И если бы Зорге столь же определенно высказался и в своей статье в прессе, как высказался он в отчете, отправленном в Москву, он рисковал быть высланным из Японии.

Естественно, Зорге обсуждал с Одзаки и Мияги общественное и идеологическое значение мятежа и с их помощью уяснил для себя суть запрещенной книги «Nihon Kaizo Hoan Taiko» («Очерк по реконструкции Японии»), ставшей библией молодых офицеров. Незадолго до своего ареста Каваи Текичи достал экземпляр этой книги для Мияги. Ее автор, Кита Икки, активно участвовал в февральском мятеже и теперь должен был быть казнен вместе с другими зачинщиками за взятую на себя роль подстрекателя. Империализм, базирующийся на обожествлении императора и государственного социализма, составлял главный элемент Евангелия от Киты. Его идеи при всей его преданности императору и императорской армии несли в себе явные признаки влияния марксизма — вот почему книга в своей первоначальной форме была запрещена в течение нескольких лет.

Поэтому не удивительно, что Зорге, верил он в это на самом деле или нет, сказал своему другу Ураху, что японские коммунисты, возможно, имели какие-то связи с восставшими и что не исключена возможность появления коммунистической Японии, по-прежнему управляемой императором. Через несколько лет, в ходе последнего этапа войны на Тихом океане принц Коноэ во время частной аудиенции во дворце сказал императору, что он пришел к выводу, что радикальные молодые офицеры тридцатых годов сознательно или нет, но оказались инструментом в руках международного коммунизма.

Именно Одзаки разъяснил Зорге связь между мятежом и экономическими трудностями, переживаемыми сельскими районами Японии. Однако лишь майор Шолль, недавно прибывший помощник военного атташе в германском посольстве, сумел ознакомить Зорге с немецким переводом засекреченной статьи о жалобах, написанных двумя уволенными из армии офицерами, ставшими впоследствии зачинщиками мятежа[70]. Шолль, произведенный в полковники после своего прибытия в Токио в январе 1936 года, очень скоро стал одним из близких друзей Зорге, поскольку Зорге узнал, что Шолль служил на Западном фронте рядовым, причем в тех же войсках, что и сам

Зорге.

Статья, предоставленная Шоллем, дополнила то, что уже знал Зорге благодаря Одзаки и Мияги о подоплеке фракционного соперничества между Кодо-ха и Тосеи-ха, кульминацией которого и стал февральский мятеж.

Отт, очевидно, считал, что в результате мятежа ослабнет власть японской армии, поскольку он бьи убежден, что за этим последует сокращение военного бюджета. Однако вывод Мияги оказался куда вернее. Допуская, что политические партии вернут себе некоторое влияние на положение дел в стране, Мияги, тем не менее, сделал вывод, что несмотря на то что «народ в массе своей ненавидит политические партии, февральский мятеж станет поворотной точкой, ведущей к решительной переориентации японской политической жизни, когда армия превратится в ведущую силу в стране». Именно это и произошло. Японские военные лидеры использовали в своих интересах сильный страх перед возможными новыми мятежами, чтобы навязать свою волю правительству. Генерал Тераучи, выразитель общего мнения ныне празднующего победу течения Тосеи-ха и министр обороны в новой администрации, фактически продиктовал не только состав кабинета Хироты, но также и основы его политики в области образования и финансов, не говоря уже о национальной обороне и внешней политике.

Одзаки считал, что отныне японская внешняя политика станет более антироссийской. Мияги же предсказывал несколько другое. Он утверждал, что в отношении зарубежных стран Япония будет придерживаться политики примирения. Это означало, что скорее следует ожидать нападения на Китай, нежели на Россию.

В своем отчете в Москву Зорге склонялся к мнению Мияги. Суть этого документа так была изложена Зорге:

«Существовало два пути, по которым могло следовать японское правительство после событий 26 февраля. Оно могло либо взять курс на социальные реформы, одновременно ужесточая дисциплину в армии, либо же принять политику перманентной экспансии.

Это выражение, «перманентная экспансия», мое собственное изобретение. Она пришла мне в голову от фразы Троцкого «перманентная революция».

Япония выбрала второе. А вот каково направление этой перманентной экспансии — Китай или Россия, это был вопрос величайшей важности для Советского Союза.

Я помню, что докладывал в Москву, что целью станет Китай. Поскольку помнил о японской экспансионистской традиции, берущей начало со времен правления императрицы Дзингу».

Анализ был глубок и верен. Не следует забывать, что Зорге никогда не был обыкновенным «почтовым ящиком». В его «признании» содержится откровенный пассаж:

«Моим личным желанием и радостью было узнавать что-то новое о тех местах, где я пребывал, — факт особенно верный в отношении Японии и Китая. Я никогда не рассматривал подобное изучение лишь как средство для выполнения своей миссии; живи я в мирных условиях и в обстановке мирного политического развития, я, вероятно, стал бы ученым — но уж никак не шпионом».

Наблюдатель, сведущий в древней японской истории, писал Зорге, смог бы понять современную японскую внешнюю политику, и случайный мимолетный эпизод, разыгранный на политической сцене Японии, мог бы сказать ему больше, чем подозревала полиция.

«Я взял на себя труд следить, чтобы наша информация просеивалась как можно тщательнее, и лишь то, что я считал существенным и абсолютно достоверным, я отправлял в Москву… Эта способность отбирать материал и давать общую оценку или давать общую картину происходящего — необходимое условие для получения истинно ценных разведданных, и достигнуть этого можно лишь с помощью серьезного и тщательного изучения.

Повторяю, никто не должен думать, что наша работа заканчивалась сразу же, как только отчет передан по радио. Подобные послания составляли лишь одну из многих фаз нашей разведдеятельности, и уж, конечно, не главную. Я отсылал в Москву огромное количество почты с нерегулярными интервалами, которая включала в себя не только документы и другие материалы, но также отчеты, написанные мною… И отчеты эти представляли собой серьезные и тщательные попытки составить на основе обильной информации и исследований точную и объективную картину нового развития событий и общей ситуации в течение нескольких прошедших месяцев. Такие утомительные, трудоемкие отчеты никогда нельзя было бы составить без всестороннего изучения страны и исчерпывающих знаний. В отличие от Берлина или Вашингтона — Москва слишком хорошо знала Китай и Японию, чтобы ее можно было легко провести. Советский уровень знаний дальневосточных дел был много выше, чем у американского и германского правительств, и Москва требовала, чтобы я посылал систематизированные, всесторонне обоснованные и тщательно спланированные отчеты с интервалом в несколько месяцев».

Зорге не стал передавать сразу же по горячим следам отчеты о февральском мятеже по радио. Поскольку, хотя станция Макса

Клаузена и установила контакт с Сибирью, ее возможности были пока не полностью проверены, и потому отчет Зорге о февральских событиях был отправлен в апреле в виде микрофильма в Шанхай, и Клаузен в данном случае выступал в качестве курьера.

Зорге признал, что для этого отчета он сфотографировал все документы германского посольства, использованные им в подготовке отчета в Берлин. И с этого времени он начал фотографировать бумаги непосредственно в посольстве, пользуясь фотоаппаратом «робот».

И, вероятно, именно тогда ему показали, по крайней мере, несколько депеш Дирксена, подготовленных к отправке германскому правительству, поскольку Зорге заявил следователям: «Московский Центр интересовало «не столько то, достоверными или нет были депеши посольства о событиях 26 февраля, сколько отношение высокопоставленных немцев к этому инциденту».

«В дальнейшем я докладывал московскому Центру не только о взглядах Дирксена на февральский мятеж, но также и его оценку того, как японское правительство преодолевает кризис. Я также отправил в Москву отчет Отта Дирксену о реакции японской армии на февральский инцидент».

По словам Зорге, оценка, данная Дирксеном февральскому мятежу, была поверхностной. «Он считал инцидент всего лишь отражением армейского невежества. Доклад Огга был несколько глубже». От Веннекера, военно-морского атташе, Зорге узнал, что «трения между армией и флотом крайне обострились вследствие февральского инцидента». «Информацию об этом, крайне важную для московского Центра, я передал в Советский Союз».

Статья «Армейский мятеж в Токио», подписанная «Р. З.» и датированная мартом 1936 года, появилась в «Геополитке» в мае того же года и до сих пор неплохо читается. Ни само повествование, ни выводы его не требуют каких-либо существенных исправлений в свете последних знаний. Легко понять, почему статья привлекла интерес к себе и в то время. Это, вероятно, был лучший из опубликованных в Европе репортажей о февральском мятеже.

Анализируя статью сегодня, задним числом, можно ли уловить какие-то идеологические пристрастия автора? Да, есть в ней несколько пассажей, которые можно рассматривать как значительные и даже довольно откровенные в этом контексте.

«На этот раз не какие-то отдельные индивидуумы сумели подвигнуть повстанцев на мятеж. Теперь становится яснее, чем прежде, что на этот раз это были представители государственных

институтов, а также политические и экономические принципы. Эти институты и эти экономические и политические принципы должны были быть разрушены, чтобы освободить место для новых.

Это вовсе не совпадение, что главный удар мятежники направили против министра финансов Такахаси. Провалившееся покушение на премьера Окаду было существенно менее важным… Поскольку в глазах мятежников он (Такахаси) был символом всего японского финансового капитала, из-за господства которого требования армии и социальные нужды крестьян оставались без ответа».

(Не правда ли, странно чувствовать во втором абзаце, где сделаны ссылки на Такахаси и Акаду, руку Одзаки Хоцуми?)

«Глубочайшие причины этих радикальных политических течений в армии — в бедственном положении общества, нужде японского крестьянства и мелкой городской буржуазии… Отсутствие как политической организации крестьянства так и, пусть чисто формального, интереса двух главных партий к нему сделало армию выразителем растущего напряжения в среде этих бедных городских и сельских классов. Именно этим и объясняется величайшее значение мятежа токийской дивизии».

Очевидно, Зорге чувствовал удовлетворение, оттого, что не выдал своего истинного мнения, поскольку австрийский бизнесмен, живший тогда в Токио, вспоминает, что Зорге всем старался сообщить, что написал статью и что написана она была с помощью Отта и в сотрудничестве с ним. Его безудержное хвастовство, без сомнения, ясно показывало, как он был доволен этой публикацией. Тщеславие — единственно подходящее объяснение. И в случае с Зорге столь беспечное, безрассудное тщеславие было равносильно простой глупости[71].

Однако Зорге был в замешательстве — и без сомнения, испытывал тайное удовлетворение, — когда Радек воспроизвел часть этой статьи в «Правде» и похвалил ее. У Раде-ка, говорит Зорге, не было ни малейшего подозрения, что я автор этой статьи… Я удивился, увидев «Правду» в посольстве, где статья вызвала некоторый интерес. Через Клаузена я тут же попросил Москву не перепечатывать в будущем статьи из «Геополитики» и «Франкфуртер цайтунг», подписанные инициалами «Р. З.»

События 26 февраля стали вехой в карьере Зорге и как шпиона, и как журналиста, ибо отметили начало его настоящей миссии в Японии, его первого значительного отчета, отправленного в Москву, о результатах изучения причин мятежа. Начиная о этого момента он мог чувствовать себя достаточно безопасно устроенным, поддерживая близкие отношения с

германским посольством. Публикация статьи в «Геополитике» совпала по времени и с его дебютом в качестве постоянного автора «Франкфуртер цайтунг». Таким образом, одновременно окрепли и его «крыша», и база для нелегальной работы, одно дополняло другое к всеобщей пользе в течение последующих пяти с половиной лет.

Еще одно необходимо добавить к истории Зорге и событиям 26 февраля. Изменившиеся в момент начала мятежа погодные условия вызвали исторические аналогии у многих японцев. Снег, шедший с самого утра 26 февраля и скрывший следы убийств, не мог не напомнить японцам сцену, хранимую ими в сердцах и много раз изображенную и в театре, и на экране, а именно: месть, осуществленную зимой в Уедо в семнадцатом веке сорока семью ронинами.

Этот эпизод, один из самых известных в японской истории, стал кульминацией нескольких месяцев притворной пассивности со стороны готовящихся к мести воинов — пассивности, задуманной, чтобы застать врасплох своего врага, ставшего причиной смерти их господина. Они напали на его дом во время снегопада и, убив его, забрали его голову в храм, где лежал их убитый господин. Они положили голову на надгробие господина, после чего добровольно сдались властям, которые после долгих раздумий решили, что все эти воины должны сделать себе харахири за то, что нарушили мир и спокойствие в Уедо (Токио).

Можно быть уверенным, что Зорге с его знанием японской истории заметил сходство между этой вендеттой и мятежом 1936 года[72]. Но особую остроту этой истории придавал мастерский обман, использованный воинами при совершении их мести. Так, их лидер, например, неделями предавался пьянству и разврату. Но, пользуясь этой маскировкой, он и его последователи сумели выследить передвижения и планы своего врага и в конце концов защитить свою честь. «Эти парни, — якобы говорил Зорге, — положили окровавленную голову смертельного врага своего господина на его могилу, а потом распороли себе брюхо. Они знали, как скрывать свои цели с помощью пьянства и бесконечного бродяжничества».

Глава 11. СТАНОВЛЕНИЕ ГРУППЫ

Не следует выдавать секреты посторонним, даже если этот посторонний — ваш самый верный друг.

Зорге — в показаниях в полиции Токио.

Зорге заявил, что в 1936 году он занял признанное всеми положение своего рода неофициального секретаря военного атташе полковника Отта и ему даже выделили в посольстве кабинет. Ясно, что это было неформальное и, вероятно, несколько эксцентричное соглашение. Конечно, когда посол показывал ему секретные документы, Зорге не мог взять их в свой кабинет, чтобы там скопировать или сфотографировать. Все, что он мог сделать, — это запомнить их основные пункты и потом изложишь их письменно. Но когда за советом к нему обращались другие члены посольства, он часто просил, чтобы ему позволили взять относящиеся к делу документы в свою комнату. «Мне бы хотелось, — говорил он, — внимательнее их изучить». И там — в своем собственном кабинете, он вполне мог фотографировать некоторые отрывки из этих документов.

«Если я не мог воспользоваться шансом такого рода, а именно: позаимствовать свежие документы, я ждал, пока

бумаги не будут переданы в архив, откуда я мог их взять, чтобы изучить на досуге. Я фотографировал не только в своем кабинете, но и повсюду в посольстве, если мне приходилось торопиться».

Однако время шло, и штат посольства увеличивался, и фотографирование, по словам Зорге, стало «делом весьма опасным» — появился риск, что кто-нибудь может неожиданно войти в комнату. Так, однажды, когда один из сотрудников одолжил ему какой-то документ, Зорге попросил отвести его на часок-другой в специальную комнату, где он мог бы быть уверен, что его никто не потревожит. «Я говорил человеку, давшему мне документ, что ему, вероятно, будет неловко, если кто-нибудь в посольстве увидит, что я знакомлюсь с конфиденциальными документами».

Зорге также приглашали стать руководителем местного отделения нацистской партии — приглашение, конечно, исходило не от сотрудников посольства, но от наиболее рьяных членов

партии в токийском районе. И хотя Зорге не намеревался занять этот пост, он, тем не менее, не преминул упомянуть об этом предложении в разговоре с Оттом и попросить его совет. Сама мысль, что Зорге может занять подобный пост, позабавила и Отта, и Дирксена, и Отт шутя посоветовал Зорге принять предложение, поскольку тогда у нацистской партии появится хотя бы один здравомыслящий фюрер.

Однажды после февральских событий Отг пригласил Зорге в кабинет и сказал, что они с послом узнали от некоего источника в японском генеральном штабе, что в Берлине ведутся какие-то германо-японские переговоры. Германский МИД в переговорах не участвует, однако ведущую роль в них играют Риббентроп и Осима — японский военный атташе в Берлине, и адмирал Канарис, глава германской военной разведки. Если верить Зорге, Огг попросил его помочь в шифровке телеграммы в штаб-квартиру германской армии в Берлине с просьбой предоставить информацию о переговорах.

«Он попросил меня поклясться, что я никому не расскажу об этом деле. Я согласился и помог ему зашифровать телеграмму у него дома. Он обратился ко мне, а не к кому-либо из сотрудников посольства, потому что дело требовало абсолютной секретности.

Ответа из Берлина не последовало, и Отт был страшно раздражен этим. Он сообщил обо всем Дирксену и последний велел ему повторить запрос о предоставлении информации, используя армейский шифр, предупредил при этом, что шифровать телеграмму можно только с Зорге, и потому Отт снова обратился ко мне.

Наконец пришел ответ из штаб-квартиры германской армии, в котором Отту советовали обратиться за информацией в японский генеральный штаб. Отт так и сделал, и я потом услышал от него то, что ему стало известно. Однако я не могу сейчас вспомнить подробности этого дела. В основном он узнал, что переговоры идут, но в обстановке высшей конфиденциальности, поскольку было очень важно, чтобы политики о них не пронюхали»[73].

Если это утверждение верно, то оно демонстрирует ту степень доверия, которую завоевал для себя Зорге. Что касается Отта и Дирксена, то их поступки следует рассматривать скорее как показатель высочайшего уровня маскировки Зорге, нежели свидетельство легковерности представителей высоких сфер.

Зорге узнал больше — по крайней мере, косвенно — о секретных переговорах в Берлине от д-ра Хака, немецкого бизнесмена, выступавшего в качестве неофициального агента Риббентропа на начальных стадиях этих переговоров. Весной

1936 года Хак нанес конфиденциальный визит в Токио от имени Риббентропа и адмирала Канариса. По словам Зорге, д-р Хак прибыл в Токио, чтобы способствовать, «минуя посольство», созданию благоприятной атмосферы для заключения германо-японского союза.

Когда Хак прибыл в Японию, Дирксен находился в Германии, и возможно, что именно отсутствие посла стало причиной того, что поначалу Хак весьма неохотно разговаривал с полковником Оттом об истинной цели своего визита. Однако он стал менее настороженным, говорит Зорге, когда узнал, что Отт получил некоторую информацию о переговорах в японском генеральном штабе, и признал, что главной целью его миссии было узнать, насколько реально рассматривать Японию в качестве надежного партнера в военном союзе. Хак предупредил Отта, что вопрос этот — высшей степени секретности, указав, что Германия могла бы попасть в неловкую ситуацию, если бы до русских дошли слухи об этих переговорах. Он особо подчеркнул, что, поскольку Риббентроп пока не является министром иностранных дел, внутри германского МИДа можно ожидать сильного сопротивления заключению планируемого альянса.

Настойчивость Хака в необходимости сохранения абсолютной секретности была вполне объяснима. Он поведал Зорге, что им известно, что советские агенты постоянно следят за домами Риббентропа, Канариса и генерала Осимы. Несомненно, именно по этой причине, сказал он Зорге, он и выступает в качестве «посредника», чтобы связи между этими тремя людьми остались незаметными для советских шпионов.

Информация такого рода весьма позабавила Зорге: в записях, подготовленных им для Особой высшей полиции, он утверждал, что Риббентроп, Канарис и Осима находились под постоянным наблюдением именно в результате его, Зорге, доклада советским властям. Как только Хак поведал ему об этой истории, Зорге, не теряя времени даром, отправил информацию в 4-е Управление. «Я уверен, — писал Зорге, — что и за Хаком тоже после этого стали следить». И следом, может быть, лишь для офицеров «Токко», а может, и для потомков, Зорге добавил с присущим ему цинизмом: «Любой человек должен предусмотрительно воздерживаться от неосторожных разговоров и не выдавать секреты посторонним, даже если эти посторонние — его самые верные друзья».

А тем временем в Берлине Дирксен обнаружил, что, похоже, никто в Министерстве иностранных дел ничего не знает о конфиденциальных японо-германских переговорах. Вернувшись в Японию в конце лета, посол сказал Отту, что только в японском посольстве в Берлине слышали какие-то слухи о ведущихся

переговорах. Однако, будучи в Берлине, Дирксен посетил Риббентропа, который и сообщил ему некоторые подробности, соизволив, наконец, ознакомить с сутью переговоров германский МИД.

Дирксен с ббльшим энтузиазмом отнесся к идее заключения антикоминтерновского пакта, нежели его военный атташе. 25 ноября 1936 года пакт этот был подписан. Зорге Дает понять, что его собственное влияние на Отта сыграло некоторую роль в том, что Отт довольно равнодушно воспринял подписание этого документа. «Конечно же, — сказал Зорге, — я был категорически против самой идеи заключения этого альянса, и я сделал все, что мог, чтобы повлиять на отношение к нему посла фон Дирксена и полковника Отта и настроить их против этого пакта». И следом он продолжает разбирать аргументы, которые он использовал в своих попытках повлиять на их взгляды. Он напомнил им о «политике Бисмарка, традиционной политике Германии: союз с Россией против Англии и Франции». Он указывал на опасность оказаться связанным в военном смысле с Японией, погрязшей в последствиях событий 26 февраля. Внутреннее положение японской армии было «весьма шатким». Более того, было бы неверно полагать, что советское правительство находится на краю краха или что Красная Армия — немощна. И, наконец, он заявил, что переговоры о японско-германском военном союзе представляли собой в конечном итоге «рискованное предприятие, начатое Осимой и Риббентропом для удовлетворения их личных амбиций».

«Мои усилия не пропали даром, и отношение Отта к альянсу было достаточно скептическим, хотя посол фон Дирксен, естественно, выступал за заключение альянса, и на его мнение мне повлиять не удалось».

Все это верно. Но следовало бы вспомнить, что в 1936 году взгляды Зорге на германо-японский альянс против России, которые он и не думал скрывать, совпадали с теми, к которым так или иначе склонялся и полковник Отт, поскольку, подобно всем, кто симпатизировал геополитической доктрине Хаусхофера, Отт предпочитал ось Берлин — Москва — Токио, и маловероятно, что Зорге сделал больше, чем просто укрепил Отта в его собственных убеждениях.

До того как разразилась германо-российская война, Зорге никоим образом не вызывал особых подозрений своими просоветскими взглядами у старших чинов и военных атташе германского посольства, поскольку мог бы напомнить им некоторые факты, с которыми они и так были знакомы, а именно, как говорил сам Зорге, «что германская армия до прихода

Гитлера к власти получила огромную пользу от сотрудничества с Советским Союзом, что германские военно-воздушные силы и артиллерия, можно сказать, были продукцией советских заводов».

Продолжающиеся переговоры в Берлине, перешедшие позднее на официальный дипломатический уровень, породили, наконец, соглашение, которое можно было рассматривать не более, чем своего рода дипломатическую контрмеру против решений Седьмого конгресса Коминтерна, проходившего годом ранее в Москве. Но было, однако, и секретное приложение к этому договору, о существовании которого подозревали тогда все стороны, включая и советскую, и значительный объем международной пропаганды советское правительство и симпатизирующие ему силы направляли на обличение подлости секретных статей.

Действительно, в преамбуле этих неопубликованных статей утверждалось, что советское правительство (не упомянутое в опубликованном тексте) всячески содействует целям Коминтерна и «намерено использовать свою армию для достижения этих целей». Однако сами статьи не пошли дальше принятия на себя Германией и Японией обязательства консультироваться друг с другом, в случае если одна из сторон станет объектом неспровоцированного советского нападения или угрозы нападения. Обязательство подобного рода весьма далеко от военного альянса[74]. Русские были уведомлены, что секретные положения анти-коминтерновского пакта не представляли большой угрозы для безопасности Советов. Эта информация пришла к ним от Зорге, если не из других источников.

Однако важнейшим здесь, хотя, возможно, и неучтенным был фактор сталинской паранойи. В 1936 году Берзин — бывший начальник Зорге — находился в немилости, и было вполне в характере Сталина, даже на той стадии развития событий, затаить подозрение и против протеже Берзина в Токио.

И потому беспокойство в Кремле, возможно, не ослабевало и после получения от Зорге фотокопий двух депеш, составленных в германском посольстве в Токио почти в то же время, когда был подписан антикоминтерновский пакт.

Одна из них, показанная Зорге Оттом, представляла собой подробный отчет о японских военных возможностях в случае японо-советской войны. Она подробно информировала об усилении войск в Маньчжурии и об оборонительных позициях на маньчжуро-советской границе, которую инспектировал сам Отг. Отт докладывал, что эти укрепления были не завершены и что, по его мнению, японские силы в Маньчжурии были не готовы к войне. Японское военное снаряжение оказалось устаревшим, что

делало Японию ненадежным партнером с военной точки зрения. Японии потребовалось бы несколько лет подготовки, чтобы достичь приемлемого уровня военной готовности, и потому преждевременным было бы ожидать враждебных действий со стороны Японии и Германии в отношении Советского Союза.

Другая депеша, подготовленная Дирксеном и которую он сам показал Зорге, имела отношение к реакции главных персонажей в Японии на соглашение с Германией. В ней разъяснялось, что в самом японском правительстве нет единства в отношении желательности войны с Советским Союзом и что именно это и было причиной того, почему переговоры об альянсе с японской стороны вылились всего лишь в пакт против Коминтерна. Дирксен признал, что пакт не очень нравится правительственным кругам Токио, но закончил утверждением, что подобное положение дел со временем изменится.

Вот почему, когда дело касалось антикоминтерновского пакта, 4-е Управление, что бы там Сталин ни думал, имело все основания высоко оценить работу Зорге.

Задача выяснения природы и прогнозирование точного исхода германо-японских переговоров была одной из важнейших, одной из тех, что пришлось выполнять Зорге с небольшой помощью со стороны членов его группы. Так, осенью 1936 года поступила некоторая полезная информация от Одзаки, полученная им благодаря его связям в «Асахи». Положение Одзаки в отношениях с газетой было таково, что, как писал он сам, он «мог совершенно свободно входить в любые кабинеты редакции».

В течение 1936 года положение Одзаки, как и положение самого Зорге, значительно упрочилось, поскольку летом он присутствовал в качестве члена японской делегации на конференции Института Тихоокеанских отношений, проходившей в Йосемите в Калифорнии. Тот факт, что ему предложили войти в состав делегации, возглавляемой бывшим министром иностранных дел Йосизавой Кенкичи, был сам по себе признанием его статуса специалиста по китайским делам и служил ему своего рода верительными грамотами надежного и проверенного неофициального переводчика и настоящего защитника японской политики в отношении Китая.

Во время поездки в Америку Одзаки делил каюту с человеком моложе его самого, с которым впоследствии близко подружился. Это был Сайондзи Кинкацу, секретарь японской делегации, внук почтенного принца Сайондзи, последнего из Генро. Общение с молодым Сайондзи и со знакомым ветераном старой закалки Ушибой Томохико также членом делегации, имело важные

последствия для Одзаки.

Вскоре после возвращения из Йосемиты Одзаки пригласили на чайную церемонию в «Империал-отель», устроенную для японской делегации. Присутствовал и Зорге. Их с Одзаки официально представил друг другу третий гость. И только теперь Одзаки обнаружил, что иностранец, которого он хорошо знал как «Джонсона», на самом деле звался «д-р Зорге».

Случилось это в сентябре 1936 года, когда Зорге, как и Одзаки, только что вернулся из поездки за границу. В конце августа Зорге уехал в Пекин, якобы на конференцию иностранных журналистов, потом посетил районы Внутренней Монголии[75]. Однако главной целью Зорге было передать собранный материал в виде микрофильма советскому курьеру.

Встреча, о которой было договорено заранее по радио, состоялась в Храме Неба. Курьер в этом случае был хорошо известен Зорге.

«На этот раз это был не обычный курьер, с которым я встретился, а мой старый друг «Алекс» (не шанхайский «Алекс» 1930-го года), ранее работавший в секретариате русской коммунистической партии в Москве, но и тогда уже связанный с 4-м Управлением. На этой встрече он «должен был проконсультироваться со мной о разного рода проблемах, связанных с работой, т. е. об организационных и политических проблемах».

Зорге, должно быть, узнал от «Алекса» (Боровича) о растущем терроре в Москве. Что до «организационных и политических проблем», о которых он упоминал, размышления о них не заняли у них много времени. Вероятно, потому что обсуждались в основном финансовые проблемы. Поскольку именно с осени 1936 — после визита Зорге в Пекин — на Клаузена, как он признавался, «была возложена полная ответственность за средства группы, включая денежные переводы из Москвы, отправленные через американские банки».

В апреле, как мы видели, Макс Клаузен отправился в Шанхай в качестве курьера Зорге, беря с собой, кроме всего прочего, микрофильмированный материал, относящийся к февральскому мятежу. Макс надеялся встретить в Шанхае Анну, чтобы забрать ее с собой в Японию. Но ее там не оказалось, и Клаузен вернулся один.

А бедная Анна в тот момент пребывала в Сибири. В марте к ней явился человек из 4-го Управления, который время от времени приносил ей деньги на житье, и сказал, что она должна подготовиться в долгому путешествию. Место назначения ей станет известно позже. Через несколько дней ее проводили с

московского вокзала тот же человек из 4-го Управления и женщина, наблюдавшая за ней. Они дали Анне немного американской валюты и сказали, что сейчас она едет во Владивосток, город, расположенный на другом конце Транссибирской магистрали. Они также объяснили, что проводник поезда даст ей паспорт на имя «Эммы Кониг» и что по прибытии ее встретят.

Путешествие ее нельзя было назвать благоприятным. Проводник не дал ей никакого паспорта, и единственные люди, встретившие ее по прибытии во Владивосток, были из российской тайной полиции. Они допрашивали ее в течение трех дней, после чего Анну вызволил из полиции человек, который должен был встретить ее на станции. Он дал ей немного денег, паспорт на имя «Эммы Кониг» и билет на пароход до Шанхая, а также сказал, чтобы она уничтожила этот паспорт, когда прибудет в Китай. Письмо от Макса будет ждать ее или на Центральной почте Шанхая или в агентстве Кука.

Анне пришлось ждать почти месяц, прежде чем она смогла сесть на пароход, а когда она прибыла в Шанхай, то оказалось, что на Центральной почте ее ничего не ждет. Анна отправилась в агентство Кука. Да, сказали ей, для нее было послание, но оно утеряно. Анна, конечно, была не новичок в Шанхае и вскоре сняла комнату в доме своих друзей и оставила их адрес у Кука, а сама стала ждать, когда появится Макс.

Он нашел ее лишь во второй половине июля, когда прибыл в Шанхай со следующей курьерской миссией. Его радость при виде Анны едва ли была сильнее, чем то облегчение, которое он испытывал от завершения своей тайной миссии, поскольку в поездке через всю Японию и при посадке на пароход в Нагасаки ему пришлось испытать нервный шок. Полицейский детектив сел на поезд в Модзи, устроился рядом с Максом и принялся задавать ему множество вопросов. Это была весьма распространенная форма слежки в Японии того времени, однако Макс встревожился. Завернутые в плотную ткань в его левом кармане лежали пленки микрофильмов, и он боялся, что токийская полиция получила приказ на его арест. Однако после примерно получаса, допросов детектив сошел с поезда.

В Шанхае Макс, наконец, узаконил свой союз с Анной, женившись на ней и оформив брак в германском консульстве. Анна стала женой человека, который, по всей видимости, начинал успешную деловую карьеру. Казалось, что теперь Макс окончательно устроился с фирмой «М. Клаузен и К», занимавшейся производством и продажей печатных прессов для выпуска промышленных «синек» — электростатических копий

документов и чертежей — вполне прибыльное предприятие, в котором было занято четырнадцать человек, работавших в небольшой мастерской близ вокзала Симбаси[76].

Следующий, 1937 год был для Японии судьбоносным — и даже роковым. 7 июля японские и китайские войска обменялись выстрелами близ моста Марко Поло в пригороде Пекина и, начиная с этого дня и до 15 августа 1945 года, не было больше мира ни для Китая, ни для Японии.

Большинство наблюдателей, как японцев, так и европейцев, считали, что конфликт в северном Китае уладится, как и многие другие, путем локальных перемирий и, без сомнения, на невыгодных для китайцев условиях. Однако летом 1937 года в китайском правительстве появились новые настроения, поскольку со времен знаменитого дела Сиана, случившегося в предыдущем году — похищения ребенка Чан Кайши Чэном Сунлианом, — китайцы были готовы отложить в сторону собственные жестокие разногласия в интересах оказания общего сопротивления Японии.

Вот почему в июле 1937 года китайцы отклонили требования японцев о локальном урегулировании и, поскольку ситуация все ухудшалась, начали подтягивать подкрепления. Японцы со своей стороны направили дополнительные войска на север Китая, и появились признаки, что несмотря на заявления правительства о том, что расширения или усиления враждебных действий не будет, японская армия была готова, если в этом возникнет необходимость, нанести по Китаю сильнейший удар.

Германское посольство в Токио, по словам Зорге, было удивлено, но не очень встревожено. Дирксен и Отт (недавно произведенный в генерал-майоры) предсказывали, иго сражения вскоре подойдут к концу.

«Дирксен и Отт были настроены оптимистично, утверждая, что Гоминдан необычайно слаб. Но я придерживался мнения, что враждебные действия будут продолжаться еще долго и что силу Гоминдана не следует недооценивать.

Ни Дирксен, ни Огг не соглашались со мной. Однако ход событий обернулся так, как я и предсказывал. И потому и Дирксену, и Отту пришлось признать, что я был прав, и мои акции в посольстве соответственно выросли».

Предсказание Зорге о продолжении японо-китайского конфликта несло на себе отпечаток мнения Одзаки. Однако это не говорит о том, что Зорге не мог иметь независимого мнения, частично основанного на его выводе, что японская национальная экспансия пойдет скорее на юг — в Китай и дальше, нежели на север. Однако, интерпретация событий Одзаки была много

весомей, по большей части потому, что ныне Одзаки тесно общался с людьми из ближайшего окружения принца Коноэ, ставшего в июне премьер-министром Японии.

Одзаки мог заверить Зорге в том, что в Кабинете Коноэ имело место несовпадение взглядов на то, стоит или нет более энергично продолжать операции на севере Китая. Сам Одзаки не питал иллюзий относительно природы этого столкновения. Он сразу сказал Зорге, что оно непременно перерастет в крупномасштабную войну и не ограничится пределами Китая и Японии.

Поскольку бои на севере Китая ширились и в августе докатились до Шанхая и поскольку локальные боевые действия выросли в войну, которую японцы называли «китайским инцидентом», Зорге и Одзаки начали встречаться чаще. Теперь они старались увидеться друг с другом раз в несколько дней, большей частью в ресторанах. Но, по словам Зорге, «чем дальше, тем труднее становилось найти новое место для встречи. Я редко ходил в иностранные рестораны, но когда делал это, то только с Одзаки».

В Японии бытует миф, что Зорге и Одзаки встречались почти ежедневно, беседуя в вестибюле «Империал-отеля». В действительности же именно этого места Зорге всячески избегал, поскольку бар и вестибюль «Империала» всегда кишели полицейскими и шпиками.

Общение Одзаки с людьми из окружения принца Коноэ стало более интенсивным, в частности, после его поездки на конференцию Института Тихоокеанских отношений в Йосемите. Сайондзи Кинкацу знал Коноэ и действительно часто обращался к нему, поскольку в то время Сайондзи хоть и не занимал какой-либо официальной должности, но был в курсе всего, что творилось в политическом мире. Он интересовался политикой и — как он называл это — пытался «помочь Коноэ, поощряя различных людей к сотрудничеству с ним».

Ушиба, школьный товарищ Одзаки, также ездивший в Йосемит, стал одним из личных секретарей Коноэ. Дружба между Одзаки и Ушибой, сложившаяся в ходе поездки в Америку, поддерживалась и крепла и после возвращения делегации в Японию.

Но более важным в тот период оказалось общение Одзаки с главным секретарем кабинета Коноэ, Казами Акирой. Одзаки познакомился с Акирой через организацию, известную как Общество исследования Сева, существовавшую на пожертвования, владевшую недвижимостью и имевшую свой управленческий персонал. Основано это общество было в ноябре 1936 года

друзьями и поклонниками принца Коноэ, и главной его целью была выработка рекомендаций по проблемам японской внутренней и внешней политики с тем, чтобы Коноэ мог иметь пусть неофициальное, но квалифицированное мнение и мог проконсультироваться, когда придет время Коноэ занять офис премьер-министра, что непременно случится. В этом были Уверены его друзья.

Коноэ отказался стать премьер-министром после февральского мятежа. Но это лишь усилило всеобщее желание видеть его в кресле премьера. Он был наиболее предпочтительной фигурой по многим причинам. Армия надеялась использовать его в своих целях как уважаемую марионетку, при этом будучи уверенной, что он находится на ее стороне. Либералы считали его своего рода оплотом против фашизма. А остальная публика полагала, что поскольку он происходит из самой превозносимой ветви древнего дома Фудзивара, то может выступить как незаинтересованная сторона, свободная от амбиций, что резко контрастировало бы с генералами, адмиралами, партийными политиками и бюрократами, занимавшими посты премьеров в предыдущие десять лет. И, кроме того, он был еще относительно молод — в 1937 году ему было сорок шесть лет. Среди его друзей и поклонников можно было найти людей почти всех оттенков мнений — от консервативных до правых и интеллектуалов-социалистов. Он был неясной привлекательной фигурой, рожденный на тысячу лет позже своего времени.

Большинство членов Общества изучения Сева, в которое входили лучшие умы Японии, можно было описать как сторонников либерального мировоззрения. В условиях Японии это подразумевало проведение политики, во многом сходной с политикой английских консерваторов между войнами. Как патриоты своей страны, они уважали монархию и старались уделять внимание армии и флоту. Они испытывали некоторое презрение ко многим, если не ко всем партийным политиканам. Но они пугались и негодовали, когда речь шла о том властном давлении, которое имело место со стороны двух военных служб, особенно армии. С их стороны это было и тщетно, и небезопасно — противиться армии и ее требованиям, и похоже, что благоразумие диктовало им показную уступчивость в отношении дрейфа к тоталитаризму дома и военной агрессии за рубежом. Лишь так можно было вернуть руководителей японской армии — пусть ненадолго, пусть иногда — на путь умеренности и здравого смысла. Такова была иллюзия, разделяемая, по-видимому, и самим Коноэ[77].

Казами Акира был ведущей фигурой в группе по изучению

Китая в Обществе Сева, в которое Одзаки вступил весной 1937 года. Казами был старше Одзаки — он родился в 1886 году — и проявлял активный интерес к китайским делам, когда Одзаки был еще мальчиком. Одзаки тянуло к этому старику, и симпатия была явно взаимна. О степени близости между ними можно судить по собственным словам Одзаки:

«Посторонние считали меня, как я всегда чувствовал, своего рода кадровым офицером при Казами.

У Казами был замечательный политический инстинкт. Он никогда откровенно не выражал свои собственные взгляды. Он выражал их лишь окольным путем, и потому было необходимо понимать стиль его мышления и чувствовать его, чтобы знать, что он действительно думает. И я развил в себе способность судить об общем направлении его мыслей по лаконичным высказываниям или же по тому, что он оставлял недосказанным, о чем умалчивал».

Одзаки продолжает:

«Зорге часто спрашивал меня, каково мнение Казами по основным вопросам, и я обьино давал мгновенный ответ. Именно благодаря моему ежедневному контакту с Казами, я мог представить себе, о чем он думает».

И потому в отношении политического аспекта китайского инцидента Одзаки едва ли мог найти лучший источник информации. А поскольку он был вхож в круг друзей Коноэ к нему фактически относились как к одному из них.

Именно Казами летом 1938 года пригласил Одзаки стать временным консультантом Кабинета («шокутаки») — специалисгом-экспертом или временным сотрудником, не получающим регулярной платы в организации, которой он служит. Термин этот имеет весьма расплывчатое толкование. Он может обозначать и человека, чьих советов ищут очень редко и лишь по весьма специфическим вопросам. Это также могло подразумевать и должность ассистента-исследователя, никогда не консультировавшего по вопросам политики. Положение Зорге в германском посольстве задолго до того, как он стал редактировать ежедневный бюллетень новостей после начала войны в Европе, можно было описать без слишком большой натяжки, как должность этого самого консультанта-«шокутаки». Когда Одзаки был назначен советником Кабинета, он получил официальное письмо, содержащее следующую фразу: «Настоящим поручаем вам исследовательскую работу».

Но, как пишет сам Одзаки, настоящей его работой было «помогать Казами — и более ничего определенного».

«Я изложил Казами свои взгляды на Китай… У меня никогда

не было намерения реализовать свои политические идеи, пользуясь моим положением советника Кабинета. Все, что я делал — это давал конкретные советы по конкретным вопросам, одновременно получая точную и ценную информацию. Нет нужды говорить, что информацию, полученную в Кабинете, я передавал Зорге. У меня был свободный доступ к документам в офисе главы секретариата (Казами) и других секретариатов».

На протяжении всего этого периода — с февральского мятежа 1936 года и до войны в Китае летом 1937 — Мияги исправно снабжал Зорге потоком информации по огромному кругу вопросов: экономических и социальных, а также политических и военных. Его отчеты основывалось на информации от субагентов, собственных наблюдениях и чтении, а также на том, что он слышал от друзей или случайных знакомых.

Мияги не имел прямого доступа к государственным секретам, подобно Зорге или Одзаки, и тем не менее он был неутомим в добывании разведданных разного рода. И если бы Зорге смог начать новую жизнь в качестве ученого, то Мияги стал бы для него незаменимым, идеальным помощником-ассистентом. Тот факт, что он был свободным художником без каких-либо обязательств просиживать часы в офисе, также мог означать, что у Мияги была бы возможность посвящать шпионажу больше времени, чем Одзаки или Зорге.

После того как стычки в Китае переросли в регулярную войну как в Шанхае, так и на севере, Мияги подготовил для Зорге подробный отчет, в котором осветил множество важных тем. Так, например, в отчете говорится о фактической оккупации Пекина, а также приводится описание того, что в действительности произошло на мосту Марко Поло. Было также и сообщение о новой военно-морской бомбе и разведданные об отправке подкреплений в Шанхай.

В первой половине 1937 года Мияги передал Зорге доклад о дислокации японских войск на японо-советской границе в районе острова Сахалин вместе о картой, на которой было указано расположение военных лагерей и казарм. Летом этого же года он сумел передать Зорге отчет о структуре спецслужб японской армии. Но особый интерес для 4-го Управления представлял отчет Мияги о спецслужбах в Харбине и Маньчжурии, поскольку в нем ему удалось описать подготовку и обучение агентов, завербованных харбинским отделением, — подготовку, начинавшуюся с годового курса по таким предметам, как совершенствование русского языка, техника диверсий и искусство личной маскировки. Потенциальные шпионы и диверсанты по

окончании первого года обучения объединялись в небольшие группы по три-четыре человека для дальнейшего обучения.

В течение зимы 1937–1938 годов японцы Сугимото Рикичи и Окада Йосико (мужчина и женщина) перебежали через границу на Сахалине в Советский Союз. Оба они принадлежали к авангардистской театральной труппе, находившейся на гастролях в Карафуто (японская часть острова). Японо-советская граница — безлюдный район пограничных столбов и межевых камней — был излюбленным местом посещения туристов под соответствующим полицейским надзором, разумеется, в те годы ни один посторонний, ни европеец, ни японец, не мог и шагу ступить по Сахалину без полицейского за спиной.

И тем не менее, несмотря на полицию, Сугимото и Окада ухитрились сбежать по снегу на советскую территорию. Когда об этом стало известно, разразился скандал и много было сказано и написано в Японии о глупости и безнравственности этой пары. Однако у Зорге возникли подозрения: странно, что Сугимото и Окада так просто удалось перехитрить полицию. Эпизод этот в освещении прессы казался столь невероятным, что Зорге предположил, что беглецы были на самом деле японскими шпионами. И потому он попросил Мияги постараться побольше узнать об этом деле. С помощью своих субагентов Мияги сумел собрать достаточно информации, чтобы представить исчерпывающий отчет. Оказалось, что Сугимото и Окада «были обычными порядочными людьми, сыгравшими в реальной жизни одну из своих собственных драм».

Рост цен и налогов, последствия катастрофического наводнения в Кобе для местной военной промышленности, японские боевые порядки при захвате Ухани — по всем этим и множеству других тем Мияги собирал важную и существенную информацию в 1937 и 1938 годах[78]. Некоторые из этих данных, возможно, были доступны любому в опубликованном виде. Но примерно с начала 1938 года, когда стало ясно, что война в Китае кончится не скоро, полиция делала все, что могла, чтобы отбить у иностранцев охоту покупать японские книги и периодические издания, подробно и объективно освещавшие экономику страны, ее политические и социальные проблемы[79]. За всем этим, постоянно беспокоя гражданскую полицию и заставляя ее быть еще более бдительной в слежке за чужаками, стояла Кемпетай (военная полиция), которая всегда была расположена придавать термину «военные секреты» весьма широкое толкование.

И поскольку китайская война все продолжалась, Мияги оказывал Зорге огромную услугу, даже когда время от времени снабжал его информацией, взятой из открытых, вполне легальных

источников.

Все эти годы Зорге прожил в Токио в одном и том же доме № 30 по улице Нагасаки-шо, в районе Азабу. Женщина средних лет каждый день приходила в шесть часов утра, выполняла домашнюю работу и готовила еду — завтрак и ленч, поскольку Зорге редко обедал дома. Вскоре после четырех она уходила. Когда она заболела и умерла, Зорге нанял другую женщину такого же возраста, которая и проработала у него до самого его ареста. Эта вторая служанка работала когда-то поваром в советском посольстве.

Дом Зорге представлял собою то, что японцы называли «бунка ютаки» или «комфортабельное жилье», однако по современным европейским или американским стандартам он был довольно маленьким. Немецкий писатель, который был частым гостем этого дома в 1939 году, описал его как «едва ли чуть больше летнего домика в небольшом саду». Но большинство японских домов в уединенном районе Азабу — квартале обеспеченной буржуазии — были точно такими же.

В комнате наверху, которую Зорге использовал в качестве кабинета, друзей поражал беспорядок, окружавший его, поскольку там царил кажущийся хаос из книг, карт и бумаг. Один из посетителей позднее вспоминал, что в доме было много книг по экономике и в основном по экономике японского сельского хозяйства. Свободного пространства хватало лишь для кушетки, стола и кресла или двух. Там же висели одна или две прекрасные японские гравюры и стояло несколько хороших вещиц из бронзы и фарфора. В комнате также находился граммофон и клетка с ручной совой.

Вся обстановка дома была выдержана в японском стиле, полы в комнатах были закрыты от стены до стены татами — плотными циновками из рисовой соломы. Зорге с уважением относился к японскому обычаю снимать обувь у входной двери, надевать шлепанцы на ступеньках или в крошечном коридоре и проходить на циновки в носках. Зорге и спал на японский манер, на матрацах, положенных на циновки, кладя под голову небольшой жесткий валик. Князь Урах, описывая ванную Зорге, вспоминает, что «фанатично чистоплотный Зорге ежедневно тер и скреб себя на японский манер и потом, подобрав колени, забирался в деревянный чан, наполненный горячей водой».

Наверное, никто за исключением Зорге и кухарки не бывал в этом доме чаще, чем девушка по имени Мияки Ханако, с которой Зорге познакомился, когда в октябре 1935 года отмечал свое сорокалетие в «Рейнгольде», где она работала официанткой.

Зорге несколько месяцев ухаживал за Ханако-сан, был щедр и настойчив, прежде чем она стала его любовницей. С осени 1936 и до начала 1937 Ханако-сан проводила почти половину каждой недели в его доме, и часто ранним вечером они вместе выходили из дома, направляясь — Зорге в агентство Домеи, а Ханако-сан в «Рейнгольд».

У Ханако был хороший голос, и ей хотелось выучиться на певицу. Зорге договорился, что немецкий педагог будет с ней заниматься, и в начале лета 1937 года она оставила «Рейнгольд» и стала все свое время посвящать урокам музыки. Она считала себя гражданской женой Зорге и действительно верила, что он узаконит их союз, зарегистрировав его в управлении района Азабу. Однако Зорге по вполне понятным причинам не мог позволить себе наслаждаться счастьем супружеской жизни и сказал Ханако, что он должен жить один. Тем не менее почти до самого его ареста в октябре 1941 года она на два-три дня в неделю приходила к нему домой. Иногда они проводили вместе выходные в Атами — морском курорте к юго-западу от Токио.

Ханако-сан с великой преданностью вспоминает Зорге, и ее верность ему не может не вызывать уважения. Она хотела от него ребенка, однако он не желал и слышать об этом, поскольку, как он сказал ей, его работа таила в себе некоторую опасность. В то время она не придала особого значения этим словам. И все же, хотя у нее не было ни малейшего подозрения, что он был коммунистическим агентом, она догадывалась, что он может заниматься такими делами, которые лежат за пределами его журналистской работы[80].

Ханако-сан была умеренной социалисткой («Как и многие другие женщины, я имела обыкновение читать левые романы»). А кроме того, когда-то она была увлечена студентом, исключенным из высшей школы накануне окончания за «красную» деятельность, и потому ее не шокировали и не удивляли высказывания Зорге о зле японского милитаризма, о нищете японского рабочего класса или об отвратительной природе нацистского режима.

Ее симпатия к подобным взглядам была неподдельной, и вполне возможно, что Зорге удостоверился в этом, прежде чем позволил себе более серьезное, чем просто мимолетное увлечение, отношение с Ханако-сан.

Сама Ханако-сан заняла вполне реалистичную позицию в отношении связей Зорге с другими женщинами. «В конце концов, — замечает она, — он был холостяком, и вполне естественно для выдающегося человека иметь несколько любовниц, не так ли?»

Она была не в состоянии анализировать его истинные чувства

к ней, но он всегда был щедр и нежен на продолжении всех шести лет их знакомства и был особенно заботлив, когда она болела. У него была сильная воля и он редко сердился. Единственный раз, когда она видела его потерявшим контроль над собой, это когда он узнал о нападении Германии на Советский Союз. В тот день он так рыдал, словно у него разрывалось сердце.

— Почему ты так расстроен? — спросила она.

— Потому что я одинок. У меня нет настоящих друзей.

— Но ведь у тебя есть посол Отт и другие хорошие немецкие друзья?

— Нет, нет, — ответил Зорге. — Они не настоящие мои друзья.

В конце апреля 1938 года генерал-майор Отт был назначен немецким послом в Японии вместо Дирксена, получившего назначение в Лондон. В то время Зорге собирался нанести краткий визит в Гонконг, поскольку у него скопилось много секретного материала, который он должен был передать там советскому агенту. Генерал Отт попросил Зорге выступить в роли курьера посольства, и Зорге, по его собственным словам, «был своего рода «двойным курьером» сначала в Манилу, а потом в Гонконг, везя документы «для обеих сторон».

Свое возвращение в Японию он отпраздновал в привычном стиле — в «Рейнгольде» с Урахом. В два часа ночи, когда бар, наконец, закрылся, Зорге уселся на мотоцикл, купленный им у Макса Клаузена. Машина доставляла ему массу удовольствия и некоторое беспокойство его друзьям, поскольку даже когда Зорге был трезвым, он гонял на ней с огромной скоростью по узким улицам города.

Усадив Ураха на заднее сиденье, Зорге помчался к «Империал-отелю». Он попросил Ураха сопровождать его в «налете» на квартиры тех жителей, которые известны были хорошими запасами спиртного в своих барах, однако на этот раз Зорге отправился на свою собственную квартиру, где выпил целую бутылку виски. А потом предложил другу отвезти его домой на заднем сиденье мотоцикла. (Это был один из вечеров, когда Ханако-сан не было в его доме.) Урах благоразумно отказался, и Зорге отправился один.

У Тораномон, за зданием офиса ЮМЖД он свернул влево с широкого проезда и, поддав газу, помчался вверх по улице вдоль стены, окружавшей американское посольство, — по дороге, если и отличавшейся от грязной грунтовой колеи, то ненамного. Он потерял контроль над машиной и врезался головой в стену.

К счастью для Зорге, место аварии находилось в пределах

слышимости, если не видимости полицейского в будке у ворот посольства. С тяжелыми ранениями, истекающий кровью от ран на лице, Зорге, однако, не потерял сознания и сумел назвать полиции адрес Ураха. Полиция позвонила в «Империал-отель», и Урах тут же приехал на место происшествия. Когда он прибыл, Зорге едва мог говорить, но все же сумел прошептать: «Скажи Клаузену, чтобы он немедленно приехал». Клаузен поспешил в госпиталь Святого Луки, куда доставили пострадавшего Зорге. Что было дальше лучше, всего описывает сам Клаузен.

«Сильно побитый, но не потерявший самообладания, он протянул мне отчеты на английском и американскую валюту, находившиеся в его кармане, которые нельзя было показывать посторонним, и только освободившись от них, потерял сознание. Из госпиталя я прямиком отправился к нему домой, чтобы забрать все его бумаги, имевшие отношение к нашей разведывательной деятельности, прихватив и его дневник. Чуть позже сюда прибыл Вейс из ДНБ (чиновник германской службы новостей), чтобы опечатать всю собственность Зорге, чтобы никто не мог ничего тронуть. Я вздрогнул, подумав, что вся наша секретная работа выплыла бы наружу, приди Вейс раньше меня».

У Зорге оказалась сломанной челюсть и выбиты почти все передние зубы. Лицо, если и не было изуродовано, однако несло на себе следы аварии, что весьма заметно на фотографии, снятой в марте 1938 года. По словам одного очевидца, «шрамы на лице Зорге делали его похожим на японскую театральную маску, придавая его лицу почти демоническое выражение»[81]. Когда Зорге вышел из госпиталя, супруги Отт были особенно добры к нему, а фрау Отт даже пригласила его пожить у них, пока он окончательно не поправится.

В июне 1938 года, когда Зорге только-только оправился от несчастного случая, советский генерал Л ушков перешел маньчжурскую границу и сдался в плен японской Кван-тунской армии, имея информацию высочайшей важности об усилении советского военного присутствия на Дальнем Востоке. Его показания могли оказать решающее воздействие на политику Японии в отношении Советского Союза.

Лушкова отправили в Японию и принялись допрашивать в штаб-квартире Генерального Штаба. Лушков был из числа высших офицеров ГПУ, одной из военных функций которого была охрана границ Советского Союза. Предательство генерала было вызвано разворачивающимися по всей стране чистками оппозиционных групп, проводившимися Сталиным, которые затронули и ряды самого ГПУ. До своего побега Лушкову удалось благополучно переправить семью в Европу.

На первых допросах Лушков подробно объяснил японцам структуру внутренней оппозиции в Сибири и подготовил большой отчет о состоянии дел на внутриполитической советской сцене.

Эту информацию японцы передали полковнику Шоллю, который показал ее Зорге. Разоблачения произвели сильное волнение в германском посольстве, и Шолль даже радировал в Берлин, прося срочно прислать в Токио специалиста по Советскому Союзу, чтобы допросить Лушкова по вопросам, представляющим особый интерес для германского правительства. В то же самое время Зорге отправил серию радиосообщений в Москву с изложением предварительных результатов показаний Лушкова.

Московский Центр, как обьино, хранил угрюмое молчание.

Когда прибыл специальный посланник адмирала Кана-риса, полковник Грелинг из военной контрразведки, вновь принялись допрашивать Лушкова. В результате появился меморандум объемом около сотни страниц, озаглавленный «Отчет о встрече между Лушковым и специальным германским посланником и полученная в результате этого информация».

Шолль одолжил этот документ Зорге, который тут же сфотографировал большую его часть, пропуская те места, где Лушков, в частности, излагает свою собственную политическую позицию, после чего радировал в Москву, в довольно резкой форме попросив инструкций относительно того, стоит ли ему брать на себя труд пересыпать этот меморандум в Москву. По тону ответного послания можно было судить о том значении, которое Москва вынуждена была придать этому событию. В документе, датированном 5 сентября 1938 года, читаем следующее:

«Сделайте все возможное и используйте все доступные средства для получения копий документов, полученных специальным посланником Канариса от японской армии или копий документов, полученных лично посланником от Лушкова. Доложите немедленно о получении всех подобных документов».

Микрофильм был отправлен с курьером, и его содержимое продемонстрировало Советам ту степень опасности, которую представляли показания Лушкова, и, соответственно, тот резонанс, который они могут вызвать на самом высоком уровне.

Главный тезис, основанный на детальном анализе документов, заключался в том, что из-за широкого недовольства в Красной Армии и существования сильной оппозиции в Сибири советская военная машина на Дальнем Востоке немедленно рухнет в случае японского вторжения.

Кроме того, Лушков выдал расположение соединений

Красной Армии в Сибири и на Украине и информацию о применяемых военными радиошифрах'. Вся техническая информация, сообщенная им, была очень подробной, особенно в отношении соединений Красной Армии в Сибири. Местоположение, организация и вооружение каждой дивизии, которых по утверждению Лушкова было двадцать пять, все было им подробно изложено.

Должно быть, и японской, и германской военным разведкам сразу стало ясно, что данные, предоставленные Лушковым, были отражением широких чисток в рядах и в руководстве Красной Армии, последовавших за судом над маршалом Тухачевским и другими высшими офицерами, и были поразительно важны для оценки влияния этих событий на военную мощь России. Зорге [82] отнюдь не преувеличивал, когда позднее так прокомментировал это событие: «Одним из следствий показаний Лушкова была опасность совместных японо-германских военных действий против Советского Союза». А главная задача Зорге состояла в том, чтобы, насколько позволяли возможности разведывательной миссии, способствовать избежанию подобных катастроф.

Реакция самого Зорге на это событие бросает некоторый свет на необычайную твердость его собственных убеждений.

«Я считал, что Лушков стал перебежчиком не только потому, что был недоволен отношением к себе со стороны советских властей и из-за какой-то обиды или оскорбления, пережитых им в Сибири, но просто потому, что в то время чистки коснулись уже непосредственно рядов ГПУ и он боялся, что может оказаться в числе жертв. Я пришел к выводу, что Лушков выставил политическую причину своего побега лишь потому, что у него были друзья в оппозиционных группах в Сибири.

Утверждения предателя и его поступки всегда стереотипны, и потому сам Лушков меня не очень интересовал».

Однако, увидев первые откровения «предателя» из ГПУ, высказанные им в японском генеральном штабе, Зорге мгновенно понял, какое действие они окажут на правительственные круги Японии и Германии.

Поначалу его весьма встревожила реакция японцев. Германскому посольству, по-видимому, было сказано, что «Советский Союз находится на грани развала». Зорге всегда считал, что его особый престиж в посольских кругах следует использовать в политических целях и в пропагандистском смысле, несмотря на холодное равнодушие, проявляемое Москвой по отношению к этому самоназначению и дополнительной роли, взятой на себя Зорге, и потому в этом случае он спорил с японскими аргументами, указывая, что «Лушков был ненадежной

и второстепенной фигурой».

«Опасно судить о внутренней ситуации в России по показаниям человека, подобного Лушкову. Его высказывания, говорил я, того сорта, какие можно почерпнуть в любой антинацистской книге, написанной немецкими беженцами. Они часто предсказывают, что нацистский режим ждет неминуемый крах».

Лушков, возможно, и вел речь о чистках, проводившихся ГПУ в советской Дальневосточной армии, находившейся под командованием маршала Блюхера, который под псевдонимом «Гален» был ведущим советским военным специалистом в штабе Бородина в Китае в 1923 году и советником многообещающего китайского генерала Чан Кайши[83].

В промежутке между июнем 1938 года, когда перебежал Лушков, и концом года, когда Зорге передал в Москву результаты изучения в Токио обширных показаний первого, Блюхер исчез без следа. Его исчезновение и массовое искоренение оппозиции в рядах советской армии, которое совпало с тайной казнью Блюхера, вполне может быть соотнесено непосредственно с побегом Лушкова и светом, который сумел пролить на это дело Зорге[84].

Благодаря Зорге японские оценки советских вооруженных сил на сибирской границе на случай японского нападения стали известны в Москве.

Не существует прямых свидетельств оценки материалов по делу Лушкова японскими и германскими экспертами, однако на следующий год на границах Маньчжурии и Внешней Монголии была предпринята крупномасштабная проба сил в районе Номонхана — с катастрофическими для Квантунской армии последствиями. Есть некоторый намек в более поздних показаниях ведущего прокурора по делу Зорге, Йосикавы Митсусада, что существовала связь между провалом этой операции, основанной на полученной от Лушкова информации, и передачей Зорге в Россию японской оценки советских вооруженных сил. Описав переданный Зорге микрофильм о лушковскими материалами, этот чиновник продолжал: «А потом случился Номон-ханский инцидент».

Деятельность Зорге в связи с делом Лушкова была одной из величайших услуг, оказанных им 4-му Управлению за все время его японской миссии[85].

Остальные члены группы Зорге также смогли в этот период обеспечить его ценной информацией о японских намерениях, а также и чисто военной информацией.

Примерно через месяц после побега Лушкова произошла

резкая стычка между японцами и русскими на холмах, известных как Чанкуфенг, к юго-западу от Владивостока, на границе с Кореей, Маньчжурией и советским Дальним Востоком. Бои продолжались в течение месяца. Но на основании информации, полученной от Одзаки, ныне консультанта Кабинета, и Мияги, заставлявшего своих субагентов узнавать все, что можно о передвижении войск, Зорге смог заверить Москву, что ни японское правительство, ни японская армия не позволят этим стычкам перерасти в настоящую войну.

Во время более серьезных и длительных враждебных действий у Номонхана Одзаки не общался ни с кем из секретариата Кабинета, поскольку в январе 1939 года принца Коноэ сменил на посту премьер-министра барон Хиранума. Однако уже с начала июня 1939 Одзаки работал в качестве консультанта Исследовательского отдела токийского филиала ЮМЖД и на новом месте он получил прекрасную возможность получать разведданные обо всем, что касалось Маньчжурии. И он еще раз заверил Зорге, что японское правительство не желает идти на риск полномасштабной войны о Россией.

Мияги, со своей стороны, снабжал Зорге информацией о военных причинах поражения японцев у Номонхана, о типах оружия и другого снаряжения, используемого в боях, о настроении умов и боевом духе в армии.

Вукелича, ныне работавшего корреспондентом Французского агентства новостей Гавас, пригласили вместе с другими журналистами посетить места сражений, и он сумел передать Зорге весьма специфическую информацию о японской артиллерии и военном снаряжении. Но, похоже, что Зорге предупредил его быть осторожнее и не делать ничего, что могло бы привлечь к себе внимание, поскольку в качестве официального спонсора поездки выступала японская армия[86].

В разговоре с Оттом Зорге сделал самый подробный анализ разгрома у Номонхана:

«Я указал, что утверждения Лушкова и других о предполагаемой слабости Красной Армии теперь прямо уже можно назвать ложью. Если японская армия хотела изгнать Красную Армию с ее нынешних позиций, то потребовалось бы 400–500 танков, а это превышало возможности военной промышленности Японии. Германии следует более глубоко изучить Номонханский инцидент и отказаться от старой идеи, что Красная Армия якобы не в состоянии оказать серьезного сопротивления».

После чего Зорге заметил: «Однако я полагаю, Германия скорее согласилась с идеями Лушкова, нежели с моими».

Глава 12. ТЕХНИКА ДЕЛА

Шесть опасных лет прошли без происшествий.

Клаузен

Рихард Зорге был в высшей степени опытным сотрудником советской разведки, имевшим за плечами долгие годы нелегальной работы в Германии, Москве, Скандинавии и недолго в Англии. Безупречная «крыша» была прекрасной предпосылкой для успешного выполнения его миссии. Еще до приезда в Японию Зорге с типичной немецкой тщательностью и педантичностью, хотя и с некоторым риском для себя лично, устроил себе журналистскую «крышу» во время тайного визита в Берлин в июне 1933 года. Во время своего пребывания в Японии именно как корреспондент газеты «Франкфуртер Цайтунг» он завоевал себе репутацию газетчика — специалиста по дальневосточным делам, и именно это его легальное занятие как нельзя более способствовало установлению дружеских отношений с сотрудниками германского посольства в Токио, что и обеспечивало Зорге настоящую «крышу».

Когда немцы, проводя в ноябре 1941 года официальное расследование, копались в прошлом Зорге, германский МИД пытался найти факты, которые помогли бы прояснить, как именно удалось Зорге стать сотрудником «Франкфуртер Цайтунг». Редактор газеты был тверд в своих заявлениях и в категорической форме отверг любые предположения, что Зорге имел какие-либо дела с газетой до своего отъезда в Японию.

«До марта 1936 года мы совершенно ничего не знали о жизни г-на Зорге в Токио. В марте мы получили от него письмо, датированное 4 февраля 1936 года и адресованное главному редактору д-ру Кирхнеру в Берлин. В этом письме г-н Зорге сообщал, что некоторые люди в германском посольстве в Токио обращали его внимание на тот факт, что у нашей газеты нет своего корреспондента в Японии, и потому он взял на себя смелость спросить, не будем ли мы заинтересованы в том, чтобы время от времени получать от него материалы по вопросам политики, экономики и общих тем, касающихся Японии и Маньчжурии. В случае если нам необходимы личные рекомендации, он перечислил следующих людей, готовых предоставить их нам: посол Дирксен и полковник Отт — военный атташе германского посольства в Токио. К письму была

приложена статья.

4 марта г-н Зорге, до сих пор не получивший ответа, отправил нам другую статью с кратким пояснительным письмом к ней. В своем ответе, датированном 4 апреля 1936 года, газета утверждала, что была бы рада, если бы г-н Зорге продолжил работу на нее, но просила высылать как можно больше статей описательного характера о Японии, если это возможно. Никаких других договоренностей больше не было. Время от времени г-н Зорге присылал свои статьи на разные темы, включая и некоторые весьма специфические, что высоко ценилось нашей редакцией. В письме, датированном 7 октября 1936 года, г-н Зорге сообщил, что подпись, которую мы выбрали для его статей — «от нашего корреспондента», его не устраивает и что он просит нас или отказаться от подписи вообще, или же выбрать какую-то другую, более обычную ссылку. Тогда газета ответила, что согласна была бы считать его своим корреспондентом, но сможет сделать это только в том случае, если будет уверена, что он состоит в Германской Ассоциации прессы. Позднее, 4 марта 1937 года, газета узнала от г-на Зорге, что он обратился с просьбой о приеме его в члены Ассоциации прессы, но что это дело долгое и требует времени. Здесь не было никаких трудностей объективного характера, и потому до окончания всех формальностей было бы разумно считать его сотрудником, а не корреспондентом. 28 марта 1937 года г-н Зорге сообщил, что для того чтобы ускорить свое вступление в Ассоциацию прессы, он обратился в германское посольство в Токио с просьбой помочь ему, снабдив некоторыми бумагами (он считался немцем, живущим за пределами Германии), и что посольство любезно обещало ему свою поддержку. Много времени спустя, 14 марта 1940 года, газета узнала, что г-н Зорге принят в Германскую Ассоциацию прессы в качестве журналиста.

Что касается каких-либо отношений контрактного характера между газетой и г-ном Зорге, можно сказать, что их не существовало. Более того, газета не запросила ни одной рекомендации из списка, перечисленного г-ном Зорге в феврале 1936 года, будучи уверенной, что г-н Зорге не стал бы перечислять этих людей, не будучи уверенным, что сможет получить их рекомендации. В ходе переписки с ним также выяснилось, что он часто посылает статьи в Германию через посольство. Более важным, однако, было впечатление, полученное и от переписки с г-ном Зорге, и от его журналистских работ, а именно, что он весьма серьезная и вдумчивая личность, одаренная как пониманием тонкостей газетной работы, так и политической проницательностью. Вдобавок из бесед с людьми,

вернувшимися из Японии, стало ясно, что Зорге действительно пользуется глубоким уважением в посольстве и считается одним из самых информированных людей в Токио.

Однако никакого соглашения, которое повлекло бы более близкие отношения с г-ном Зорге, не заключалось. В нескольких письмах ему дали понять, что его работы высоко ценятся в редакции. Он не получал какой-либо фиксированной оплаты, а лишь гонорар за каждую статью и телеграмму в отдельности. Телеграфных репортажей после начала войны стало больше. В июне 1941 года мы узнали, что г-н Зорге понес некоторые траты, когда ездил по делам газеты, и потому впоследствии он получал некоторую сумму на расходы, что давало ему возможность передвигаться более свободно в интересах газеты, ожидая окончательного решения вопроса сотрудничества с газетой.

Подводя итоги — можно с уверенностью утверждать, что до самого последнего времени г-н Зорге не являлся сотрудником «Франкфуртер Цайтунг» ни в юридическом, ни в официальном смысле. Тесные связи, сложившиеся за прошедшие годы, можно было приписать исключительно качеству его материалов. За все те годы, что прошли с его самых первых писем, газета никогда не наводила справки о нем, но г-н Зорге перечислил все рекомендации лишь в этих своих письмах. Любая устная информация, полученная нами позднее, лишь подтверждала наше впечатление о нем, как о человеке, пользующемся уважением и полным доверием в германском посольстве в Токио.

Все эти данные взяты нами из наших архивов, и они исчерпывающие, поскольку ничего больше в архивах нет».

После своего прибытия в Японию Зорге укрепил свою респектабельность в глазах публики, обратившись осенью 1933 года с просьбой о приеме в нацистскую партию, куда он был принят в октябре следующего года. И таким небрежным и поверхностным было отношение бюрократов в офисе зарубежных отделений партии в Берлине, что в партбилете Зорге, сохранившемся до настоящего времени, не было ничего, кроме его имени и адреса: «Токио, Китай» (позднее слово «Китай» зачеркнуто карандашом и вставлено «Япония»). Таков был официальный документ Зорге.

И завершил он создание своего имиджа благонадежного нацистского журналиста вступлением в 1940 году в Ассоциацию германской прессы, патронируемую нацистской партией.

Из всех остальных основных членов группы Зорге лишь у Клаузена возникли трудности с поисками подходящий «крыши». Одзаки с самого начала сотрудничал с «Асахи», самой уважаемой газетой Японии. Мияги, один из сотен соотечественников,

вернувшихся в Японию после пребывания в Соединенных Штатах, продолжал заниматься своим ремеслом художника. Вукелич, как **И** сам Зорге, договорился, что будет работать на западные газеты, а позднее устроился на работу во французское агентство новостей Гавас в Токио. Радист «Бернгард» занимался импортно-экспортным бизнесом в Йокохаме во время своего краткого и столь непродуктивного пребывания в Японии. Клаузен медлил с поисками подходящего занятия. Зорге «пытался найти легальную крышу для него», и Клаузен, наконец, организовал акционерное общество по производству и продаже приспособлений для изготовления «синек». Компания превратилась в акционерное общество с филиалом в Мукдене и выполняла работы по заказам большинства японских фирм и даже вооруженных сил. Однако бизнес этот имел недостаток с точки зрения шпионажа, поскольку вел к достижению финансового успеха. Именно это наряду с упорным сопротивлением жены Анны подпольной работе Клаузена в конечном счете крепко мешало Клаузену, лишая его энергии и снижая его эффективность в качестве члена шпионской группы.

Когда в ноябре 1935 года Клаузен прибыл в Японию, Зорге проинструктировал его о главной задаче — устройстве радиоприемника. Еще в Москве Клаузен обсудил со своим предшественником «Бернгардом» возможность покупки необходимых для этого деталей в Токио. Две электронные лампы он привез из Америки, а нужно было еще десять. Эти и другие необходимые элементы он сумел собрать, пройдясь по магазинам на Гиндзе, торгующим радиодеталями. Он также приобрел медную проволоку в магазине скобяных товаров, чтобы сделать катушки. Как один из самых опытных инструкторов московской радиошколы и изобретатель улучшенного радиопередатчика для подпольной работы Клаузен был очень компетентным в своей работе, равно как и в знании практических оперативных условий, приобретенном еще во времена китайской миссии.

Поначалу он достаточно бодро встречал практические трудности, возникавшие во время работы, его первой задачей было избавиться от неуклюжего радиопередатчика, сделанного «Бернгардом» дома, для чего они вместе с Вукеличем предприняли путешествие на яхте по озеру Яма-нака, где и утопили старый передатчик на глубоком месте. Это случилось в мае 1936 года, и сам Клаузен так описывает его:

«Радиопередатчик, оставленный моим предшественником «Бернгардом» в доме Вукелича, был так неуклюж и так бросался в глаза, что мы решили, что лучше избавиться от него. Мы с Вукеличем решили утопить его в ближайшем озере и однажды

около семи часов утра сели на трамвай в Синдзюку, одетые, как туристы, у каждого в руках палка, на спине — рюкзак. В рюкзаках — радиоприемник, три передатчика и другие части. Нас беспокоила возможность проверки багажа в пути, но все прошло благополучно, и на станции Отцуки мы пересели на электричку, доставившую нас в Йосиду, откуда мы на такси доехали до отеля на озере Яманаки. Служащие отеля, пытавшиеся помочь нам занести рюкзаки, были удивлены их тяжестью и поинтересовались, что в них. Вопрос застал нас врасплох, но мы сумели сохранить спокойствие и без колебаний ответили: «Мы привезли с собой дюжину бутылок пива». «У нас вдоволь хватает пива», — сказали они, торопливо идя к нашему номеру с багажом. Мы опасались, как бы кто-нибудь не обнаружил, что у нас в рюкзаках на самом деле и не известил полицию, а потому, обсудив положение, выехали на середину озера в нанятой нами лодке и утопили в нем весь наш багаж, после чего вернулись в Токио, сбросив это по-настоящему тяжкое бремя со своих душ. Позднее, когда я рассказал Зорге об этом, он резко заметил: «Вам следовало избавиться от груза в Токио, вместо того чтобы ехать так далеко».

К середине февраля 1936 года Клаузен собрал радиоприемник и Зорге велел ему начинать вести передачи из дома Гюнтера Штайна. Клаузен всякий раз носил приемник и передатчик в черной сумке из своего дома в дом Штайна. Передатчик был установлен с внутренней антенной, чтобы не привлекать внимания с улицы, на втором этаже дома, во избежание воздействия земного магнетизма. Клаузену требовалось не более десяти минут, чтобы подготовить передатчик к работе, и менее пяти, чтобы разобрать его. До августа 1938 года, когда Штайн уехал из Японии, Клаузен регулярно вел передачи из его дома. Впоследствии он вел передачи из своего дома, из дома Вукелича, а также из дома бывшей жены Вукелича — Эдит, постоянно меняя адреса, чтобы избежать перехвата. Его учеба в Москве и опыт, приобретенный в Китае, позволили ему так выбирать места в густонаселенных районах города, чтобы запутать направление поиска для японских служб безопасности, а вел он сеансы связи со вторых этажей деревянных домов, чтобы облегчить передачу и ограничить магнитные помехи, так мешавшие ему в начале его деятельности в Кантоне и Шанхае.

Радиодеятельность Клаузена в Токио с технической точки зрения можно считать великолепной работой, а также ценным опытом и образцом для всей советской шпионской сети в целом. В одном из сообщений, полученных Клаузеном в сентябре 1938

года, начальство Клаузена проявило горячую заинтересованность в распространении его оригинального японского опыта. «Где и как вы держите радиопередатчик? Сколько и какие дома используете вы для своей радиодеятельности? Где можно приобрести материал? Какие части лучше всего? Может ли радиопередатчик действовать из японских домов и ферм? Как маскируются эти передачи? Похоже, что это очень трудная деятельность. Что сделать для преодоления этих трудностей?»

Точное местоположение станции, которая контролировала нелегальные миссии 4-го Управления за границей, не было известно радистам, они знали ее лишь под кодовым названием «Висбаден».

По данным японского Министерства связи, чьи специальные службы в начале 1937 года перехватили несколько сообщений между «Висбаденом» и неустановленным передатчиком в Токио, первая станция до 1940 года располагалась в районе Шанхая. Это была, по техническим причинам, ретрансляционная станция, которая передавала сообщения на главную станцию, находившуюся на советском Дальнем Востоке, скорее всего во Владивостоке или Хабаровске. После 1940 года связь поддерживалась непосредственно между Владивостоком и передатчиком Клаузена в Токио[87].

В течение первых двух лет радиообмен проходил с перерывами и каждый радиоконтакт происходил по инициативе советской стороны. Однако в июле 1938 года Клаузен получил следующее сообщение: «С 1 августа мы готовы принимать ваши сообщения в течение первых пятнадцати минут в начале каждого часа»[88].

Позывными служили сигналы, присваиваемые китайским любительским станциям согласно международной конвенции. Контакт был ровный, спокойный и обычно устанавливался в течение первых десяти минут связи. Таким образом, Клаузен и его советская база работали как бы на любительской основе на нелегальных разноволновых частотах. Хотя некоторые сообщения и были перехвачены японскими службами, они не смогли дешифровать их или установить местонахождение передающей станции в районе Токио. Японцам не хватало передвижного оборудования для проведения радиопатрулирования, а имеющаяся техника из фиксированной точки города никогда не сужала радиус поиска менее чем до двух километров.

Кроме сообщений, посылаемых по радио, группа Зорге поддерживала связь с Москвой с помощью курьеров через Шанхай или Гонконг. При встречах советским агентам передавались громоздкие микрофильмированные отчеты, а деньги — группе

Зорге.

Клаузен, например, совершил две таких поездки. В июле 1936 Зорге сказал ему, что, согласно указаниям из Москвы, некоторые фильмы, «представлявшие собой фотокопии ценных документов из германского посольства», следует передать в один из книжных магазинов в Шанхае. Клаузена заранее проинструктировали, что он должен передать материал женщине-управляющей, неизвестной Клаузену. Это был книжный магазин «Зайтгаст», который содержала миссис Ирэн Вайдмейер и который служил «почтовым ящиком» и местом встреч для советских агентов на Дальнем Востоке. Зорге активно пользовался им в годы своей миссии в Китае.

Отправляясь во второе путешествие в июне 1939 года, Клаузен получил подробные инструкции относительно контакта с советским курьером, который должен был состояться на первом этаже кафе в «Палас-отеле» в Шанхае. «Чтобы мы могли узнать друг друга, я должен был положить на столе по левую руку зеленую книгу, а у связника должна была справа лежать желтая книга и пара перчаток». Никакого контакта не последовало, но оба запомнили друг друга в лицо и вечером встретились на улице во французской концессии. Клаузен должен был обратиться к незнакомцу и спросить у него, как пройти к такой-то улице. Последовал быстрый обмен — пакет с восемнадцатью или девятнадцатью роликами микропленки на пакет с шестью тысячами долларов США. Клаузен так описывает эту встречу: «Связнику было лет сорок-сорок пять, был он широкоплечий русский или прибалт. Он подъехал один к улице, где мы должны были встретиться, и ждал меня, и, как только мы закончили дело, сразу уехал. Никакой личной беседы, конечно же, не было».

Жена Клаузена Анна также, хоть и неохотно, но выполняла обязанности курьера и ездила в Шанхай и Гонконг два раза — в 1937 и 1938 годах.

Представители специальных советских учреждений, работавшие за границей, обычно получали точные рутинные инструкции не иметь контактов с дипломатическими миссиями советского правительства в тех странах, где они действуют. Однако после начала войны в Европе в сентябре 1939 года и возросшего риска поездок в Международный сеттльмент в Шанхае и в британскую колонию Гонконг Зорге проинструктировали о необходимости установления контактов с советскими эмиссарами в Японии.

В январе 1940 года из Москвы были получены следующие инструкции, адресованные Клаузену: «Отныне вы будете получать деньги и поддерживать связь через товарища в Токио. Он

пришлет вам два билета в Императорский театр. Человек, который сядет рядом с вами, будет вашим товарищем». Вскоре в почтовом ящике Клаузена на центральной почте появились два билета и он вместе с женой отправился на рандеву. В темноте зрительного зала сосед Клаузена передал ему белый носовой платок с банкнотами и ушел.

Подобный контакт в другом театре позволил Клаузену передать семьдесят роликов микрофильмов и получить деньги. В другом случае, поскольку Клаузен был болен, Зорге сам отправился на встречу. По инструкциям, полученным вскоре по радио, Клаузен отправился в ресторан, где его ждали двое, которые, как ему сказали, и будут отныне его связниками.

Дальнейшие встречи проходили или дома у Клаузена,

или в его офисе. Русский связник назвался «Сержем», и из беседы с ним Клаузен сделал вывод, что перед ним — сотрудник советского посольства в Токио. Поскольку активность группы Зорге после начала войны в Европе возросла в связи с ростом потребности Советского Союза в точный и подробной информации о намерениях Японии в отношении России, встречи между «Сержем» и Клаузеном стали более частыми.

Однажды, 6 августа 1941 года, состоялась встреча между «Сержем» и Клаузеном в офисе последнего, на которой присутствовал и Зорге. «Кажется, «Серж» и Зорге спорили о русско-германской войне. «Серж» говорил, что он узнал Зорге по фотографии, которую видел в Москве».

Последний раз Клаузен встречался с «Сержем» 1 октября 1941 года, когда передал ему карту районов Токио, Кавасаки и Йокохамы, на которой были отмечены расположение точек ПВО и прожекторов. Это оказалось последним заданием Клаузена. Следующая встреча была назначена на 20 ноября, но Клаузен на нее не пришел, 18 октября его арестовали.

В ходе дознания японские следователи показали ему две фотографии. На одной из них был изображен первый связник Клаузена в Империал-театре, идентифицированный японцами как советник посольства Советского Союза по фамилии Вукевич. Другой связник — «Серж» — оказался вторым секретарем советского посольства Виктором Сергеевичем Зайцевым, сотрудником русской военной разведки[89].

После арестов членов группы Зорге Зайцев тихо покинул Японию. В 1943 году он появился к качестве «второго секретаря» советского посольства в Канберре, откуда позднее сбежал его коллега Петров[90]. В 1947 году он был аккредитован в качестве пресс-атташе советского посольства в Вашингтоне. К этому времени американские власти еще находились на ранних стадиях

расследования дела Зорге, и сомнительно, чтобы существовала какая-то явная связь между советским пресс-атташе в Вашингтоне и Рихардом Зорге.

«Прежде чем я отправился в Китай и Японию, — признавался Зорге, — мне показали шифры, которыми я должен буду пользоваться. Ко мне в номер отеля пришел человек из 4-го Управления, и мы целый день просидели вместе, изучая инструкции».

Работа по шифровке и дешифровке сообщений была одним из наиболее охраняемых секретов. Ответственным за нее был глава каждой миссии, работающей за границей. Система, которой пользовались советские агенты, основывалось на простой схеме замены букв алфавита одинарными или двузначными цифрами. Такой шифр легко можно было запомнить. А для того чтобы усложнить расшифровку кода, добавлялся еще произвольный список цифр к шифру закодированного послания, которые брались наугад со страниц Германского статистического ежегодника, точный отрывок которого указывался в сообщении.

Остроумие этой системы заключалось в бесконечном множестве цифр, имеющихся в книге, а также в том, что ежегодник этот можно было найти почти в каждом немецком доме в Токио, так что использование его не вызывало подозрений, а все сообщения сжигались после получения или передачи, чтобы обыск в доме не дал полиции ключа к разгадке шифра.

Поскольку объем работы, а следовательно, и количество радиосообщений в группе увеличились, Зорге после 1938 года получил из Москвы разрешение в виде исключения обучить шифровальной работе Клаузена.

Система доказала свою надежность за время оперативной деятельности группы, и нет свидетельств, позволяющих предположить, что японцы в то время добились успеха в расшифровке этих сообщений.

Поначалу группа Зорге в Японии финансировалась из Москвы путем передачи наличных через советских курьеров в ходе заранее назначенных встреч в Шанхае или Гонконге, или чеками, пересылаемыми через Национальный Сити-банк Нью-Йорка или Американский Экспресс на частные счета в японских банках, а после 1940 года через тайные встречи с представителями советского посольства в Токио[91]. Клаузен отвечал за отчеты, которые в виде фотокопий отправлялись раз или два в месяц в Москву курьером. За период между 1936 и 1941 годами общая сумма денег; полученных группой Зорге, составила около сорока тысяч долларов.

Сначала в 4-м Управлении сказали Зорге, что он не должен тратить более тысячи долларов в месяц на расходы группы. И эта скудная сумма тратилась главным образом на оплату жилья и текущие расходы основных членов группы. Одзаки не получал никакой платы, кроме как на поездки. Небольшие суммы необходимо было тратить на покупку запчастей к радиопередатчику, а также на случайные выплаты второстепенным информаторам, работавшим на Одзаки и Мияги. Зорге, Вукелич и Одзаки жили на свои журналистские заработки, Мияги зарабатывал как художник, Клаузен — как бизнесмен.

Зорге никогда не располагал значительными суммами денег из Москвы, чтобы оплатить малейшие непредвиденные траты. Когда после развода супруги Вукелич решили отправить Эдит в Австралию, сумма в четыреста долларов была специально согласована с Москвой и выплачена через Зайцева в Токио.

Даже первоначальная смета в тысячу долларов в месяц последовательно урезалась, и Зорге велели быть экономнее. Клаузен получил по радио распоряжение использовать прибыль его фирмы «в качестве источника средств для группы», и это решение 4-го Управления усилило разочарование Клаузена в коммунистической идеологии. С этого момента он стал лениться при составлении отчетов и, что хуже всего, медлить с уничтожением уже отправленных и полученных сообщений, а также ожидающих своей отправки по радио. Таким образом, финансовая мелочность советского учреждения непосредственно привела к возникновению риска и обеспечила японской полиции ключевое доказательство, полученное в результате обыска дома Клаузена при его аресте.

Лишь сам Зорге и Клаузен, завербованные непосредственно 4-м Управлением в Германии, знали свое начальство. Мияги действовал в японской секции Американской коммунистической партии, и назначение на «краткую миссию» в Японию состоялось через неустановленного агента Коминтерна. Он порвал все связи с американской партией и имел четкие инструкции, предписывающие не поддерживать никаких контактов с японскими товарищами в Токио.

Сначала Мияги считал, что они с Зорге — единственные члены группы, но время шло, и вскоре он познакомился с Вукеличем, Одзаки и Клаузеном, которых представили ему как членов группы.

Вукелич, как и Мияги, был уверен, что его завербовали в Париже в организацию, непосредственно подчинявшуюся Коминтерну и не имевшую никаких связей с национальными

коммунистическими партиями. «Зорге никогда не говорил об истинном характере нашей организации».

У Одзаки сложилось куда более определенное впечатление о работе группы. Он уже узнал от Агнес Смедли в Шанхае, что в советских службах в Москве его зарегистрировали под кодовым именем «Отто» и что он работал на одну из секций Коминтерна.

По причинам практического характера, а именно: безопасности организации, Зорге ограничил контакты между ее членами. Клаузен как радист и казначей знал, по крайней мере, псевдонимы и кодовые имена каждого члена, но даже ему не было известно настоящее имя Одзаки до последних дней существования группы, а имя Мияги он узнал только после его ареста. Одзаки лишь однажды встречался с Клаузеном и не знал его имени. Он также никогда не встречался с Вукеличем.

Встречи Зорге с помощниками всегда были тщательно спланированы. Лишь он один поддерживал непосредственную связь с каждым из основных членов группы. Когда дело касалось Клаузена — трудностей было не так много: оба они были членами Немецкого клуба в Токио и не было ничего странного во встречах соотечественников. Самые важные встречи происходили в доме у Зорге, и единственным опасным моментом была передача документальных материалов, а также возможность рутинной бюрократической проверки, которую могла предпринять японская полиция в отношении машины Клаузена. Клаузен хорошо натренировался в использовании разных маршрутов при поездках к дому Зорге. Был у них и условный знак, наличие которого на доме Зорге говорило о присутствии там женщины. Как сказал однажды Клаузену сам Зорге, «когда у меня над дверью горит лампа, пожалуйста, не входите ко мне, потому что это означает, что у меня посетитель».

В основном все встречи назначались заранее и часто по телефону.

Зорге и Вукелич были коллегами — оба иностранные журналисты, и они часто, не таясь, встречались в доме последнего до его развода с Эдит. Да и, похоже, не было особого смысла в неукоснительном соблюдении правил безопасности в обычных контактах трех европейцев — членов группы. Как писал Зорге, «строгая приверженность этому теоретическому принципу была затруднительной и представляла собой пустую трату времени».

Встречи между европейскими и японскими агентами представляли собой куда более серьезный риск просто потому, что у полиции была привычка не поощрять общение между иностранцами и местным населением.

Зорге предусмотрительно держал, насколько это было возможно, контакты с Одзаки и Мияги в собственных руках и тщательно обговаривал встречи, которые происходили обычно в токийских ресторанах, причем места встреч часто менялись, «но со временем найти подходящее место становилось все труднее».

Зорге и Одзаки регулярно встречались раз в месяц, однако в связи с ростом объема работы под влиянием международных событий они были вынуждены встречаться чаще. После нападения Германии на Россию они стали встречаться по понедельникам. Обычно Одзаки заказывал столик на свое собственное имя, а иногда они встречались в ресторане «Азия», расположенном в здании ЮМЖД, где у Одзаки был собственный кабинет.

После начала войны в Европе группа решила, что из-за усиления слежки за иностранцами в Токио самое безопасное было бы встречаться в доме Зорге. И хотя дом этот располагался по соседству с полицейским участком и явно находился под постоянным наблюдением для Одзаки, как ведущего газетчика, не было ничего неестественного во встречах с известным немецким коллегой, и риск оказаться подслушанными в частном доме был намного меньше, нежели в японском ресторане.

Одзаки и Мияги продолжали часто встречаться в ресторанах и со временем придумали «крышу», которая дала возможность Мияги посещать дом Одзаки: художник стал давать уроки рисования дочери Одзаки.

На протяжении всех девяти лет деятельности группы — за исключением, возможно, последних месяцев — нет данных о том, что передвижения ее главных членов и их встречи были предметом какого-либо специального наблюдения или подозрения со стороны японской полиции.

Главной и постоянной опасностью, висевшей над ежедневной деятельностью каждого члена группы, была опасность обнаружения компрометирующего материала в результате случайной или обычной проверки в машине или на дому одного из членов группы.

И Клаузен, вероятно, был здесь самым уязвимым. Во время своих частых поездок на машине ему приходилось возить с собой передатчик в большой черной сумке в различные частные дома, откуда он вел передачи. У него было несколько опасных эпизодов.

Один такой эпизод произошел осенью 1937 года.

«Я, как обычно, взял такси по соседству, чтобы отправиться на радиосеанс с Москвой и, прибыв к дому Вукелича где-то около двух или трех часов дня, обнаружил, что исчез большой черный бумажник, который я положил в левый карман брюк. Я пулей

вылетел обратно на улицу, однако такси уже исчезло, в бумажнике находились 230 иен в японской валюте, мое водительское удостоверение с фотографией, а также написанный Зорге по-английски финансовый отчет, который мы должны были отправить в Москву. Его нужно было сфотографировать в доме Вукелича. Все остальные зашифрованные сообщения, к счастью, были тщательно упрятаны в моей старой черной сумке. Я, должно быть, забыл свой бумажник в машине, поскольку был уверен, что доставал и открывал его. Конечно, я не помнил номера этой машины. Я не знал, что мне делать, и потому сказал Вукели-чу, что потерял бумажник и большую сумму денег и попросил совета. Он был болтливый по натуре, и я боялся, что он расскажет Зорге о финансовом отчете, а потому и не сказал ему о нем. На следующий день я набрался дерзости и сообщил о моей пропаже в департамент потерь и находок при городской полиции. Я сказал, что потерял некоторую сумму в японской валюте, мои водительские права и пачку бумаг, написанных по-английски. Бумажник так никогда и не нашли, и в течение нескольких дней я пребывал в состоянии постоянного беспокойства».

Одзаки снабжал Зорге в высшей степени важной информацией, полученной в японских правительственных кругах, но всегда настаивал, что делать он это будет только устно. И после бесед Зорге записывал их содержание и готовил сообщения для передачи по радио в Москву. Те документы и материалы, что время от времени доставал Одзаки, передавались Мияги для перевода на английский и лишь после этого попадали к Зорге.

Материалы, которые Зорге удавалось получить в германском посольстве, или микрофильмировались им самим у него в доме, или же этим занимался Вукелич, если бумаги на время попадали к нему, а затем вместе с другим «заимствованным» документальным материалом, собранным группой, передавались время от времени советским курьерам на предварительно согласованных встречах.

Конвейер этот работал гладко, без сучка и задоринки до самого ареста группы, когда компрометирующий материал был найден в доме одного из главных членов организации, что и послужило основанием для проведения предварительного расследования и допросов.

Теоретически риск для группы усиливался и тем, что в ее работе в той или иной степени принимали участие женщины. Находясь в тюрьме, Зорге самодовольно писал: «Женщины абсолютно непригодны для шпионажа. Они не разбираются ни в политике, ни в других вопросах, и я никогда не получал от них удовлетворительной информации. И поскольку они были для

меня бесполезны, я никогда не привлекал их для работы в своей группе».

Похоже на правду, что в обширных связях Зорге с женщинами во время его пребывания в Токио не было никакого элемента шпионажа и что его личные дела никогда не имели ничего общего с его подпольной деятельностью.

Группа Зорге имела возможность действовать безнаказанно, но за единственным исключением — японские специалисты по связи перехватывали неустановленные сообщения в течение восьми лет. Технические достижения группы были превосходны. Как позднее писал Зорге: «Я и сам был удивлен, что мы занимались секретной работой в Японии в течение многих лет и ни разу не попались властям. Я уверен, что моя группа (ее иностранные члены) и я сам избежали этого, потому что у нас у всех было легальное занятие, которое обеспечивало нам хорошее социальное положение и вызывало доверие к нам. Я уверен, что все члены иностранных шпионских групп должны быть кем-то вроде корреспондентов, миссионеров, представителей делового мира и т. д. Полиция не обращала на нас особого внимания и лишь посылала к нам в дом людей в штатском, которые расспрашивали наших слуг. Я никогда не боялся, что наша секретная работа будет выдана иностранными членами нашей группы, но меня беспокоило то огромное количество возможностей быть обнаруженным через наших японских агентов, и, как я и ожидал, так оно и случилось».

Глава 13. СИБИРЬ ИЛИ ТИХИЙ ОКЕАН? ТРИУМФ В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Это выражение — «перманентная экспансия» — мое собственное изобретение. Мне навеяло его высказывание Троцкого «перманентная революция».

Из выступления Зорге на суде

ОТ НАЧАЛА ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ (СЕНТЯБРЬ 1939) ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ МАЦУОКИ ИЗ ЕВРОПЫ (АПРЕЛЬ 1941)

Когда в сентябре 1939 года в Европе разразилась война, Зорге впервые стал официально сотрудничать с германским посольством, занявшись редактированием выпускаемого посольством бюллетеня новостей, составлявшегося из телеграмм, полученных от официальной службы новостей из Берлина, а по вечерам отдыхал от дневной рутины, расслабляясь в барах Токио. Ему выделили небольшой кабинет на втором этаже старого здания канцелярии по соседству с комнатой прослушивания и радиоперехвата ДНБ — официального германского агентства новостей. Зорге ежедневно приходил сюда в шесть часов утра и оставался до десяти. «Первое, что я делал, это сортировал поступившие телеграммы, выбирая наиболее важные из них, чтобы показать руководящим сотрудникам посольства. А затем готовил выдержки для пресс-релиза, выпускаемого для живущих в Японии немцев, а также текст заявления для японской прессы».

Ему платили за эту работу, но никакого официального статуса в посольстве она ему не давала. По словам самого

Зорге, ему много раз предлагали поступить в штат, но он упорно отказывался. «МИД в Берлине (начиная с 1939 года) оказывал давление на Отта с тем, чтобы он взял меня на довольно высокий пост — заведующего информацией и отношениями с прессой. Однако я продолжал отказываться. В конце концов Отт стал даже обижаться, и потому я пообещал ему, что продолжу выступать в роли его личного советника».

У Зорге была одна особая причина для того, чтобы отклонять все предложения об официальном назначении в Японии. Он не только чувствовал, что «официальные обязанности будут мешать

моей работе на Москву. Я также боялся, что в ходе неизбежной проверки службами безопасности могут всплыть некоторые подробности моего прошлого, прежде чем я буду назначен сотрудником дипломатического ведомства».

В любом случае отношения Зорге с послом и высшими чинами посольства имели особую, если не оказать неопределенную природу. Начало военных действий в Европе, естественно, привело к росту близости между ними и частым ежедневным дискуссиям о развитии событий в Японии и на европейской сцене. И Зорге, без сомнения, являл собой исключительно ценный источник информации для германского посольства. Отту было прекрасно известно, что у Зорге были свои особые связи среди советников принца Коноэ и что он специально изучал советские дела.

Как позднее писал Зорге:

«Я уверен, что я немало привлекал их, поскольку не хотел занимать какую-либо должность в посольстве и еще потому, что у меня были определенные знания и остроумные суждения по политическим, экономическим и военным проблемам. Я также был достаточно сведущ в истории и философии и был, пожалуй, единственным немцем из числа близких к посольству людей, который интересовался серьезными академическими книгами, часто поступавшими в посольство из Германии. Обычно я заимствовал их и забирал домой, чтобы прочитать».

Это, конечно, не могло не произвести впечатления на посла и его жену.

Зорге утверждал, что его взглядами постоянно интересовались высшие чины посольства. «Например, они говорили мне, что у них есть такая-то и такая-то информация, и что, мол, я об этом думаю». Время от времени и сам посол показывал Зорге наброски телеграмм и спрашивал его, не нужно ли внести какие-либо изменения. «Таким образом я узнавал содержание многих важных телеграмм и депеш. Иногда мои взгляды вызывали дискуссии, в ходе которых я получал дополнительную информацию».

Во время поездки в Москву в 1935 году Зорге получил указание сосредоточиться на том, чтобы войти в доверие в германском посольстве в Токио, а также получил разрешение передавать некоторое количество информации посольству. Таким образом, на этой стадии Зорге уже мог использовать на полную «катушку» свое проникновение в круги германского посольства после долгого периода тщательной подготовки.

Однако московский Центр, похоже, демонстрировал ограниченное понимание тех трудностей технического и

практического характера, которые заключала в себе эта предварительная задача, и с началом военных действий в Европе начальство Зорге проявляло признаки неразумной поспешности в своем стремлении получать разведданные высокого уровня от группы Зорге.

1 сентября 1939 года Зорге получил следующее сообщение из Москвы:

«Качество вашей информации о текущих военных и политических проблемах в течение лета постепенно становилось все хуже. За этот период Япония предприняла ряд важных шагов в подготовке нападения на Советский Союз, но мы не получили от вас никакой сколько-нибудь значительной информации. Поскольку германское посольство хорошо информировано по этой теме, будьте добры получить информацию у них и сообщить нам по радио, не откладывая. Поскольку вы очень опытны в своей работе и ваше положение в посольстве необычайно высоко, мы просим и ожидаем обширной, достаточно свежей информации от вас по военным и политическим проблемам. Но вы остаетесь в стороне, посылая нам информацию, не представляющую особой ценности.

Мой дорогой Рамзай, я вновь обращаюсь к вам с просьбой изменить ваш метод собирания информации… Так и только так ваше пребывание в Японии будет иметь хоть какую-то ценность для нашей работы. Чтобы получить информацию лучшего качества, следовало бы полнее использовать возможности Джо (Мияги), Мики (Коширо)[92] и Отто (Одзаки). Платите им вне зависимости от того, выполнили они свою работу или нет. Вы должны обдумать важность вашей работы… Мы уверены, что вы бесконечно преданы своей Родине. И мы чувствуем, что вы можете работать лучше. Подтвердите, пожалуйста, получение».

В тот же день поступило другое сообщение:

«Два месяца назад я указал, что вашей самой непосредственной и важной проблемой было воспользоваться услугами нескольких японских армейских офицеров, но до настоящего времени не получил ответа… Я считаю эту работу жизненно важной для решения проблемы. Будьте добры телеграфировать наблюдения и планы. Уверен, что вы добьетесь в этом успеха».

Оба послания подписаны «Директор», что означало, что они исходят лично от начальника 4-го Управления[93].

Нет никаких следов ответа Зорге на эти размышления о его миссии. Он уже предупредил свое начальство, что организация полноценной действующей группы в Японии требует времени. Да, ему потребовалось пять лет проб и экспериментов, чтобы

установить радиосвязь с помощью передатчика Клаузена. Но теперь Зорге был готов и не нуждался в подобных понуканиях.

В месяцы, предшествующие сентябрю 1939 года, центральным пунктом интереса или, выражаясь языком политической разведки, первоочередной задачей миссии Зорге был ход японо-германских переговоров, направленных на создание политического и военного союза. Переговоры были начаты по предложению германской стороны, однако продвигались медленно, с большим трудом. Япония была не готова к войне с другими странами, кроме Китая, тогда как все предложения Германии в ходе этих переговоров были направлены на то, чтобы втянуть Японию в войну против Британии на Дальнем Востоке.

Вот как сам Зорге описывает эти трудности:

«Выдвигая предложения о союзе, германское правительство имело в виду войну против Англии. Но была и другая причина, побуждавшая Германию желать сделать из Англии мишень для предполагаемого союза… Германия уже засекретила все свои действия, направленные на сближение с Советским Союзом. Отт намекнул мне, что это сближение может привести не только к Пакту о нейтралитете, но даже к германо-советскому военному союзу».

Отказ японского кабинета рассмотреть на данном этапе возможность заключения пакта с Германией, направленного против Англии, оказал непосредственное воздействие на принятое в августе 1939 года решение заключить нацистско-советский пакт.

Русские проявляли естественный и жгучий интерес к японо-германским переговорам. Если предполагаемый альянс будет направлен прямо против Советского Союза, «русские прервут свои секретные переговоры с немцами. Но Советский Союз был информирован мною, что предполагаемый альянс был направлен против Англии, а не Советского Союза, и потому русские решили заключить пакт с Германией».

На протяжении нескольких месяцев Зорге часто слышал от Отта о японо-германских переговорах и докладывал о них в Москву «всякий раз, когда получал какую-либо информацию».

С началом военных действий в Европе германское посольство принялось систематически отслеживать японскую реакцию «во всех слоях населения и среди представителей всех оттенков политических мнений». Отт слал в Германию бесчисленные отчеты о своих разговорах с членами японского правительства и об информации, полученной из других источников, которая была

собрана высшими чиновниками посольства. Зорге утверждал, что ему показывали эти отчеты и он «несколько раз» передавал их по радио в Москву в сжатом виде.

Из материалов следствия по его делу становится ясно, что отчеты представляли собой информацию весьма общего характера и были довольно несущественными по содержанию. Было ясно, что политические и военные круги Японии разделились в своей ответной реакции, и что нацистско-советский пакт произвел резкое и негативное впечатление и способствовал росту влияния пробританских и проамериканских сил в Токио, и что идея вступления в европейскую войну не имела поддержки в высших кругах японского правительства.

Тесная взаимозависимость японской военной мощи и курса ее внешней политики была очевидной, и потому стала главным предметом для изучения группой Зорге. Еще со времен китайского инцидента в 1937 году германское посольство вело систематическое изучение организационных и военных возможностей японской армии. Всякий раз, когда в Китае начинались военные действия, в посольстве составляли подробную военную оценку, и каждый месяц в Берлин с курьером отправлялся отчет после серии регулярных встреч между Оттом и тогдашним военным атташе Шоллем, на которых, по утверждению Зорге, он также непременно присутствовал. Зорге фотографировал эти документы и отправлял микрофильмы в Москву. В посольстве также освещалась реорганизация японской армии, начавшаяся в 1938 году.

Эта «исследовательская группа посольства», похоже, действовала в неизменном составе до конца 1939 или начала 1940 года, когда Шолль вернулся в Германию. Его близкие отношения о Зорге, основанные на их службе в одном и том же полку в Первую мировую войну, были существенным аспектом проникновения последнего в военную деятельность посольства. В начале этого периода Зорге проверял ту военную информацию, что получал от Мияги, предлагая ее исследовательской группе, однако, когда встречи этой неформальной организации прекратились, в отчетах Зорге временно зазияли существенные пробелы, что не осталось незамеченным в Москве.

В феврале и марте 1940 года в адрес Зорге пошли радиограммы с требованием более подробной информации по военным и военно-морским вооружениям и о военном производстве в оборонной промышленности. 25 мая поступила следующая суровая критика работы группы:

«Ваша второстепенная миссия, которая по важности следует за вашей первоочередной миссией, должна удовлетворять

следующим требованиям: нам необходимы документы, материалы и информация, касающиеся реорганизации японской армии. В каких соединениях введена новая организация? Какие соединения реорганизованы в первую очередь? Каковы названия новых полков? Кто их командиры? Нам бы очень хотелось иметь подробную информацию, касающуюся изменений в японской внешней политике. Отчеты, следующие за событиями, нас не устраивают. Нам необходима предваряющая события информация».

За первые месяцы 1940 года Зорге переложил главное бремя сбора военной информации на Одзаки и Мияги и после отъезда Шолля мог уже меньше полагаться — по крайней мере, в течение какого-то времени — на источники в германском посольстве.

Назначение Мацуоки на пост министра иностранных дел в составе второго Кабинета Коноэ в июле 1940 года символизировало собой новую, позитивную стадию в продвижении к официальному альянсу с Германией. После предварительного обмена мнениями в Токио с Оттом и бесед с германским правительством и Осимой в Берлине, специальный посланник Риббентропа по дальневосточным делам Генрих Георг Стамер в начале сентября выехал в Токио для проведения переговоров. И после четырех недель напряженных дискуссий в Токио был подписан Тройственный союз, к которому присоединилась и Италия. Суть этой сделки состояла в том, что альянс должен был быть направлен против Англии, а в случае если Соединенные Штаты вступят в войну против Германии, то и против них.

О существе этих переговоров Зорге узнал и от Отта, и от Стамера и подчеркнул в сообщении в Москву, что в первую очередь этот альянс направлен против Англии.

Главной задачей Германии отныне стало втянуть Японию в войну против Англии. Поскольку первая попытка вторжения на Британские острова оказалась неудачной, лишь путем начала военных действий на Дальнем Востоке можно было переломить патовую ситуацию, сложившуюся в Европе. Зорге так описал создавшееся положение: «Немцы были уверены, что японское нападение на Сингапур привело бы к сокращению британских военно-морских сил в Средиземном море и Атлантике, что позволило бы Германии осуществить вторжение на Британские острова».

Отт получил из Берлина официальные инструкции, предписывающие ему попытаться убедить японское правительство напасть на Сингапур. В течение целой недели они с военным атташе едва ли не каждый день встречались в посольстве, чтобы

изучить на песчаных макетах и моделях те действия, которые необходимо предпринять для нападения на Сингапур. Зорге утверждал, что он не присутствовал на этих встречах, хотя есть показания очевидцев, что, по крайней мере, однажды он изучал макет и обсуждал план с послом.

Выводы из этого изучения были переданы германскими атташе в штаб-квартиры японской армии и военно-морского флота, но «они были встречены улыбками, и немцы так и не смогли получить какой-либо определенный ответ».

Из этого Зорге сделал вывод, что «ситуация в Германии, должно быть, такова, что настоятельно требует японского участия в войне против Британии. Позднее я обнаружил, что Германия уже решилась на войну против России и не могла позволить Англии получить передышку».

Во время подписания Тройственного пакта Риббентроп, обмениваясь приветствиями по радиотелефону, передал Мацуоке приглашение посетить Европу. Японский кабинет и главы военных ведомств разделились в своем отношении к подобному визиту, и потребовалась серия правительственных совещаний, прежде чем Мацуока вылетел в Берлин в марте 1941 года, через несколько дней после отлета в Берлин посла Отга. Мацуока вез с собой категоричные и ограничительные инструкции.

Одзаки был достаточно информирован своим другом Сайондзи Кинкацу о дискуссиях среди членов Кабинета Коноэ по поводу визита Мацуоки в Европу. Круг принца Коноэ мало чего ждал от этого предприятия. Сайондзи, входивший в состав делегации, сказал Одзаки: «Самое большее, на что мы можем надеяться, это на то, что этот визит, способствуя лучшему знакомству Мацуоки с европейской ситуацией, сможет помочь сделать правильный выбор направления внешней политики в будущем».

Инструкции предписывали Мацуоке не подписывать никаких официальных договоров в Германии или Италии и не брать на себя никаких обязательств от имени Японии. Он должен был изучить ситуацию в Европе как частное лицо и выслушать доводы и пожелания немцев и итальянцев. На обратном пути домой он должен был заехать в Москву, где ему было позволено начать переговоры с перспективой заключения договора, который восстановил бы дружеские отношения Японии с Советским Союзом. Однако Риббентроп все же надеялся убедить Мацуоку пойти на сингапурскую операцию и в случае ухудшения германо-советских отношений перетащить Японию на сторону Германии. По словам Отта, посольство чувствовало, что любые переговоры, которые могли иметь место в Москве, были бы вполне

эфемерными и касались бы лишь экономических вопросов.

Мацуока и в самом деле не сделал никаких заявлений обязывающего характера в своих переговорах с Гитлером и Риббентропом, жестко придерживаясь данных ему инструкций. Гитлер намекнул ему, что германо-советские отношения могут ухудшиться, и Мацуока в ответ признался, что Япония может начать переговоры с советским правительством о смягчении трений, существующих в отношениях двух стран.

Однако результаты визита Мацуоки в Москву оказались и поразительными, и неожиданными. 13 апреля он подписал в Москве японо-русский пакт о нейтралитете, положивший конец пограничным проблемам в Маньчжурии и Монголии и сопровождавшийся обменом нотами о будущих переговорах по торговле и рыболовству и об урегулировании спорных вопросов, касающихся острова Сахалин. Разрешение на подписание этого удивительного соглашения, родившегося в течение двадцати четырех часов переговоров между Молотовым и Мацуокой, поступило из Токио по радио, а позднее пакт был ратифицирован Тайным Советом. Похоже, Сталин был убежден, что не может быть разрыва отношений между Россией и Германией и что Япония в конечном итоге двинется на юг.

И германское правительство, и вернувшийся в Токио посол Отт были несказанно удивлены. Отт рассказал Зорге о ходе переговоров в Берлине и добавил, что, «подписав Пакт о нейтралитете, он (Мацуока) совершил нечто такое, чего Германия не ждала, не желала». Сам Мацуока, однако, вернувшись из Москвы, постарался заверить Огга в том, что в случае войны между Германией и Россией японо-советский пакт о нейтралитете будет аннулирован и что «тогда он сделает все от него зависящее, чтобы обеспечить денонсацию Японией пакта, который он сам же и заключил».

Любопытное толкование. Когда в ноябре 1942 года его допрашивали по делу Зорге, Мацуока категорически отрицал, что он разговаривал с Оттом в Токио по возвращении из Москвы, утверждая, что он сказал Гитлеру и Муссолини (у которого побывал с кратким визитом в Риме), что он «пойдет на переговоры о Советским Союзом. У Отта не было причины волноваться. Однако я ничего не сказал послу Осиме об этом деле, пока был в Германии».

Мацуока также отрицал, что он говорил Отту, что переговоры в Москве совсем не аннулируют Тройственный союз сентября 1940 года или что Япония присоединится к Германии в случае германо-советского конфликта.

«Я не говорил этого. Тройственный союз служил главной

цели — предотвращению вступления Америки в войну. И пакт не обязывал Японию участвовать в германосоветском конфликте, и этот конфликт не аннулирует японо-советский пакт о нейтралитете. Тройственный союз был центральным пунктом японской внешней политики, и в определенных обстоятельствах Япония не чувствовала бы себя связанной пактом о нейтралитете. Сталин и Молотов были прекрасно осведомлены, что Япония не для того заключала Пакт о нейтралитете, чтобы аннулировать Тройственный союз».

Мацуока был, мягко говоря, неискренен. По крайней мере в одном случае, 6 мая, он говорил Отту, что Япония не сможет оставаться нейтральной в случае войны между Германией и Россией.

Тем не менее германская дипломатия переживала крупную неудачу. В апреле начались переговоры между Токио и Вашингтоном, и мысль о нападении на Сингапур исчезла без следа. Когда Одзаки опросил Коноэ: «Что о Сингапуром?», японский премьер ответил: «Это была личная игра Отта»[94].

Такое развитие событий, как писал Зорге, «представляло высший интерес для Советского Союза. Я докладывал о них московскому Центру по радио и в письменных отчетах (через курьера)». Теперь, после начала войны в Европе, его начальство не могло недооценить высокое качество, по крайней мере, политической информации, поступающей от группы Зорге. Но хотя Зорге, Одзаки и их друзья радовались заключению русско-японского договора о нейтралитете, они, тем не менее, сомневались, что Япония сохранит нейтралитет в случае войны между Германией и Советским Союзом. И Зорге, и Одзаки, равно как и Отт, были удивлены, узнав об этом соглашении. Одзаки, изучив общую реакцию в Токио на Пакт о нейтралитете, сообщил Зорге, что «политические партии приветствуют пакт, о чем говорит тот факт, что Коноэ лично встретился с Мацуокой после возвращения последнего и пригласил его в официальную резиденцию премьера, чтобы сказать тост в его честь. Широкая публика также приветствует договор, что видно хотя бы по росту популярности Мацуоки после возвращения в Токио. Если армия не одобряет какую-то политику, то она делает какое-либо заявление, и потому молчание армии означает молчаливое одобрение…

Короче, народ в целом поддерживает договор… В отношении же связей между Тройственным союзом и Пактом о ненападении, проосевые элементы считают, что первый важнее второго, поскольку был заключен согласно императорскому рескрипту. С другой стороны, из бесед в Министерстве иностранных дел,

ЮМЖД и Клубе завтраков я сделал вывод, что все эти группы считают, что договор о нейтралитете явно сделал исключение для Советской России и еще раз подчеркнул ответственность Японии в качестве нейтрального государства. Не думаю, что этот договор сделал русско-японские отношения безопаснее».

Посовещавшись, Зорге и Одзаки в последующие недели особо сосредоточились на изучении японских военных приготовлений на севере.

В конце 1940 года или в начале 1941-го Зорге получил указание из Москвы отправить как можно более подробный отчет о боевых порядках японской армии — количество и нумерация дивизий, их дислокация, имена командиров и старших офицеров.

Зорге, Одзаки и Мияги, объединив усилия и вместе сравнив ту информацию, что им удалось получить, сумели подготовить грубую схему, которую и нарисовал художник Мияги. «Исследуя эту схему, — сказал Зорге, — мы обнаружили, что около пятидесяти дивизий были созданы заново. С этой схемой в качестве базы для работы мы продолжили сбор информации. В конце концов, после различных исправлений мы довольно близко подошли к точному боевому порядку японской армии по состоянию на май — июнь 1941 года. Я сфотографировал эту схему и отправил в Москву. Схема эта стала лучшим произведением нашей группы. Не думаю, что можно было сделать нечто лучшее. И московский Центр, похоже, тоже был удовлетворен ею, поскольку никаких дальнейший указаний на эту тему не последовало».

Составление исчерпывающей схемы боевых порядков пехотных дивизий в японской армии представляло собой значительное техническое достижение. В течение первого этапа войны на Тихом океане союзники обнаружили, что Советский Союз обладает самой достоверной информацией о боевых порядках японской армии. Возможно, во многом благодаря работе группы Зорге в течение зимы 1940–1941 годов.

Кроме информации чисто военного характера, большой интерес для группы представляло развитие отношений между Токио и Вашингтоном, наметившееся вскоре после возвращения Мацуоки из Европы. Японские армия и флот, также, как и националистические круги Японии, упорно противились уходу из Китая или каким-либо политическим уступкам коллаборационистским элементам в Нанкине. Подобное отношение еще более ужесточилось, когда Соединенные Штаты в апреле 1941 года объявили, что они готовы выступить в качестве посредника между Японией и Чан Кайши.

В мае 1941 Зорге решил отправиться в Шанхай, чтобы самому узнать об отношении японских властей в Китае к посредничеству Америки. Выполнение этой «политической миссии» его попросил взять на себя посол Германии в Токио, поскольку «нельзя изучить японскую реакцию в Китае, находясь в Японии». Зорге отправился как посольский курьер со специальным дипломатическим паспортом, выданным японским министерством иностранных дел, и везя с собой депеши на имя германского генерального консула в Шанхае. Здесь он встретился не только с германскими наблюдателями, но и с японским генеральным консулом, старшими офицерами армии и флота и начальником «Особого бюро»[95]. «Около 90 процентов из них были абсолютно против идеи третейского суда. Мне было сказано, что, если Коноэ и Мацуока будут продолжать гнуть свою линию, они непременно столкнутся о самым неистовым противодействием. И когда я услышал это, у меня сложилось впечатление, что японо-американские переговоры непременно закончатся неудачей».

Зорге утверждал, что он отправил зашифрованный отчет послу Отту, «который передал его германскому правительству без каких-либо исправлений».

Вернувшись в Токио, Зорге отправил этот же материал по радио в Москву.

ОТ ПОДГОТОВКИ К НАПАДЕНИЮ ГЕРМАНИИ НА РОССИЮ ДО КРИЗИСА В ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ (МАРТ-ОКТЯБРЬ 1941 г.)

В течение апреля — мая 1941 года курьеры сновали из Европы в германское посольство в Токио и обратно, и сопровождавшие их офицеры из германского министерства обороны в Берлине стали мимоходом, но все чаще говорить о передвижении соединений германской армии с запада к советским границам. «Сообщалось также, что закончено строительство германских укреплений на восточной границе»[96].

По мере того как атмосфера все больше сгущалась, Зорге старался уловить каждый намек о грядущем нападении Германии на Советский Союз. А признаки этого появлялись каждую неделю. Германский военный атташе в Японии полковник Кретчмер получил в тот момент указания информировать японское министерство обороны о том, что Германия-де обязана принять меры против концентрации советских войск на своих восточных границах[97]. «Это были очень подробные инструкции, включавшие и карту советских военных диспозиций». Позднее Зорге утверждал, что он говорил с Кретчмером и узнал от него, что «хотя пока неясно, приведет или нет подобная ситуация к

боевым действиям, Германия завершила военные приготовления в очень больших масштабах, и я понял (со слов Кретчмера), что с такой концентрацией военной силы Германия окажется в состоянии заставить Советский Союз уступить ее требованиям, пусть до сих пор и не сформулированным. Я также узнал, что решение о мире или войне зависело исключительно от воли Гитлера и абсолютно не зависело от отношений с Россией».

«В мае в Токио прибыл специальный посланник германского министра обороны полковник Риттер фон Нидермайер, который привез с собой рекомендательное письмо от д-ра Герберта фон Дирксена, бывшего посла Германии в Японии, адресованное на имя Зорге.

«Из разговора с Нидермайером я узнал, что война против Советского Союза была делом решенным». Германия намерена была оккупировать советскую житницу Украину и использовать один или два миллиона русских военнопленных для восполнения нехватки рабочей силы в Германии. Гитлер был уверен, что лишь нападение на Россию может дать уверенность, что будет снята угроза восточным границам рейха. «Иначе говоря, Гитлер уверен, что наступило самое время, чтобы схватиться с Россией, и что будет невозможно заставить немецкий народ воевать с Россией после окончания войны с Англией[98].

Эти доклады были предметом бурных и мрачных дебатов между Одзаки и Зорге. Как утверждал Одзаки, «еще за три месяца до германского нападения Зорге указывал, что существует опасность такого нападения. И почти перед самым нападением я сказал Зорге: «Если Германия требует нефть с Кавказа и пшеницу с Украины, Советскому Союзу следовало бы избежать войны даже ценой решительных экономических уступок». Зорге ответил: «Россия уступит, если Германия выставит такие требования, чего мы боимся — это неожиданного германского вторжения без выставления каких-либо требований». Он подчеркнул, что существует огромная вероятность русско-германской войны».

От точности и достоверности их информации вполне могла зависеть судьба Советского Союза. Опасности, что крылись в их ежедневной деятельности, стали наконец-то в высшей степени оправданными, а их таланты — полностью мобилизованными.

Вскоре после визита полковника фон Нидермайера в Японию из Берлина прибыл другой офицер немецкого Генштаба, привезя с собой окончательное и драматическое сообщение. Офицером этим был друг Зорге Шолль. По словам Зорге, он привез с собой совершенно секретные инструкции для германского посла в Токио «о необходимых мерах, которые следует предпринять в связи с войной между Германией и Советским Союзом, вопрос о

которой окончательно решен».

«Шолль дал мне подробный отчет. Нападение начнется 20 июня, плюс-минус два-три дня, но подготовка уже закончена. 170–190 немецких дивизий уже сосредоточены на восточных границах. Не будет ни ультиматума, ни объявления войны. Красная Армия развалится, и советский режим падет в течение двух месяцев».

Впоследствии на допросах Зорге подчеркивал, что он ничего не узнал от генерала Огга и что эта информация была получена им 20 мая от Шолля в приватной беседе за выпивкой. Последний собирался занять пост германского военного атташе в Бангкоке. «Он пригласил меня приехать к нему осенью, когда там начнется работа, в которой я мог бы ему помочь».

Всю эту «бесценную информацию», кульминацией которой стали откровения Шолля, Зорге отправил в Москву где-то «между концом апреля и началом войны, и я обратил внимание московского Центра на исключительно серьезную природу этих разведданных[99].

Эти предварительные доклады от Зорге, предупреждающие о грядущем германском нападении на Советский Союз, представляют собой одно из самых драматических достижений группы. В дополнение к материалам, полученным японцами в ходе судебных процессов над членами группы, некоторые подробности можно почерпнуть и из статей, появившихся в советской печати. Так, в них говорится, что 5 марта 1941 года, например, Зорге передал в Москву микрофильм, содержащий тексты телеграмм от Риббентропа Отту, в которых датой германского нападения называется середина июня, а 15 мая Зорге радирует точную дату — 22 июня.

Это жизненно важное, имеющее историческое значение для России сообщение было передано из дома Клаузена, где Зорге и, возможно, Одзаки собрались вместе. Недавно Клаузен так описал эту сцену:

«Мы каждый час ожидали все новой информации, подтверждения и, более всего, сообщений о дипломатических и военных шагах советского правительства. Мы сознавали всю важность своего сообщения, но тем не менее мы так и не получили ответа на него. И когда война действительно разразилась, Рихард был в бешенстве. Он спрашивал в замешательстве, ломая голову: «Почему Сталин бездействовал?»

Позднее сам Зорге говорил японским следователям, что «московский Центр прислал радиосообщение с выражением благодарной признательности. Это было совершенно необычно»[100].

Конечно, разведданные о готовящемся нападении Германии на Россию поступали к Сталину из множества различных источников, включая Прагу и британское правительство в Лондоне. Но его реакция на все эти сообщения по-прежнему остается темой для размышлений. Однако для Зорге и его группы дни и недели, последовавшие за германским нападением, имели огромное значение. Сама судьба России зависела от ближайших намерений японской политики, и лишь группа Зорге могла по-прежнему информировать Москву о развитии ситуации.

На следующий день после вторжения Германии в Россию — 23 июня — в радиосообщении, суммирующем разговоры среди высших чинов германского посольства, Зорге сообщал, что генерал Отт проинструктировал всех германских должностных лиц оказывать давление в пользу японской интервенции против Советского Союза. Военные источники в Японии считали, что она может вступить в войну против России в течение одного-двух месяцев, и японский министр иностранных дел Мацуока сказал Отту, что, несмотря на японо-советский Пакт о нейтралитете, Япония может напасть на Советский Союз. Однако германский военно-морской атташе адмирал Веннекер сказал Зорге, что этого никогда не случится, ибо интересы японского флота — на юге и более нигде. И Зорге согласился с таким объяснением.

27 июня было получено радиосообщение из московского Центра. «Поставьте нас в известность, какие решения были приняты японским правительством в отношении нашей страны и германо-советской войны. Также сообщите о передвижении войск в направлении нашей границы, (подписано) Организатор»[101].

Материал, собранный в последующие недели, чтобы ответить на эти вопросы, представлял собой выдающееся достижение в истории шпионажа.

Японские политические круги разделились в своем анализе русско-германской войны. Первая реакция руководителей японской армии была оптимистической. Одзаки писал: «Для начала мы хотели узнать, какого мнение японской армии о перспективах этой войны. Я постарался собрать данные на различных встречах, на которых мне довелось побывать, а также в ЮМЖД. Мои поиски указывали, что японское правительство и армия ожидали быстрого поражения России, за которым последует крах сталинского режима».

Об этом много говорили и в «группе завтраков», где большинство из приближенных Коноэ считали, что Россию ждет скорый разгром. Эксперты помоложе в офисах ЮМЖД были настроены куда более пессимистично. Сам Одзаки, основывая свой анализ на своем знании взглядов принца Коноэ и проверяя

их в разговорах с Сайондзи, был с самого начала уверен, что Япония на север не пойдет.

«Вскоре после начала русско-германской войны я сказал Зорге, что Япония не намерена нападать на Россию. Коноэ сказал, что у Японии руки связаны китайским инцидентом. И поскольку он не знает, чем окончатся переговоры о Америкой, он не хочет войны с Россией».

2 июля 1941 года состоялось заседание Имперского собрания, на котором в присутствии императора были одобрены важные решения в отношении японской политики. Был принят новый план действий, составленный армией и флотом и предназначенный для координации действий обоих как на северном фронте, на сибирской границе, так и на южном фронте — в Китае и на Тихом океане. Если переговоры с Америкой закончатся неудачей, Япония пойдет войной на юг. По словам Одзаки, на Имперском собрании были приняты три важных решения:

«1. Японии следует добиваться удовлетворяющего ее решения китайской проблемы, но в то же время быть готовой к любому критическому развитию событий на севере и на юге, для чего провести всеобщую мобилизацию, которая должна дать возможность направить войска в обоих направлениях.

2. Японии следует оставаться нейтральной и по отношению к Германии, и по отношению к России.

3. Политика нейтралитета в отношении как Германии, так и России решена окончательно»[102].

Проконсультировавшись с Сайондзи, Одзаки доложил о своих изысканиях Зорге, добавив, что японское правительство ожидает краха Советского Союза, как он смог догадаться из разговоров с людьми, близкими к Коноэ. То, что и армия придерживается такого же мнения, видно было из докладов из ЮМЖД.

Где-то через неделю после собрания Отт получил от Мацуоки краткий отчет о его решениях. По словам последнего, Япония усилила военные приготовления на севере и будет готова «приступить к искоренению большевизма в районах, прилегающих к ее территории. В то же время онй продолжит активную экспансию на юг».

Германский посол интерпретировал это заявление таким образом, что истинные намерения Японии — мобилизация на севере и нападение на Сибирь при одновременной поддержке господствующей позиции на юге. Сравнив мнение Отта, выраженное в разговоре с ним, с отчетом Одзаки об Имперском собрании, Зорге склонился к версии последнего. «У меня сложилось впечатление, что Япония предпримет меры для

защиты своих позиций на севере, не предпринимая в действительности нападения на Советский Союз, и что принято решение начать активные операции на юге, а именно — в Индокитае». 5 или 6 июля Одзаки заверил Зорге, что принято решение отправить в конце месяца экспедиционный корпус в Сайгон.

В этом смысле Зорге и радировал в Москву, добавив, что отчет Одзаки об Имперском собрании от 2 июля представляется более надежным.

Однако окончательная интерпретация японских намерений зависела от точного анализа японских мобилизационных планов, и потому все ресурсы группы были' теперь сконцентрированы на этом.

Предполагалось, что предупреждение, посланное Зорге заранее в Москву, сразу после Имперского собрания от 2 июля 1941 года, в котором говорилось о японских намерениях ударить на юг, на Тихий океан, сохраняя нейтралитет на сибирской границе, даст Сталину возможность перебазировать дивизии советской дальневосточной армии на западный фронт. Благодаря разведданным, полученным от Зорге, эти подкрепления и спасли Москву от немцев.

Самые последние данные говорят о том, что русское высшее командование отдало первый приказ о переброске военных формирований с Дальнего Востока 26 мая 1941 года, когда Шестнадцатая армия была переброшена с Транс-Байкальской магистрали на запад. В период между октябрем и ноябрем одиннадцать стрелковых дивизий также были переброшены на запад. Операция затронула более двухсот пятидесяти тысяч человек[103].

С другой стороны, официальные советские источники склонны игнорировать эти меры или минимизировать их историческое значение. Например, в одной советской работе подчеркивается важность этой стратегической переброски, если бы она была сделана, для ведения войны на западе, а также настоятельно подчеркиваются агрессивные намерения Японии, несмотря на ее явное решение двинуться на юг. Подобная русская интерпретация целей и намерений японской, армии, противоречит анализу, сделанному Зорге с помощью Одзаки, решений Имперского собрания от 2 июля, которые сформулированы так:

«1. Япония не вступит в войну против Советского Союза. Лишь когда война примет благоприятный, с японской точки зрения, оборот, она возьмется за оружие.

2. Пока это не достигнуто, Япония будет скрывать свои

намерения, ведя дипломатические переговоры с Советским Союзом и под прикрытием этих переговоров будет секретно вооружаться против Советского Союза».

Советские аналитики скорее придерживаются мнения Отта, чем Зорге, и здесь, вероятно, сказались перехваты русскими германских сообщений из Токио или послевоенный захват ими германских дипломатических документов. В любом случае телеграммы Зорге на эту тему были так же проигнорированы, как и те, что предупреждали о первоначальном нападении Германии на Россию.

По-прежнему подчеркивая упорные враждебные намерения Японии по отношению к Советскому Союзу, те же советские историки цитируют показания японского генерала на устроенном после войны суде над атаманом Семеновым, лидером колонии «белых» русских в Маньчжурии, захваченного русскими в 1945 году после того, как он был долгое время ведущим агентом японской военной разведки и источником информации о советских боевых порядках на Дальнем Востоке.

Этот генерал Томинага утверждает, что японский оперативный план нападения на Советский Союз под кодовым названием «Кан-току-ен» был готов к середине 1941 года. «Мы убедились, что Советский Союз перебросит свои войска с Дальнего Востока на Западный фронт и таким образом Япония сможет захватить Дальний Восток без каких-либо значительных потерь». Этот оперативный план был в действительности готов к середине июля 1941 года, однако, как сообщают все достоверные источники, истинным стратегическим ходом была сосредоточенность Японии на Тихом океане, а Квантунская армия в Маньчжурии получила приказ занимать строго оборонительные позиции по всей сибирской границе.

26 июня Москва по радио попросила группу Зорге сообщить «о мобилизации и переброске на континент японских войск в связи с русско-германской войной». Германское правительство в Берлине также давило на Отта и его персонал, требуя подобной информации и любых усилий, которые следует предпринять, чтобы втянуть Японию в войну против России.

Германские военные атташе даже составили план японского нападения на Сибирь и Владивосток, подчеркивая неминуемый разгром Красной Армии на европейском фронте. Однако им было сказано, что японской армии потребуется два месяца для мобилизации и что Япония не Двинется с места и не вступит в войну, пока Германия не возьмет Москву и не дойдет до Волги.

«Полковник Кретчмер, пытаясь убедить японцев, сообщил им, что большинство сибирских армий уже переброшены на запад,

однако японская армия… не приняла в расчет информацию Кретчмера».

Отт мог лишь ожидать результатов японской мобилизации в надежде, что через два месяца последует-таки нападение на Россию.

Тем временем Одзаки и Мияги сосредоточились на выполнении своей ключевой задачи. Первый должен был составить подробную схему, показывающую множество войск, которые должны быть отправлены в Маньчжурию, и масштаб приготовлений в этой провинции для нападения на Советский Союз. Подробности же мобилизационного плана обеспечивал Мияги с помощью своих субагентов.

Информация поступала к Зорге порциями и, будучи сведена воедино, показывала, что мобилизация «действительно была крупномасштабной». Армейские власти действовали совершенно независимо, и даже сам принц Коноэ был удивлен размахом операции.

Первые отчеты Одзаки были смутны, неясны и преувеличены. «Нетрудно было удостовериться, что солдат посылают и на север, и на юг, но я не смог выяснить, в каких пропорциях. По слухам, что ходят в Осаке, армия закупила холодильники и противомоскитные сетки. Это кажется правдоподобным, и потому я сказал Зорге, что несколько соединений были отправлены на юг».

«На вечеринке с угрем в ресторане Овада в Азабу, Казами сказал, что пять миллионов человек подлежат мобилизации. Я вспомнил, когда передавал это Мияги, что когда в конце июля я встретил Оду, вице-директора «Мицуи Буссан» (хорошо известная торговая компания), я намекнул, что армия собирается воевать где-то на севере. Хотя Ода не опроверг меня в целом, он ответил: «Новости, которые я узнал, показывают, что больше солдат собираются на юг, нежели на север»[104].

Другие показания Мияги подкрепляли эту точку зрения. В начале августа в радиосообщении, отправленном Клаузеном в Москву, содержались следующие подробности:

«Необычно то, что новобранцев, например, в четырнадцатой дивизии организуют в небольшие группы, некоторым выдана зимняя одежда, а другим — летняя; потом они получают назначения в действующие войска. «Мики» (Киширо), которого призвали, утверждает, что все гарнизонные войска в Японии направлены в соединения, дислоцированные в Азии. Одзаки и Мияги слышали, что большинство будут отправлены на юг Китая из-за грядущих осложнений в японо-американских отношениях. Существует вероятность операций против голландской Восточной

Индии. Необходима проверка».

Зорге напряженно занимался созданием общей картины. Мобилизация проходила в две стадии, последняя должна была быть закончена 15 августа. Всего должно быть призвано 1 300 000 человек. К концу июля торговый флот должен был закончить перевозку миллиона тонн грузов для армии.

«Я сам, Одзаки и московский Центр были измучены страхом, что японское правительство пойдет на эту крупномасштабную мобилизацию в качестве свершившегося факта и что сама мобилизация может привести к войне с Советским Союзом. Другой вопрос, который очень занимал нас, это местоназначение мобилизованных дивизий. И здесь Одзаки сделал все, что мог, чтобы выяснить, что происходит».

Вскоре группа заметила, что процесс мобилизации замедлился и явно не будет завершен к 15 августа. Как утверждал Одзаки: «Когда немецкая армия нанесла удар по Смоленску (7 августа) и отношения между Японией и Америкой ухудшились из-за японского вторжения во Французский Индокитай (24 июля), я слышал, что некоторые из тех, кто был согласен со всеобщей мобилизацией в ожидании краха Советов, стали колебаться, стоит ли наносить удар по России».

К середине июля принц Коноэ сформировал свой третий Кабинет, заменив Мацуоку на посту министра иностранных дел более осторожным адмиралом Тойодой. Главной его целью было «найти какое-то решение в вопросе японо-американских отношений», которые достигли кризиса из-за заявления Америки от 26 июля о замораживании японской собственности за рубежом.

С этого момента посол Отт, похоже, отказался от каких-либо надежд на скорое вступление Японии в войну против России, однако его военный атташе полковник Кретчмер по-прежнему оставался оптимистом, а Риббентроп почти ежедневно слал в посольство телеграммы из Берлина. Германия изучала японскую политику и планы, бессознательно следуя в направлении, определенном собственным расследованием Зорге, и находясь под влиянием отдельных разведданных, пропущенных им в германское посольство. Таким образом и сам Зорге мог дополнять и корректировать свои собственные оценки с использованием информации, полученной с германской стороны.

В начале августа Зорге докладывал в Москву, что «Отту приказано представить данные и выводы в отношении того, сможет ли Япония начать активные военные действия в период зимней кампании… Тот факт, что Москву не захватили в прошлое воскресенье, как обещали Осиме высшие германские власти, привел к охлаждению японского энтузиазма. Даже армия

чувствует, что советско-германская война превращается в еще один китайский инцидент и что немцы повторяют ошибки, допущенные Японией в Китае…»

Кретчмер сделал последнюю попытку обосновать свой вывод, что Япония вступит в войну 1 сентября, и отбыл в поездку по Маньчжурии. Вернувшись в Токио, он обсудил с Зорге свои впечатления, которые тот и подытожил в радиосообщении, переданным им в Москву:

«Шесть дивизий уже прибыли в Корею. Планируется возможная атака на Владивосток. В Маньчжурию направлено дополнительно четыре новых дивизии. Япония намерена увеличить свои силы в Маньчжурии и Корее до тридцати дивизий. По словам Кретчмера, никакого решения о вступлении в войну пока не принято. Первым объектом должен стать Владивосток. Лишь три дивизии отправлены в район Владивостока».

Даже Кретчмеру было ясно, что никакого немедленного нападения на сибирском фронте ожидать не приходится.

Информация Одзаки показывала, что японские силы, сосредоточенные на севере, были даже менее внушительны, чем предполагал Кретчмер. Первоначально лишь одну тридцатую от всех мобилизованных сил предназначалось направить в Маньчжурию, но к середине августа цифра эта уменьшилась до трехсот тысяч человек, что составляло около пятнадцати дивизий. Недавнее японское исследование по Тихоокеанской войне подтверждает вывод Одзаки.

Несмотря на давление Берлина, Отт и его советники в германском посольстве были теперь вынуждены согласиться с той точкой зрения, что у Японии нет никаких намерений немедленно выступить на стороне Германии в российской кампании.

Числа 15 августа Зорге смог передать в Москву изложение информации, полученной в кругах германского посольства в Токио.

«В результате бесед с генералами Доихарой и Окамурой Отт пришел к убеждению, что Япония подождет, пока Красная Армия будет так измотана, что японское нападение окажется абсолютно безопасным. Доихара указал, что Япония не может позволить себе быть втянутой в затяжной конфликт и что из-за ее сильно истощенных запасов нефти она не начнет войну, пока не будет уверенности, что война эта окажется короткой[105].

Японское Министерство иностранных дел планирует использовать мобилизацию для запугивания России, чтобы заставить ее пойти на уступки в вопросе о Сахалине. Отт уверен, что крайне вероятно, что Япония пойдет на такие переговоры и

избежит вступления в войну в этом году. Он также уверен, что Япония ожидает, что Россия продержится эту зиму.

Веннекер сообщил Зорге следующую секретную информацию, полученную им от японских военно-морских властей, о том, что флот и правительство решили не вступать в войну в этом году, но что Япония, применяя те же методы, что были использованы ею в Индокитае, вероятно займет стратегические районы Таиланда в октябре в качестве подготовки к будущей оккупации Борнео. Тот же источник сообщил Веннекеру, что японская армия недовольна этим решением… однако маловероятно, что армия пойдет против воли правительства и флота и начнет войну против России.

Вышеизложенное отношение правительства и флота основано на следующих выводах: непредсказуемая война против Советского Союза до наступления зимы вызовет существенное напряжение в японской экономике; даже если северные (sic) районы и будут захвачены, они не смогут существенно помочь японской экономике (тогда как южные районы намного более важны), и в случае победы Германии в войне с Россией Япония на следующий год сможет получить желаемые объекты без каких-либо потерь.

В отличие от Веннекера, Отт не верил, что эта информация совершенно надежна, но… ситуация может измениться в этом направлении. Отт оказал Зорге, что у него был разговор с преемником Мака (преемник Мацуоки — адмирал Тойода), но что он мало что смог прояснить в японской политике. Тойода сообщил Отту о текущих переговорах с Россией в отношении Сахалина. Он указал на то, что в общем отношение России к этому вопросу достаточно справедливое, и сказал, что Япония заверила Россию, что будет твердо придерживаться Пакта о нейтралитете.

Отт доложил Рихарду (Риббентропу) о вышеописанной беседе, добавив, что «поскольку Япония по-прежнему не решила, какие шаги ей следует предпринять, было бы нетрудно сорвать переговоры, но что нет признаков того, что она объявит войну России».

С 20 по 23 августа в Токио проходило совещание японского высшего командования, на котором обсуждался вопрос войны с Советским Союзом. Одзаки сумел доложить об этом Зорге, который взволнованно передал эти данные по радио в Москву.

«На совещании было решено не объявлять войны в этом году, повторяю: решено не объявлять войны Советскому Союзу в этом году. Была сделана следующая оговорка: это решение может быть изменено в случае непредвиденного развития событий в русско-германской войне, когда может создаться ситуация, способная

вызвать серьезные последствия в сибирском регионе, если такая военная ситуация… (неразборчиво) самое позднее 15 сентября, вероятно, что вопрос о войне против Советской России будет оставлен как решенный до следующего сезона. Соединения, которые должны быть отправлены в Маньчжурию, вероятно, проведут там зиму, если ситуация предполагает возможность нападения на Россию следующей весной.

Согласно информации, полученной Одзаки из военных источников, армия начнет сражаться, когда будут выполнены следующие два условия:

1. когда Квантунская армия будет втрое превышать по силе Красную Армию;

2. когда появятся положительные сигналы о внутреннем коллапсе сибирской армии».

Одзаки далее сообщает, что подкрепления, посланные в Маньчжурию, были отведены в тыл с линии фронта. Ввиду такого поворота событий Зорге отправил Одзаки в Маньчжурию, чтобы тот смог на месте изучить ситуацию и получить информацию из первых рук. Одзаки вернулся 15 сентября.

Информация, полученная Зорге из местных германских источников, подтвердила эти сообщения. В начале сентября он радировал в московский Центр:

«После внимательного изучения вопроса Кретчмер, Веннекер и Отт пришли к выводу, что не может быть сомнений в отношении того, что вероятность японского нападения свелась к нулю, по крайней мере, до конца зимы. Япония нападет лишь тогда, когда ваша страна выведет крупные силы из Сибири и когда там возникнут внутренние политические беспорядки».

Заключительная цель потрясающе подробного и точного исследования японской политики и планов в отношении войны с Россией, сделанного Зорге, была теперь достигнута. Его разведывательная деятельность была образцом тщательности и основательности, перепроверки каждого факта, полученного Одзаки из кругов, близких к Коноэ, через военные связи Мияги и ежедневные дискуссии между Зорге и высшими чиновниками германского посольства. Некоторые утечки информации о политических решениях высокого уровня с Имперского собрания 2 июля до совещания японского высшего командования 20–23 августа были тщательно проанализированы.

Для иллюстрации подоплеки этого августовского совещания Одзаки приводит такой пример:

«Где-то в середине августа я услышал от кого-то в ЮМЖД, что представитель Квантунской армии прибыл в Токио, чтобы проконсультироваться с высокопоставленными офицерами в

Министерстве обороны в отношении того, будет или нет предпринято нападение на Россию. Чтобы проверить этот слух, я сказал Сайондзи: «Они решили пойти на это?» Сайондзи ответил: «Они еще на прошлой неделе решили не выступать». Когда я повторил эти слова Зорге, я добавил, что, по-моему мнению, если война России с Германией примет неожиданный оборот и в Сибири начнутся беспорядки, Япония может вновь рассмотреть вопрос о нападении на Россию. Несмотря на мое осторожное предупреждение, Зорге почувствовал огромное облегчение».

Однако не только этот диалог дал ключ к разгадке. Мияги сумел доложить в следующем месяце (около 20 сентября), что «3-й, 4-й, 5-й и 6-й полки Императорской гвардейской дивизии готовы покинуть Токио. Поскольку у них летняя форма одежды и поскольку другие полки императорской гвардии уже дислоцируются во Французском Индокитае, можно с уверенностью сказать, что они будут отправлены в южные районы».

И, наконец, отчет Одзаки после его возвращения из Маньчжурии завершил к удовлетворению Зорге исследование, предпринятое группой. В конце сентября или начале октября 1941 года он радирует с некоторыми подробностями о результатах миссии Одзаки.

«Согласно тому, что Инвест (Одзаки) узнал от (ЮМ) железной дороги, примерно 400 000 солдат прибыли в Маньчжурию в течение последних двух месяцев, и численность Квантунской армии достигла 700 000 человек, включая войска, уже дислоцированные там. Несколько соединений вернулись в Японию из-за принятого решения не вступать в войну с Советским Союзом в этом году, один из примеров этого — прибытие в Токио одного полка из дивизионного округа Утсуномийя. Другие недавно прибывшие соединения были отведены с линии фронта и размещены в разного типа недавно возведенных казармах в Дайрене и Мукдене. Главные силы по-прежнему сконцентрированы на восточной границе близ Ворошиловска и Владивостока.

Месяц назад железной дороге было приказано построить секретную ветку, связывающую линию к Оу-пу у станции Ушман с линией Цицикар — Амур для того, чтобы получить возможность использовать район в качестве базы для нападения, если ход русско-германской войны позволит совершить нападение на СССР где-то в марте следующего года. Никаких передвижении войск с севера Китая в Маньчжурию — кроме перевозки грузов.

В течение первой недели мобилизации, готовясь к нападению на Красную Армию, Квантунская армия приказала железной

дороге обеспечить выделение 3000 железнодорожных рабочих с целью захвата и обслуживания сибирской сети железных дорог. Позднее это число уменьшилось до 1500 и в настоящее время армия просит всего лишь 50 железнодорожных рабочих, чтобы обслуживать ее транспортную систему. Железная дорога (ЮМДЖ) трактует это изменение как определенное доказательство того, что нападение на Советский Союз было отложено на время».

С весны 1941 года группа Зорге действовала в условиях непрекращающейся и усиливающейся борьбы между тенденциями войны и мира на Дальнем Востоке. После нескольких лет разочарований и политических приготовлений они сумели, когда наступил кризис, безупречно выполнить задачи, как первоначально поставленные перед ними Москвой, так и возникшие по ходу событий в Токио.

Завершив изучение японской мобилизации лета и осени 1941 года, которая окончательно дала понять, что Советскому Союзу не грозит немедленная опасность японского вторжения в Сибирь, по крайней мере, до 1942 года, группа Зорге без передышки переключила силы на выяснение японских намерений в отношении Соединенных Штатов и вопроса о мире или войне на юге — в Азии и на Тихом океане. Это должно было стать их последним и, вероятно, самым значительным достижением.

Формирование третьего кабинета Коноэ в середине 1941 года отметило новую стадию в долготянущихся переговорах о соглашении по Дальнему Востоку между Японией и Соединенными Штатами. Хотя отставка настроенного в пользу «оси» министра иностранных дел Мацуоки и явилась существенной помехой для возобновления переговоров, экономическая блокада Японии со стороны Соединенных Штатов, Британского сообщества и Нидерландов 26 июля 1941 года в ответ на японское вторжение во Французский Индокитай, в момент, когда переговоры с США еще продолжались, спровоцировала крупный политический кризис в Токио.

Одзаки проанализировал ситуацию в ретроспективе как следующую: «Япония ударилась в панику, поскольку не ожидала бойкота. Создавшаяся ситуация была для страны вопросом жизни и смерти. По моему мнению, существовало лишь два пути. Первый — полностью уступить требованиям Америки и Англии и поискать пути выхода из трудностей путем экономических переговоров. Второй путь — война с Америкой и Англией за обладание природными ресурсами юга, особенно нефтью. Я считал такую войну неизбежной, поскольку переговоры с Америкой должны были провалиться по следующим причинам:

1. Несмотря на общие интересы, существовало огромное

несоответствие в требованиях Японии, с одной стороны, Америки и Англии — с другой. И не было никакой надежды, что они сумеют как-то согласовать эти разногласия.

2. Правящие слои политических и финансовых кругов горели желанием избежать войны, однако в результате массированной пропаганды, которая велась с начала китайского инцидента, японский народ был убежден, что Япония сумеет успешно выдержать эту «святую войну», и в массе своей выступал против компромисса с Америкой и Англией. Проосевые группы, таким образом, имели поддержку народа в целом.

3. Экономическая ситуация в Японии в целом была исключительно тяжелой, однако вооруженные силы, и особенно флот, никогда еще не были так хорошо вооружены».

«Я делал свои выводы, касающиеся экономической блокады, из бесед, подслушанных мною в ЮМЖД. Я делал свои выводы, касающиеся отношения японского народа, из моего турне о лекциями, которое я совершил по всей стране».

В конце августа Одзаки оказал Зорге, что «кабинет Коноэ решил заново начать переговоры с Америкой из-за исключительно трудной экономической ситуации. Японское правительство уведомило Соединенные Штаты о том, что принц может лично возглавить эти переговоры».

Одзаки предсказывал, что переговоры с японской стороны будут основаны на следующих условиях: восстановление экономических отношений, особенно возобновление экспорта нефти и железной руды в Японию; помощь Соединенных Штатов в разрешении проблемы затянувшегося китайского инцидента; американская помощь в получении Японией сырья из Юго-Восточной Азии. С американской стороны от Японии требовалось отказаться от осевого альянса, уйти из Китая и отложить планирующееся наступление на юг.

Несмотря на оптимизм, превалирующий в кругу принца Коноэ в эти последние дни августа, Одзаки, со своей стороны, не ждал какого-либо удовлетворительного исхода этих переговоров, ибо слишком велика была пропасть между требованиями двух стран. «Я исходил из следующего: я знал, что у Коноэ состоялась тайная встреча с его личными советниками на частной вилле, где они обменялись мнениями. Встреча Рузвельта и Черчилля, состоявшаяся примерно в это же время, дала мне намек на желание Коноэ лично возглавить переговоры. Время от времени я небрежно спрашивал Сайондзи об этом. Например, я говорил: «Экономическая блокада душит Японию. Нет смысла вести переговоры с человеком, держащим вас за горло. Первое, что здесь следует сделать — освободиться. А уже потом начинать

переговоры». На что Сайондзи отвечал: «Экономическая блокада — их козырная карта. И для них вполне естественно говорить, что они должны подождать, пока не будет достигнуто взаимопонимание, прежде чем они снимут блокаду». Тогда я опять говорил: «Но ведь на самом деле Америка хочет, чтобы Япония отделилась от оси, не так ли?» На что Сайондзи отвечал: «Конечно, но это — уже другой вопрос». В другой раз я заметил: «А что произойдет, если Чан Кайши откажется принять японские условия? Ведь существует вероятность того, иго Китай может отказаться принять японские требования, даже несмотря на посредничество Америки». Сайондзи ответил: «Не будет смысла, если Америка не сможет заставить Китай прислушаться к своим доводам». Вот так я и собирал по крупицам необходимую мне информацию».

18 ноября 1942 года принца Коноэ допрашивал в качестве свидетеля японский предварительный суд по поводу упоминания Одзаки об этой встрече и, в частности, об отношениях Сайондзи с Одзаки. Коноэ признал, что Одзаки хорошо знал двух его личных секретарей и время от времени бывал на его личной вилле, а также то, что перед Сайондзи была поставлена задача сбора предварительных планов разных министров по поводу ведения переговоров с США. «Все документы по японоамериканским переговорам, которые у меня были, я передал Сайондзи».

31 августа Коноэ пригласил Сайондзи к себе на виллу. Впоследствии в ходе допросов, проводившихся японскими прокурорами, Сайондзи описал эту встречу и просьбу премьер-министра представить краткое письменное изложение взглядов, выраженных в ходе беседы в тот день. Впоследствии черновик был изъят у Сайондзи, но он оставил у себя свой собственный экземпляр.

Во второй половине сентября Одзаки вернулся из поездки в Маньчжурию и позвонил Сайондзи. Вечером 20 сентября они вдвоем обедали в ресторане и беседовали о японо-американских переговорах. По словам Сайондзи, «Одзаки смотрел на их перспективу пессимистично. Я сказал, что, благодаря европейской войне, Соединенные Штаты будут пытаться избежать войны на два фронта. Я указал, что Америка во имя принципов, которые она исповедует, попытается остановить Японию, но что американцы морально не готовы воевать с Японией. И потому я был убежден, что переговоры будут успешными».

Четыре дня спустя Одзаки вновь позвонил Сайондзи в официальную резиденцию премьер-министра и предложил встретиться за стаканом пива в ресторане «Азия», что находился в здании ЮМЖД. Однако встретились они ненадолго в другом

ресторане, где Сайондзи ждал гостей. «Мы сидели в креслах на веранде, пили саке или пиво. Я достал из портфеля набросок и показал его Одзаки со словами: «Это тот план, о котором я говорил вчера».

Одзаки, откинувшись в кресле, читал страницу за страницей. И не дождавшись, пока он кончит чтение, я спросил о его мнении. Но он лишь ответил: «М-м-м», и сделал более или менее пессимистичный жест, качая головой. Потом пришел слуга и доложил мне, что подошли мои гости. Одзаки быстро закончил чтение. Вернул мне бумаги и вышел из комнаты, куда уже входили гости».

Одзаки рассказал об этом эпизоде Зорге и изложил по памяти содержание документа, который давал ему читать Сайондзи. «Когда Зорге спросил, кто показал мне этот документ, я ответил, что некто, близкий к Коноэ».

Начало переговоров затягивалось, и, соответственно, усиливались трения между военными и политическими кругами в Токио. 4 октября Зорге доложил в Москву, что Одзаки слышал, что «главным требованием, выдвинутым Соединенными Штатами на японо-американских переговорах, будет требование ухода японской армии из Центрального и Южного Китая, что эти переговоры — предварительные и носят информационный характер, и хотя существует вероятность, что вскоре состоятся и официальные встречи, но надежда на успешный исход чрезвычайно слаба и что даже если Япония и решит ударить на юг, это, вероятно, будет довольно трудно сделать в конце этого года».

Теперь Одзаки был убежден, что переговоры с США закончатся неудачей, и утвердился в этом мнении, узнав об успешном нажиме, оказанном армейским и флотским руководством на Коноэ с требованием соблюдать предел, установленный для переговоров Имперским совещанием 6 сентября.

В начале октября Зорге получил возможность информировать московский Центр о том, что «Отто (Одзаки) видел послание, отправленное в США. В нем не содержалось каких-либо конкретных предложений, а затрагивались лишь общие проблемы, которые следует обсудить в ходе японо-американских переговоров. Отто указал, что до настоящего времени США не принимали японские предложения всерьез и что одновременно с этим посланием американцы получили и намек, что Коноэ готов встретиться с Рузвельтом.

Вопреки ожиданиям, общая ситуация становится все напряженнее, поскольку лимит времени, отпущенный Коноэ

армией и флотом в отношении переговоров, истекает. Согласно информации, полученной Отто от человека (два слова неразборчиво латинским шрифтом), близкого, к Коноэ, срок установлен на конец октября. Вполне вероятно, что флот сразу же начнет боевые действия на юге, если переговоры окончатся неудачей. Отто узнал из военно-морского источника, что лимит времени очень невелик и что, если от Соединенных Штатов не поступит удовлетворительного ответа в первую неделю октября, флот начнет действовать.

Отто уверен, что в октябре и флот, и правительство будут вынуждены действовать, если США не дадут удовлетворительного ответа на японские предложения, хотя высокопоставленные чины правительства и флота не желали бы торопить события».

Примерно в это же время Одзаки сказал Мияги, что до конца месяца группа должна окончательно решить, начнет ли Япония военную кампанию на юге. Он сказал Зорге, что флот считает, что переговоры с Америкой провалятся в начале октября. А для армии политически невозможно уйти из Центрального и Южного Китая.

Нет свидетельств, говорящих о реакции московского

Центра на успокоительные доклады группы Зорге о неминуемом срыве японо-американских переговоров и вероятности масштабной японской угрозы югу. В конце сентября в одиночном послании Москва потребовала предоставить точные технические детали:

«Как называются острова близ Кобе, на которых расположены нефтяные резервуары и доки?

Сколько новых танковых соединений создано в Японии?

Сколько 18-тонных танков на вооружении Японии? Где располагается командование токийской противовоздушной обороны? Где располагаются другие проектируемые командные пункты? Какие соединения составляют дивизионную штаб-квартиру при новой организации?

Я получил информацию, касающуюся реорганизации армии и модернизации ее вооружения в 1940–1941 годах.

(а) Необходима информация о мерах правительства по увеличению производства новых вооружений.

(б) Анализ конкретных деталей характеристик всех типов и соединений.

(с) Выясните силу и масштаб соединений».

Разведданные такого характера оказались бы весьма существенными для русских в случае крупномасштабного военного конфликта с Японией.

20 сентября Мияги подготовил к передаче японское танковое

руководство и нарисованную им карту местонахождения объектов противовоздушной обороны токийского района.

Посол Отт по-прежнему пытался добиться от японского правительства прояснения его отношения к Тройственному союзу в свете японских переговоров с Вашингтоном. Но сумел лишь получить заявления самого общего характера от министра иностранных дел Тойоды о том, что ведущиеся сейчас переговоры никоим образом не затронут пакт. Как докладывал Зорге в Москву, «отношения между двумя странами сейчас довольно напряженные».

В течение некоторого времени в первую неделю октября Зорге и Одзаки были заняты составлением итогового отчета и общей оценкой японской политической сцены.

«По информации, полученной из разных официальных японских источников, если не будет получено никакого удовлетворительного ответа от США на просьбу Японии о переговорах до 15-го или 16-го числа этого месяца, то последует либо общая отставка, либо решительная реорганизация японского правительства. И в том, и в другом случае… в этом или следующем месяце начнется война с Соединенными Штатами, единственная надежда японских властей, что посол Грю[106] в последний час представит какого-либо рода предложения, которые позволят начать переговоры.

В отношении Советского Союза все высокопоставленные лица согласны с тем, что, если победит Германия, Япония сможет воспользоваться этим для своей игры на Дальнем Востоке в будущем и что, таким образом, нет необходимости воевать с Россией. Они считают, что поскольку Германия демонстрирует свою неспособность разгромить Советское правительство и изгнать его из Москвы, то Японии не следует торопиться до следующей весны. В любом случае вопрос с Америкой и вопрос наступления на юг намного важнее, нежели северные проблемы».

Эта телеграмма была составлена после долгих дискуссий между Зорге, Одзаки и Клаузеном, состоявшихся, вероятно, 4 октября. Придя к окончательному выводу, что русско-японская война маловероятна и что в ближайшие недели Япония начнет боевые действия против Соединенных Штатов, группа Зорге сочла, что ее миссия в Японии, как она была определена московским Центром, выполнена.

Глава 14. НАЧАЛО КОНЦА

Полчища прокуроров обрушились на нас.

Одзаки

В ноябре 1939 года Особая высшая полиция («Токко») в ходе предпринимаемых ею периодических действий с целью воспрепятствовать восстановлению подпольной японской коммунистической партии арестовала одного из членов недавно созданного подготовительного комитета.

Звали этого человека Ито Ритцу. Он был уже известен властям, которые впервые обратили на него внимание в декабре 1932 года, когда в девятнадцатилетнем возрасте Ито был исключен из Первой высшей школы в Токио за членство в Японской лиге коммунистической молодежи. За это прегрешение Ито был приговорен к тюремному заключению, но через два года освобожден под обещание начать новую жизнь и порвать с прошлым.

В августе 1939 года, когда создавался исследовательский филиал ЮМЖД в Токио, Ито был принят на работу в качестве специалиста по сельскохозяйственным проблемам. Эта похожая на мастодонта организация, представляющая интересы японских железнодорожных, промышленных, горнодобывающих и торговофлотских корпораций в Маньчжурии, тесно сотрудничала о Квантунской армией в мобилизации и разработке значительных ресурсов «марионеточного» государства и раскинула свои филиалы в Китае наряду о ширящейся военной оккупацией, открывая офисы во всех главных китайских городах. Исследовательский отдел ЮМЖД приобрел многие из признаков гражданского разведывательного агентства. Так, одной из его функций было проводить подробные и постоянные анализы экономических ресурсов Маньчжурии и Китая, а также военных потребностей Квантунской армии и иногда японской армии в Китае. И хотя это был достаточно значительный пост с точки зрения национальной безопасности и известная мишень для коммунистического проникновения, полицейское расследование по делу Ито сосредоточилось исключительно на его роли в восстановлении японской коммунистической партии. Во время повторного ареста на него завели дело под названием «Дело о притворном раскаянии».

К этому времени японская полиция уже знала о связях

Коминтерна о Японией, осуществляемых через Соединенные Штаты. Этот тихоокеанский маршрут, начиная с 1935 года, был главным каналом для агентов, курьеров и денежных средств. Мияги прибыл в Японию именно этим путем и под покровительством Коминтерна, чтобы присоединиться к группе Зорге[107]. Более чем вероятно, что один из вопросов, заданных Ито, касался японской секции Американской коммунистической партии и ее членов. В ходе следствия, после нескольких месяцев сопротивления Ито выдал полиции имя Китабаяси Томору, у которой Мияги жил в Лос-Анджелесе и которая вернулась в Японию в декабре 1936 года и сейчас была одним из второстепенных агентов группы.

Ито бьш знаком о ней в течение нескольких лет еще в Лос-Анджелесе и случайно встретил ее в Японии. Говорили, что он пытался завербовать ее для партийной работы, но она отказалась.

Ко времени своего ареста Ито страдал от туберкулеза и по вполне понятным причинам боялся получить длительный срок тюремного заключения. «Однако суровое, но внимательное отношение полиции привело его к отречению от коммунизма и признанию своей вины». Выдача имени Китабаяси могла показаться простой неосторожностью с его стороны. Данные, что именно он выдал эту информацию, не бесспорны, хотя инспектор полиции, допрашивавший его в 1939 году, категорически подтвердил это после войны.

В августе 1940 года Ито был освобожден под честное слово и вернулся на свою прежнюю работу в исследовательской отдел ЮМЖД. Кажется невероятным, что он сумел вновь устроиться в организацию, имевшую дело с важной военной и политической информацией, без активного одобрения полиции, которая по-прежнему продолжала наблюдать за ним с помощью людей в штатском. Существует, таким образом, сильное подозрение, что отныне Ито выступал в качестве информатора полиции и проходил своего рода стажировку.

С августа 1939 года Одзаки был неофициальным советником в токийском офисе того же исследовательского филиала ЮМЖД и редактором его ежемесячного отчета, а потому хорошо знал Ито. Они оба были родом из префектуры Гифу и учились в одной и той же высшей школе в Токио, а теперь часто встречались как сотрудники ЮМЖД. Одзаки особенно интересовали экономические отношения Японии с тропическими регионами Юго-Восточной Азии, и он просил Ито снабжать его материалом на эти и другие близкие темы для ежемесячного отчета, который он готовил для токийского офиса.

Ито также был главным источником информации по

сельскому хозяйству Японии военного времени. Он посещал заседания исследовательского персонала, из протоколов которых Одзаки мог бы извлечь нужную ему информацию по любым специфические вопросам. В сентябре 1941 года, например, началось изучение нефтяных запасов японской армии со времен начала китайского инцидента и в том же месяце, на конференции, проходившей в головном офисе железной дороги в Дайрене, Ито собрал ценные сведения о стальной индустрии, которые он также передал Одзаки.

В середине сентября 1941 года Каваи встретил Ито в доме Одзаки. Оба были явно в близких дружеских отношениях. Одзаки представил Ито как «моя правая рука», а также «левый, освобожденный под честное слово».

Непостижимо, как сам Одзаки сумел избежать в то время полицейской слежки, однако полицию интересовали исключительно запрещенные коммунистические организации, где не было ни следа, ни намека на шпионаж. Связи Одзаки в высоких сферах предотвращали принятие активных мер против него, однако сеть незаметно сужалась.

Используя информацию, переданную Ито, японская полиция выследила Китабаяси Томо в уединенном сельском районе в префектуре Вакаяма, на родине ее мужа, где она тихо жила. В течение, по крайней мере, целого года эта пара находилась под жестким полицейским наблюдением, не давшим, однако, каких-либо результатов.

Но где-то в сентябре 1941 года полиция задержала квартирную хозяйку Ито или его гражданскую жену Аояги Кикуйо, молодую работницу военного завода и члена подпольной женской партийной ячейки. На нее вывел арест другого члена этой же ячейки. Но что еще важнее, женщина эта оказалась племянницей Китабаяси Томо, и именно через нее Ито узнал о связи Китабаяси с японской секцией Американской коммунистической партии и, вероятно, также о ее возвращении в Японию.

В своем заявлении в полиции Аояги также назвала имя Китабаяси, заметив, что «главная цель Японской коммунистической партии — собирать информацию о японских вооруженных силах и что вся эта информация должна отправляться в Советский Союз через Американскую коммунистическую партию».

28 сентября 1941 года Китабаяси Томо неожиданно была арестована вместе со своим мужем, которого, однако, вскоре освободили, и доставлена в Токио[108]. Вот так и получилось, что

незаметной тихой портнихе Китабаяси суждено было стать первым ключом к разгадке развертывающейся драмы, способной потрясти общество. На допросах в полицейском участке, расположенном близ нового убежища Мияги, ее спрашивали о связях с японцами — членами Американской коммунистической партии, и она, очевидно, наивно полагала, что и он тоже уже арестован, потому назвала его имя следователю. Мияги не был известен японской полиции и позднее с грустью заметил, сколь высокой оказалась цена тех обрывков сплетен, которыми снабжала его Китабаяси.

«После ее возвращения в Японию я навещал ее всего дважды в год. Если я и получал от нее какую-либо информацию, то это была, как правило, случайная, незначительная информация, которую она сама узнавала чисто случайно, такая, например, как слух, что армия роет туннель в тьш советских войск; урожай риса; условия жизни семей, в которых мужчины призваны на военную службу; нормирование потребления риса; нежелание фермеров увеличивать посадки риса и предпочитавших выращивать более прибыльные вещи, такие, как апельсины или груши».

Информатору столь низкого уровня, которого Мияги всегда вспоминал добром, как свою хозяйку в Лос-Анджелесе четырнадцать лет назад, суждено было стать первым слабым звеном в цепи, приведшим к провалу всей группы Зорге.

В ходе арестов всех подозреваемых в коммунистической деятельности полиция 11 октября арестовала и Мияги, явившись к нему домой. Полиция, вероятно, надеялась вскрыть связи между подрывными группами в Японии и японской секцией Американской коммунистической партий. Однако во время обыска, проведенного у Мияги, полиция с удивлением обнаружила среди других документов переведенный на английский язык секретный меморандум из офиса ЮМЖД. Как заметил позднее старший прокурор, «нам показалось странным, что у художника могут находиться документы такого рода».

В часы, последовавшие после его ареста, и в ходе суровых допросов Мияги отказывался признать, что он шпион. Но он был очень слаб здоровьем, поскольку страдал от туберкулеза, и был очень нервным. В один из первых дней Мияги выбросился на улицу со второго этажа из окна полицейского участка в Токио. Он упал на верхние ветви деревьев и сломал ногу. Полицейский прыгнул за ним следом, и Мияги принесли обратно. Допросы продолжались. Утром следующего дня, 12 октября, он сделал «добровольное заявление». Следователь позднее записал, что «он достаточно успокоился, чтобы дать полный отчет о подробностях

своего преступления, и я смог удостовериться, что все, сказанное им, правда».

Мияги признал, что он был членом шпионской группы, действовавшей в Токио и состоявшей из Зорге, Вукелича, Клаузена, Одзаки и Каваи. В результате наблюдения, установленного полицией за домом Мияги после его ареста, 13 октября были арестованы переводчик Акияма и субагент Куцуми Фусако.

Следователь, который вел дело Мияги, сразу же доложил о своих открытиях иностранной секции Специальной высшей полиции и получил для ознакомления заранее подготовленное конфиденциальное досье на Зорге и других иностранцев, входивших в группу. Иностранная секция заметила, что Зорге был влиятельным помощником германского посла Отта по вопросам, связанным с информацией, и что было бы невероятно, если бы он оказался советским шпионом. Полиция не верила в возможность возбуждения дела против него и противилась аресту Зорге из-за его близости к Отту и из опасения, что это может нанести ущерб германо-японским отношениям. И потому было решено заняться пока одним Одзаки и другими японцами, имена которых назвал Мияги, «и позволить будущему развитию событий определить, стоит или нет брать под арест иностранцев».

Как писал в тюрьме Одзаки, «утром 15 октября 1941 года полчища прокуроров обрушились на нас. У меня **в** течение нескольких дней были дурные предчувствия, **И в** то утро я уже знал, что близок час расплаты. Убедившись, что Йоко ушла в школу, поскольку мне страшно не хотелось, чтобы дочь присутствовала при этом, я ушел из дома, даже не взглянув на жену и ничего не сказав ей на прощание. Я чувствовал, что с моим арестом все кончится. И все кончилось.

Когда меня допрашивали в тот день после полудня, вопросы касались, как я и ожидал, моих отношений с Зорге. ***Я*** понял, что раскрыта вся сеть, и сказал себе, что все кончено».

В день своего ареста Одзаки сделал заявление, аналогичное заявлению Мияги. Стало ясно, и достаточно подробно, что это была советская шпионская группа, и к вечеру 15 октября дело против Зорге было открыто. Прокуроры тогда допрашивали Одзаки и Мияги «с особым упором на все, что касалось цепочки связей в организации Зорге» и потом представили в свой офис основания для ареста Зорге, Клаузена и Вукелича.

Сначала министр внутренних дел противился этому по причинам дипломатического характера, однако уже на следующий день, 16 октября, принц Коноэ подал в отставку с поста премьер-министра. Одним из первых назначений,

сделанных новым кабинетом генерала Тодзио, стал министр юстиции Ивамура Мичо, занимавший тот же пост в предыдущем правительстве. Управление прокуратуры представило ему краткую сводку заявлений, сделанных Одзаки и Мияги, вместе с просьбой о санкции на арест Зорге. Важные части меморандума были подчеркнуты красным карандашом, поскольку всем было известно, что Ивамура, как правило, читал лишь то, что было подчеркнуто красным. Министр находился в хорошем расположении духа по случаю своего назначения и потому дал согласие на арест, не особенно углубляясь в размышления о важности этого дела.

Во вторник вечером 14 октября Зорге договорился с Одзаки о встрече в ресторане «Азия» в здании КЭМЖД. Однако он прождал напрасно. Через два дня к Зорге должен был прийти Мияги, однако он тоже исчез. В пятницу 17 октября к Зорге по предварительной договоренности пришли Клаузен и Вукелич. Встреча прошла в атмосфере растущего беспокойства. Вукелич позвонил Одзаки в офис ЮМЖД, но не получил ответа.

Вот как описывает Клаузен ту последнюю встречу европейцев — членов группы Зорге:

«17 октября, около 7 часов вечера я пришел к Зорге, который находился тогда в постели, чтобы поговорить о нашей тайной работе. Когда я пришел, они с Вукеличем выпивали, и я присоединился к ним, открыв бутылку саке, которую принес с собой. Атмосфера была тяжелой, и Зорге мрачно сказал — как если бы наша судьба была предрешена: «Ни Джо, ни Одзаки не явились на встречу. Должно быть, их арестовала полиция».

Меня охватил непонятный страх, и минут через десять я ушел. Мы не говорили, что мы будем делать, если нас арестуют».

Зорге впервые сказал Клаузену, что «Отто» и Одзаки — одно и то же лицо, только тогда Клаузен узнал, кто стоял за именем «Джо» в телеграммах, которые он передавал в Москву.

В субботу 18 октября 1941 года около 5 часов утра детектив Охаси из Специальной высшей полиции пришел в полицейский участок Ториизака в Токио, расположенный в двухстах ярдах от дома Зорге. В этот ранний час у дома Зорге стояла машина германского посольства. Присутствие германского чиновника вызвало некоторое замешательство полиции, и группа прокуроров под началом Йокикава Митцусада решила подождать[109]. Как только машина уехала, вся компания ворвалась в дом. «Несколько смутившись, Охаси закричал: «Мы пришли по поводу недавней аварии с вашим мотоциклом», и без дальнейших слов Зорге, в пижаме и шлепанцах, втолкнули в полицейскую машину. При этом он громко протестовал, что его арест незаконный.

Компания направилась в полицейский участок Ториизака, но, чтобы избежать каких-либо неосторожных расспросов со стороны пронырливых журналистов, Зорге тут же перевели в следственную тюрьму Сугамо.

Выходя накануне вечером из дома Зорге, Клаузен нос к носу столкнулся с детективами из полицейского участка, расположенного около его дома, с которыми он, как иностранец, поддерживал обычные отношения в течение многих месяцев. Клаузену стало ясно, что за ним идут по пятам, и более назойливо, чем обычно.

На следующий день рано утром один из тех же самых полицейских вошел в дом Клаузена и направился прямиком в спальню. Клаузену объявили: «Мы бы хотели, чтобы вы отправились с нами в полицейский участок, чтобы ответить на некоторые вопросы об автоаварии, в которую вы недавно попали».

«Вспоминая все, что я слышал накануне вечером, я предчувствовал, что раскручивается нечто более серьезное, чем простая автоавария. Я торопливо позавтракал и рассеянно собирался, не способный ясно мыслить, и ушел из дома в сопровождении полицейских. На улице ждала машина, в которой сидели двое в штатском.

Когда машина двинулась, но не в участок Ториизака, а в другом направлении, я предоставил себя судьбе. Меня доставили в полицейский участок Мита».

Арестом Вукелича, также проведенным ранним утром 18 октября, был завершен захват всех европейцев — членов группы Зорге, за исключением Анны Клаузен, арестованной 19 ноября.

Японская полиция с бюрократической дотошностью произвела перепись всех вещей, находившихся в доме Зорге. Эти незначительные предметы — материальные доказательства шпионажа — должны были сформировать первоначальную зловещую основу в цепи доказательств обвинений, которые будут выдвинуты против него в ближайшие месяцы. Список включал в себя три фотоаппарата, одну фотокамеру с необходимыми принадлежностями, три фотолинзы (одна из которых телескопическая), фотопринадлежности, черный кожаный бумажник с 1782 долларами, шестнадцать записных книжек с подробностями связей с агентами и финансовыми расчетами, партбилет члена нацистской партии на имя Зорге и список членов партии, проживающих в Японии, Германский статистический ежегодник в двух томах (источник шифровальных таблиц), семистраничный отчет и схема, составленные на английском языке и, наконец, самое роковое — две странички машинописного наброска, также на английском, представляющие собой

заключительное послание, готовое к отправке в Москву 15 октября. В доме Клаузена был найден экземпляр этого же сообщения, наполовину зашифрованного, что дало основу для начала долгой драмы допросов.

Как бы в противовес этому материалу, вскрывающему незаконную деятельность, полиция заметила и обширную научную библиотеку, вполне подходившую для работы какого-нибудь ни в чем не повинного специалиста по японской истории и литературе или писателя, состоявшую из более чем тысячи томов. На столе рядом с кроватью лежал открытый томик стихов японского поэта шестнадцатого века. Полиция также обнаружила рукопись объемом в триста машинописных страниц — первоначальный набросок книги о современной Японии, которую Зорге упорно хотел завершить.

В эти октябрьские дни все стрессы и напряжение подпольной работы, наряду с растущим риском быть пойманными после столь долгого периода действия начали сказываться на членах группы Зорге.

Кроме приема и передачи радиосообщений, Клаузен отвечал также и за их шифровку и дешифровку, вел финансовые отчеты и время от времени выступал в качестве курьера, а также поддерживал связь с Зайцевым из советского посольства[110]. Его коммерческое предприятие процветало, и оттенок капиталистического самодовольства и благодушия начал проявляться в его натуре. Когда в конце 1940 года московский Центр прислал также сообщение: «Используйте часть прибылей «Клаузен и К» в качестве денежного источника для вашей группы», это вызвало сильнейшее раздражение Макса.

Кроме неприятностей подобного рода, Клаузен испытывал постоянное нервное напряжение из-за ненависти, которую питала его жена к его разведывательной работе на Советский Союз. Ее личная лояльность, казалось, вот-вот иссякнет. Клаузен становился все более вялым, расхлябанным. Он не удосужился даже сделать финансовый отчет группы за 1941 год, «поскольку утратил всякую веру в успех нашего дела и забросил все мои обязанности». Он с запозданием передавал радиосообщения в московский Центр, а тексты сообщений стали постепенно скапливаться у него на столе. Десять из таких текстов, написанных по-английски, были найдены полицией во время его ареста.

Подобное настроение переживал и Вукелич. Ему так и не удалось наладить гармоничные отношения с Зорге. «Зорге относился ко мне, как к постороннему, во всем, что касалось его

группы. До самого конца я не мог избавиться от этого чувства… Первое его впечатление обо мне было неблагоприятным для меня, и, вероятно, именно поэтому он всегда считал, что я не слишком серьезно отношусь к работе».

Так же, как и в случае с Клаузеном, женское влияние играло очень большую роль в «нелегальной» деятельности Вукелича. Его брак с Эдит потерпел крах и закончился разводом. При этом сама Эдит также бьша невольным и ненадежным свидетелем деятельности группы, и поскольку в дальнейшем она стала представлять собою все больший риск для безопасности группы, Зорге добился разрешения Москвы на финансирование ее отъезда из Японии. По словам Клаузена, написанным в тюрьме, Вукелич пытался уговорить Эдит уехать вместе с сыном в Москву. «Но поскольку моя жена (Анна) порассказала Эдит о жизни там, Эдит решила отправиться в Австралию, и Вукелич был этим доволен».

В августе или сентябре 1941 года Зорге радирует в московский Центр:

«Разведенную жену Жиголо (Вукелича) с сыном ее младшая сестра пригласила в Австралию и в создавшихся обстоятельствах почти невозможно воспрепятствовать ее отъезду. Хотя Фриц (Клаузен) использовал их дом в качестве одной из баз для радиосеансов, он считает, что мы можем работать и без нее. В любом случае, ее отъезд приведет к уменьшению наших ежемесячных расходов. Требуется дополнительная сумма в 400 долларов для ее поездки через вашего человека (т. е. Зайцева в советском посольстве), а также разрешение отправить ее».[111]

В сентябре Зорге получил указание оплатить ей проезд в Австралию, и Эдит Вукелич отплыла в конце месяца, вызвав вздох облегчения у всех членов группы.

В январе 1940 года Вукелич вновь женился. Его вторая жена был японкой и ничего не знала о тайной деятельнос-ти мужа, тем более что с мая 1935 года он устроился на вполне удовлетворяющую его законную работу во Французском агентстве новостей Гавас. Вукелич был счастлив в своей новой семье, а после рождения сына из-за постоянного страха, что жена может узнать об истинной природе его деятельности, он все более неохотно продолжал подвергать себя ежедневному риску работы на группу. Он стал всячески уклоняться от работы. Клаузен писал о нем: «Когда я впервые приехал в Токио, он очень много работал на группу, но чем дальше, тем больше он оказывался всегда занят чем-то другим, когда считалось, что он работает на Зорге… Я уверен, что в конце он окончательно забросил все дела. Временами, когда Зорге хотел увидеться с ним, он исчезал из виду на целую неделю. Зорге сильно сердило, но я не говорил

ему, почему Вукелич старается не показываться. Я хорошо понимал Вукелича, потому что и сам тоже порвал с коммунизмом».

Зорге не мог не чувствовать, как сгущалась вокруг него атмосфера. Однако сама природа его положения руководителя группы ограничивала его личные контакты со своими сотрудниками, да и тот образ шумного и пьющего человека, который выставлялся им напоказ, все больше отделял его от членов группы. У Зорге было мало общего с Клаузеном с его комплексом неполноценности, проявлявшимся в общении с интеллигентными людьми, и с Вукеличем — человеком несколько рассеянным. А вот Одзаки был равен ему по интеллекту, да и талантливый, тонкий художник Мияги неплохо ладил с ним.

Именно с Мияги Зорге встречался чаще, чем с другими, обсуждая и анализируя — после перевода на английский — материал и устные доклады Одзаки, а также разведданные, собранные самим Мияги. И именно от Одзаки, своего ближайшего сотрудника, Зорге получил, не считая собственного источника в германском посольстве, самые потрясающе ценные разведданные, когда-либо посылаемые в Центр его группой. «Я знал, что Одзаки был надежным человеком. Я знал, как далеко я могу заходить в разговорах с ним, и я не мог спрашивать больше. И потому, если, например, Одзаки говорил, что какие-то данные он получил от кого-то из приближенных Коноэ, я принимал его слова на веру. И так оно всегда и было».

Позднее Вукелич живо описал ту атмосферу, которую создавал Зорге как руководитель в своей группе.

«Общая атмосфера, в которой проходила наша работа, была одним из показателей, что наша организация была по сути своей коммунистической. Наши политические встречи проходили в товарищеском духе. Эти встречи не носили ни намека на формальную дисциплину. Зорге держал за правило не увлекаться теоретическими спорами по политическим вопросам. Я уверен, для того чтобы избежать проявления троцкистской ереси, Зорге никогда нам не приказывал. Он лишь объяснял, какими могут быть наши первейшие обязанности и что каждый из нас должен сделать. Он мог намекнуть одному или двоим из нас, какими средствами лучше всего можно было бы добиться выполнения задач, стоящих перед нами. Или иногда мог сказать: «Как насчет того, чтобы сделать то-то и так-то?» Мы с Клаузеном, по правде говоря, были неуклюжими, неловкими исполнителями и не всегда вели себя дисциплинированно. И тем не менее Зорге на протяжении всех девяти лет, за исключением одного-двух раз, когда он был сильно обижен, никогда не переходил на

официальную манеру общения. И даже когда он был обижен, он лишь взывал к нашей политической сознательности и более всего к узам дружбы. Он никогда не апеллировал к другим мотивам. Он никогда не угрожал нам и никогда не делал ничего, что можно было бы счесть угрозой или чисто требованиями формальной дисциплины.

Это самое красноречивое доказательство того, что наша группа не носила военного характера. Вся атмосфера в ней больше всего напоминала атмосферу марксистского клуба, в который я входил в Югославии. И это во многом благодаря личному характеру Зорге. Атмосфера была товарищеской, совершенно исключающей военную дисциплину и как хорошие, так и плохие стороны военной организации».

Среди многих заявлений, сделанных Зорге в японской полиции после ареста, нет ни намека на его разочарование в московском начальстве в течение последних месяцев его деятельности в Токио, никаких признаков сомнений, которые посетили бы его за время его пребывания в России в 1935 году, когда в Советском Союзе вовсю разворачивался Джаггернаут (безжалостная неумолимая сила) сталинского террора. Он до конца сохранил непоколебимую веру в будущее международного коммунизма, давая показания японским следователям.

Единственный намек на его собственную слабость и депрессию дают опубликованные в постсталинской советской прессе выдержки из личного дела Зорге. «Он не знал, что генерал Берзин, завербовавший его в 1929 году (если не раньше) в качестве офицера советской разведки, и его непосредственный начальник в 4-м Управлении «Алекс» Борович были казнены в ходе чисток, однако он не мог не почувствовать перемен». В письме, отправленном на имя «Директора» московского Центра, которое по некоторым данным должно быть датировано октябрем 1940 года, он писал:

«К сожалению Макс (Клаузен) так серьезно болен, что не приходится рассчитывать на возвращение его прежней работоспособности. Он проработал здесь пять лет, а местные условия могут подорвать и самый крепкий организм. Сейчас я освоил его работу и возьму ее на себя.

Что до меня, то я уже сообщал вам, что пока идет война в Европе, я останусь на своем посту. Но поскольку немцы здесь говорят, что война скоро кончится, я должен знать, что будет дальше со мной. Могу ли я рассчитывать на то, что смогу вернуться домой в конце войны? Мне только что исполнилось сорок пять, из них одиннадцать я на задании. Пришло время для

меня устроиться, осесть, положив конец кочевому существованию, и использовать тот огромный обширный опыт, который я приобрел. Я прошу вас не забывать, что я жил здесь без перерыва — в отличие от других «респектабельных иностранцев», — не беря отпуск каждые три-четыре года. Это может выглядеть подозрительно.

Остаемся, да, верно, с подорванным здоровьем, но всегда ваши верные товарищи и соратники».

Послание, написанное явно в приступе депрессии, ярко обнажает чувство оторванности, изоляции и небезопасности «нелегальной» работы и двойного существования в далекой и враждебной стране[112].

Почти ровно год спустя после бесспорного, хотя и непризнанного триумфа группы Зорге вновь возвращается к той же теме, однако на этот раз с чувством выполненного долга. 15 октября 1941 — в день ареста Одзаки, о котором Зорге пока не было известно — он набросал телеграмму в Москву следующего содержания:

«Мы глубоко взволнованы и внимательно следим за борьбой вашего народа с Германией. Нам очень жаль, что мы должны оставаться здесь, где не можем оказать вам никаких серьезных услуг или помощи.

Фритц (Клаузен) и Фикс (Зорге) хотели бы знать, не следовало бы им вернуться домой или отправиться в Германию, чтобы там заняться новой работой. Они сознают, что любое из этих заданий было бы крайне трудным, но мы знаем работу и верим, что, пересекая границу, чтобы работать под вашим руководством, или же отправившись в Германию, чтобы заняться там новой деятельностью, мы смогли бы сделать что-нибудь полезное. Ждем вашего ответа».

Когда впоследствии японский предварительный суд, рассматривавший его дело, спрашивал Зорге, не просил ли он Москву о возвращении из-за того, что «чувствовал, что опасность нарастает», Зорге ответил: «Нет. Скорее потому, что я завершил свою миссию в Японии и хотел продолжить работу в Москве или в Европе. Когда я говорю, что «моя задача была выполнена», я имею в виду, что я убедился, что Япония не вступит в войну против Советского Союза».

Чувствуется, тем не менее, дух усталого идеализма в этом послании. После разговора с Клаузеном было решено подождать несколько дней, прежде чем отправлять его. И в результате текст его так и остался лежать на столе Зорге, не дождавшись отправки в Москву.

Опасность все ближе подходила к группе Зорге с самых разных и, казалось бы, не связанных между собой сторон. Все аресты производила Особая высшая полиция, подчинявшаяся министру внутренних дел, в чьи функции входило расследовать дела подозреваемых в «левых» симпатиях. Именно при выполнении этой особой задачи след привел от Ито Ритцу к Китабаяси Томо, а через нее — к Мияги. В Министерстве внутренних дел царили тревога и замешательство, когда след этот в конце концов вывел на европейскую шпионскую группу.

Дела о шпионаже входили в компетенцию Военной полиции (Кемпетай). Между двумя этими организациями, военной и гражданской, нередко случались стычки: соперничество возникало на почве подсудности тех или иных дел, и дело Зорге являет собой яркий пример такого соперничества. После произведенных арестов одного из гражданских прокуроров, занимавшихся этим делом, вызвали в Управление военных дел Министерства обороны, которому подчинялась Кемпетай, и сказали: «Мы давно шли за Зорге по пятам. На самом деле именно армия следила за его подпольной деятельностью. Но в конце нас оттеснили посторонние, не имеющие к этому делу никакого отношения».

О существовании шпионской группы, действовавшей в Японии, было известно военной разведке, поскольку уже с 1938 года подслушивающие станции министерства связи как в Корее, так и на территории самой Японии занимались радиоперехватом загадочных сообщений. Первый такой перехват датирован июлем 1938 года, но ни точное местоположение передатчика, ни принадлежность группы, похоже, так и не были установлены военной полицией до самого ареста Зорге и его сотрудников, произведенного Особой высшей полицией. Поскольку последняя контролировала все дело, японские военные власти так никогда и не сообщили своему гражданскому двойнику, проводили ли они какое-либо расследование, направленное на то, чтобы выследить группу, о чьем существовании уже знали.

Представитель гестапо в Токио полковник Мейзингер, однако, позднее утверждал, что в ходе таких предварительных расследований деятельности Зорге японская военная разведка не только перехватывала некоторые из радиосообщений Клаузена, но и не уничтожила радиостанцию лишь потому, что желала выследить источник данных, большую часть которых могли поставлять лишь высшие чины японского правительства. Японские власти также хвалились перед Мейзингером, что они даже перехватили сообщение из Москвы, в котором Зорге благодарили за своевременную информацию о нападении

Германии на Россию.

Похоже, что в течение нескольких месяцев до своего ареста в октябре 1941 года Зорге был объектом более явной полицейской слежки, нежели обычно, даже несмотря на свое европейское происхождение и близкие отношения с германским послом. Как говорит об этом офицер полиции, который арестовывал Зорге, «причина, почему за Зорге зорко наблюдали власти, как за подозрительной личностью, была в том, что хотя он занимал положение всего лишь специального корреспондента «Франкфуртер Цайтунг», но пользовался абсолютным доверием германского посла Отта и мог приходить, когда хотел, когда дело касалось доступа в посольство. Более того, у него была репутация человека, «знавшего все». Иностранная секция «Токко» (Особая высшая полиция) сильно подозревала, что он не только корреспондент».

В августе Ханако-сан пригласили в полицейский участок и посоветовали прекратить всякие отношения с Зорге, на что она, сардонически усмехнувшись, ответила, что приглашает начальника участка на обед.

Предполагалось также, что подозрений японской полиции возбуждала неосмотрительность полковника Мейзингера, перед которым стояла задача докладывать о немцах, живущих в Японии, и поддерживать связь с японскими властями, наблюдая за подозрительными личностями. Перед отъездом в Токио начальство приказало Мейзингеру заняться расследованием деятельности Зорге, и, хотя отчет его был благоприятен для Зорге, Мейзингер сказал, что ему было велено обсудить этот вопрос с японской полицией, что и побудило последнюю заняться своим собственным расследованием.

Аресты Одзаки и Мияги сразу же вскрыли не только существование группы Зорге, но и тревожные утечки информации сверху, из кругов, близких к принцу Коноэ, и касающиеся японо-американских переговоров. Вероятно, именно эти разоблачения, полученные от Одзаки и Мияги, и привели Управление прокуратуры к решению о необходимости немедленного ареста Зорге и его со-трудников-европейцев.

Японская полиция также утверждала, что обнаружила, что Зорге должен был отплыть из Японии на пароходе в Шанхай, однако эти данные ничем не подтверждены. Ясно лишь, что, находясь на грани ареста, Зорге считал свою миссию законченной, и в этом-то все Дело.

Глава 15. ТОКИЙСКАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ ТЮРЬМА

Как мне хотелось улететь с этими воробьями в небеса Сибири!

Зорге, в тюрьме Сугамо

Так исторически сложилось, что судебная процедура в Японии еще со времен эры Мейдзи испытала на себе глубокое влияние юридической системы Франции. Позднее, в первой половине двадцатого столетия, и до самых реформ оккупационного периода определяющим становится влияние германской судебной системы. Кодекс наказаний 1907 года и Кодекс судебной процедуры (действовавший с 1923 по 1948 год) основывались на соответствующих германских кодексах и исповедовали то, что можно было назвать «полуобвинительным принципом».

Другими словами, любого подозреваемого, находившегося в заключении в полиции, могло ожидать долгое следствие, а уж насколько долгое — это зависело от тяжести и сложности предполагаемого преступления. В серьезных случаях допросы обвиняемого могли продолжаться год и более, а сам по себе суд зачастую был не более, чем пустой формальностью, когда председательствующий и его коллеги задавали подсудимым несколько вопросов утвердительного характера и предоставляли адвокату некоторую возможность для защиты.

В случае если выдвигались серьезные обвинения, следствие, предшествующее суду, проходило три последовательные стадии: следствие в полиции, следствие, проводимое прокурором, и следствие, проводимое предварительным судом. Как правило, первая стадия проходила в полицейском участке, вторая — в тюрьме предварительного заключения (или в следственной тюрьме), а вот третья — в окружном суде. И если первая и вторая стадии расследования могли частично пересекаться, то следствие предварительного суда не могло начаться до тех пор, пока прокурор не закончит свое расследование.

Ключевой фигурой всего процесса следствия от ареста до вынесения окончательного приговора был прокурор. Предполагалость, что уже следствие в полиции проходило под его руководством и именно он решал, доводить или нет дело до предварительного суда. Ибо последний, как правило, в большей

степени занимался повторением проведенных ранее допросов. Подобно прокурору, предварительный суд расследовал не только факты, относящиеся к данному делу, но также — как писал один знаток — и «те субъективные и психологические составляющие преступления, которые часто могут быть точно доказаны лишь заявлением самого обвиняемого о них». Однако предварительный суд, допрашивая обвиняемого, исходит из заключения, представленного прокурором, и в ходе суда прокурор сидит выше обвиняемого и его адвоката, что фактически ставит его на одинаковый уровень с председателем суда.

По своему статусу прокурор и в самом деле был едва ли ниже судьи. Они получали почти одинаковую зарплату, однако именно у прокурора было больше шансов продвинуться по службе, количество высокооплачиваемых должностей на обеих ветвях юридической профессии было почти одинаковым, однако судей было намного больше, чем прокуроров.

Что касается защитников, их в целом считали людьми подчиненными по отношению к судьям или прокурорам. В уголовном деле защитник не имел никаких фактических прав в ходе всего долгого процесса следствия, и его функции были значительно урезаны. Редко, когда он пробовал «прощупать»» дело, не идя дальше того, чтобы узнавать факты у своего подзащитного. Он также расспрашивал родственников и друзей обвиняемого, пытаясь получить данные, которые можно было бы представить в суде в качестве смягчающего обстоятельства. Почти во всех случаях целью защитника было добиться вынесения его клиенту более мягкого приговора или, самое лучшее, приговора с отсрочкой исполнения.

Прокурором, непосредственно отвечавшим за следствие по делу Зорге, был назначен Йосикава Мицусада из Идеологического департамента Управления прокуратуры токийского окружного суда[113]. Прокурору Йосикаве было тридцать четыре года — он был на двенадцать лет моложе Зорге. Для японца он был довольно развит физически: широкий в кости, чуть выше среднего роста. Его продолговатое лицо с твердо сжатым ртом и резко очер-ценными скулами говорило о характере решительном и независимом.

Йосикава чрезвычайно хорошо разбирался в вопросах текущей политики и экономики, включая марксизм. Ходили слухи, что он и сам был марксистом, еще будучи студентом Токийского императорского университета, вскоре после окончания которого он написал исчерпывающее исследование Рисового бунта 1918 года.

Переводчиком был назначен профессор Икома, преподаватель

немецкого языка в Токийской школе иностранных языков, и оставался им на протяжении всего процесса по делу Зорге. Описывая Йосикаву того времени, Икома пишет о его моложавой внешности, однако добавляет: «Он уже успел приобрести многие из характерных черт прокурора идеологического департамента и на допросах с большим мастерством чередовал жесткие и мягкие подходы в отношении к подследственному. Похоже, что и сам Зорге до некоторой степени восхищался им».

Как мы видели, в полицейском участке Ториизака Зорге продержали совсем недолго. Первая стадия расследования — допросы в полиции — началась в следственной тюрьме, которая была частью тюрьмы Сугамо, расположенной в северном пригороде Токио.

В течение первых нескольких дней Особой высшей полиции под руководством Йосикавы и других прокуроров не удалось вытянуть из Зорге никаких признаний того, что он работал на Советский Союз или Коминтерн, ибо Зорге с самого начала подтвердил, что занимался сбором секретной информации, однако настаивал, что работал на германского посла, а не на русских, и потому снова и снова требовал свидания с генералом Оттом.

Утверждение, что он шпионил для Отта, было изобретательным и остроумным и, в конечном итоге, не таким уж неправдоподобным. Возможно, Зорге мог питать слабую надежду, что его требование будет удовлетворено. Но даже если и так, его позиция все равно по-прежнему оставалась уязвимой, но уже не отчаянной. Он знал, что приближается война на Тихом океане. Фактически было уже твердо решено, что очень скоро Япония станет сражаться бок о бок с Германией против Англии и Голландии. Но если, что казалось весьма вероятным, Япония поднимет оружие не только против Англии и Нидерландов, но и против Соединенных Штатов, будут ли Гитлер и Муссолини соблюдать свои обязательства по Пакту о тройственном союзе? Объявят ли они войну Америке? Таков был главный вопрос, который Япония не уставала задавать себе и своим союзникам по оси.

И Зорге непременно должна была приходить в голову мысль, что в тот момент, когда их отношения с Америкой были близки к разрыву, японцы не будут так глупы, чтобы рисковать оскорблять германское посольство. Арестовать важного германского корреспондента, занимающего полуофициальный пост в германском посольстве, — это одно, а вот отказать германскому посольству в любых контактах с ним — это совсем другое.

Зорге был арестован 18 октября, в субботу утром. Наступил

понедельник, но по-прежнему не было ни намека на то, что ему позволят встретиться с Оттом или с кем-либо еще из посольства, и с каждым часом росла мучительная вероятность того, что следователи говорили правду, утверждая, что у них имеются убийственные доказательства против арестованного. В чем бы ни признались Одзаки и Мияги и какой бы документальный материал ни был найден в их домах, все можно было отнести к разведданным, собранным для посла Отта. Слабыми звеньями, с точки зрения Зорге, были Клаузен и Вукелич — особенно первый. Очень многое зависело от того, обнаружен ли радиопередатчик Клаузена, и если да, то где. По словам одного из источников, Клаузен стал давать показания сразу в день ареста, 18 октября. Йосикава, однако, вспоминает, что Клаузен признался во всем лишь «на третий или четвертый день после ареста». Другими словами, во вторник 21 октября или в среду 22 октября[114].

В заявлении, подготовленном, когда следствие в полиции подошло к концу, Клаузен, говоря о Зорге, заметил, что это был «человек, который не смог выдержать некоторых условий».

«Я считаю, поскольку это очевидно, что после ареста он сказал все. Если бы в момент ареста он остался твердым коммунистом, он придержал бы язык и не говорил всего».

Нет сомнения, что полиции удалось убедить Клаузена, чтобы подвигнуть и его рассказать все, что Зорге сразу сознался во всем, как только его арестовали. Но представляется маловероятным, что Макс Клаузен нашел бы в себе смелость добровольно делать подобные высказывания, если бы сам он не оказал не более, чем символическое сопротивление следователям в период, последовавший сразу после его ареста. В таком случае вполне возможно, что он молчал до 22 или 23 октября. Что же касается Вукелича, то сохранившиеся скудные данные дают основание предполагать, что он сознался во всем после Клаузена.

Прокуроры хотели получить признание Зорге, в виновности которого они не сомневались — и не без основания, — прежде чем позволить ему встретиться с генералом Оттом. И они действительно сделали все, чтобы такая встреча никогда не состоялась. Однако их заставили. Столкнувшись с кризисом первой величины в отношениях с Соединенными Штатами, новый премьер-министр генерал-лейтенант Тодзио в ответ на прямое обращение германского посла почувствовал настоятельную необходимость убедить министра юстиции позволить Отту увидеться с Зорге.

Тодзио, хотя и не был тогда диктатором, но обладал в то время чрезвычайной властью, поскольку в октябре 1941 года был не только премьер-министром, но и занимал посты министра

внутренних дел и министра обороны. Однако чиновники японской юстиции, включая, конечно, и Управление прокуратуры, сформировали, начиная с конца девятнадцатого века, традицию стойкой независимости. Они даже несколько демонстративно не поддавались политическому давлению[115].

Вот эту-то стойкую профессиональную независимость японской юстиции Зорге, к сожалению, недооценил, когда рассчитывал, что соображения дипломатического характера вынудят японские власти принять вмешательство Отта в дело Зорге. Однако Министерство юстиции в Токио никогда не склоняло головы перед Министерством иностранных дел.

Когда впоследствии прокуроры пусть неохотно, но пришли к согласию предоставить Отту возможность увидеться с Зорге, они уже были уверены, что встреча эта должна быть столь краткой и так обставлена формальностями, что утратит всякий смысл.

Прокурор Йосикава вспоминает, какие ограничения должны были соблюдаться во время этой встречи:

«Я установил следующие условия встречи:

(1) Никаких упоминаний о деле, по которому идет следствие.

(2) Я должен присутствовать на встрече.

(3) Продолжительность встречи должна быть ограничена пятью минутами.

(4) Отт должен обращаться к Зорге первым. Его слова должны были переводиться переводчиком на японский. Если я одобрю их, то подниму руку, и тогда Зорге будет позволено ответить».

В своих показаниях перед комиссией по антиамериканской деятельности в Вашингтоне в августе 1951 года и в интервью, данном им в Японии десять лет спустя, Йосикава подтверждал, что Зорге в конце концов признал, что был коммунистическим агентом, и что случилось это 25 октября в субботу, ровно через неделю после его ареста. Более того, Йосикава заявил, что произошло это еще до встречи Зорге о Оттом. Старший коллега Йосикавы, Тама-зава, также утверждает, что свое первое признание («мне и Йосикаве») Зорге сделал в «субботу вечером, через пять или шесть дней после ареста».

Однако первая телеграмма Отта в Берлин, касающаяся дела Зорге и датированная 23 октября, включает следующее утверждение: «Как только это стало возможно, нанес короткий официальный визит Зорге». И это был визит, который японцы описывали как «особый и разрешенный исключительно о учетом дружественных отношений между Японией и Германией».

Отсюда ясно, что встреча Отта с Зорге состоялась не позднее вторника 23 октября. И если верно, что Зорге не признавался ни в чем до 25-го числа, то тогда выходит, что Йосикаву подводит

память, когда он утверждает, что сопротивление Зорге было сломлено до прибытия Отта в тюрьму Сугамо. Цитируем Йосикаву:

«Тодзио сказал министру юстиции, что он должен позволить Отту встретиться о Зорге. Случилось это в критический момент — следствие переживало кризис. Я хотел получить признание Зорге до того, как Отт увидится с ним. И Зорге действительно признался во всем этом еще до той встречи».

Признался Зорге 23-го или нет, встреча его с Оттом все равно стала эпизодом напряженным и болезненным. Генерал Отт вспоминает, что Зорге был сдержан и отказывался отвечать на некоторые вопросы, которые ему задавали, и, когда короткая беседа подошла к концу, Зорге попросил передать его наилучшие пожелания фрау Отт и семье посла. Рассказ Йосикавы о встрече между Зорге и Оттом лучше передать его собственными словами:

«Во время встречи Зорге выглядел совершенно опустошенным и лицо его выражало лишь необычайную скорбь и серьезность, и потому, как только Отт взглянул на него, он сразу оценил серьезность ситуации.

Отг сказал: «Ну, как вы себя чувствуете?»

Зорге ответил: «Все в порядке».

Отт: «Как вас кормят?»

Зорге: «Удовлетворительно».

Отг: «Вам что-нибудь нужно?»

«Нет, благодарю вас».

Потом Зорге сказал: «Это наша последняя встреча». После чего Отт, казалось, был явно тронут. Он был в форме и, по-солдатски отдав Зорге честь в прусском стиле, вышел из комнаты».

По словам Йосикавы, Зорге, уже признавшись во всем, неохотно пошел на встречу с послом. Он заявил, что в конце концов они с Оттом были хорошими друзьями, хотя и придерживались разных политических взглядов. Однако Йосикава сказал ему, что он должен встретиться с Оттом. «Японец в такого рода ситуации непременно пожелал бы увидеться, чтобы сказать последнее «прости»[116].

Переломным моментом для Зорге стал день, когда ему показали признания, сделанные Клаузеном и другими членами группы, и когда Йосикава обратился к нему в типично японской манере:

«А как быть с вашими человеческими обязанностями? Ваши сообщники, рисковавшие своими жизнями, работая на вас, признались во всем, надеясь таким образом пусть ненамного, но

смягчить свои приговоры.

А вы как руководитель собираетесь бросить их на произвол судьбы? Будь я на вашем месте, я бы признался».

Допрос шел в буддийской молельне тюрьмы Сугамо и главным следователем со стороны полиции был детектив-инспектор Охаси Хидео из Токко.

Неожиданно Зорге попросил бумагу и карандаш. Он написал по-немецки: «Я был членом Коминтерна с 1925 года». Потом смял бумагу в шарик и швырнул его через всю комнату. Вскочил на ноги и стал ходить по комнате. И вдруг разрыдался. «Я побежден, — кричал он. — Впервые в жизни я побежден»

Весной 1949 года американская военная разведка в Токио получила заявления, сделанные под присягой, от судебных чиновников, имевших отношение к этому делу, в которых они утверждали, что Зорге, Клаузен, Одзаки и Вукелич не подвергались оскорблениям или принуждению за все время их заключения, в том числе и в Токийским окружном уголовном суде. Среди сделавших такие заявления под присягой были прокуроры Тамазава и Йосикава, судья предварительного суда, допрашивавший Зорге и Одзаки, а также двое еще живущих судей из трех, судивших Зорге в окружном суде. Аффидевит такого же типа был написан и адвокатом, представлявшим интересы Зорге, Клаузена и Вукелича[117].

Если мы считаем возможным не придавать значения подобным заявлениям, это никоим образом не обвиняет чиновников в намеренном обмане, хотя маловероятно, чтобы, например, прокурор мог преуспеть в сокрытии случаев полицейской жестокости, делая вид, что в его присутствии это бьшо невозможно.

Во времена феодализма в Японии, как и в Европе, пытки считались неотъемлемой частью следствия, равно как и наказанием для изобличенных в отвратительных преступлениях. В обращении, адресованном им окружному суду летом 1943 года, Одзаки писал: «В феодальную эру я бы, вероятно, был в конечном итоге колесован или повешен на виселице, как совершивший политическое преступление против государства и потому приговоренный к вечному проклятию». И он не преувеличивал. Ныне живущие люди еще помнят те дни. Японское феодальное прошлое не столь далеко ушло.

До войны японская полиция имела всеобщую и вполне заслуженную репутацию жестокого учреждения. И особо жестокому обращению подвергались те, кого обвиняли в идеологических преступлениях, особенно те из них, кто

отказывался отречься от своих убеждений. Можно привести немало примеров, когда в период между двумя войнами заключенные умирали в полиции в результате жестокого обращения. Да мы и сами видели, что испытал Каваи в подвалах Чунциня[118].

Иностранцы тоже не были застрахованы от полицейской жестокости, хотя в общем с ними обращались более гуманно, чем со многими, если не с большинством японцев. Однако очень много неприятных и даже трагических эпизодов, включая и с находившимися в заключении иностранцами, уже имели место до того, как в декабре 1941 года началась война[119]. В день нападения на Пёрл-Харбор множество американцев и англичан были задержаны и допрошены по подозрению в шпионаже. Наблюдения, сделанные в полиции американским и британским послами нельзя отнести к недобросовестным. «Тупость этой японской полиции, — писал Грю, — была сравнима лишь с ее жестокостью». В заметках сэра Роберта Крэга читаем: «Я поставил себе за правило встречаться со всеми, кто пострадал в заключении…

Было много случаев непростительной грубости и даже физического насилия».

Двое из тех, кто был арестован, — Отто Толишус из «Нью-Йорк Таймс» и британская журналистка Филис Эргол из «Джапан Ньюсуик» — написали отчеты о ходе следствия, проводимого полицией и прокурорами и кончившегося фарсом окружного суда. Записки об испытаниях, через которые пришлось пройти двум журналистам, дают возможность заглянуть за закрытые двери тюрьмы Сугамо, где содержались Зорге и его сообщники».

Так, Толишуса в Сугамо допрашивала Особая высшая полиция в течение, по крайней мере, тридцати восьми дней между 3 января и 11 марта 1942 года, и допросы в среднем продолжались около четырех часов. Во время первых пяти допросов он был объектом жестокости, доходившей до пыток[120]. Однако после второй недели, в январе, его уже не мучили физически. Главный следователь отметил окончание стадии полицейского расследования, пригласив Толишуса тет-а-тет в кабинет, где предложил ему кофе, сигареты и газету, а также подарив ему пару башмаков в качестве прощального дара.

Испытания, перенесенные Филис Эргол в ходе полицейского расследования, были не такими тяжелыми. Находясь в Сугамо, она не подвергалась жестокому обращению или угрозе его, И даже, по ее словам, подружилась со следователем[121].

Отто Толишус и Филис Эргол не встречались с прокурором, пока полиция не закончила свое расследование, тогда как в

случае с Зорге, как мы видим, обе эти стадии проходили одновременно.

Отчет прокурора о следствии по делу Толишуса, продолжавшегося три недели, не был переведен с японского до тех пор, пока Толишуса не заставили поставить отпечаток пальца к японскому тексту. А когда Толишус опроверг несколько заявлений, приписываемых ему, прокурор твердо отказался изменить их и предостерег Толишуса против попыток добиться изменения документа в суде![122]

Открытый гамбит, разыгрываемый прокурором на ее допросах, пишет Филис Эргол, навсегда останется в ее памяти «как пример высшей степени глупости и пустоты».

«Однако, как бы ни были дружны мы лично, но наши страны находятся в состоянии войны, и на самом деле мы враги. А потому вы должны говорить мне правду. Мне бы хотелось, чтобы вы были со мной столь же откровенны, как со своей матерью»[123].

Филис Эргол не говорит, заставил ли ее прокурор подписать протокол против ее воли. Но у нее есть несколько красноречивых замечаний о том, как полиция обычно готовит протоколы допросов.

«Они никоим образом не записывали все, что мы им говорили. Они также обладали привилегией выбрасывать любую часть показаний или любой аргумент или относящееся к делу заявление, нисколько не считаясь с логической последовательностью или уместностью.

…Все эти заявления нужно было подписывать в конце каждого дня следствия, ставя отпечаток пальца. И если мы отказывались это делать, палец силой окунали в чернила и прикладывали к бумаге».

Однако Отто Толишусу и Филис Эргол повезло: они были избавлены от утомительной и тяжкой процедуры допросов предварительного суда, и после необычно короткого и поверхностного судебного заседания окружного суда их приговорили к восемнадцати месяцам тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговора. Это означало, что их могли репатриировать на обменном корабле. И если их арест и не имел отношения к делу Зорге, он, тем не менее, способствовал раздуванию долговременных подозрений полиции в отношении всех западных корреспондентов.

Едва ли можно отрицать, что Особая высшая полиция могла грубо и своенравно обращаться с попавшими к ней в руки подозреваемыми. Прокуроры — лучше образованные и намного более искушенные, чем полицейские, оставались, как правило, на

заднем плане, вне поля зрения, пока обвиняемого подвергали суровому обращению на первой стадии расследования.

Не существует достоверных данных, пытали ли Зорге или нет до того, как он согласился во всем признаться. Известно, что он столкнулся с непрерывными допросами во время первых дней своего пребывания в тюрьме Сугамо, продолжавшимися с раннего утра до позднего вечера. В отрывке из показаний Йосикавы в комиссии по антиамериканской деятельности подчеркивается тот факт, что такие допросы были сами по себе тяжким испытанием. (Воспоминания относятся к ситуации, сложившейся незадолго до того, как Зорге сломался.)

«Где-то часа в четыре мой коллега, прокурор Тамазава и полицейский пошли узнать, выдержит ли его здоровье продолжение допроса».

И все же, оставляя в стороне все самооправдательные заявления Йосикавы, инспектора Охаси и других, общее мнение тех в Японии, кто изучал дело или был близок к членам группы, склоняется к тому, что Зорге не подвергался физическим пыткам. В подобных случаях истина иногда имела обыкновение всплывать после войны, после освобождения политических заключенных, когда люди привыкали говорить свободно[124].

Из-за неожиданной серьезности дела Йосикава присутствовал на многих, если не на всех допросах, проводившихся инспектором Охаси и полицией. Йосикава утверждает, что вначале ему и его коллегам пришлось искать ответы на три вопроса. Был ли Зорге действительно германским шпионом (как он утверждал), который использовал коммунистические связи в Японии? Был ли он двойным агентом, работавшим как на Москву, так и на Берлин? Или он, притворяясь наци, шпионил только для Москвы?

Как только в результате драматического признания

Зорге в том, что он действительно коммунистический шпион, ответы на эти вопросы были получены, Йосикава и полиция прояснили для себя и другие основные вопросы. Был ли Зорге лишь коммунистическим шпионом, или же он работал и на Рузвельта? А будучи коммунистическим шпионом, работал ли он на 4-е Управление Красной Армии или же только на Коминтерн?

Первый пункт был скорее всего выяснен без особых трудностей, хотя инстинктивное подозрение могло заставить полицию довольно долго колебаться, прежде чем окончательно решить, что Зорге работал только на Россию. Второй из главных вопросов оказался более сложным. К этому времени Клаузен уже дал показания, что он был послан в Японию 4-м Управлением Красной Армии. Но, очевидно, Вукелич сообщил следователям, что Зорге работал на Коминтерн. А в своих ответах полиции,

равно как и прокурорам, Зорге умышленно затуманивал этот вопрос. Как он вынужден был признать позднее на заседаниях предварительного суда, он был «намеренно неточен» в письменном признании, которое он представил Йосикаве.

В действительности Зорге всячески затушевывал роль 4-го Управления, насколько это касалось его дела, заявляя, что его связи с ним были чисто техническими и организационными — как если бы Управление было не больше, чем промежуточная контора для докладов, предназначенных руководству Коминтерна и Коммунистической партии Советского Союза. Похоже, что следователи и сами не возражали против некоторой неопределенности термина «московский Центр» при описании организации, руководившей деятельностью Зорге. До допросов на предварительном суде, когда он мог воспользоваться некоторыми советами защитника, Зорге не признавал, что всю информацию он отправлял в 4-е Управление — единственную организацию, с которой он был связан.

Нежелание Зорге внести ясность в этот вопрос объяснялось его уверенностью, что, как только японцы поймут, что он относится к военному аппарату, его тут же передадут в Кемпетай и расстреляют.

Согласившись давать показания, Зорге попросил, чтобы его допрашивал один Йосикава. Однако полицейской стадии расследования избежать было нельзя, и потому утром Зорге допрашивала полиция, а вечером, до поздней ночи — Йосикава. Похоже, что поначалу Йосикава допрашивал Зорге без переводчика, поскольку немного говорил по-немецки и по-английски. Переводчик, служивший у инспектора Охаси из Токко, не вызывал у Зорге ничего, кроме презрения, и можно не сомневаться, что до марта 1942 года, пока не закончилась стадия полицейского расследования, время до полудня было самым мучительным для Зорге[125]. Особая высшая полиция не давала Зорге ни дня передышки, за исключением двух случаев, а именно: 8 декабря 1941 года, когда Япония напала на своих врагов, и в день нового, 1942 года, когда отдыхала даже полиция.

Допросы в полиции продолжались около восемнадцати недель — намного дольше, чем ожидали нетерпеливые прокуроры. Чиновник с устрашающим названием «начальник идеологического департамента Управления прокуратуры Токийского окружного уголовного суда» приказал городской полиции завершить отчет о деле Зорге в течение 1941 года, но получил твердый отпор.

Хотя Управление прокуратуры обладало бесспорной властью определять сроки следствия, если не методы полицейских

расследований, исполнению этой власти могла мешать департаментская ревность. Все отделения гражданской полиции подчинялись министру внутренних дел, тогда как прокуратура проходила по ведомству Министерства юстиции, и потому зачастую возникали трения, молчаливые, но явные, между полицией и прокурорами.

Начальник Особой высшей полиции был не готов к тому, что его людей торопят люди из Управления прокуратуры. Очевидно, у него не было намерения подчиняться указаниям Министерства юстиции, предписывающим закончить дело к 31 декабря 1941 года. И он с порога отмел все жалобы, резко заметив, что «это выше его понимания», как можно торопить полицию, занимающуюся самым драматичным делом, которое когда-либо попадало ей в руки. Мы в полиции, сказал он, привыкли вести в течение года — полутора «обычные дела левых», и потому в случае с Зорге и другими членами группы полиции «должна быть дана свобода провести самое тщательное расследование».

И потому официальные допросы Зорге прокурор Йосикава начал задолго до того, как полиция закончила свое собственное расследование, — в декабре 1941 года, причем в качестве переводчика Йосикава лично пригласил профессора Икому из Токийской школы иностранных языков[126]. Икома вспоминает, что так получилось, что в то врем он был невероятно занят собственной работой.

«Время, устраивающее и меня, и прокурора, редко совпадало, и потому мы поддерживали связь по телефону. За мной присылалось такси, привозившее меня в тюрьму Сугамо, и допросы проходили в любое свободное время, независимо от того, день это был или вечер».

Профессора Икому также попросили перевести на японский машинописное автобиографическое заявление, или признание, составленное Зорге под общим надзором Йосикавы. Этот документ насчитывал около 50 000 слов. Он рос неделю за неделей, начиная с первых допросов Йосикавы, когда они с Зорге по большей части беседовали одни. С интервалом в несколько дней Зорге, пользуясь собственной машинкой, печатал заявление, излагая то, что он рассказал на допросах, и Йосикава внимательно читал написанное со словарем и часто заставлял Зорге исправлять или пояснять некоторые места. Таким образом, окончательный документ показывает нам значимость и последовательность тех вопросов, по которым Зорге сначала допрашивал Йосикава: Коминтерн, Шанхайская группа, общая деятельность самого Зорге и его группы в Японии, его «контакты с центральными властями во время пребывания в Москве» и его

«прошлое германского коммуниста».

Этот документ едва ли мог бы удовлетворить следователя-европейца, поскольку дает лишь поверхностную картину начала карьеры Зорге. Истинная природа его деятельности в 20-х годах так и осталась неясной. Даже по Шанхаю, где Йосикава добивался более подробных разъяснений, собственное изложение Зорге ясно показывает, что ему успешно удавалось быть уклончивым. Почему Зорге удалось затемнить так много вопросов? Почему прокурор принял заявление или признание, в котором изложена не вся правда?

Две причины напрашиваются сами собой. Во-первых, Йосикава был намерен в первую очередь расследовать деятельность Зорге в самой Японии за предыдущие восемь лет. А все, что происходило до 1933 года, не вызывало у него столь жгучего интереса. Во-вторых, вероятно, добровольно соглашаясь описать свою жизнь, Зорге ставил перед собой цель приобрести пусть небольшое, но существенное тактическое преимущество перед следователем. Знакомый с японской психологией Зорге знал, что прокурор, имея дело с идеологическим преступлением, всегда ждет некоего «перерождения души» или «обращения», дающего обвиняемому возможность, пройдя чистилище следствия и суда, вновь вернуться в общество в качестве лояльного японского гражданина. Конечно, от иностранца нельзя было ожидать подобного рода «раскаяния». И Зорге действительно никогда не отрекался от своей веры в том смысле, что не отказывался от верности Москве. Но его очевидное желание сотрудничать, коль скоро он признал, что был «международным коммунистом», без сомнения, произвело впечатление на прокурора. Из этого не следует, что искушенный Йосикава был разоружен желанием Зорге говорить; но возможно, что в тот самый момент, когда Йосикава поверил в то, что он одержал решающую моральную победу, инициатива в некотором смысле перешла к Зорге.

Зорге в любом случае удалось избежать упоминания в протоколе имен тех в Европе и, возможно, в Азии, кто мог бы пострадать за свое прошлое сотрудничество с ним. И Зорге повезло, что японцы не позволили никому из германского посольства участвовать в следствии.

Сам Йосикава, похоже, сознает, что в лице Зорге он встретил равного ему по силе соперника, ибо любые Другие толкования делают его чрезмерные похвалы Зорге чем-то весьма трудным для понимания. «За всю свою жизнь, — заявил Йосикава, — я не встречал более великого человека»[127].

Инспектор Охаси из Особой высшей полиции в интервью,

данном им одному из токийских журналов, также заявил о своем горячем уважении к Зорге, сказав даже, что его дружеские отношения с Зорге в тюрьме Сугамо вызывали неодобрение начальства и задержали его следующее продвижение по службе в Токко [128]. Охаси утверждает, что в обмен на сотрудничество со стороны Зорге он каждый день приносил ему в тюрьму газеты, а также снабжал заключенного чаем, который они пили вместе, пока Охаси через переводника объяснял заключенному, что происходит за воротами тюрьмы, «охватывая», как говорит Охаси, «всю газету целиком, вкратце, от светских страниц до рекламы и объявлений».

По крайней мере, некоторые из анекдотов, рассказанных Охаси, похожи на правду и заслуживают доверия. В одном случае Зорге предположил, что, несмотря на первые победы, Япония войну проиграет, после чего с оттенком характерной для него бравады, того сорта бравады, что могла произвести впечатление на полицейского, но не на прокурора, Зорге добавил: «Когда обстоятельства станут совсем отчаянными, японское правительство захочет воспользоваться моими услугами. Случись такое, клянусь, я сделаю для Японии все, что в моих силах».

По словам Охаси, Зорге ни на мгновение не представлял, что его могут приговорить к высшей мере наказания. Но однажды он шутливо сказал Охаси: «Если меня приговорят к смерти, Охаси-сан, я стану привидением и буду являться вам[129].

7 марта 1942 года, когда полицейское расследование было, наконец, закончено, Охаси принес немного фруктов и чая и устроил то, что он назвал «прощальной вечеринкой» для Зорге. Возможно, как и человек из Токко, допрашивавший Толишуса, Охаси тоже подарил Зорге прощальный подарок, а возможно, что Зорге действовал спонтанно, но в тот день он дал Охаси записку, написанную по-английски его собственным почерком, которая могла сопровождать или фотографию Зорге, или что-то другое, подаренное на память. В записке Зорге благодарит Охаси за «самое глубокое и самое доброжелательное следствие по моему делу в течение зимы 1941–1942 годов. Я никогда не забуду — писал Зорге, — его доброту, проявленную им в самое трудное время моей полной событий жизни».

Лишь простодушный человек принял бы это как явное доказательство того, что с Зорге все время хорошо обращались в полиции Токко. В одном случае Охаси подводит собственная память. Он вспоминает, что когда, как это было принято, ему пришлось рекомендовать наказание, которого заслуживает Зорге, он просто написал: «Я требую наказания, соответствующего тому преступлению, которое расследуется». Он не считал, что Япония

действительно понесла ущерб в результате деятельности Зорге.

Однако отчет Охаси о деле, датированный 11 марта 1942 года, кончается словами, сразу после которых следует его подпись: «…Вред, причиненный нашей стране, огромен и ужасен по своим последствиям. Соответственно, рекомендуется наказать преступление смертной казнью».

Но тогда возникает некоторое противоречие между фактами и тем, как изложил их Охаси двадцать лет спустя.

К тому времени, когда Йосикава закончил допросы Зорге, он почти завершил собственное расследование дела. Последний официальный допрос — сорок седьмой — состоялся 27 марта 1942 года.

Как и полиция, Йосикава узнал многое. Он обратил особое внимание на деятельность Зорге в германском посольстве, на его общение с генералом Оттом и на разведданные, которые Зорге получал из германских источников. Как и следовало ожидать, допросы стали более дотошными, когда следствие вплотную подошло к событиям 1941 года — германской реакции на европейское турне Мацуоки и японо-советский пакт, нападению Германии на Россию и больше всего — к японским планам на лето 1941 года.

Кроме того, Йосикава подробно расследовал вопрос об информации, полученной Зорге от Одзаки и Мияги. Более того, часть времени прокурор полностью посвятил вопросу о политической деятельности Зорге, отличной от шпионажа, другими словами, старался узнать, насколько он мог влиять на мнение германского посольства. Задал Йосикава и вопрос, имеющий особое значение для Японии: «Какие политические действия вы предприняли, чтобы в 1941 году через Одзаки оказывать влияние на круг Коноэ после начала советско-германских боевых действий?»

Зорге ответил, что он сказал Одзаки — чье мнение совпадало с его собственным, — что Советский Союз не представляет угрозы для Японии и что политические и экономические интересы Японии лежат не на севере, а на юге. «Для Японии, конечно же, куда прибыльнее заполучить олово и каучук на юге, нежели вести тяжелую кампанию в Сибири».

Именно такого ответа от него и ждали. Однако вопрос о влиянии, которое Одзаки и даже сам Зорге — через Одзаки — пусть косвенно, но оказывали на Коноэ, был тем вопросом, от слишком пристального расследования которого прокуроры старались воздерживаться, не горя желанием копаться в нем.

Вполне возможно, что после 1945 года уже наказанные

поражением многие японцы увидели в Одзаки как в человеке, находившемся под губительным влиянием ужасного Зорге, «козла отпущения», на которого можно было возложить вину за Пёрл-Харбор. Однако любой хорошо информированный человек не мог даже предположить, что Одзаки был в состоянии непосредственно влиять на отношение Коноэ к различным делам. Одзаки не был близок к Коноэ, хотя и был дружен со многими из друзей принца.

И потому после войны прокурор, допрашивавший Одзаки, сделал следующее заявление:

«Особые отношения Зорге с послом Оттом, связь Одзаки с премьер-министром Коноэ и другими, социальное положение обвиняемых и прочие подобные соображения давали все основания предполагать, что подсудимые занимались политической деятельностью, и в ходе нашего расследования мы обнаружили многочисленные доказательства этого. И Зорге, и Одзаки признались, что после начала русско-германской войны, когда удар на север, казалось, был неминуем, они предприняли политические действия с целью повернуть энергию Японии на юг, против Англии и Соединенных Штатов.

К тому времени, когда мы расследовали этот политический заговор, началась Тихоокеанская война, и мы опа-садись копать слишком глубоко, чтобы не доказать вдруг, что война эта была спровоцирована коммунистами — открытие, которое могло бы привести к внутреннему конфликту в стране. Мы намеренно воздерживались от дотошного расследования, и, как следствие, показания обвиняемых по этому делу были далеко не исчерпывающими».

Редактор «Дела Зорге», трехтомного собрания японских документов, имевших отношение к делу, обосновал теорию, что прокуроры избегали глубоко зондировать вопрос о влиянии чисто политического характера, которое оказывали Зорге и Одзаки. Поскольку, если бы этот вопрос был тщательно расследован, «японские руководители попали бы в весьма неловкое положение».

«Это выглядело бы так, словно их «Святая война» была спланирована и направлялась коммунистами, и было предпринято все возможное, чтобы не касаться ни круга Коноэ, ни армии и флота. Никого из людей, связанных с армией и флотом, не затронуло это дело (т. е. не допрашивали в качестве свидетелей), поскольку главных исполнителей драмы под названием «Святая война» нельзя было привлечь к допросам».

Однако к тому времени, когда японское «наступление на юп>, похоже, вполне оправдалось своими первоначальными успехами, прокуроры еще не интересовались этим вопросом —

какими бы ни стали их взгляды после войны.

Заканчивая официальное расследование, Йосикава поинтересовался у Зорге его взглядами на текущую ситуацию в мире. Зорге ответил в форме обширного предсказания, лишь частично подтвердившегося последующими событиями. Он заявил, что Британскую империю ждет крах — независимо от того, кто победит в этой войне. «Британия, — заявил Зорге, — подобна разжиревшему человеку, утратившему подвижность». Однако Зорге продолжал с уверенностью утверждать, что Британия ни в коем разе не капитулирует. Англичане, сказал он, могут и не оказывать очень уж упорного сопротивления нападению на их колонии, но они будут стоять до конца, защищая собственную страну и Суэцкий канал.

Зорге также предсказал возникновение патовой ситуации как возможного итога Тихоокеанской войны и утверждал, что не верит в японские утверждения о возможности решить экономические проблемы страны путем захвата Китая и Юго-Восточной Азии. Как марксист-догматик он предсказал также революцию в Соединенных Штатах, а как человек наполовину русский верил, что немцы будут изгнаны с советской территории и что «нацистская мощь, не сумев сокрушить Советский Союз, неизбежно придет в упадок».

К концу марта 1942 года, после еще двух заседаний, следствие подошло к концу. И теперь Зорге ожидала третья стадия — допросы предварительного суда.

А тем временем его ближайшие сотрудники и многие другие люди подвергались тяжким испытаниям. Следствие по делу этих людей сформировало несколько направлений, в итоге составивших целую сеть последствий, к которым привело дело Зорге.

Глава 16. ОТГОЛОСКИ ДЕЛА ЗОРГЕ

Я был вдвойне удивлен, узнав, что японские интеллектуалы оказались замешаны в этом деле.

Вице-президент филиала Ассоциации резервистов после прочтения заявления об аресте всех, имевших отношение к делу

За восемь с половиной месяцев, прошедших с того дня, 28 сентября 1941 года, когда была арестована миссис Ки-табаяси, и до 8 июня 1942 года, японская полиция арестовала и допросила тридцать пять мужчин и женщин, имевших отношение к делу Зорге. Эта цифра включала в себя и самого Зорге, и четырех его сотрудников — Одзаки, Клаузена, Мияги и Вукелича. Сюда также вошли и восемнадцать человек, признанных невиновными в сознательном нарушении закона.

Число субагентов, арестованных властями при проведении исчерпывающего расследования всего дела, не превышало одиннадцати человек, семь из которых принадлежали к группе Мияги, и четверо — Одзаки.

И все равно с точки зрения безопасности и эффективности их было слишком много. Мияги из сентиментальных побуждений пошел на роковой риск, встретившись в Японии с миссис Китабаяси и пригласив ее к сотрудничеству. И как бы ни было удобно пользоваться услугами знающего переводчика, со стороны Мияги было полным безрассудством положиться на помощь Акийямы Кодзи.

На более оправданный риск пошел Мияги, когда в начале 1936 года он познакомился и доверился средних лет женщине, имевшей за плечами коммунистическое прошлое. Это была Куцуми Фусако, член Хоккайдского окружного комитета Японской коммунистической партии. К концу четырехлетнего срока тюремного заключения по приговору, вынесенному ей в 1929 году за нарушение Закона о сохранении мира, она пошла на формальное отречение от своей политической веры, и когда после освобождения из тюрьмы переехала на юг, в Токио, полиция уже знала ее, как раскаявшуюся коммунистку.

Было ли ее тюремное раскаяние искренним или нет, верность ее делу коммунизма была по-прежнему тверда, когда в начале

1936 года она познакомилась с Мияги. Некоторое время они встречались, по крайней мере, раз в неделю, и Мияги давал ей немного денег на расходы. Она собирала информацию о февральском мятеже, а потом о «левом» движении в целом.

Куцуми Фусако познакомила Мияги со своим другом Яманой Масами, также приговоренным к тюремному заключению тем ж судом на Хоккайдо за коммунистическую деятельность. Ямана, сын фермера, не получивший никакого формального образования, в течение нескольких лет участвовал в левом движении сельскохозяйственных рабочих на Хоккайдо. Мияги говорил, что поначалу он не думал вербовать Яману, но что, начиная с весны 1936 года, стал использовать его в качестве источника информации об условиях жизни в сельской местности. Ямана много ездил. Так, в 1939 году, например, он отправился в Маньчжурию, однако природа его занятий неясна, хотя какое-то время он работал в Токио в профсоюзе фермеров и в ультранационалистическом обществе — Тохокаи.

Мияги финансировал несколько поездок Яманы, включая и поездку на юг Сахалина, и обычно они встречались с Яманой через определенные промежутки времени, когда Ямана делал устные отчеты об экономических условиях в различных частях страны, о передвижении войск, настроении умов, а также по другим вопросам общего характера. Все это была смешанная информация разного рода, которую любой человек может собрать из слухов, услышанных в железнодорожных вагонах, сельских автобусах и провинциальных гостиницах.

Ни Куцуми, ни Ямана не были знакомы с Зорге, который, в свою очередь, никогда не слышал их имен. Куцуми была задержана и допрошена, когда спустя три дня после ареста Мияги пришла к нему домой. Ямана же гулял на свободе до середины декабря — два месяца после ареста Мияги.

Именно Ямана в ноябре 1939 года познакомил Мияги с другим уроженцем Хоккайдо Тагучи Угента, который оказался куда более ценным в качестве агента, чем Ямана. По словам Мияги, Ямана где-то с 1938 года утратил чувство честности и был склонен думать лишь о деньгах. Почти так же Мияги оценивал и Тагучи. Он заявил, что Куцуми Фусако предостерегала его против этого человека, которого она знала еще по Хоккайдо. Как и она сама, и Ямана, Тагучи сидел в тюрьме за то, что бьш коммунистом. Куцуми же сказала Мияги, что Тагучи был «своевольным и упрямым» и что пользы от него не будет никакой. Мияги полагал, что женщина оказалась права.

Однако Мияги вообще редко хорошо отзывался о своих агентах. И вполне возможно, что его высказывания не отражали

его истинных чувств. Возможно, он старался защитить своих помощников, всячески преуменьшая помощь, которую они оказывали ему.

В отличие от Яманы, Тагучи был человеком состоятельным, сыном богатого землевладельца в пустынном холодном, лишенном растительности районе Абасири на севере Хоккайдо. Несмотря на свое прошлое активного коммуниста и тюремное заключение, он бьш энергичным предпринимателем, участвовавшим во многих рискованных предприятиях, таких, как торфоразработки в Маньчжурии и лесозаготовки на Хоккайдо.

Тагучи снабжал Мияги информацией о военных приготовлениях в Маньчжурии летом 1940 года. Однако большую часть его информации можно было отнести к 1941 году, когда, по данным Токко, «он шпионил за военными приготовлениями на Сахалине и Хоккайдо». На момент своего ареста, 29 октября 1941 года, Тагучи проживал в районе Йотсуйя, в Токио, и в протоколах его занятие названо «торговец канатными материалами». Бизнес, однако, часто загонял его на Хоккайдо и Сахалин. После начала русско-германской войны Мияги стал встречаться с Та-гучи, по крайней, мере дважды в месяц, а иногда и чаще. Это предполагает, что информацию, сообщаемую им, ни в коем случае нельзя было назвать незначительной или вообще не принимать в расчет. Зорге, который о Тагучи знал лишь как о «человеке с Хоккайдо», утверждал, что последний «поставлял очень подробную информацию».

Единственный из группы Мияги, кто лично был знаком с Зорге, это Коширо Йошинобу, с которым Мияги познакомился в конце весны 1939 года, когда Коширо только что демобилизовался из японской армии. Он служил в Маньчжурии, на севере Китая, а также в Корее и дослужился до чина капрала. Коширо был выпускником университета Мейдзи в Токио, и именно в годы учебы в университете под влиянием соседа по комнате он стал интересоваться марксизмом. Этот сосед через два года и познакомил Коширо с Мияги[130].

Коширо оказался для Мияги подарком небес, поскольку группа Зорге всегда испытывала нехватку достоверной военной информации, полученной непосредственно из японских источников. Как утверждал Зорге в полиции, несмотря на тот факт, что у него был свободный доступ в германское посольство, ему все равно пришлось бы заводить источники информации в японских вооруженных силах, «а это было бы очень трудно сделать».

Собирая по крупицам военную информацию, Мияги вынужден бьш проводить много вечеров в токийских кафе и барах

и часто жаловался Зорге на то количество спиртного, которое ему приходилось выпивать, чтобы узнать несколько тривиальных фактов. Коширо был всего лишь капрал, но как человек интеллигентный и образованный, он мог, несмотря на свой низший чин, узнавать вещи, неизвестные гражданским лицам.

Возможно, имеет значение, что Мияги просил Коширо помочь ему в мае 1939 года. Ведь именно летом 1939 года Зорге получил указание из 4-го Управления включить офицера японской армии в шпионскую группу. Необходимость исполнения этого приказа породила страшные проблемы, и похоже, что в экс-капрале Коширо Зорге увидел ответ на указания из Москвы, поскольку, познакомившись с Коширо и «прощупав» его, Зорге отправил в 4-е Управление, его curriculum vitae, где Коширо был зарегистрирован под кодовым именем «Мики».

Коширо согласился собирать информацию через друзей и знакомых, с которыми он вместе служил в армии. С мая 1939 года по июль 1941 он добыл много ценных разведданных о дислокации и снаряжении войск, организации новых соединений, строительстве оборонительных сооружений в Маньчжурии, битве у Номонгана, количестве и качестве новой артиллерии и танков. А также достал для Мияги засекреченные военные руководства. Группа Зорге выплачивала ему небольшое денежное содержание через Мияги.

Мияги пришел к выходу, что Коширо по своим убеждениям был скорее либерал, нежели настоящий марксист.

«На самом деле я обучил Коширо коммунистической идеологии (говорил Мияги на предварительном суде). Однако он недостаточно продвинулся в осознании чувства ответственности, присущего коммунисту. В этом смысле я думаю, что он до сих пор не продвинулся дальше либерализма»[131].

Коширо со своим полком находился в Южном Китае, когда группа Зорге была раскрыта, и 11 апреля 1942 года он был арестован Кемпетай. Около года его не передавали в Особую высшую полицию.

Семнадцатый член подгруппы Мияги и последний из числа арестованных (8 июня 1942 года) был доктор медицины, известный своими левыми взглядами Ясуда Токута-ро. Мияги посещал его как пациент в начале 1935 года и во время этих посещений мог узнать, что д-р Ясуда бьш арестован два года назад как симпатизирующий коммунистам, хотя его быстро освободили. Куцуми Фусако также часто бывала у д-ра Ясуды, и именно от нее доктор и узнал, что Мияги — коммунистический агент, и произошло это в марте 1936 года, вскоре после того, как она сама стала сообщником Мияги.

Но лишь в сентябре 1937 года, после начала жестоких боев в Китае Мияги обратился к доктору Ясуде с просьбой о помощи. Тогда или раньше Мияги обратился к Ясуде: «Друзья сказали мне, что с вами можно проконсультироваться не только в случае болезни».

Д-р Ясуда согласился ответить на вопросы Мияги по таким делам, как медицинское и продовольственное снабжение, и передавать ему любую информацию военного характера, которую ему случится узнать от пациентов.

Трудно оценить важность информации, поставляемой д-ром Ясудой. Но вряд ли ее было много. Возможно, что самая ценная услуга, оказанная им группе Зорге, заключалась в обеспечении Зорге сульфаниламидными препаратами, когда тот слег от неожиданного и крайне опасного приступа пневмонии. Сам доктор никогда не встречался с Зорге, и лекарства для незнакомого иностранца, без сомнения, передавались через Мияги. Но судя по заявлению доктора Ясуды, которому можно верить, Особая высшая полиция знала о той медицинской помощи, которую он пусть косвенно оказывал Зорге. Ясуда утверждает, что, когда в ходе следствия его избивали в полиции, один следователь сказал, обращаясь к другому: «Это та самая свинья, которая лечила Зорге и спасла его от неминуемой смерти». Однако д-р Ясуда оказался единственным из группы Мияги, с кем в окружном криминальном суде обращались достаточно мягко. Его приговорили к двум годам тюремного заключения с отсрочкой приговора на пять лет, что означало, что он фактически освобожден от заключения.

Остальным шестерым членам группы Мияги пришлось намного хуже. Экс-капрал Коширо получил жесточайший приговор: пятнадцать лет тюрьмы. Тагучи отправили в тюрьму на тринадцать лет. Яману — на двенадцать. Куцуми Фусако приговорили к восьми годам, а Акийяму, переводчика Мияги, к семи. Миссис Китабаяси получила срок в пять лет. Она умерла в 1945 году, вскоре после освобождения. Другие были выпущены на свободу с началом оккупации — в конце лета 1945 года.

На Одзаки работало четыре субагента: Каваи Текиши, Мизуно Шигери, Кавамура Йошио и Фунакоси Хисао. С момента освобождения из заключения из тюрьмы Чунциня летом 1936 года и до сентября 1940-го Каваи оставался на континенте, главным образом на севере Китая. Поначалу он работал на организацию, называемую Институт исследования проблем Китая, располагавшуюся в Тянцзине, и его главным помощником в этом рискованном предприятии был Фунакоси Хисао, управляющий тянцзинским филиалом газеты «Иомиури Симбун»,

старый друг Одзаки и бывший член шанхайской группы Зорге. Целью этого института, как можно было судить по его названию, было изучение политической и экономической ситуации на севере Китая. Это был период интенсивного проникновения Японии — экономического, политического и военного — в огромный регион с центрами в Пекине и Тянцзине. Таким образом, Институт исследования проблем Китая относился к числу очень модных в те дни организаций и потому мог рассчитывать на поддержку японских чиновников на севере Китая. А кроме того, он обеспечивал отличную «крышу» для коммунистов.

Однако в 1938 году Фунакоси был назначен неофициальным советником (шокутаки) японских вооруженных сил в Ханькоу. Тогда же Каваи занялся тем, что можно описать, как «создание марионеточных политиков» в японской армии на севере Китая[132]. Эта работа, в которой принуждение, подкуп и интриги были главными составляющими, была хорошо знакома Каваи и, похоже, очень хорошо подходила к его авантюрному темпераменту, одновременно давая ему широкие возможности взглянуть на то, что творится за кулисами политической сцены. Раз или два он сумел побывать в Японии и доложить о своих наблюдениях Одзаки.

В сентябре 1940 года Каваи вернулся в Японию по делам. Одзаки попросил Мияги позаботиться о нем, но похоже, что Мияги и Каваи находились не в самых дружеских отношениях. Дело в том, что Мияги попросил Каваи выполнить разведывательное задание в районе Нагой, однако или из-за лени, или из-за невежества, но Каваи это дело провалил, и в конце концов именно Одзаки нашел ему работу в бумажной компании в мае 1941 года.

По этой ли причине или из-за того чувства восхищения, которое Каваи испытывал перед Одзаки, но японская полиция и прокуроры зачислили Каваи в число субагентов Одзаки, а не Мияги.

Трудно поверить, что после 1940 года, когда он вернулся в Токио, Каваи мог быть очень полезен группе Зорге. Его арестовали 22 октября 1941 года и в конце концов приговорили к десяти годам тюрьмы.

Мизуно Шигери, описанный Зорге как «скорее ученый, а не политический шпион», поступил в Восточно-Азиатскую школу режиссуры в Шанхае в 1929 году, когда ему было девятнадцать лет. Там во время учебы он и познакомился с Одзаки. Позднее коммунистический аппаратчик Кито Гиничи представил его Зорге, и Мизуно стал членом шанхайской группы.

Мизуно, как и остальные студенты школы, придерживавшиеся левых убеждений, был арестован консульской полицией за распространение пацифистских листовок среди японских военно-морских кадетов, посещавших Шанхай: листовки эти он и его друзья опускали в почтовые ящики. Мизуно посчастливилось: самое худшее, что досталось на его долю — десять дней пребывания в полицейском участке. Правда, он был исключен из школы и отныне оказался вовлеченным в подпольную работу в Китайской коммунистической партии. Что, конечно же, не могло не привести к повторному аресту и депортации в Японию.

В Японии Мизуно, благодаря помощи Одзаки, поступил на работу в широко известный частный исследовательский институт в Осаке. Но в 1936 году был вновь арестован за участие в тайном воссоздании запрещенной Японской коммунистической партии. Хотя, судя по тому, что власти быстро его освободили, его роль в этом бьша скорее пассивной и второстепенной. Вскоре он переехал в Токио, без сомнения, по предложению Одзаки, всегда проявлявшего значительный интерес к Мизуно и высоко ценившего его.

Одзаки действительно говорил в полиции: «Я очень верил Мизуно и считал его своим преемником». Всегда сохранялась вероятность, что Одзаки может получить назначение от своей газеты «Асахи» в Китай, и если бы такое случилось, он хотел, чтобы доверенное протеже заняло его место в группе Зорге. Факт, что он считал Мизуно подходящим для такой роли, вызывает некоторый интерес, ибо подразумевает, что Мизуно обладал прекрасными способностями к конспиративной работе, а также живым умом и точным пониманием политической ситуации в Японии.

Одзаки позаботился о том, чтобы Мизуно получил хорошую работу в ряде научных организаций Токио. Похоже, что Мизуно лишь один раз встречался с Зорге за все время пребывания последнего в Японии.

Одно время Одзаки использовал Мизуно в качестве своего рода секретаря или личного помощника, и обычно просил его подготовить письменные отчеты по широкому кругу политических и экономических вопросов. Это было задумано специально для того, чтобы обеспечить Москву основополагающими материалами. Одзаки передавал отчеты Мизуно Мияги, который в свою очередь передавал их Зорге, поскольку было очевидно, что осторожный Одзаки всегда крайне неохотно передавал письменную информацию непосредственно самому Зорге.

Мизуно, как и Мияги, часто болел, и существуют некоторые данные, что именно по этой причине Одзаки сомневался в его пригодности в качестве агента. Тем не менее, кроме подпольной информации общего характера, Мизуно мог добывать и некоторые полезные сведения по военным вопросам, касающимся особого района, а именно — Киото. Этот древний город был его родиной, куда он всякий раз возвращался на поправку после очередного приступа болезни. Он докладывал о месте назначения крупных войсковых соединений, перемещаемых из района Киото в 1939 году, когда номонганская битва была в самом разгаре, и в 1941 году, когда Зорге и Одзаки пытались вычислить реакцию Японии на русско-германскую войну и растущий кризис в японо-американских отношениях.

Мизуно был арестован 17 октября 1941 года и приговорен к тринадцати годам тюремного заключения. Его слабое здоровье не выдержало подобного испытания: он умер в тюрьме 22 марта 1945 года.

Кавамура Йошио, третий субагент Одзаки, тоже умер в заключении. О нем мало что известно. Он умер вскоре после того, как был привезен в Токио после ареста в Шанхае 31 марта 1942 года. Кавамура был журналистом, шанхайским корреспондентом газеты «Маньчжурия Дейли Ньюс» и учился в свое время в одном классе с Мизуно в Восточно-Азиатской школе режиссуры в Шанхае. Однако оставил школу, не закончив курса, — возможно, что его попросту исключили, как и Мизуно, — и занялся журналистской работой в Маньчжурии. Однако он, конечно, тоже побывал на севере Китая, поскольку в 1933 году Каваи познакомил его в Пекине с Агнес Смедли. За год до этого Каваи завербовал Кава-муру в качестве сотрудника по секретной деятельности в пользу китайских коммунистов — шаг, одобренный Од-заки после того, как он посетил Кавамуру в Дайрене и «спокойно присмотрелся к нему». Так Кавамура стал шанхайским субагентом Одзаки. Утверждали, что Зорге знал о нем и считал его членом своей группы.

Четвертый член собственной группы Одзаки Фунакоси Хисао менее таинственная личность, чем Кавамура. Сын владельца предприятия по производству соусов в префектуре Окаяма, он вырос, как сказано в полицейских материалах, «в строгой домашней обстановке». После окончания университета Васеда в Токио он в 1925 году отправился в Китай, сначала в Чинзао, а потом в Шанхай, где стал работать репортером местной ежедневной газеты, выходившей на японском языке. Тогда же он познакомился с Одзаки, с которым они стали близкими друзьями.

Похоже, что Фунакоси пришел к марксизму в результате

изучения китайской внутренней политики и вскоре был готов трансформировать академический интерес к учению Маркса в практическую деятельность. В шанхайскую группу Зорге его ввели Одзаки и Каваи, он часто встречался с самим Зорге, который до своего возвращения в Москву в 1932 году успел убедиться, что его европейский преемник «Поль» знаком о Фунакоси. Фунакоси и в самом деле через некоторое время после возвращения Одзаки в Японию стал ведущим японским членом шанхайской группы и поддерживал постоянный контакт с преемником Зорге «Полем», а также с Агнес Смедли. Он собирал денежные пожертвования для Китайской коммунистической партии среди японцев, проживающих в Шанхае и симпатизирующих коммунистам. В их числе оказался и один из преподавателей школы режиссуры[133].

Однако в начале 1933 года Фунакоси уехал из Шанхая и отправился в Ханькоу в качестве представителя агентства новостей Ренго. Почти год спустя он перевелся в Тянцзин, где вновь встретился с Каваи, и когда Каваи захотел вернуться в Японию, Фунакоси оплатил его дорожные расходы.

Как мы видели, именно Фунакоси нашел для Каваи место в Институте исследования проблем Китая в Тянцзи-не после освобождения его из тюрьмы. Фунакоси, должно быть, испытал огромное облегчение, узнав, что Каваи ничего не сказал полиции о шанхайской группе Зорге или ее преемнице в Токио, поскольку Фунакоси по-прежнему находился в контакте с Одзаки и продолжал время от времени встречаться с ним в течение последующих нескольких лет. Одзаки проявлял активный интерес к деятельности исследовательского института Фунакоси: заведение это стало своего рода троянским конем для японских коммунистических писателей и ученых, живущих на севере Китая.

С октября 1938 по май 1941 Фунакоси как член подразделения спецслужб Ханькоу стал советником поддерживаемых японцами китайских политических лидеров в Уханьском районе. Этот пример успешного проникновения коммунистов на ключевые посты вызвал, должно быть, нешуточную тревогу в Особой высшей полиции Токио, в руки которой передали Фунакоси после его ареста на севере Китая 4 января 1942 года. Отчет Токко о деле Фунакоси заканчивается словами:

«Несмотря на тот факт, что в ходе расследования настоящего дела подозреваемый постепенно раскаивался в своем поведении и дал свидетельства несомненного раскаяния сердца, ясно, что ввиду отвратительной природы совершенного им преступления его исправление должно быть гарантировано назначением ему максимального наказания».

Фунакоси был приговорен к десяти годам тюремного заключения, но умер в тюрьме 27 февраля 1945 года.

17 мая 1942 года министр юстиции выпустил первое официальное заявление по делу Зорге — скупое сообщение с перечислением имен арестованных, без сомнения, для того чтобы прозондировать общественное мнение: полиция интересовалась реакцией многих людей, представлявших различные организации и мнения по всей Японии.

Отклики, как и ожидалось, были негодующими и выражали удивление и ужас. Страна воевала, и чувства патриотизма и национальной богоизбранности достигли крещендо. Не удивительно, что те, до кого до сих пор не доходило никаких слухов о деле, были поражены, прочитав, что не только иностранцы — это не вызывало особого удивления, — но и японцы, причем из самых высоких официальных кругов, были арестованы как секретные агенты Коминтерна.

Во многих из появившихся комментариев сквозило нечто большее, нежели нотка классового чувства. «Правящий класс должен воспользоваться этой возможностью для беспощадной самокритики», — заявил лейтенант резерва в Саитаме. «Следовало бы лучше знать тех интеллектуалов из правящего класса, что держат в своих руках государственные секреты!» — гремел майор в отставке в Мияги.

Однако командующий японским императорским флотом выразил словами то, в чем были убеждены тысячи людей, когда заявил: «Я считаю само собой разумеющимся, что Коноэ был взят под стражу и что заявление не предавалось гласности из-за его нежелательных международных последствий».

Общее подозрение, что принц Коноэ был или будет арестован, проистекало не из того факта, что Одзаки был лично знаком с ним и некоторое время был неофициальным советником его первого кабинета. Сомнения относительно позиции Коноэ, расплывающееся пятно на его репутации и шепотки, что ширились по всей Японии и за ее пределами, в войсках и среди граждан, живущих за рубежом, — все это берет начало из сообщения о том, что Управление прокуратуры в Токио предъявило обвинения Инукаи Кен и Сайондзи Кинкацу.

Инукаи Кен родился в 1896 году и был старшим сыном Инукаи Цуйоси, премьер-министра, убитого ультранационалистическими фанатиками 15 мая 1932 года. Еще будучи совсем молодым человеком, он достиг известности как романист, однако в тридцатые годы вдруг занялся политикой и был избран в Парламент. Он глубоко интересовался китайскими

делами, в которых его отец, до 1911 года помогавший многим китайским националистам, считался крупным специалистом. В 1929 году отец и сын присутствовали вместе на церемонии перезахоронения Сун Ятсена в Нанкине, и именно Инукаи Кен первым познакомился с Одзаки, и это знакомство очень скоро переросло в дружбу.

Их связывал Китай. Но необходимо подчеркнуть, что Инукаи часто встречался с членами Гоминдана и симпатизировал этому политическому течению, что неизбежно привело его, начиная с 1937 года, к критике, хотя и скрытой, методов и претензий японской армии в Китае. Короче говоря, он был либералом в те времена, когда признаваться в этом публично было не только не модно, но и просто опасно.

«Он показался мне (Одзаки об Инукаи) человеком, которому можно доверять, и он высоко ценил меня как специалиста по китайским делам. Благодаря таким особым отношениям я получал от него много информации о ситуации в Китае. Однако информация эта по большей части, была отрывочной, и я не помню подробностей».

Утверждая, что он не может вспомнить каких-либо подробностей о «фрагментарной» информации по Китаю, полученной от Инукаи, Одзаки не был ни уклончивым, ни неискренним. Можно утверждать определенно, что Инукаи никогда сознательно не выдавал своим друзьям никакую информацию секретного характера. Тщательное прокурорское расследование свело возможное нарушение закона со стороны Инукаи к обычной неосмотрительности.

Так, в начале 1940 года он позволил Сайондзи скопировать проект договора, заключенного между японцами и Вонг Чинвей, гоминдановским лидером, бежавшим из националистического правительства в Сунцине. Инукаи сам был главным архитектором этого соглашения, которое создавало базу для отношений между Японией и администрацией Вонг Чинвея в Нанкине, которую Токио должен был признать — хотя и не без тайных опасений — в качестве законного правительства Китая.

Первый параграф обвинительного заключения, составленного прокурорами по делу Сайондзи, выявил природу и последствия неосмотрительности Инукаи.

«Сайондзи Кинкацу его друг Инукаи Кен показал документы, содержащие так называемое Временное соглашение между Японией и Китаем от 30 декабря 1939 года, касающееся дислокации японской армии и военных кораблей в районе Китая. Он оставил ему копию этого документа, и спустя несколько дней Сайондзи передал эту копию Одзаки Хоцуми и таким образом

выдал военный секрет, случайно ставший ему известным».

Одзаки, в свою очередь, тоже скопировал документ, который дал ему Сайондзи. Мияги навестил Одзаки, перевел копию документа на английский и передал его Зорге.

Материал, попавший к Зорге, а затем в Москву, имел стратегическое значение как с политической, так и с военной точек зрения, поскольку открывал долговременные намерения Японии и ее оборонительные обязательства.

Как заметил Зорге на допросе Йосикаве, «нет нужды говорить, что эта тема представляла огромный интерес для Советского Союза».

И нукай был арестован 4 апреля 1942 года по обвинению в нарушении Закона о защите военных секретов. Дело его дошло до Верховного суда, который и вынес вердикт «Не виновен». Однако юстиция сочла невозможным оправдать Сайондзи[134]. Признавая, однако, что его преступление проистекало скорее от беспечности, чем от дурных намерений, суд проявил милосердие и вынес в отношении Сайондзи приговор с отсрочкой исполнения на восемнадцать месяцев тюремного заключения, что дало Сайондзи возможность избежать позора и лишений японской тюрьмы.

Природу беспечности Сайондзи в разговорах, а именно в отношении информации о намерениях Японии по отношению к России и о японо-американских переговорах, мы уже описывали выше. Неосмотрительность Сайондзи была серьезной и опасной. Похоже, что его характеру не хватало уравновешенности и самоконтроля, спасших Инукаи, обладавшего огромным опытом общественной деятельности, от совершения подобной ошибки.

И все же благодаря этим недостаткам Сайондзи, похоже, представляется более симпатичной фигурой, нежели Инукаи. Возможно, частично потому, что Сайондзи составил для прокуроров автобиографическое заявление, которое достаточно ясно демонстрирует, каким человеком он был. Например, в нем описывается его отношение к европейской жизни, в частности, к Англии, когда он в двадцатых годах приехал из Японии, чтобы учиться в Оксфордском университете. Во-первых, некоторое время он провел в частной школе в Борнемуте, готовясь к экзаменам на степень бакалавра. В конечном итоге он был принят в Новый колледж, где, по его словам, «была атмосфера вселенского спокойствия, казавшаяся весьма подходящей для учебы».

В заявлении читаем и несколько ярких и забавных воспоминаний о студенческой жизни, вплоть до возвращения Сайондзи в Японию, о его деятельности на ниве журналистики и в качестве неофициального консультанта (шоку-таки)

Министерства иностранных дел, о поездке на конференцию Института тихоокеанских отношений в Иосеми-те и о том, как он познакомился с Одзаки и как развивалась их дружба[135].

Сайондзи был моложе Одзаки, тогда как И нукай — старше, и в молодом Сайондзи было нечто от того, что японцы называют «бочан» — балованный ребенок. Хотя рос он пусть в безопасной, но отнюдь не мягкой, изнеженной атмосфере. Во многих отношениях его воспитание, пока он не уехал в Европу, можно было назвать спартанским. Отец его, сын старого принца Сайондзи, решительно считал, что ребенок должен понимать, что привилегии, которые влечет его высокое рождение, неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью.

И потому молодой Сайондзи всегда страстно желал «сделать что-нибудь для Японии». Он не готов был прожить жизнь в свое удовольствие. В нем был тот гражданский дух, что наряду с личными связями и сделал его пригодным для службы в качестве консультанта Министерства иностранных дел, а летом 1941 года — в качестве «шокутаки» в третьем кабинете Коноэ.

Тот факт, что Одзаки занимал равное положение, казался Сайондзи уважительной причиной, чтобы не стараться особо держать язык за зубами, когда он обсуждал с друзьями вопросы, относящиеся к высокой политике.

В ходе прокурорского расследования Сайондзи выразил искреннее раскаяние в отношении случившегося и сделал заявление в пользу Одзаки.

«У меня нет слов, чтобы оправдаться перед моими друзьями в той ошибке, которую я совершил. Одзаки совершил преступление против общества, которое должно быть осуждено. Я был ужасно обманут им, и в этом я виню самого себя больше, чем Одзаки, за свою слепоту. Несмотря на преступление, которое он совершил, я по-прежнему ценю Одзаки за его доброту и способности. Я искренне надеюсь, что в будущем я смогу поправить Одзаки и таким образом изменить его так, чтобы превратить в истинного японца, стоящего на службе государства».

И Сайондзи, и Инукаи были членами Асамешикаи, «Клуба завтраков», основанного в 1938 году двумя личными секретарями Коноэ — Ушибой и Киши Дозо, а также самим Одзаки, тогда выступавшим в качестве советника Кабинета. «Клуб завтраков» придумали друзья Коноэ, а свое название он получил потому, что встречи клуба проходили за завтраком около восьми часов утра. Целью этих собраний, говорил Одзаки, «было оказание помощи кабинету Коноэ через посредство его секретарей, путем выражения различных точек зрения». Встречи происходили дважды в месяц и не прерывались даже после того, как в январе

1939 года кабинет подал в отставку. На самом деле группа стала встречаться каждую среду, и с этого времени получила название «Клуб среды».

Сам Коноэ редко присутствовал на этих встречах, однако относительно небольшой круг писателей, ученых и чиновников, известный всем как «мозговой трест Коноэ», считал «Клуб завтраков» идеальным форумом для конфиденциального, откровенного обмена мнениями. Все его члены были озабоченными государственными проблемами людьми, шагавшими не в ногу со временем, и, несмотря на все влияние, которое они имели на Коноэ, они по большей части не имели связи с самым важным источником политической власти, а именно: с японской армией.

Когда в 1942 году достоянием гласности стал тот факт, что, кроме Одзаки, еще две ведущие политические фигуры из круга приближенных Коноэ, собирательным образом которых стал «Клуб завтраков», арестованы, враги Коноэ возрадовались, а друзья опечалились. Сам сенатор Маккарти не смог бы добавить ничего нового к тем крайним взглядам, чтобы высказывались противниками Коноэ. По их мнению, Коноэ и его друзья — предатели, подкупленные либералами, если не иностранными агентами. А самое резкое мнение, в его крайней форме, было таково, что дело Зорге сфабриковано армией с целью обеспечить падение кабинета Коноэ и навсегда дискредитировать самого принца.

Японская полиция арестовала и многих других подозреваемых, прямо или косвенно связанных с группой Зорге, как в Китае, так и в самой Японии.

В Осаке был арестован владелец небольшого литейного завода, которого допрашивали сначала в полиции, затем в прокуратуре и в конце концов признали невиновным. Этот вердикт поражает, поскольку обвиняемый — Шинозука Торао — на самом деле признался, что снабжал Од-заки и Мияги информацией военного характера. Отцы Шинозуки и Одзаки были друзьями, и когда Одзаки поступил в Первую высшую школу, он снимал одну квартиру на двоих с Шинозукой.

Хотя, по словам Одзаки, Шинозука, будучи студентом, проявлял интерес к социализму, имеющиеся материалы дают основание предполагать, что в зрелом возрасте у него уже не было каких-то особых симпатий к левым и его общение с Одзаки основывалось не на общности идеологий.

Но когда в начале 1935 года Одзаки и Мияги задумались, как преодолеть недостаток разведданных из военных источников,

Одзаки вдруг вспомнил о друге детства Шинозуке. Он вспомнил, что Шинозука серьезно интересовался оружием и всеми видами техники. Подход к нему Одзаки нашел очень просто, сказав, что ему, как журналисту, просто необходимо знать что-нибудь о военных делах и что он был бы очень благодарен, если бы Шинозука, как специалист, помог ему в этом. Последний ради дружбы согласился на это предложение. Общение Одзаки с Шинозукой имеет, однако, совсем недолгую историю. Одзаки даже не брал на себя труд встречаться с Шинозукой, предоставив это Мияги, которого он представил Ши-нозуке, как художника, интересующегося изображением батальных сцен и оружия.

Так, за едой в различных токийских ресторанах простодушный Шинозука, используя те знания, что давало ему его хобби, рассказывал Мияги, а иногда и Одзаки об организации армейских вооруженных сил и расположении аэродромов, об авиазаводах и дислокации пехотных дивизий.

Одзаки в разговорах с Зорге называл Шинозуку не иначе, как «специалист», однако сам Зорге два или три раза недобро заметил в этой связи:

«И наконец я должен упомянуть о некоем «специалисте». Это был старый друг Одзаки, который присоединился к нашей работе вскоре после моего прибытия в Японию, но который далеко не оправдал моих ожиданий. Вместо того чтобы стать экспертом по военным вопросам, каковым мы все поначалу считали его, он постепенно превратился в «эксперта» по вопросам денежным».

Среди арестованных и находившихся в заключении или тех, кто был допрошен без лишения свободы или в качестве свидетеля, оказалось большинство приближенных Коноэ — включая и самого Коноэ, а также ведущих сотрудников газеты «Асахи», членов Общества Сева и еще ряд людей, связанных с ЮМЖД или работающих в ее отделениях в Токио, Шанхае и Маньчжурии. Некоторые из арестов, как, например, аресты Кавамуры и д-ра Ясуды, произошли через несколько месяцев после ликвидации группы Зорге в октябре 1941 года.

В июне 1942 года японские власти в Шанхае, действуя по информации, полученной от токийской полиции, арестовали около сотни человек, подозреваемых в том, что они поставляли информацию китайским коммунистам. Из них около двадцати были задержаны на время следствия. Среди них был и Наканиши Ко — известный со времен Второй мировой войны писатель, журналист и член верхней палаты парламента.

Наканиши Ко был студентом Восточно-Азиатской школы режиссуры в Шанхае, учился в одном классе с Мизуно Шигеру и Кавамуро Йошио и был активным сотрудником Института

Фунакоси в Северном Китае. Он, однако, не входил в число членов группы Зорге ни в Китае, ни в Японии, хотя и работал на китайских коммунистов. А ко времени своего ареста он работал в исследовательском отделе ЮМЖД, в ее шанхайском офисе. Именно разоблачение группы Зорге привело к аресту и обвинению Наканиши, хотя он и не поддерживал активных связей с группой. С рассмотрением его дела особо не торопились, и перед токийским окружным судом он предстал лишь в сентябре 1945 года, когда американские войска уже вошли в Японию. Наканиши приговорили к пожизненному заключению, однако двенадцать дней спустя, в соответствии с общим приказом об освобождении политических заключенных, он вышел из тюрьмы свободным человеком.

Любопытный эпизод имел место до первых арестов по делу Зорге — так называемое «Дело управления планирования». Полиция обнаружила, что несколько чиновников из Управления планирования кабинета симпатизировали марксистам и коммунистам. Этих чиновников не стали обвинять в шпионаже, но обвинили в заговоре с целью использовать любую возможность для оказания влияния на правительственную политику с тем, чтобы превратить Японию в социалистическое государство. Особая высшая полиция была уверена, что существовал целый заговор коммунистического подполья в Японии, ставивший своей целью проникновение на ключевые посты в правительстве, такие, как Управление планирования. Дело подкреплялось и своеобразной интерпретацией признаний некоторых обвиняемых в том смысле, что движение к плановой экономике, усиленное потребностями китайской войны, похоже, дает шанс замаскированным марксистам в правительстве уничтожить капиталистическую систему в Японии.

Хотя не было известно о каких-либо прямых связях между группой Зорге и арестованными из Управления планирования, нет сомнения, что имевшиеся данные о коммунистическом проникновении в правительство, в чем полиция была уверена, усилили слежку за властями, так или иначе связанными с Одзаки Хоцуми.

И еще один инцидент, в котором оказались замешаны иностранцы, можно упомянуть, как пример почти истерического рвения, продемонстрированного полицией сразу, как только начал проясняться характер группы Зорге. Никто, возможно, никогда не узнает, до какой степени дело Зорге повлияло на полицейскую активность при арестах ряда британских и американских журналистов, последовавших сразу после начала войны на Тихом океане. Однако, без сомнения, таких арестов

было бы меньше и обращение с подозреваемыми иностранцами было бы менее суровым, если бы Зорге и его сообщники оставались по-прежнему не разоблаченными в своих неправедных действиях.

В понедельник утром 8 декабря 1941 года отряд полицейских из Токко попытался захватить начальника Информационного отдела британского посольства м-ра Вере Редмана. Одна из его обязанностей в посольстве была похожа на ту, что после начала войны в Европе была возложена на Зорге в германском посольстве, — другими словами он должен был ежедневно редактировать британский бюллетень новостей. И для этого Редман, подобно Зорге, очень рано вставал каждый день и на работу в посольство приезжал еще раньше, чем Зорге, — на позднее пяти часов утра. Поэтому когда рано утром полиция прибыла его арестовать, выяснилось, что Редмана дома нет. Однако полицейские оказались не готовы отложить дело на потом. М-р Редман находился на территории своего собственного посольства, и казалось невероятным, что японские власти попытаются захватить его силой. Но именно это они и сделали.

Сэр Роберт Крэги, посол Великобритании в Японии, описал, как токийский МИД, использовав поначалу аргентинского поверенного в делах в качестве посредника, попытался убедить посла выдать Редмана. Крэги ответил представителям МИДа, что он уверен, что Редман стал жертвой германских интриг.

На следующий день после этого разговора Крэги проинформировали, что японское правительство решило захватить Редмана силой. Около шестидесяти полицейских в штатском заняли здание посольства и окружающий его двор и, невзирая на протесты посла, забрали Редмана с собой.

По мнению Крэги, главными закоперщиками в этом неприятном деле были немцы, и нет причин сомневаться, что так оно и было. Однако охваченные ксенофобией полиция и судебные власти, осознавшие размах деятельности Зорге и знаюшие, что Вукелич был связан с английским посольством, несомненно, подозревали, что Редман мог иметь какие-то контакты с группой Зорге.

Можно сказать, что благодаря этому нерядовому эпизоду круги от дела Зорге распространились до самой следственной тюрьмы в Брикстоне, что расположена в южном пригороде Лондона, ибо в отместку за произвол и несправедливое заключение Редмана, британское правительство выделило из числа интернированных и поместило в камеру Брикстона пресс-атташе японского посольства в Лондоне Мацумото Каори[136].

Но были, однако, еще несколько членов немецкой общины на

Дальнем Востоке, которым пришлось испытать на себе самые неприятные последствия дела Зорге.

Глава 17. МЕСТЬ ПОЛКОВНИКА МЕЙЗИНГЕРА

Нет, не существует такой вещи,
как безнадежное положение

Гитлер

Полковник Йозеф Мейзингер прибыл в Токио в качестве полицейского атташе при германском посольстве в мае 1941 года. Вся его предыдущая карьера являет собой идеальный пример карьеры в полицейской системе Третьего рейха. Он сражался в «Freikorps» — независимом соединении командос, созданном в тревожные двадцатые годы, как для защиты восточных границ от поляков, так и для подавления коммунистической революции в самой Германии. Подобно Зорге, он был награжден Железным Крестом (Второй степени), когда в молодости воевал на фронте. В 1922 году поступил на службу в Баварскую полицию и примерно в то же самое время вступил в нацистскую партию. Похоже, что он был членом штурмовых отрядов еще до неудачного мюнхенского путча Гитлера 1933 года. Его официальная партийная карьера и продвижение по службе в полиции и СС, начиная с мая 1933 года, происходили одновременно и плавно. Рвение Мейзингера в преследовании гомосексуалистов и владельцев подпольных абортариев и в их вербовке создало ему специфическую репутацию.

В 1934 году Мейзингер недолго прослужил в штаб-квартире гестапо в Берлине, а вскоре после этого участвовал в десанте Гиммлера на Баварию и ликвидации Рема и его коричневорубашечников. В 1938 году он служил в Вене во время нацистского переворота в Австрии, после чего был назначен начальником партийных архивов, а потом вновь объявился в гестапо в Берлине. В октябре 1939 года его отправили в качестве начальника полиции безопасности в Варшаву, присвоив одновременно звание полковника СС.

Жестокость Мейзингера, достигшая кульминации во время службы в Польше, вызвала недовольство даже его закаленного и не менее жестокого начальства, и последовавшая в 1941 году полицейская миссия Мейзингера на Дальний Восток была, похоже, своего рода ссылкой.

Новая должность Мейзингера в Японии была создана в соответствии с положениями японо-германского антико-

минтерновского соглашения от 1936 года, однако не входила в список дипломатических должностей. На бумаге обязанности ее обладателя были многообразны: тесная связь с японской полицией в борьбе с коммунистической деятельностью, обмен информацией о Коминтерне и советских шпионах, слежка за немцами, изгнанными в Японию и Маньчжурию, а также за всеми немцами на Дальнем Востоке, проведение в жизнь законов о чистоте немецкой расы в германской общине и решение вопросов безопасности в германском посольстве в Токио, включая и политическую благонадежность членов миссии.

На практике у полицейского атташе было не очень много работы. Японские власти не проявляли особого интереса к широкому сотрудничеству и обмену информацией. Слежку и в некоторых случаях разоблачение немцев можно было ограничить или расширить соответственно энергии и характеру самого атташе. Так предшественник Мейзингера, чтобы убить время, в основном занимался украшением посольства для официальных приемов и мероприятий.

Мейзингер прибыл на Дальний Восток без какой-либо специальной подготовки к своему новому назначению, и потому был очень зависим от переводчика посольства Хамеля, поскольку его личные контакты с японскими властями, как и первые месяцы его назначения в Японию, проходили в атмосфере скованности и принужденности, вызванных незнанием языка. Отношения же с послом были вежливы, но холодны, и одним из немногих веселых знакомых Мейзингера оказался знаменитый немецкий журналист Рихард Зорге.

Новый полицейский атташе явно получил от своего начальства в Германии инструкции расследовать деятельность Зорге, однако высокое положение последнего в германском посольстве и немецкой общине в Токио вкупе с сардоническим шармом веселого, шумного компаньона расхолаживали полицейского, отнюдь не способствуя проявлению служебного рвения.

В октябре 1941 года Мейзингер отправился с официальным визитом в Шанхай, но неожиданно был вызван в Токио, когда германское посольство узнало об акции, предпринятой японской полицией против группы Зорге. Ни на одной из стадий следствия они ни словом не дали понять Мейзингеру, полицейскому атташе, прикомандированному для связи с ними, о своих намерениях арестовать некоторых немцев, включая и Макса Клаузена с женой. Они даже не проинформировали посольство, когда аресты уже произошли.

Личный и официальный престиж Мейзингера еще более

понизился после того, как все его попытки добиться освобождения Зорге или хотя бы навестить его в тюрьме окончились неудачей, а японские коллеги отказались предоставить ему какую-либо информацию о деле. Пост полицейского атташе германской полиции в Токио оказался как бы абсолютно незначительным, и манера, в которой было проведено расследование дела Зорге, грубо подчеркнула такое положение дел.

Арест Зорге и его помощников вызвал не только замешательство в кругах германского посольства в Токио, но и страх относительно возможной шпионской деятельности других немцев, проживающих на Дальнем Востоке, и последствий этого для японо-германских отношений. Все это подогревало недобрый интерес Мейзингера к деятельности его соотечественников и дало толчок к началу «охоты за ведьмами» с его стороны с тем, чтобы переключить внимание со своих собственных провалов в отношении дела Зорге. Досадные инциденты являлись, по сути дела, оперативным риском, однако несколько второстепенных дел усилили тревогу Мейзингера и должны были привести его к расследованию новых или, по крайней мере, активизации старых «дел», чтобы с помощью серии показательных разоблачений продемонстрировать свою собственную оперативную эффективность.

Первый эпизод в бурной деятельности, развитой Мейзингером, касался молодого германского студента, учившегося в Токио по обмену, Клауса Ленца, разоблаченного в ноябре 1941 года, когда он пытался подкупить посольского курьера — агента германской военной разведки по совместительству, чтобы попытаться установить подпольный радиопередатчик на территории посольства. Ясно, ради кого была предпринята эта попытка, и Мейзингер договорился, что Ленца силой увезут обратно домой на германском судне, прорвавшем блокаду, которое зашло в японские воды в середине марта и сейчас направлялось в Европу.

Однако предприимчивый молодой человек ухитрился сбежать на берег и провести три вечера у своей любовницы Стеллы Касприк, жены бывшего помощника польского атташе в Токио, и сообщить ей информацию об этом судне.

Ленца вновь арестовали, доставили на борт и отправили в Германию, и японская полиция впоследствии намекала, что он, возможно, был связан с русской разведслужбой и что за день до того, как его доставили на германский пароход, он через свою любовницу-польку встречался с сотрудником британского

посольства.

Мейзингер не знал, как интерпретировать значение дела Клауса Ленца, которое заставляло предполагать о существовании неких работавших по указке Советов и, возможно, Великобритании групп. Мейзингер докладывал: «Настоятельно необходимы инструкции о дальнейшем ведении дела, поскольку японская полиция очень интересуется им».

А полиция еще в прошлом году просила Мейзингера доставить Ленца в Японию для допросов, поскольку якобы была неопровержимо доказана связь между Зорге и Ленцем, «работавших на одну и ту же контору». Самого Зорге во время допроса спрашивали о Ленце. «Я удивлялся, не сумасшедший ли он часом», — отвечал Зорге.

Этот странный молодой человек работал на официальное германское агентство новостей, где его обязанности заключались в отслеживании пресс-телеграмм, поступавших в посольство каждую ночь, то есть там же, где работал и Зорге. Эти двое не имели прямого контакта, встречаясь лишь, когда Ленц выходил из офиса рано утром, а Зорге приходил составлять ежедневный бюллетень новостей.

Вернувшись в Германию, Ленц был призван в армию, но из-за управленческой неразберихи потребовалось несколько месяцев, чтобы выследить его, и лишь в декабре 1943 года он был арестован и допрошен. На допросах он утверждал — и это соответствовало действительности, — что с Зорге они общались исключительно «как коллеги». И с этими своими заявлениями Ленц исчез со сцены.

Это было только начало.

В марте 1942 года коллега Мейзингера на Дальнем Востоке и его предшественник в Токио Франц Хуберт, германский полицейский атташе в Бангкоке, обратил внимание германских служб безопасности в Берлине на подозрительную деятельность австрийского фотокорреспондента и журналиста Карла Хофмейера.

Германские службы безопасности в Берлине приказали расследовать дело, чем Мейзингер и занялся в июле месяце в Токио, где Хофмейер был арестован. Предварительные результаты этого политического расследования оказались не менее тревожными, чем дело Зорге. Хофмейер получил образование в иезуитском колледже в Австрии и в 1931 году в Вене вступил в коммунистическую партию, после чего почти год преподавал теорию марксизма в партийных ячейках и руководил работой партийного агитпропа, время от времени публикуя

статьи в газете «Красный флаг». Дважды его арестовывала австрийская полиция.

В январе 1933 года Хофмейер отправился в Турцию «с образовательными целями». Здесь он и был завербован советской контрразведкой и получил общее задание разоблачать польских агентов, засылаемых в Советский Союз.

Весной 1934 года по указанию начальства он вступил в стамбульский филиал Германской нацистской партии для того, чтобы получить такую же «крышу», какую приобрел себе Зорге в Токио в тот же самый период. (Партбилет Хофмейера, как и партбилет Зорге, находится в архиве.) Местному руководителю нацистов в Турции Хофмейер представился как патриотически настроенный германский студент, горящий желанием поработать ради общего дела. Он и поработал, пользуясь финансовой поддержкой нацистских фондов, в «информационной службе», находившейся под строгим советским контролем, где вербовали польских и других контрреволюционных агентов, а затем посылали их в Россию, где их благополучно арестовывали. Хофмейер также писал статьи для официальной нацистской газеты «Фелькишер Беобах-тер», которые сначала в первой инстанции цензурировались советской разведкой.

В 1936 году ему угрожал арест со стороны турецкой полиции, и после еще одного спешного «образовательного визита» в Курдистан русские приказали ему сначала уехать в Прагу, а затем через Швейцарию в Париж. Его отношения с советской разведкой, согласно его собственной версии, стали несколько нерегулярными, хотя он, очевидно, получал средства для обучения в университете.

Летом 1937 года он ездил в Турцию и Иран, а потом был арестован на обратном пути в Стамбул и выслан из страны турецкой полицией. Вскоре он объявился в Москве, где «ОГПУ приняло его с холодным равнодушием. Мою работу в Турции похвалили. В остальном — никаких объяснений, а в моей просьбе выдать визу для поездки в Центральную Азию было отказано». Он вернулся в Париж после короткой поездки в Лондон и наладил контакт с Французской коммунистической партией. Не получив никаких определенных указаний от русских, он вскоре уехал в Японию в качестве корреспондента газеты «Фелькишер Беобахтер» и некоей иллюстрированной германской газеты. Повторно отправился в Китай, вел репортаж о японской кампании в Малайе и был прикомандирован к японской армии в Таиланде в качестве корреспондента.

Хофмейер держался в стороне от своих немецких коллег на Дальнем Востоке, и именно его тесные связи с японскими

военными властями впервые возбудили подозрение германских чиновников в Бангкоке. Он был единственным иностранцем, которому позволили поехать на фронт в Малайзию, и Мейзингер высказывал подозрения, что Хофмейер вполне может работать на японскую разведку. Итоги предварительного расследования по делу Хоф-мейера были переданы японской полиции, которая и арестовала его 15 июля 1942 года.

Дело Хофмейера сравнивалось с делом Зорге в личном отчете о расследовании дела последнего, посланном Гиммлером Риббентропу в декабре этого года. С точки зрения безопасности дело Хофмейера поразительно напоминало дело Зорге. Оба сумели успешно вступить в нацистскую партию через ее заморские филиалы, один — в Стамбуле, другой — в Токио, причем умудрились сделать это без каких-либо проверок их политического прошлого. Оба сумели обеспечить себе безупречную «крышу» в качестве журналистов и таким образом смогли в течение многих лет безнаказанно действовать в качестве советских агентов.

В конце концов Хофмейер был передан японскими властями германскому посольству в Токио. Его посадили на германское судно, прорвавшее блокаду, капитану которого были даны строгие инструкции: в случае перехвата незамедлительно отделаться от заключенного. В августе 1944 года Мейзингер получил лаконичное сообщение из гестаповской штаб-квартиры в Берлине: Хофмейер содержался под стражей на судне «Бургенланд», которое было захвачено союзным военным кораблем близ восточного побережья Южной Америки. Капитан затопил корабль, а команда оказалась в бразильской тюрьме. Пять человек пропали без вести. «Хофмейер, конечно же, оказался в их числе».

Два месяца спустя военно-морской атташе германского посольства в Токио информировал Мейзингера, который в свою очередь доложил об этом в Берлин, что, когда корабль затонул, Хофмейер был расстрелян.

Профессиональное рвение и настоящая паника охватили Мейзингера и японскую полицию, когда они кинулись искать следы советского шпионажа на Дальнем Востоке. Последствия дела Зорге для японского общества приняли угрожающие размеры. Германские и европейские аспекты дела и участие в подобной деятельности немцев, живущих в Японии и Маньчжурии, уже были доказаны как делом Ленца, так и особенно Хофмейера.

Неожиданное вмешательство в дело Зорге с разных сторон

угрожало дальнейшей и более ощутимой опасностью. 23 марта 1942 года в Берлине была получена телеграмма, отправленная через германскую дипломатическую миссию в Чунцине, в Маньчжурии.

Автор этого послания — местный представитель германской военной разведки, имевший привычку использовать радиоканалы Министерства иностранных дел для передачи своих сообщений начальству. Сообщение было подписано «Лисснер». Документ сей, однако, не попал в разряд обычных разведсообщений. Это был поразительный итог всех зловещих последствий дела Зорге, нацеленный своим острием против германского посла в Токио и обнаруживший некоторое знание дела Зорге изнутри. Источники Лисснера, должно быть, имели контакты с местными японцами в Харбине, и информация была передана ему, как он утверждал, «под пломбой секретности».

Послание это, адресованное начальству Лисснера в германской военной разведке, в обычном случае должно было бы отправиться с Дальнего Востока через специального курьера, но после нападения Германии на Россию сухопутный маршрут оказался блокирован и остался единственный канал связи — через радиопередатчик дипломатической миссии в Чунцине. Скрытое значение его посольской телеграммы было ясно: благодаря близким отношениям Зорге с генералом Оттом и персоналом германского посольства, в Токио происходили утечки жизненно важной развединформации, в которой были заинтересованы русские.

Когда чиновнику в Министерстве иностранных дел в Берлине положили на стол расшифрованное послание, значение его сразу же стало предельно ясно и не могло не вызвать тревоги, и с этого момента обычное рутинное расследование дела Зорге резко изменилось. Копию телеграммы Лисснера передали в личный офис Риббентропа. Реакция была незамедлительной и бурной.

27 марта 1942 года была отправлена личная телеграмма от германского министра иностранных дел послу Отту, в которой посла просили дать объяснения обвинениям, выдвинутым Лисснером. В своем ответе Отт решительно опроверг достоверность отчета и свою причастность к делу Зорге, о чем недвусмысленно говорили обвинения Лисснера. Однако Отт уже безнадежно испортил свою репутацию посла в Токио в глазах Риббентропа, что в огромной степени и послужило причиной немедленной отставки посла. А в фокусе нежелательного внимания оказалась собственная деятельность Лисснера, а также трения и соперничество германских агентств и их представителей на Дальнем Востоке. Так что личная инициатива оказалась почти

роковой для самого Лисснера.

Согласно результатам расследования, проведенного германским МИДом, Ивар Лисснер в конце тридцатых годов представлял несколько германских газет на Дальнем Востоке и особенно «Фелькишер Беобахтер» в Токио. В 1938 году он был среди тех аккредитованных иностранных корреспондентов, кого пригласили увидеть своими глазами сражение во время инцидента в Чанкуфенге на корейско-советской границе[137]. С началом войны в Европе Лисснера пригласило в информационную службу германское посольство, так что по сути он был предшественником Зорге на этом посту.

В январе 1940 года берлинская редакция газеты «Фель-кишер Беобахтер» информировала посольство в Токио, что Лисснер — неарийского происхождения и что она отказывается от его услуг. После чего посольство потребовало от МИДа инструкций относительно того, продлевать ли ему контракт о Лисснером. Это было сделано в качестве временной меры, хотя его отношения с послом, генералом Оттом, были напряженными, в них даже присутствовали элементы резких личных трений, которые придавали особый смысл последующим обвинениям Лисснера, выдвинутым им в связи с делом Зорге.

Лисснера отправили в информационную поездку в Маньчжурию, и он получил деньги за серию статей, опубликованных в японской прессе. Последняя сумма была выплачена ему в апреле 1940 года. Больше он в Токио не возвращался. Согласно подробному отчету германского МИДа от 31 марта 1942 года, он «занялся другой работой в Маньчжурии». Однако не стал постоянным представителем германской военной разведки в Чунцине, а был ее ценным «V-Мапп», или информатором, и работал на нее предположительно в сотрудничестве с германскими службами безопасности в течение периода, продолжительность которого МИДу неизвестна.

Вмешательство Лисснера в дело Зорге никак не сказалось на нем лично, но очень осложнило положение Зорге и его группы.

16 августа 1942 года в телеграмме начальнику гестапо полковник Мейзингер докладывал, что Лисснер в разговоре с местным руководителем нацистов в Маньчжурии «утверждал… что он не настоящий ариец, но что фюрер лично признал его человеком арийской породы». По словам Мейзингера, Лисснер находился под постоянным наблюдением японской полиции за «неблаговидную деятельность», однако никаких действий против него не предпринималось, «поскольку считалось, что у него есть могущественные германские друзья». У него также были враги в немецкой колонии в Маньчжурии, которые докладывали о нем в

Токио.

Отныне Лисснер стал главной мишенью для Мейзингера в его бурной деятельности по чистке нацистской партийной организации на Дальнем Востоке и в его мстительном поиске примеров предательской деятельности среди немцев в этих регионах. Однако расследование Мейзинге-ра упорно блокировалось германской военной разведкой и рассматривалось германским МИДом как один из «противных» маневров гестапо. Начальство Мейзингера действительно смогло обеспечить Лисснеру военное прикрытие для его службы на Дальнем Востоке.

Два месяца спустя новый германский посол в Токио д-р Генрих Георг Стамер, сменивший Отта в мае 1943 года, был информирован в частном порядке о решении фюрера, подтверждающем арийское происхождение Лисснера и обязывающем посольство не давать Мейзинге-ру никаких подробностей[138]. Этот замечательный законодательный акт бьш выпущен в признание «особых заслуг» Лисснера.

Сейчас может показаться странным, что дело провалилось и что Лисснера в Харбине оставили в покое. В марте 1943 года германский военный атташе в Токио, полковник Кретчмер докладывал, что в беседе с главой японской военной миссии в Харбине имя Лисснера не упоминалось и что «в настоящее время у японцев нет больше никаких серьезных подозрений».

Однако уже в мае «по повторной просьбе японской военной полиции» Мейзингер ездил в Харбин. По словам японцев, Лисснер утверждал, что он шеф гестапо в Маньчжурии, но они также подозревали, что он работает на русских.

Вернувшись, Мейзингер стал лихорадочно собирать немногочисленные куцые и путанные сведения о том, что Лисснер систематически собирает разведданные в Японии, Китае и Маньчжурии; что он получил секретные карты Маньчжурии от умершего горного инженера; что у него были контакты с советскими представителями; что информация, которую он получал, была на 75 % точной и потому, хотя русские давно знали о его германских связях, они должны были бы ценить его работу.

По словам Мейзингера, японская полиция бездействовала, поскольку Лисснер утверждал, что находится под защитой высших германских властей. Он не только намекал, что является шефом гестапо в регионе, но также утверждал, что выполняет важные обязанности в дипломатической миссии в Чунцине и является специальным посланником фюрера, имея к нему прямой доступ. Однако японская полиция предпочла бы его немедленное удаление, дабы не смущать дипломатическую миссию арестом

Лисснера.

Германский посол в Токио, похоже, также убедился в том, что с Лисснером не все чисто и добавил к телеграмме Мейзингера от 25 мая свое собственное мнение: «Поскольку в японских кругах существует подозрение о шпионской деятельности Лисснера в пользу Советского Союза, я настоятельно рекомендую вызвать его в Токио и потом отправить домой. Существует опасность второго дела Зорге, в результате чего японо-германским отношениям, которые и так достаточно напряженные, может быть вновь нанесен серьезный ущерб».

Теперь Мейзингер вдруг обнаружил неожиданного союзника на самом верху. 30 мая 1943 года офицер связи германского МИДа, прикомандированный к ставке Гитлера, послал Риббентропу ноту следующего содержания: «Я представил токийскую телеграмму по Ивару Лисснеру фюреру, и он, естественно, согласен немедленно отозвать Лисснера. Из-за хорошо известной антипатии фюрера к так называемым агентам он критически относится к использованию подобных людей. Бегло просмотрев вторую часть телеграммы, где содержались утверждения Лисснера, что он член ставки фюрера и что ему были даны соответствующие властные полномочия, фюрер сказал, что самое лучшее — расстреливать таких людей на месте».

Круги от этого локального дела пошли в разные стороны, и все возможные последствия нового потенциального дела о шпионаже на Дальнем Востоке стали предметом обсуждения и трений в самых высоких эшелонах власти.

На другой день после выразительного замечания фюрера сам глава германской военной разведки адмирал Канарис, высказал свои личные взгляды по делу Лисснера в записке, направленной в Министерство иностранных дел.

«После тщательного расследования его личных отноше-ний, связей и разведывательной работы министр обороны не считает, что обвинения японской военной полиции против Лисснера в том, что он работает на Советскую Россию, имеют смысл. Он не является носителем военных секретов. Любые связи Лисснера с советскими кругами следует рассматривать как желательные, исходя из интересов его разведывательной работы.

Лисснер отказался впредь ставить японцев в известность о своей работе в обмен на снабжение его разведывательным материалом ввиду странного отношения к нему японских властей. Этот агент — единственный источник для службы внешней разведки, снабжающий ее обширными отчетами о районе азиатской части России и приграничном районе Россия —

Маньчжурия. Полученные отчеты, особенно один из них, поступивший совсем недавно, необычайно компетентны и исчерпывающи и являются нашей единственной информацией разведывательного характера о запасах, новых формированиях и т. д. и особенно о советских военно-воздушных силах в Сибири. Предложение Японии об обмене информацией через военных атташе не может быть в свете предыдущего опыта признано равноценным.

Министр обороны дал указание военному атташе адмиралу Веннекеру решительно вмешаться и решить вопрос с японскими военными властями в пользу Лисснера по вышеперечисленным вопросам, подчеркнув, что, по его мнению, для Японии было бы вполне приемлемо, если представителем разведывательной службы против Советской России будет немец, а не японец.

В создавшихся обстоятельствах японцам можно лишь предложить полный доступ к разведывательному материалу, добываемому Лисснером по России, при условии, что он сможет беспрепятственно продолжать свою деятельность. Поскольку Лисснер не отправлял своих отчетов через Токио, японцы не могут оценить их значимость.

Я был бы вам особенно благодарен, если бы посол (Стамер) также отметил особую военную важность продолжения деятельности этого источника информации для МИДа, а также поддержал вмешательство военных атташе в этот вопрос».

Расследование Мейзингера по этому делу обострило и без того хрупкие отношения между германским посланником в Чунцине доктором Вагнером и немецким посольством в Токио. Главным моментом во всех этих маневрах был ошеломляющий эффект, который произвело в Токио неожиданное вмешательство Лисснера в дело Зорге в прошлом году.

Негодующее опровержение Вагнером клеветы против Лисснера напомнило поведение Отта по отношению к Зорге. 3 июня Вагнер, находившийся с визитом в Токио, чтобы встретиться с коллегой Стамером по делу Лисснера, телеграфировал в МИД: «Обвинения против Лисснера в огромной степени совпадают с бессмысленными слухами, циркулирующими в Харбине». Совершенно не соответствует истине, что Лисснер получал какие-либо деньги от дипломатической миссии. Не было конкретных данных и о том, что он работал на русских, а что касается его тесных связей с дипломатической миссией, к нему относились как к «заслуженному журналисту» — он производил нормальное впечатление, а кроме того, существовали точные инструкции из Берлина, что не следует препятствовать его деятельности.

Однако посол Стамер как высший дипломатический

представитель на Дальнем Востоке уже вызвал Лисснера в Токио и предупредил Вагнера, что по прибытии Лисснера арестуют.

3 июня Стамер телеграфировал в Берлин:

«Якобы «бессмысленные слухи», по моему мнению, на самом деле не что иное, как неофициальное предупреждение японской военной полиции германскому консульству в Харбине. Согласно материалу, имеющемуся у нас на руках, полиция осведомлена обо всех контактах Лисснера с русскими».

Похоже, что консул германской дипломатической миссии в Чунцине посоветовал Лисснеру не подчиняться вызову в Токио. И потому японская военная полиция, по словам Стамера, вынуждена была произвести «сенсационный арест» Лисснера. «Ход этого дела осложнялся тем, что начался суд над Зорге и вновь обострил ситуацию в целом».

Вагнер самоотверженно защищал свою дипломатическую миссию и косвенно позицию Лисснера даже на фоне мягких контратак на его неугомонных коллег в Токио. В телеграмме от 9 июня Вагнер утверждал, что нельзя говорить о «новом деле Зорге». Вовсе не казалось столь уж явным, что Лисснер шпионил в пользу Советского Союза. Он был признан «офицером связи», и как такового Вагнер обязан был поддерживать его в работе. Отношения Лисснера с германскими чиновниками «существенно отличались от отношений Зорге с сотрудниками посольства в Токио, где, насколько я знаю, Зорге занимал какой-то пост (редактировал бюллетень новостей) и регулярно посещал посольство».

5 июня 1943 года Лисснер был арестован Кемпетай и доставлен в Токио, и у Стамера появилась возможность предложить Берлину поставить в будущем дипломатическую миссию в Чунцине под контроль посольства в Токио. «Японцы проводят некорректное сравнение с делом Зорге, поскольку считают, что Лисснер тоже шпионил в пользу Советского Союза и, как Зорге в Токио, поддерживал в Чунцине особо тесные связи с официальными германскими представителями».

После ареста Лисснера Вернер Кром, ведущий германский журналист в Токио, вместе со своим секретарем Урсулой Шварц и помощником-японцем, были также взяты под стражу. Мейзингер докладывал: «Ожидаются дальнейшие аресты среди немцев «и иностранцев».

5 июня он отправил германским службам безопасности следующий описок арестованных в Японии по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза, оставив его без комментариев:

1. Рихард Зорге
2. Макс Клаузен
3. Карл Раймунд Хофмейер
4. Д-р Ивар Лисснер
5. Д-р Герман Грауэрт
6. Вальдемар Бартельс
7. Вилли Фостер
8. Стефания Касарова

Первые четыре имени не требуют комментариев. А остальные стали объектом политической проверки в гестапо в Берлине, а их дела Мейзингер предложил вниманию японской полиции.

Д-р Герман Грауэрт был арестован в мае 1942 года по подозрению в шпионской деятельности. Мейзингер докладывал в шифровке своему начальству, что в течение нескольких недель почти наверняка можно ожидать его осуждения. Грауэрт родился в Японии и одно время работал в германском консульстве в Йокохаме. Полицейское расследование, проведенное в Германии, показало, что против него выдвигались обвинения в незаконном вывозе валюты и что его едва не лишили немецкого гражданства. На его дело, которое, как и все остальные, предположительно основывалось на шпионаже в пользу Советского Союза, было пролито чуть больше света.

Арест Вальдемара Бартельса был куда более неприятным для немцев. В июле 1942 года Мейзингер послал в Берлин список более двадцати немцев, живущих в Японии, большинство из которых были журналистами, для политической проверки в архивах гестапо «в связи с делами Зорге и Хофмейера». За двумя исключениями все они были оправданы, включая и Бартельса[139]. Однако к концу года Бартельса арестовали, и Мейзингер доложил, что тот близко общался с Максом Клаузеном. Против Бартельса было выдвинуто обвинение, что он сообщал о движении немецких кораблей в Йокохаме, и на допросах в японской полиции он признался, что работал на русских.

Существуют некоторые данные, свидетельствующие о том, что Бартельс был связан с независимой советской группой, функционировавшей в Японии и не имевшей прямых выходов на группу Зорге. По мнению японской полиции, Бартельс работал под руководством швейцарского гражданина, которого он называл Швейцер, бывшего немца. Швейцер также был арестован. Он якобы был связан с одним из сотрудников советского посольства в Токио, известного как «Иванов». Руководство германскими службами безопасности в Берлине проявляло особый интерес к делу Бартельса и требовало от Мейзингера подробных отчетов[140].

Завеса упала вокруг этого дела. Известно только, что позднее Бартельс умер в тюрьме.

Вилли Фостер был хорошо известной фигурой в германской колонии в Японии. Он владел небольшим пропеллерным заводом, и в доме его часто проходили многочисленные вечеринки, на которых бывали многие известные люди из числа живущих в Японии немцев и европейцев, включая германского посла и Зорге. А в его офисе, находившемся под постоянным надзором полиции, собирались настроенные против «оси» иностранцы.

Мейзингер приступил к полицейской проверке Фостера в Германии и в сотрудничестве с японцами в течение года собирал против него компромат. В мае 1943 года Фостер был арестован, причем неизвестно по какому обвинению. Особо было отмечено лишь то, что он был так или иначе связан с Зорге.

Его предыдущая карьера, как установили германские службы безопасности, нуждалась в некотором прояснении. Согласно архивным данным, Фостер в 1928 году уехал из Германии в Москву, где и проработал аэромехаником до 1931 года. Одно время считалось, что он был членом Германской коммунистической партии, а также объектом докладов, отправляемых германским посольством в Москву. В Японии он объявился в середине тридцатых и был взят на заметку филиалом Германской национал-социалистской партии в Токио как антинацист. Существовали смутные подозрения, что Фостер — агент Коминтерна.

Фостер живым вышел из тюрьмы и после войны вернулся в Германию.

Куда более загадочной фигурой остается Стефания Касарова. Все свидетельства по ее делу бесследно исчезли. В сентябре 1941 года, еще до разгрома группы Зорге она уже была арестована, и Мейзингер лаконично сообщал, что подозрения в отношении нее справедливы. Ее подозревали в принадлежности к крупной шпионской группе, в которой, однако, не было ни одного немца.

В телеграмме, отправленной Мейзингером, перечислялись имена восьми немцев, арестованных в Токио по подозрению в шпионаже в пользу России[141]. Телеграмма эта привлекла личное внимание Риббентропа, который 10 июня телеграфировал германскому послу Стамеру:

«Германское Министерство иностранных дел просит вас обратиться к японцам в дружественной манере за более подробными объяснениями причин арестов Лисснера и других немцев, поскольку отчеты не дают точной картины.

Информация для Вас лично: если японцы приведут обоснованные причины ареста, не стоит ничего предпринимать в

пользу арестованных, чтобы избежать ухудшения германо-японских отношений».

Германский МИД был встревожен последствиями продолжающихся арестов немцев в Японии по обвинению в шпионаже в пользу Советского Союза. Однако ни один из этих арестов не был осуществлен японской полицией как прямой результат каких-либо действий Мейзингера. Аресты явно были частью общего нетерпеливого желания вскрыть существование советской шпионской группы, действовавшей независимо от группы Зорге, но обнаруженной благодаря разоблачению самого Зорге. В случае с Лиссне-ром, однако, ни германская военная разведка, ни службы безопасности не верили в обвинения против него. Чиновники германского МИДа считали, что Вагнер был прав в своей поддержке ценного разведчика. «Японцы, скорее всего, просто ищут повод, чтобы ликвидировать германскую разведывательную сеть на Дальнем Востоке, которая была известна японской военной разведке, однако ей неподконтрольна, что и вызывало особое беспокойство у японцев».

В начале августа японская военная полиция передала Мейзингеру меморандум, озаглавленный «Обзор дела Лисснера о шпионаже», в котором были изложены результаты расследований, проведенных японцами в отношении Лисснера, Крома и секретаря последнего. В сообщении, отправленном в Берлин с изложением этого документа, Стамер подчеркнул, что остальные немцы, перечисленные в июньском списке Мейзингера как арестованные, не имели никаких связей с Лисснером, а лишь подозревались в шпионаже в пользу русских. Стамер выразил свою заинтересованность в деле Лисснера японскому МИДу, но вовсе не предполагал вновь поднимать эту тему. «После дела Зорге, еще не законченного, дело Лисснера будет строиться строго на уголовной, а не политической основе, с тем чтобы избежать каких-либо обострений в германояпонских отношениях».

19 августа 1943 года Мейзингер в телеграмме шефу гестапо генералу Мюллеру кратко изложил отчет японцев о деле Лисснера. Согласно этому отчету, Лисснер якобы был двойным агентом в Харбине с 1940 года, поддерживая связь с советским консульством. Кром признался в том, что получал разведзадания от Лисснера и знал о работе Лисснера на Советский Союз. Кром собирал материал о японской политике и военных вопросах и передавал «важную информацию» Лисснеру. В ходе дальнейших допросов Лисснер заявил, что получил указания от своего германского начальства узнать об обстановке в Японии и что он инструктировал Крома, чтобы тот посылал ему такие отчеты.

Мейзингер и официальный переводчик германского посольства Хамель трижды допрашивали Лисснера по предложению японской военной полиции, причем японцы на допросах не присутствовали. В разговоре с Мейзингером Лисснер подтвердил слова Крома, однако решительно заявил, что не давал ему никаких конкретных задач, но что отчеты об обстановке в Японии были составлены по особым инструкциям, полученным из Берлина.

Военный атташе в Токио полковник Кретчмер в телеграмме, отправленной в Берлин несколько недель спустя, прокомментировал реакцию японских военных кругов, сообщая, что на японцев особое впечатление «произвел тот факт, что немцы не только шпионят в Японии в пользу Советского Союза, но и собирают секретные военные данные в Японии по указаниям германского Министерства обороны.

После решения о вынесении смертных приговоров по делу Зорге и на фоне продолжающегося следствия против других немцев в кругах японской военной разведки возникло серьезное недоверие к германской колонии в Восточной Азии, которое ни в коей мере не уменьшили инструкции германского Министерства обороны Лисснеру в отношении японской разведки. Когда я разговаривал с японскими офицерами, я ясно объяснил, что Лисснер лжет… и что он собирал информацию только для русских. Любое вмешательство германской военной разведки в пользу Лисснера было бы неправильно понято японцами и стало бы политически деликатным вопросом».

Германский посол добавил к этой телеграмме свой собственный напыщенный комментарий: «Я очень сожалею, что Лисснер своим поведением сделал невозможными любые попытки открыто прояснить дело и дал дополнительную пищу для японской болтовни о якобы шпионской деятельности Германии».

«Признание» Лисснера могло иметь лишь катастрофические последствия для отношений японской и германской разведслужб. С его арестом немцы утратили жизненно важный источник разведданных о боевых порядках советских войск на Дальнем Востоке.

Как мрачно и точно докладывал в середине сентября полковник Кретчмер:

«После шпионского дела Зорге, связанного с германским посольством, и нынешних обвинений в шпионаже против Лисснера, работавшего на германское Министерство обороны, а также против Крома японский генеральный штаб чрезвычайно подозрительно относится к любым формам сбора разведданных немцами. Возможно, это связано с японской решимостью не

допустить, чтобы какая-то «бестактность» или «неловкость» со стороны иностранцев расстроила бы их политику нейтралитета в отношениях с Россией».

Тщетно Мейзингер уверял японскую полицию, что Лисснер лжет, когда говорит, что он сообщал данные о политической и военной обстановке в Японии. Такие отчеты часто поступали через германскую дипломатическую миссию в Чунцине и официально подписывались посланником. Даже если у него и не было никаких особых инструкций делать это, нет свидетельств, показывающих, что начальство Лисснера в Берлине или приказало ему прекратить подобные операции, или не нуждалось в подобной информации.

Необычайно враждебная реакция германских чиновников в Токио на этот аспект дела Лисснера была вполне естественной. Подобные отчеты являли собой прямое и наглое вмешательство в их собственные функции специалистов, действующих на японской военной и политической сцене, а также появление конкурирующих аванпостов, действовавших вне их контроля особенно на фоне резкого усиления более чем справедливых японских подозрений относительно германской разведывательной активности на Дальнем Востоке.

Германское посольство пальцем о палец не ударило в пользу Лисснера перед японскими властями. Однако он был освобожден в начале 1945 года, поскольку Япония не смогла найти против него никаких улик. Он так страдал от долгого заключения и плохого обращения, что здоровье его было серьезно подорвано. Его начальник адмирал Ка-нарис уже был арестован в Германии за участие в Июльском заговоре, и Лисснер остался в опасной изоляции в Японии.

Жестокое и упорное преследование подозреваемых из числа обитателей немецкой колонии в Японии, которое начал Мейзингер с 1941 года с использованием если не методов, то средств из арсенала гестапо, возможно, и поправило его личную репутацию профессионального полицейского. Но в другом, намного более зловещем аспекте своей деятельности Мейзингер был призван к ответу.

В самом конце войны американские оккупационные власти арестовали Мейзингера в Токио вместе с сотрудниками германского посольства. После допросов в Европе Мейзингер бьш выдан Польше, где предстал перед судом, чтобы ответить за совершенные под его руководством германской службой безопасности зверства в Варшаве в 1940 году. Верховный национальный трибунал Польской Народной Республики 3 марта

1947 года приговорил его к смерти. Вскоре Мейзингер был повешен.

Глава 18. ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЙСТВИЕ

Я всего лишь лист большого дерева. И, сыграв свою роль, я упаду на землю.

Вукелич, из письма к жене, написанного в тюрьме

15 мая 1942 года генерал Отг телеграфировал в Берлин, что японский МИД информировал его: «Обвинение против коммунистической группы, к которой причастны немцы Зорге и Клаузен, будет оглашено послезавтра. Обвинение будет также предъявлено и близкому помощнику принца Коноэ — Одзаки и другим японцам — Сайондзи, внуку последнего Генро, и Инукаи, сыну советника президента, убитого в 1932 году. Все они обвиняются в шпионаже в пользу Коммунистического Интернационала. Сайондзи и Инукаи обвиняются в выдаче государственных секретов Одзаки, хотя и непредумышленной.

Обвинение включает короткую биографию Зорге и его показания об известных ему коммунистических связях в Европе. Зорге, который в 1930 году приехал в Китай, а потом в Японию, был связным между Коминтерном и японской группой и передавал группе указания Коминтерна.

Старший помощник министра юстиции информировал посланника Кордта, что в тексте обвинительного заключения будут опущены любые упоминания о членстве Зорге в нацистской партии. Японская юстиция рассматривает Зорге исключительно как международного коммуниста. Глава европейского отдела Министерства иностранных дел добавил, что обнародование обвинительного заключения стало необходимым потому, что Кабинет интересуется людьми, вовлеченными в дело. Никаких релизов больше не планируется. В прессе будет опубликован лишь релиз Министерства юстиции. Он выразил надежду, что германское правительство поймет те обстоятельства, в которых выпущен релиз. Япония считает, что этот инцидент не скажется на германо-японских отношениях».

Японский посол в Берлине генерал Осима, посетивший Риббентропа в день выпуска пресс-релиза, высказался еще более осторожно: «Токио считает, что эта публикация необходима, поскольку в деле оказались замешаны несколько высокопоставленных японцев и факт этот широко известен. Если ничего не будет опубликовано, это может привести к

возникновению неприятных и опасных слухов. В коммюнике, естественно, не будет никакого упоминания о какой-либо связи между немецкими коммунистами Зорге и Клаузеном и официальными германскими службами в Токио».

Германские власти в Токио с интересом ожидали этого первого и единственного официального заявления японцев по делу Зорге. Оказалось, что накануне выпуска пресс-релиза японская полиция не спускала глаз с посла и высших чинов германского посольства.

Вечером 16 мая в офисе германского агентства новостей кипела жизнь. Двух помощников-японцев попросили подготовить памятную записку с изложением биографии Сайондзи и Инукаи. Люди сновали туда-сюда между офи-сом агентства и резиденцией посла. «Похоже, что посольство отправило отчет о заявлении о деле Зорге».

Следующий день, воскресенье 17 мая, генерал Отт и его жена провели на своей загородной вилле, а вечером вернулись в Токио, чтобы пообедать с друзьями. «Отт не выказывал особых эмоций, однако похоже было, что он приказал немцам в посольстве не говорить об этом деле».

Официальный релиз Министерства юстиции для прессы писался и переписывался с особой тщательностью, в тесном сотрудничестве с Министерством иностранных дел и Верховным судом.

Главная причина выпуска заявления заключалась в неизбежности принятия решения об аресте Сайондзи и Ину-каи, а также в том вредоносном влиянии, которое оказало на японские политические круги дело Зорге. Однако этот аспект дела тщательно затушевывался. И хотя вина главных обвиняемых всячески подчеркивалась, не было ни малейшего намека на важность или на источники информации, полученной ими от японских и германских официальных лиц. Таким образом, в релизе нигде не упоминались «высокие политические круги» ни Японии, ни германского посольства.

Весьма обдуманно группа Зорге описывалась в этом релизе, как «группа «красных» шпионов, действовавшая под руководством штаб-квартиры Коминтерна». Опущены были любые упоминания об истинной миссии Зорге — сотрудника 4-го Управления Красной Армии. Упоминая лишь о Коминтерне и создавая таким образом ложное впечатление, что Зорге и его сообщники были, по сути дела, всего лишь членами международной коммунистической организации, Министерство юстиции могло придерживаться версии, что Советский Союз, с которым у Японии был действующий договор о ненападении, не замешан в это дело

в лице своего национального правительства. При этом оно (министерство) полагало, что обвиняемые как члены коммунистической партии могли быть осуждены за нарушение Закона о сохранении мира, находившегося в компетенции Министерства юстиции, а не Закона о национальной безопасности, который мог применяться военными властями.

Следующим шагом после публичного заявления о привлечении обвиняемых к суду стало проведение предварительного судебного расследования по делу главных обвиняемых — Зорге и Одзаки, а затем с особой тщательностью их высокопоставленных политических соучастников — Сайондзи и Инукаи.

Теперь, когда эти ведущие японские политики, похоже, оказались замешаны в деле, пусть даже непредумышленно, задача проведения предварительного следствия по делу всех ведущих фигур требовала особой осторожности.

Суд допрашивал обвиняемых в течение лета и осени 1942 года. Процесс проходил в закрытом судебном заседании.

Поначалу поездки из тюрьмы Сугамо в суд давали Зорге желанную встряску среди монотонного тюремного существования. Согласно правилам, заключенные, ожидающие суда, должны были носить огромные шляпы с сеткой, чтобы видеть мир лишь через ячейки сетки, в то время как никто не смог бы разглядеть его лицо.

Через это «забрало» Зорге смотрел на улицы и толпы людей на них, когда машина медленно двигалась по городу. А в суде он иногда устраивал себе небольшое развлечение, воспроизводя по памяти иероглифы с магазинных вывесок и рекламы, которые он видел на пути из тюрьмы в суд.

Профессор Икома, переводчик судьи Накамуры и прокуроров, сознавал, что он был «своего рода посредником между Накамурой и Зорге», и находил не вредным рассказывать Зорге о ходе русско-германской войны. Сталинград был в осаде, и Зорге, понимавший, что это может стать переломным моментом войны, проявлял огромный интерес к битве на Волге. Встречаясь в суде с Икомой, он интересовался последними новостями.

«Обычно он шепотом спрашивал меня о битве под Сталинградом (говорит Икома), пока судья беседовал со своим клерком. Я мог отвечать лишь на полутонах, однако описывал ему ситуацию в общем. Судья видел наши разговоры, но не останавливал нас».

Икома вспоминает, что, когда ситуация самым драматическим образом изменилась в пользу русских, Зорге был в восторге и «его суровое, словно каменное, лицо расцвело в

улыбке».

Существует и другое воспоминание о поведении Зорге в этот особенный момент. Каваи Текиши после продолжительных допросов в полицейском участке, осенью 1942 года был переведен в тюрьму Сугамо. Зорге находил-ся в камере под номером 20 на первом этаже второго корпуса. (Одзаки сидел в одиннадцатой камере этого же корпуса.) Так случилось, что Каваи был посажен в тот же самый блок, и ему удалось увидеть восторженную реакцию Зорге на сообщение о том, что Сталинград выстоял. Глядя через глазок своей камеры, Каваи увидел, как Зорге в коридоре сорвал с головы похожую на корзину шляпу и пустился в пляс от радости, хлопая тюремщика по плечу.

Икома утверждает, что допросы, которые вел судья Накамура, были намного тяжелее допросов прокурора Йоси-кавы. Так, во время прокурорских допросов всегда находилось время, чтобы немного поговорить на посторонние темы. По словам Йосикавы, «лишь две трети всего времени следствия за эти месяцы было занято непосредственно расследованием, а третья часть времени посвящалась беседам на общие темы, в основном на тему русско-германской войны: Зорге любил говорить, что бы он сделал, командуя русской армией».

Сама атмосфера предварительного суда, похоже, исключала случайные разговоры личного характера между заключенным и переводчиком. Икома испытывал большие трудности при переводе с юридического японского на немецкий. Отчет Йосикавы, лежавший в основе допросов, проводившихся судьей Накамурой, был очень труден для перевода.

«Документ этот был длинным и трудным, составленным в юридических терминах и без каких-либо знаков препинания. Меня бросало в холодный пот при попытках перевести его на какое-то подобие немецкого так, чтобы обвиняемому было понятно.

И каким-то образом мне удалось этого добиться, наверное, потому что я очень хорошо знал содержание отчета.

На этот раз Зорге было не до шуток. Ему приходилось выслушивать перевод, время от времени указывая на ошибки. Иногда его возражения бывали весьма серьезными. Все это было очень утомительно.

Когда судья Накамура спорил с ним в неприятной манере или задавал особо острые вопросы, Зорге часто или энергично возражал, или не отвечал вовсе».

Допросы предварительного суда тянулись всю зиму. И очень скоро, говорит Икома, «все мы — обвинитель, обвиняемый, переводчик — были очень измотаны».

«Очень часто бывало уже темно, когда мы заканчивали допрос — семь или восемь часов вечера — и давали обвиняемому прослушать все, что было запротоколировано, получая его согласие на то, что было записано с его слов.

Иногда служащие суда, уставшие и торопившиеся домой, выключали свет в кабинетах, несмотря на то что суд все еще заседал. Это очень сердило судью, и когда такое случалось, судья Накамура, напоминавший по своим манерам английского джентльмена, громко выговаривал обслуживающему персоналу.

Все это было ужасно утомительно».

И наконец 5 декабря 1942 года судья Накамура объявил следствие по делу Зорге и Одзаки законченным и десять дней спустя принял решение в пользу официального суда над обоими[142].

Обвиняемые оставались в Сугамо до следующей стадии суда, начавшегося в апреле. Каждый из них в одиночку предстал перед Токийским окружным уголовным судом. Слушания начались процессом над Одзаки в апреле 1943 года, затем в мае последовал процесс над Зорге, продлившийся до августа.

В этом случае в качестве переводчика выступал коллега Икомы из академических кругов профессор Уеда Тоширо. Икома говорил авторам этой книги, что почувствовал огромное облегчение, разделив обязанности переводчика в суде с другим человеком.

Суду были предъявлены как свидетельства, собранные в ходе предварительного суда и прокурорского расследования, так и признания самого Зорге. Японский адвокат Асанума Симудзи мог давать советы своему подзащитному лишь с позволения председателя суда. Обвинения, перечисленные в обвинительном акте, были классифицированы строго согласно тем законам о безопасности, которые были опубликованы в Японии в период между 1937 и 1941 годами. Несмотря на первоначальные намерения министра юстиции во время выпуска пресс-релиза в мае 1942 года, в окончательном обвинительном акте основной упор был сделан главным образом на преступления, совершенные после вступления 10 мая 1941 года в действие Закона о национальной безопасности и находившиеся в прямой связи с положениями этого закона.

Суть обвинений против Зорге, кроме общего заговора с Одзаки, Клаузеном, Вукеличем и Мияги с целью сбора информации в Токио и других районах и снабжения ею иностранной державы, «зная, что эта информация могла быть использована против интересов национальной обороны», состояла также в передаче государственных секретов, что представляло

собой «серьезнейшее из преступлений, совершенных обвиняемым».

Суд сосредоточился на двух секретах, которые Одзаки передал Зорге: решениях Имперского совещания от 2 июля 1941 года и японских «Предварительных предложениях Соединенным Штатам». Согласно Закону о национальной безопасности, подобные действия караются смертной казнью.

В суде ни разу не упоминалось о связях Зорге с 4-м Управлением Красной Армии и лишь кратко говорилось, что он получил некие документы военного значения от генерала Матски — военного атташе германского посольства в Токио. Таким образом, суть дела свелась к деятельности группы Зорге летом и осенью 1941 года и рассматривалась в прямой связи с историческим решением правительства Тодзио нанести удар на юг, в Тихом океане и против Соединенных Штатов, а не в Сибири, против Советского Союза.

Расследование этого выдающегося достижения Зорге и Одзаки открыло японским властям и правительству, к их великой тревоге, опасную возможность воздействия этого дела на японскую политику и привело не только к аресту Сайондзи и Инукаи, но и к приостановлению действия гражданских прав самих Зорге и Одзаки.

Оба обвиняемых надеялись, что их, как членов международной коммунистической организации, будут судить по Закону о сохранении мира, поскольку это обвинение не влекло за собой смертной казни. Но как только дело оказалось в суде, сразу проявились зловещие изменения в тактике министра юстиции. Зорге, в частности, сделал последнюю попытку защиты в своем заявлении: «Следует напомнить, что переговоры между японцами и американцами н*6* были секретными. Вопрос этот дискутировался как в японских, так и в американских газетах. Было хорошо известно, что американский посол Грю активно действовал за кулисами… Я сам получил указания из «Франкфуртер Цайтунг» предоставить полный отчет о переговорах, особо обратив внимание на американское посредничество между Японией и Китаем. Я отправлял длинные телеграммы, и ни одна из них не цензурировалась».

Такая же информация, которую Зорге отправлял в Советский Союз, собиралась добровольно и более или менее открыто. Зорге так подвел итог своей защите:

«Японские законы — объект для интерпретации, и интерпретировать их можно или широко, или строго следуя их букве. И хотя, строго говоря, утечки информации и могут наказываться по закону, на практике японская общественная

система не подразумевает ответственности за хранение секретов, и потому я считаю, что при составлении обвинительного заключения недостаточное внимание было уделено нашей деятельности и природе той информации, которую мы получали. Данные, которыми снабжал нас Вукелич, не были ни важными, ни секретными; он приносил лишь те новости, что хорошо известны любому корреспонденту. То же можно сказать и о Мияги, который по своему положению не мог иметь доступа к государственным секретам. То, что можно назвать информацией политического характера, обеспечивалось Одзаки и мною».

«Я добывал информацию в германском посольстве, но я еще раз хочу подчеркнуть, что вряд ли ее можно отнести к разряду «государственных секретов». Ее давали мне добровольно. Для ее получения я не прибегал ни к какой стратегии, за которую меня следовало бы наказать. Я никогда не применял силу или обман. Посол Отт и полковник Шолль просили меня помочь им в написании отчетов, особенно Шолль, который мне очень доверял и просил меня прочитывать его собственные отчеты, прежде чем отослать и в Германию. Что до меня, я очень доверял этой информации, поскольку ее составляли и оценивали компетентные люди — военный и военно-морской атташе — для использования в германском генеральном штабе. И я уверен, что японское правительство, сообщая какую-либо информацию германскому посольству, предполагало возможность ее утечки».

«Большую часть информации Одзаки получал в «Клубе завтраков». Однако клуб этот — не официальная организация. Информация, какой обменивались в клубе, могла обсуждаться и в других компаниях, каких много было в Токио в те дни. И даже те данные, которые Одзаки считал важными и секретными, на самом деле таковыми уже не были, поскольку он получал их косвенно, после того как они уже покинули свой секретный источник».

Но тщетны были подобные обращения. 29 сентября 1943 года Токийский окружной суд вынес смертный приговор Рихарду Зорге. Некоторые вещи, принадлежавшие ему на момент ареста, были конфискованы как непосредственно относящиеся к его деятельности: два наброска разведывательных отчетов, написанных по-английски, еще семь подобных документов, три фотоаппарата и принадлежности к ним, а также 1782 доллара наличными.

Так же прошел и суд над Одзаки.

Оба — и Зорге, и Одзаки, обратились с апелляциями в Верховный суд Японии, однако прошение Зорге было отклонено 29 января 1944 года на том основании, что он не успел сделать этого «в установленный законом срок». Одзаки по настоятельному

совету адвоката обратился в Верховный суд с апелляцией и итоговым заявлением. После долгого обсуждения его обращения также были отвергнуты судом 5 апреля, и смертный приговор остался без изменения.

Два других обвиняемых, Клаузен и Вукелич, были приговорены в пожизненному заключению, а Анна Клаузен получила три года.

Утром 7 ноября 1944 года Одзаки был занят тем, что писал открытку своей жене. Он очень беспокоился о своем отце, который, удрученный судом и приговором, вынесенным его сыну, собирался оставить свой загородный дом и вернуться на Формозу. Одзаки, погруженный в холодное однообразие своей камеры, не знал, что через несколько минут к нему придет посетитель. Открылась дверь, и в камеру вошел начальник тюрьмы Сугамо. Холодно, с обычной формальностью он спросил имя, возраст и местожительство приговоренного и после идентификации личности объявил, что согласно распоряжению министра юстиции сегодня утром Одзаки должен быть казнен.

Одзаки выслушал новость внешне спокойно и официально поклонился начальнику. Он переоделся в чистую одежду, отложенную ради этого случая, и занял место в процессии судебных чиновников и свидетеля. Руки его были в наручниках, на голове — соломенная шляпа. Небольшая группа пересекла тюремный двор и вошла в бетонное здание с высокими стенами. Здесь, в прихожей, освещенной слабым светом свечей, горевших у буддийского алтаря, Одзаки встретил тюремный священник, который спросил у осужденного, каковы будут его последняя воля и желание, и предложил ему чая и саке. После ритуальных молитв Одзаки вошел в комнату за алтарем, пустую и без окон, с воздвигнутой посередине виселицей. Он встал на помост, на шею ему накинули петлю, и едва он успел прочитать буддийскую молитву об успокоении, доски были выбиты у него из-под ног. Часы показывали 9:33. Через восемнадцать минут тюремный врач официально подтвердил, что Одзаки Хоцуми, сорока трех лет, мертв.

Через несколько минут после выноса тела Одзаки начальник тюрьмы со своей свитой вошел в камеру Рихарда Зорге, который тоже не ожидал такого визита в этот день. Повторились те же формальности, и Зорге спросили, не хочет ли он сказать что-нибудь. Зорге ответил: «Нет, больше ничего», и поблагодарил священника и персонал тюрьмы за любезность.

Согласно скупому описанию протокола, «Зорге хладнокровно прошел к месту казни». Через прихожую, не останавливаясь у

буддийского алтаря, он прошел к виселице.

Он не сказал ни слова[143].

Трап был выбит у него из-под ног в 10:20, и через шестнадцать минут он был объявлен мертвым. Ему было сорок девять лет.

Позже возникла легенда, что Зорге не был повешен, а был тайно обменен и выслан в Советский Союз. Однако отчет палача звучит мрачно убедительно. «Я наблюдал Рихарда Зорге все время, пока он был в тюрьме и до самой его казни. И потому могу поклясться, что это был он и никто другой».

На следующий день жена Одзаки и его адвокаты явились в тюрьму, чтобы забрать тело. Они нашли его, а рядом о гробом Одзаки стоял еще один, ожидающий погребения.

7 ноября 1944 года был день двадцать седьмой годовщины русской революции.

На следующий день короткая телеграмма германского посла в Токио, направленная в Берлин, подвела черту под делом Зорге.

«Немецкий журналист Рихард Зорге, который, как ранее сообщалось, был приговорен к смерти за шпионаж в пользу Советского Союза, повешен 7 ноября, согласно информации, полученной от Министерства иностранных дел. Ответы на перечень вопросов, поставленных посольством и касающихся ранней коммунистической деятельности Зорге против Германии, будут даны японским государственным обвинителем на основе имеющегося документального материала».

Однажды утром в своей камере в тюрьме Сутамо Клаузен услышал шаги в коридоре. Когда компания прошла мимо — в японских тюрьмах есть щель между полом и дверью — он узнал одну пару ног. Это был Зорге, которого вели на допрос. Так Клаузен последний раз видел своего руководителя. Позднее он узнал в бане от японских заключенных, что Зорге казнили.

Сам Клаузен едва не сгорел заживо во время американского воздушного налета на Токио. Горящие куски дерева падали в камеру сквозь разбитое стекло и продолжали гореть на циновках, и Клаузен едва не терял сознание от дыма. Вскоре его перевели в тюрьму Акита, откуда его и освободили американские войска 8 октября 1945 года. Он был так слаб физически, что сразу попал в местный американский армейский госпиталь. В момент своего ареста, в октябре 1941 года, Клаузен весил 176 фунтов, а когда его переводили в тюрьму Акита в нем было не более 99 фунтов.

После быстрого выздоровления Клаузена в сопровождении американского эскорта доставили на военном поезде в Токио. Как и в отношении других оставшихся в живых членов группы Зорге,

американские власти, похоже, не замечали их существования[144]. Совсем не так было в советском посольстве в Токио. Сразу как только Клаузен с помощью адвоката-японца воссоединился с Анной, тоже к тому времени освобожденной из тюрьмы, — «мы были похожи на стариков», писал Клаузен — и забрал свое скромное личное имущество у бывшего слуги, сотрудники советского посольства в Токио, действуя стремительно, похитили в 1945 году Клаузенов из-под носа у американских властей. На советском военном самолете супруги Клаузен вылетели во Владивосток, где Макс, страдавший от печеночного недомогания, полученного из-за нестерильного укола, был помещен в военно-морской госпиталь.

Спустя некоторое время Макс и Анна отправились дальше по Транссибирской железнодорожной магистрали на том же поезде, на котором они ехали на восток навстречу своей судьбе, в Японию шестнадцать лет назад, и прибыли в Москву, «где были тепло приняты друзьями».

С этого времени все следы этой пары теряются до той поры, когда Верховный Совет, исходя из мотивов, наводящих на размышления, 6 ноября 1964 года посмертно присвоил Рихарду Зорге звание Героя Советского Союза, вскоре после опубликования подготовленной серии пресс-релизов по делу Зорге.

Правительство Восточной Германии не позволило обойти себя и ни на шаг не отстало от Москвы. После временного пребывания в Советском Союзе и, предположительно, изматывающих допросов в разведке Клаузены уехали в Восточный Берлин, где им позволили вести жизнь «тихую и скромную». Они сменили имена и вступили в Восточно-германскую коммунистическую партию. В 1953 году Макс работал на стройплощадке на Модерсон-штрассе в Восточном Берлине, «помогая в восстановлении новой демократической Германии». Его фотографии иногда появлялись в газетах. Он стал партинструктором на верфи Копеник и в Восточногерманской судостроительной компании.

Таким образом, после напряженных лет подпольной работы, начавшейся со вступления в 1927 году в молодую Германскую коммунистическую партию, Макс вернулся к братству моряков. Однако привычная тусклость этих послевоенных лет неожиданно была нарушена. В начале октября 1964 года генерал Эрих Мильке, министр государственной безопасности Германской Демократической Республики, на публичной церемонии наградил Макса и Адшу Клаузен Золотой медалью за заслуги.

После многих лет нелегальной работы и тюрьмы и двух

десятилетий забвения Клаузены получили всеобщее признание за их особые заслуги в качестве агентов одной из самых успешных групп, когда-либо созданных советской военной разведкой. И теперь они могли занять свое законное, принадлежавшее им по праву место в истории дела Зорге.

Что касается Мияги, самого смелого из членов группы, он умер в тюрьме, не дождавшись даже приговора, в августе 1943 года.

Судьба Бранко Вукелича закончилась трагически. Все члены группы в тюрьме содержались в отдельных камерах. В сентябре 1943 года Вукелич, как и Клаузен, был приговорен к пожизненному заключению. Некоторое время он оставался в тюрьме Сугамо, где его могла посещать его жена-японка Ямасаки Йосико и приносить одежду, книги и деньги на покупку продуктов. В апреле 1944 года, после того как Верховный Суд отклонил все апелляции обвиняемых, тюремный режим стал разрешать лишь одно посещение в месяц.

В июле 1944 года Вукелича перевели в мрачную тюрьму Абашири на Хоккайдо, расположенную на севере Японии, в местности с резким и страшным климатом. Иосико получила разрешение принести маленького сына на последнюю короткую встречу с мужем за тридцать минут до его отъезда. Он выглядел худым и изможденным после более чем трех лет тюремного заключения и суровых допросов и страдал хронической дизентерией. Вукелич не позволил жене ехать за ним на Хоккайдо зимой с маленьким сыном. «Он улыбался своей оптимистичной улыбкой и, как всегда, утешал меня». Возможно, она сможет присоединиться к нему весной.

15 января 1945 года Йосико получила телеграмму, подписанную тюремными властями. Текст гласил: «Заберете ли вы тело, или мы предпримем необходимые шаги?» Вукелич не пережил сурового климата Хоккайдо и тюремных условий — он умер от пневмонии за два дня до того, как была отправлена телеграмма.

В письме, написанном свекрови Вильме Вукелич в Загреб, Йосико писала 15 декабря 1946 года: «Я нашла его уже в гробу, в тюрьме. Он был завернут во все белое, как принято по японским обычаям. Он был таким худым, замерзшим и закоченевшим. За ним прислали конный катафалк и его доставили в крематорий, где я присутствовала при кремации»[145]. Закончилась одиссея молодого студента-марксиста из Загреба… В январе 1965 года Йосико и ее сын от Вукелича были приняты президентом

Советского Союза Анастасом Микояном[146] и получили Орден Отечественной войны I степени, как посмертное признание заслуг их отца и мужа.

Вскоре после ареста Зорге Ханако-сан была допрошена в Токко, однако до прокурора дело не дошло. Зорге удалось убедить Йосикаву, что девушка ничего не знала о его секретной работе. «Она в конце концов выйдет замуж за школьного учителя, — сказал Зорге. — Прошу вас, не вмешивайте ее в это дело».

Однако в августе 1943 года ее вновь арестовали — на этот раз Кемпетай. Ее допрашивали, не церемонясь, с оскорбительной строгостью, называя шпионкой и врагом собственной страны. Через пять дней Ханако отпустили и больше уже ей не досаждали.

После войны Ханако-сан решила отыскать останки Зорге, поскольку прочла следующую заметку в журнале: «Тело Зорге было похоронено на кладбище Зосигайя тюремными властями Сугамо, поскольку не оказалось никого, кто мог бы взять на себя эту печальную обязанность. На могиле был поставлен скромный деревянный знак, но кто-то забрал его — возможно, из-за недостатка топлива. И теперь от могилы не осталось никаких следов».

Ханако встретилась с Асанумой Сумийо, адвокатом, защищавшим Зорге, и заручилась поддержкой молодого двоюродного брата Одзаки. В течение двух лет она надоедала тюремных властям, и тем, кто отвечал за захоронения на мрачном кладбище в Зосигайя, и, наконец, добилась успеха.

Гроб нашли в той части кладбища, где хоронили бездомных бродяг. Разложение зашло слишком далеко, и сохранился лишь скелет.

Ханако-сан была довольна, что поиск ее наконец-то закончен. Крупный череп и кости явно принадлежали иностранцу, имелись также следы повреждений на костях одной ноги — результат старого ранения Зорге. Ханако также опознала зубы по золотым пломбам на них.

Она так описывает свои чувства в тот день, в ноябре 1949 года, пять лет спустя после казни Зорге.

«Я взяла в руки две очень длинные и крепкие кости и внимательно осмотрела их. На одной из них была вертикальная трещина в центре и неровный шов. Та часть, где находился шов, была больше и крепче, чем остальная. Кость эта была на сантиметр короче другой.

— Он был ранен? — тихо спросил молодой человек, стоявший рядом со мной.

— Да, я слышала, что был. Я думаю, что эта рана осталась еще с Первой мировой войны».

Комментируя эту сцену, двоюродный брат Одзаки, а почти наверняка молодым человеком, стоявшим рядом с Ханако на кладбище, был он, писал: «Зорге, который вырос во время войны и умер во время войны, носил на своих костях, даже в месте своего последнего успокоения отметину с полей сражений». У Ханако-сан было золотое кольцо, сделанное из золотых пломб с его зубов, с которым она с тех пор никогда не расставалась.

Гроб перенесли на тихое кладбище Тама, что расположено сразу за городом, где и захоронили рядом с останками Одзаки Хоцуми и Мияги Йотоку[147].

Эпилог. ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Вечно чужой, незнакомый,
бегущий от самого себя…
Из стихотворения Рихарда Зорге.
Кельн, 1968

Спустя некоторое время после ареста Зорге потребовал у следователя, чтобы полиция обратилась в советское посольство, в надежде, что по дипломатическим каналам начнутся переговоры о его обмене. Все эти первые дни его заключения он пребывал в состоянии какой-то восторженной экзальтации и не мог спать по ночам среди кошмарного абсурда, каким представлялась ему его камера. Этот внезапный и неожиданный арест казался ему иронией судьбы высшей пробы на фоне полного завершения его японской миссии, когда всего за несколько дней до ареста он отправил в Центр сообщение, что Япония ударит на юг и что не будет никакой войны с Советским Союзом. Он изменил ход истории. Москва могла теперь спокойно месяцами вести переговоры с Токио. А учитывая его уникальное знание японской политической сцены и после столь выдающегося достижения в его разведдеятельности, начальство в Москве, конечно же, предпримет все шаги, чтобы добиться его немедленного освобождения или обмена. Зорге также знал, что его старый друг по российским дням Соломон Лозовский был вице-комиссаром по иностранным делам в Советском правительстве. Он высоко ценил Зорге, и вполне могло случиться такое, что Зорге смог бы сыграть ключевую роль в будущих советско-японских переговорах.

Однако скоро состояние эйфории миновало — японцы сказали Зорге, что ни на какой контакт с советским посольством они не пойдут, хотя в течение всех долгих месяцев заключения в тюрьме Сугамо Зорге снова и снова возвращался в этому призрачному миражу с обменом, объясняя следователям, что придет время, когда Японии тоже могут понадобиться его услуги в качестве посредника в переговорах с русскими, когда «неминуемое поражение Японии» будет не за горами.

Зорге упорно и надменно отрицал, что он обычный шпион. Как заявил он в своем последнем слове на суде, «обычный шпионаж означает поиск слабых мест в национальной структуре. Моя же цель состояла в том, чтобы сохранить мир между Японией и Советским Союзом, а потому я не считаю, что моя деятельность

противоречила национальным интересам Японии».

Он по-прежнему верил советским властям. Иногда он возвращался к делу Ноуленса, которого знал как главу коминтерновского аппарата в Шанхае и которого благополучно обменяли в июне 1932 года, через год после ареста и развернувшейся по всему миру кампании протеста, организованной Москвой. Похоже, этот прецедент во многом напоминал ему его собственное дело, и потому Зорге упорно продолжал цепляться за него.

Арест Зорге вызвал осложнения во взаимоотношениях японских властей не только с нацистской партией, но и с Советским Союзом. Именно по этой причине почти на всех стадиях расследования с Зорге обращались исключительно как с агентом Коминтерна, не упоминая ни о его членстве в нацистской партии или положении, занимаемом им в германском посольстве, ни о каких-либо его связях с советской военной разведкой.

В ходе запутанных советско-японских переговоров, направленных на сохранение советского нейтралитета в Тихом океане и совпавших по времени с разоблачением Зорге и его сообщников, вполне вероятно, что на какой-то стадии японцы готовы были обменять Зорге на агентов Квантунской армии, пойманных в Сибири. О том, что такое намерение существовало, говорят не раз высказываемые намеки, особенно в кругах германского посольства в Токио и даже самим послом Стамером. И если подобные переговоры действительно имели место, они должны были вестись японским посольством в Москве. До сих пор, однако, отсутствуют какие-либо твердые свидетельства на этот счет.

И тем не менее к концу войны в Токио окончательно сложилась питаемая лихорадочными слухами и сплетнями устойчивая легенда о том, что обмен Зорге был произведен. Согласно этой версии, некий штаб-офицер Квантун-ской армии решил, что казнь Зорге, чья важность как агента Коминтерна всячески преувеличивалась им самим в надежде на окончательное освобождение, могла бы подвергнуть опасности советско-японские отношения, а потому 7 ноября 1944 года было объявлено, что генерал Доиха-ра забрал Зорге в Макао, где его и обменяли, согласно секретному соглашению с советскими представителями, на группу японских агентов из Квантунской армии[148].

Позднее несколько европейцев утверждали, что они видели живого Зорге в разных португальских колониях.

Однако обнаружение и идентификация тела Зорге, произведенные Ханако-сан, позволяют отбросить эту абсурдную

выдумку.

Сам факт казни и выбранного для нее времени также дают основания для дальнейших предположений о том, что это было сделано в отместку за срыв японско-советских переговоров в Москве. Более вероятно, однако, что Зорге и Одзаки были отправлены на смерть совсем по другим причинам. Необходимо было пресечь слухи, ходившие по Токио, о неминуемых грядущих шагах к миру, когда именно Зорге мог бы выступить в качестве посредника между Москвой и Токио, а также лишить какой-либо поддержки приписываемые Одзаки планы социальных реформ в Японии. Дата казни, таким образом, была выбрано отнюдь не случайно, но имела мрачное и символическое значение — это был день годовщины русской революции 1917 года.

НЕМЦЫ И ЗОРГЕ

Расследование, проведенное германскими службами безопасности с целью установления личности и прошлой деятельности Зорге, вскрыло его продолжительное и успешное уклонение от официальных проверок и подозрений. Близкие личные отношения Зорге с высокопоставленными немецкими дипломатами и чиновниками на Дальнем Востоке прямо способствовали его назначению в

Японию в качестве корреспондента «Франкфуртер Цайтунг», вступлению в нацистскую партию и Германскую Ассоциацию прессы. Ни разу не проводилось никаких проверок с использованием архивов полиции, а на небрежном, поверхностном запросе о нем, направленном в партийные архивы, нет никаких отметок или замечаний.

Черта под расследованием дела в Германии была подведена личным письмом Гиммлера Риббентропу от 27 октября 1942 года, написанным в самодовольном тоне и с чувством превосходства. После краткого описания результатов полицейского расследования, «которое ныне было проведено впервые, но которое, будь оно проведено ранее, дало бы те же самые результаты», Гиммлер пишет: «Поскольку Зорге постоянно получал информацию о политике «оси» и ее планах из самых достоверных германских источников, дело о шпионе Зорге представляет собой огромную политическую опасность».

Таким образом, в германском отчете был признан общий тезис о том, что германский посол в Токио генерал Отт и старшие сотрудники посольства продемонстрировали неосмотрительность в своих отношениях с Зорге.

23 ноября 1942 года Риббентроп, обдумав письмо Гиммлера, телеграфировал Отту, что «различные признаки указывают на тот факт, что дело Зорге оставило у японских властей впечатление, которое неблагоприятно отражается на вашем личном положении и на отношениях с этими властями. После долгого обдумывания фюрер решил поступить так, как я предложил ему: сменить вас на посту главы посольства и отозвать вас для другой работы в Министерстве иностранных дел».

Однако из-за трудностей с обеспечением безопасного проезда в Германию Отту было велено в течение некоторого времени оставаться на Дальнем Востоке в качестве частного лица. Отт отправил запрос, настаивая на своем желании вернуться в Европу на одном из германских кораблей, прорывающих блокаду, чтобы вступить в армию. Гитлер, однако, отклонил его просьбу — и Отт с семьей отбыл в Пекин, где в конце концов был арестован американскими войсками в самом конце войны.

Разоблачение Зорге оказало разрушительное влияние на карьеру Отта, причем показания против него были даны исключительно самим Зорге в его «признании» в ходе допросов и в некоторых перехваченных сообщениях, отправленных им в Москву. Зорге привел впечатляющие подробности, описывая степень своего проникновения в германское посольство и свои близкие отношения с его сотрудниками, и эти «признания»-то и породили дело, «кажущееся достоверным при отсутствии доказательств в пользу противного», включая и вопрос свободы действий и суждений Отта по проблемам безопасности.

Расследование, проведенное германским МИДом, лишь весьма поверхностно осветило допрос бывших сотрудников посольства в Токио во время проверки. Сообщения о разоблачении Зорге были восприняты в МИДе в Берлине в атмосфере молчаливого интереса и желания замять дело. Те из дипломатов, кто был в Китае или Японии, чувствовали опасность личной компрометации, и потому эти сотрудники и их коллеги, естественно, стремились «заиграть» дело в ходе его расследования. Однако обвинения, выдвинутые Лисснером против Отта в апреле 1942 года, вызвали специальное официальное расследование среди бывших сотрудников германской дипломатической службы в Японии. Некоторые из них отказывались от любых воспоминаний о Зорге, другие отваживались как-то прокомментировать его отношения с германским послом. Один из сотрудников посольства так описывает Зорге: «Одаренный человек, общительный и с хорошими связями среди японцев, перенесший нечто вроде аварии на мотоцикле. Он поддерживал хорошие отношения с

персоналом посольства и получал много предложений. Отт, еще не будучи послом, проявил большой интерес к Зорге и часто общался с ним, как это принято между сотрудником посольства и полезным, хорошо информированным немецким журналистом».

Однако тот же очевидец считает, что Отт «обхаживал Зорге исключительно ради того, чтобы использовать его доклады и знания… Совершенно точно, что любой конфиденциальный или секретный материал попадал к Зорге через посла Отта».

Другой свидетель утверждал, что «посольство не раз обращалось к Зорге с просьбой подготовить политический доклад, в основном, по внутренним вопросам» и что помощник военного атташе майор Шолль обменивался с. Зорге многими идеями.

Сам Отт никогда не делал никаких публичных заявлений о своих отношениях с Зорге и всегда решительно отрицал какую-либо свою ответственность за утечки секретных данных к Зорге или обвинения в неосторожных беседах, и таковым же за некоторыми исключениями было общее мнение всех его дипломатических подчиненных и коллег того времени.

Преемники военного, военно-морского и воздушного атташе никогда открыто не высказывали никаких комментариев к заявлениям Зорге. Существуют подробные отчеты Зорге о его отношениях с посольством и его деятельности. По мнению Зорге, именно в посольстве он получал до шестидесяти процентов информации, составившей ему славу выдающегося советского разведчика. Это было существенно для подтверждения его личной легенды, призванной убедить японских следователей в том, что он на всю катушку использовал свои отношения с Оттом в токийском посольстве.

Из перехваченных телеграмм, отправленных им в Москву, видно, что у него было много приватных бесед с Оттом по текущим вопросам, касающимся германо-японских отношений, особенно по мере развертывания войны в Европе, и, как земляк-немец и ответственный журналист, Зорге обменивался с Оттом мыслями и информацией общего характера по вопросам японской политики, китайского инцидента и связанных с ними проблем. С началом войны в Европе, в 1939 году, похоже, имели место более тесные и доверительные серии консультаций по военным вопросам, таким, как мощь японских вооруженных сил, а рассуждения о стратегических целях Японии могли показаться вполне естественными между соотечественниками, живущими за рубежом. В тепличной атмосфере посольства военного времени профессиональное искусство Зорге как журналиста могло давать ему неплохую возможность выявить интересующие его, как

шпиона, подробности, которые в других обстоятельствах были бы скрыты от него.

Самые значительные из имевших место утечек связаны с именем помощника военного атташе майора Шолля. Нет сомнений, что Зорге получил от него отчеты о допросах советского перебежчика Лушкова, а также жизненно важную информацию, касавшуюся планов Германии напасть на Советский Союз весной 1941 года. Ясно также, что Зорге получал и микрофильмировал документы разной степени секретности, касающиеся японской экономики и военной промышленности, попадавшие к нему в руки из разных источников в посольстве. Некоторые из этих бумаг были обнаружены у него дома во время ареста и стали особо важными доказательствами его вины. Этот материал Зорге использовал в своей типичной оригинальной манере — составлял отчеты для германского посольства, дополняя их тщательно отобранным материалом, полученным из японских источников, причем делая это открыто, под видом патриотической обязанности; затем отправлял подробности, прежде неизвестные ему, в московский Центр и формировал основу своих статей, посылаемых им в газету «Франкфуртер Цайтунг» и «Геополитику».

Зорге, без сомнения, стал личным другом и в пределах, которые трудно установить, доверенным лицом Отта и злоупотребил своими особыми отношениями, максимально используя свои выдающиеся способности в интересах секретной работы в качестве советского агента.

Не вызывает также сомнений, что репутация Зорге и его дружеские отношения с Оттом и с чиновниками германского посольства базировались не только на его таланте опытного корреспондента, обладающего редким пониманием японских дел и широкими контактами в Токио, но также на наличии у него особых источников информации в высоких политических кругах и окружении принца Коноэ, о которых был осведомлен Отт, а также других источников среди японского военного руководства, о которых в посольстве ничего не знали. Зорге показывал Отту тщательно проверенные разведматериалы, собранные им в ходе шпионской деятельности через Одзаки и Мияги, тем самым повышая свои шансы спровоцировать получение конфиденциальных материалов с германской стороны.

Неизбежно встает вопрос: работал ли когда-нибудь Зорге и на немцев так же, как на русских? Глава германской службы безопасности Вальтер Шелленберг в вышедших после его смерти мемуарах категорически утверждал, что Зорге отправлял разведывательные отчеты в Берлин и что в 1940 году службы

безопасности защитили его от «трудностей» и расследования, предпринятого нацистской партией, учитывая крайнюю ценность поставляемых им разведданных, поступавших якобы по официальным каналам германского агентства новостей, руководитель которого Вильгельм фон Ритген передавал информацию, полученную от Зорге, самому Шелленбергу.

Появляется, таким образом, другая легенда о Зорге, а именно, что Зорге — двойной агент. Достоверность этой правдоподобной теории, как и других аспектов деятельности Зорге, не может быть установлена или опровергнута в свете имеющихся данных. Однако очевидно, что все журналисты-международники в военное время обязаны были поставлять различную информацию разведслужбам своих стран. Верно и то, что Зорге иногда замещал местного руководителя германского агентства новостей в Токио д-ра Рудольфа Вейзе, когда последний отсутствовал, и в его обязанности входило докладывать Ритгену в Берлин. Существуют также данные, показывающие, что сам Вейзе был связан с германскими разведслужбами.

Однако, если Зорге был непосредственно занят подобной деятельностью, кажется вполне вероятным, что это проявилось бы в какой-то форме в ходе расследования, начатого службами безопасности вскоре после его ареста, как это случилось в деле Лисснера, — если только эти службы не сочли более благоразумным убрать засвеченного агента без комментариев. Однако реальные предположения, стоящие за утверждениями Шелленберга, таковы, что Зорге подозревали в работе на русских, но что он посылал ценную информацию о японских намерениях, а также об английской и американской политике на Дальнем Востоке и потому его следовало сохранить и защитить в качестве источника, поставляющего информацию через обычные каналы и находящегося под наблюдением. Для этой цели полковник Мейзингер, по словам Шелленберга, и получил указание выполнить особое задание. Доклад Мейзингера оказался благоприятным для Зорге, но по некоторым причинам он несколько неуклюже дал понять японской полиции, что у него есть приказ вести наблюдение за соотечественником. Об этом промахе стало известно Шелленбер-гу, к его крайнему удивлению, от японской полицейской миссии, посетившей Берлин весной 1941 года.

«Разведданные, получаемые от Зорге, становились все более и более важными для нас, поскольку в 1941 году мы очень хотели знать как можно больше о планах Японии в отношении Соединенных Штатов… А после начала нашей кампании в России он предупредил нас, что Япония ни при каких обстоятельствах не

денонсирует Пакт о ненападении, заключенный ею с Советским Союзом».

Тезис Шелленберга, однако, не подразумевает напрямую, что Зорге был профессиональным агентом германских разведслужб, а скорее подчеркивает, что он был совершенно необходимым источником ценной информации. Возможно и еще одно объяснение, а именно: Зорге, который всегда особо подчеркивал важность добровольно взятой на себя «политической» миссии в борьбе за влияние через германское посольство в Токио на германскую политику в Берлине в определенных, выгодных для Советского Союза направлениях, на самом деле посылал отчеты, составленные так, чтобы произвести именно такой эффект. Если таким образом он смог убедить немцев, что Япония не нападет на Советский Союз, тогда его истинную миссию действительно можно считать вдвойне выполненной. А потому вполне возможно, что подобные отчеты Зорге передавал в Берлин по своей собственной инициативе, преследуя именно такие цели. Нет бесспорного свидетельства, кроме заключения Шелленберга, которое пролило бы свет на версию, что Зорге действительно был двойным агентом. Суть его журналистской работы в посольстве или даже его разовые услуги в качестве курьера сами по себе ничего не доказывают.

Существует, однако, один факт, позднее явившийся на свет с помощью Мейзингера, который наводит на мучительные размышления. Среди бумаг Франца Губера, предшественника Мейзингера на посту полицейского атташе в Токио, Мейзингер нашел чек, подписанный Зорге, на получение определенной суммы. Этот факт можно объяснить тем, что для Зорге, возможно, было и удобно, и выгодно выполнять отдельные услуги разведывательного характера для Губера, однако этот единственный небольшой ключ, возможно, поможет вдохнуть жизнь в легенду о двойном агенте, существующую среди многих других, связанных с именем Зорге. То, что подобная возможность приходила в голову и японцам, косвенно подтверждает прокурор Йосикава, допрашивавший Зорге.

«Мы хотели знать, действительно ли Зорге был германский шпионом и, используя коммунистов в Японии, на самом деле шпионил для нацистского режима. Это один вопрос. Второй вопрос — был ли Зорге двойным агентом, работая и на Берлин, и на Москву. Третий вопрос — действительно ли он шпионил на Москву, притворяясь нацистом. Таким образом, мы допрашивали Зорге, не имея какого-либо предвзятого мнения. Наше отношение было очень осторожным и взвешенным».

Такое же «осторожное и взвешенное отношение» к Зорге, как

у Йосикавы, должно быть и у историков.

АМЕРИКАНЦЫ И ЗОРГЕ

8 октябре 1945 года американские оккупационные власти в Японии отменили Закон о сохранении мира, согласно которому в военное время были арестованы многие политзаключенные, и около пятисот человек, мужчин и женщин, содержавшихся в различных тюрьмах, разбросанных по всей стране, вышли на свободу. Среди них были и восемь человек, имевших отношение к делу Зорге.

Отделение военной разведки (G2) при американской администрации в Японии, работавшее под руководством генерал-майора Чарлза Уиллоби, было создано всего за несколько месяцев до этого и занималось неотложной и грандиозной задачей разоружения японской военной машины, состоявшей из более чем пяти миллионов человек в самой Японии и за ее пределами, а также установлением режима оккупационного правления. Какие-либо расследования в отношении небольшой группы политических заключенных, лишь недавно освобожденных из тюрем, не могли, естественно, рассматриваться в качестве первоочередной задачи. А что касалось дела Зорге, то кроме кратких и ничего не значащих сообщений различных пресс-агентств, появившихся еще во время войны, никакой доступной информации о значении и разветвленности этого дела больше не было.

По словам генерала Уиллоби, первый ключ к разгадке дал «уходящий со своего поста японский чиновник, который сказал мне, что в списке освобожденных политических заключенных есть и иностранные агенты, остатки группы Зорге — в частности, Макс Клаузен».

Клаузен, которого после освобождения из тюрьмы доставили сначала в американский военный госпиталь, а после лечения — на военном самолете в Токио, тихо жил в японской столице до самой весны 1946 года. В какой-то момент он заметил, что за ним следят американцы, и внезапно отбыл при содействии советского посольства в Советский Союз.

Больше никаких действий не предпринималось, кроме сбора в рабочем порядке различных материалов, относящихся к делу Зорге, изъятых из архивов японского суда и полиции. Основным их источником стал «Ежегодник японской полиции за 1942 год» и «Материалы по делу Зорге, части 1 и 2», опубликованные японским Министерством юстиции в качестве совершенно

секретного документа с ограниченным хождением в апреле того же года. В этих документах приведено основное «признание» самого Зорге. По личным указаниям генерала Уиллоби, полковником Дэвисом из СИС (Служба гражданской разведки) был составлен первый отчет, основанный на этих данных, и в начале 1946 года отправлен в Вашингтон. Документ этот интересен с профессиональной и исторической точек зрения как пример техники разведывательного дела.

Потрясшее многих в феврале 1946 года дело о шпионаже в Канаде, когда Игорь Гузенко обнародовал первый подробный отчет о советской шпионской сети, действовавшей в мирное время в дружественных странах, а в военное время — и в странах союзников, вызвало серьезный психологический шок у западной общественности. В Соединенных Штатах такое же и даже более сильное впечатление произвело дело Хисса. Были ли эти дела пусть прискорбными, но изолированными примерами подпольных операций советских разведслужб, или же эти службы составляли широкую сеть, разбросанную по всему западному миру? Генерал Уиллоби быстро оценил истинное значение дела Зорге в широком смысле и первое, что он сделал, — велел д-ру Нобле, также сотруднику СИС и образованному историку, переработать отчет Дэвиса, после чего эту пересмотренную версию отправил в декабре 1947 года в Вашингтон вместе с рекомендацией использовать ее в военно-учебных школах «в качестве инструктивного материала в связи с опасениями, вызванными канадским делом о шпионаже».

На этой стадии генерал Уиллоби бьш против того, чтобы сообщать о каких-либо материалах прессе, обосновывая это тем, что в них содержатся существенные для разведки сведения, связанные с работой шпионской группы. Однако некий предприимчивый американский журналист в Токио уже шел по следу дела Зорге, которое и без того было объектом внимания со стороны японской прессы, и потому секрет этот скрывать становилось все труднее.

25 июня 1948 года Министерство обороны в Вашингтоне телеграфировало Уиллоби, что Государственный департамент собирается обнародовать материалы по делу Зорге по требованию американского посла в Москве генерала Беделла Смита в качестве контрмеры против выдвигаемых Советами обвинений в шпионаже в отношении некоторых сотрудников американского посольства в России.

Проходившая с переменным успехом борьба между отделением военной разведки (Токийской G2) и Министерством обороны продолжалась до конца года. В течение всех этих

месяцев штат генерала Уиллоби активно добывал дополнительные доказательства и материалы к первоначальным данным, содержавшимся в японских архивах, используя допросы очевидцев, в частности, Каваи, а также прокуроров и полицейских, имевших отношение к делу. Сам Уиллоби осознал неизбежность публикации сообщения о деле Зорге и благословил ее. После некоторых, возможно, инспирированных утечек информации в прессу, материал по делу Зорге, собранный и подытоженный в докладе СИС от 16 декабря 1947 года (окончательная версия отчета Дэвиса — Нобле), был обнародован Министерством обороны и представлен прессе в Токио 10 февраля 1949 года.

Первая версия дела Зорге стала достоянием публики в результате обдуманного решения руководства американской разведки в Токио, принятого с целью расшевелить американское общественное мнение, чтобы оно осознало, наконец, степень распространения мирового коммунистического подполья, управляемого разведслужбами Советского Союза и направленного против западных демократий, особенно против Соединенных Штатов, и то, что такое подполье существует с момента образования советского государства. Все другие аспекты дела Зорге утонули в той политической буре, которая разыгралась в Соединенных Штатах после появления токийского пресс-релиза.

Публикация отчета о деле Зорге была действительно одним из эпизодов в кампании, организованной в Соединенных Штатах определенными группами с целью дискредитировать все те элементы в американской общественной жизни, равно как в правительственной службе и вооруженных силах, среди людей свободных профессий, в журналистике и академических институтах, которые являлись сторонниками альянса с Советским Союзом во время войны и выступали за сотрудничество с коммунистическим блоком в мирное время. Подобная кампания поддерживала в общественном мнении растущее разочарование советской тактикой на международной арене и стояла у истоков «холодной войны», а также способствовала успешным атакам на благонадежность некоторых влиятельных и известных граждан из числа американских левых.

Данные, содержавшиеся в материалах по делу Зорге, стали сильным оружием в развернувшейся схватке. Появились новые свидетельства, раскрывающие подрывной характер деятельности Американской коммунистической партии, особенно среди японских мигрантов в Калифорнии, где был завербован Мияги. Бывшие и нынешние члены партии в Шанхае, а также коммунисты-иностранцы, такие, как Герхард Эйслер, получили

совсем нежелательное паблисити. «Восемнадцать имен американских коммунистических агитаторов, агентов и подозреваемых были названы в связи с делом Зорге». Выяснилось, что некоторые общественные организации, такие, как Институт тихоокеанских отношений, приглашали на свои конференции главного помощника Зорге — Одзаки, а также его друга и главного источника информации, пусть и неумышленного, — Сайондзи.

За фасадом действовавшего из лучших побуждений либерализма в определенных кругах в Штатах, похоже, обосновалась целая армия сочувствующих и среди них — секретные агенты, управляемые Советами.

На этом фоне особо выделялись две фигуры, кого непосредственно затронули разоблачения, касавшиеся группы Зорге. Это были журналисты — американка Агнес Смедли и натурализованный англичанин Гюнтер Штайн.

Самые первые данные по делу Зорге показывают, что Агнес Смедли непосредственно помогала группе Зорге в Шанхае благодаря своим тесным связям с китайскими коммунистами. Существовало также подозрение, что у нее были какие-то связи с русскими разведслужбами. Гюнтер Штайн, также связанный с Институтом тихоокеанских отношений, фигурирует в записных книжках Зорге, где перечислены члены и помощники его группы в Японии и где его имя впервые появляется в качестве курьера между Токио и Шанхаем. В день публикации отчета по делу Зорге Штайн находился в Нью-Йорке, но вскоре объявился в Париже. Реакция же Агнес Смедли на разоблачения была бурной и немедленной. Она заявила, что призывает генерала Макартура самому отказаться от его официального иммунитета, после чего она подаст на него в суд за клевету.

Эта акция имеет важное значение в истории дела Зорге, поскольку она вынудила Уиллоби продолжить поиски с тем, чтобы найти доказательства всех возможных обвинений, даже если они будут во вред трезвому историческому анализу дела. По мнению Уиллоби, истинная природа деятельности Зорге в качестве советского агента и значение его работы в Японии были вторичны по отношению к теории о всемирной коммунистической шпионской сети, связанной с обеими шпионскими группами, и всемирным фронтом организаций, управляемых из Москвы, но с главным центром не в Москве, а в Шанхае. Доказательства, если таковые были, связей Смедли с коммунистическим шпионажем находились в китайском городе, и именно угроза юридических акций против него заставила Уиллоби сосредоточить здесь все силы своей организации. Как он

писал: «Начались грандиозные поиски с тем, чтобы получить доступ к архивам шанхайской муниципальной полиции. Я использовал свою дружбу с китайским послом в Токио… Я расспрашивал бывших шанхайских полицейских… Мы проследили счета и грузы шанхайских товарных складов… И наконец серия досье, не все из которых были полными, была собрана и отправлена морем в Токио».

Кроме того, Уиллоби допросил прокуроров, полицейских и других очевидцев, делая при этим особый упор на связи группы Зорге со Смедли и Штайном.

Выяснилось, что японские власти арестовали бы обоих, находись они в то время в Японии. Полиция даже обдумывала вариант захвата Штайна в Гонконге. Позднее Йос-икаву обязали дать показания обо всем деле перед комиссией по антиамериканской деятельности, что явилось кульминацией кампании против «сочувствующих», развернутой в Соединенных Штатах в 1951 году. Йосикава утверждал, что он понимал, что и Смедли, и Штайн являлись ключевым фигурами в группе и их бы непременно арестовали, если бы существовала такая возможность.

Однако намерение полиции арестовать каких-то людей едва ли можно было считать доказательством их вины, и это рабочее расследование, проведенное G2 в Токио, не привело ни к каким положительным результатам, хотя и создало основу для подозрений на тот случай, если бы Агнес Смедли настаивала на своем иске за клевету.

Получив приглашение предстать перед комиссией по антиамериканской деятельности, Смедли мирно выехала в Европу, где неожиданно скончалась в больнице Редклифф в Оксфорде в 1950 году[149]. Гюнтер Штайн оставался вне поля зрения спецслужб, хотя и проживал в Европе до самой смерти. Каков бы ни был скрытый статус Агнес Смедли в соответствующих советских агентствах, услуги, оказанные ею миссии Зорге в Китае, трудно бьшо переоценить, ибо само функционирование группы в огромной степени зависело от ее постоянного сотрудничества со Смедли. Именно на квартире Смедли в Международном сеттльменте в Шанхае чаще всего встречался Зорге со своими помощниками. Именно Агнес Смедли поддерживала непосредственный контакт с книжным магазином «Зай-тгест» и его управляющей миссис Вайдмейер — в этом магазине передавались курьерам документальные материалы и проходили встречи с информаторами. Каковы бы ни были связи между группой и китайскими коммунистами, если таковые вообще существовали, они проходили через эту страстно

преданную делу коммунизма женщину. Именно она познакомила Зорге с его первыми помощни-ками-китайцами, и она же свела его с самым важным из всех — Одзаки Хоцуми.

Возможно, русские завербовали ее в качестве агента во время ее пребывания в Советском Союзе. Шанхайская полиция зафиксировала вскоре после ее прибытия в город в мае 1929 года по американскому паспорту на имя миссис Петройкос, что она непосредственно служит в Дальневосточном бюро, находившемся под началом Исполкома Коминтерна. За ней постоянно следили, но никаких связей между нею и Зорге так и не смогли установишь. Ее истинный статус не прояснили и показания Зорге, хотя ее имя упоминалось им двенадцать раз в ходе двух допросов. Он отрицал, что она была послана из Москвы, чтобы присоединиться к нему в Китае, и не признавал, что встречался с нею раньше, хотя и утверждал, что у него было рекомендательное письмо к ней от газеты «Франкфуртер Цай-тунг».

В своем «признании» Зорге утверждал, что «я использовал ее как непосредственного члена моей группы. И она работала очень умело. Она оставалась в Шанхае после того, как я вернулся в Москву». На самом деле через несколько месяцев после отъезда Зорге из Китая Смедли также оказалась в Москве.

В другом случае Зорге утверждает: «Я числил ее как члена группы и сделал ее членом главной штаб-квартиры Коминтерна (sic)». Если она была там зарегистрирована, почему нигде нет никаких следов какого-либо кодового имени, присвоенного ей? На допросах Зорге не смог ответить, была или нет Агнес Смедли членом Американской коммунистической партии.

Ее активное и непосредственное участие в организации разведывательной группы на севере Китая в 1932–1933 годах, которая, похоже, больше была связана с китайскими коммунистами, нежели с русскими, заставляет предположить, что у Смедли была какая-то независимая или даже добровольно взятая на себя роль и что сотрудничество с Зорге было отдельной, скрытой частью ее жизни.

Роль Гюнтера Штайна в деле Зорге столь же неясна, и вновь единственным свидетельством существования каких-либо связей между ними являются показания Зорге и других членов группы.

Штайн, как и Смедли, был широко известным журналистом прогрессивных взглядов. Впервые Зорге встретился с ним, как с коллегой — европейским журналистом, работающим в Японии, на пресс-конференции, устроенной Министерством иностранных дел Японии весной 1935 года. Штайн представлял для Зорге определенный интерес в качестве источника открытой информации из американского и, в особенности, английского

посольств, где его считали хорошо информированным в области экономики журналистом, придерживающимся левых, но не коммунистических взглядов. Зорге передал в Москву несколько сообщений, почерпнутых из контактов со Штайном, который получил кодовое имя «Густав».

По словам Зорге, он намекал коллеге на истинную природу своей деятельности, и Штайн согласился поддерживать связь с Одзаки в случае, если Зорге вдруг заболеет. Дом Штайна в Токио позднее использовался как место встречи Зорге и Клаузена. Последний, как он говорил впоследствии, время от времени в течение двух лет использовал дом Штайна в качестве базы для радиосеансов — нелишняя предосторожность против обнаружения со стороны японских властей с помощью подслушивающей аппаратуры. Клаузен также утверждал, что Штайн признался ему в своих симпатиях к коммунистам еще со времени работы в Москве в качестве корреспондента «Берлинер Тагеблат», продолжавшейся до 1933 года.

В 1938 году Штайн уезжает из Японии в Гонконг, где начинает выпускать газету на английском языке, финансируемую китайскими националистами, и, очевидно, несколько раз встречается с Зорге во время визитов последнего в британскую колонию. С другой стороны, Клаузен выдвинул предположение, что Штайн «стал членом группы» после того, как уехал из Японии.

Зорге, как и во всех своих показаниях, касающихся его помощников, которым могла угрожать опасность обнаружения со стороны японских властей, был осторожен в своих упоминаниях о Штайне. Он признал, что Штайн был осведомлен о деятельности группы и что он действовал как связной группы в общении с Мияги и Одзаки, а также перевозил микрофильмы в качестве курьера в Гонконг и что он предоставлял свой дом Клаузену для сеансов радиосвязи. Японская полиция утверждала, что имя Штайна фигурировало в записной книжке Зорге, найденной у него в доме, в качестве члена группы, однако это утверждение было впоследствии отброшено.

Зорге сообщил полиции, что Штайн был «более, чем простой сочувствующий», и в примечаниях к своему «признанию» он описал Штайна как «принимавшего живое участие в работе моей группы… в качестве сочувствующего члена». Он добавил, что просил Москву признать Штайна членом группы, однако получил «отрицательный ответ». Из этих заявлений можно сделать вывод, что Штайн занимался подобной деятельностью, но сугубо отдельно — и это может быть подтверждено предположением, что Зорге было приказано прекратить всякое общение со Штайном после того, как последний отбыл в Гонконг в 1938 году.

Однако дело Гюнтера Штайна, как и дело Агнес Смедли, остается недоказанным из-за отсутствия точных данных.

Шаги, предпринятые генералом Уиллоби для обнародования первоначального материала по делу Зорге, вылившиеся в продолжение расследования международной коммунистической деятельности в Шанхае с целью доказать подрывную деятельность ведущих американских сочувствующих и коммунистов, привели к искажению истинного исторического значения дела Зорге. Оно было представлено широкой публике, всего лишь как эпизод шпионажа, щупальца которого переплетались с действиями советских агентов и их добровольных помощников внутри Соединенных Штатов. Однако публикация «Доклада о деле Зорге» генерала Уиллоби имела столь же поразительные последствия и в Японии.

ЯПОНЦЫ И ЗОРГЕ

Политические и идеологические последствия дела Зорге в условиях Японии стали ясны лишь после освобождения американскими властями оставшихся в живых членов его группы и последовавшего за серией разоблачений в токийской прессе горячего общественного интереса к якобы предательству Одзаки. В октябре 1945 года газета, в которой работал Одзаки, «Асахи Симбун» вслед за другими газетами опубликовала статью по делу Зорге. Фигура мученика Одзаки стремительно превращалась в лидера сопротивления и символ оппозиции в высоких кругах катастрофическому вступлению Японии в войну, а также в главную жертву японского «фашизма». В 1946 году были опубликованы его письма, написанные в тюрьме и адресованные жене, под общим названием «Любовь подобна падающей звезде»; они стали бестселлером на ближайшие два года и открыли организованную уцелевшими друзьями Одзаки кампанию за изменение его официального образа «предателя родины» и замену его портретом человека — пророка новой прогрессивной и патриотической Японии, отвернувшейся от своего милитаристского и империалистического прошлого.

Группа защитников Одзаки надеялась довести свою деятельность до публикации материалов по делу Зорге. Поскольку они были уверены, что все доказательства уничтожены во время воздушных налетов американской авиации на Токио, была предпринята попытка составить взамен биографию Одзаки. В 1948 году обосновано «Общество за раскрытие фактов по делу Одзаки — Зорге», которое активно поддержал один из главных

уцелевших членов группы — Каваи Текиши. Публикация в феврале 1949 года «Отчета о деле Зорге» генералом Уиллоби наэлектризовала японское общественное мнение и по-новому осветила все дело. И если в Соединенных Штатах в результате публикации любое изучение этого дела вызывало непременный уклон в сторону непосредственно американской полемики времен «холодной войны» и в инсинуации о примерах неблагонадежности и измены со стороны участников группы, в частности Смедли и Штайна, то в Токио все внимание сосредоточилось на обнародованном документе о неблаговидной роли Ито Ритцу в провале группы Зорге. Непосредственное значение дела Зорге в Японии в том, что оно немедленно возбудило полемику относительно честности Ито, ныне члена Политбюро Центрального Комитета Японской коммунистической партии, которую американские оккупационные власти выпустили из подполья и зарегистрировали в качестве легальной политической организации. И за воскресшей фигурой «патриота» Одзаки возникла фигура «предателя» Ито. Обнародование этих сведений вызвало не только мощный сдвиг в руководстве Японской коммунистической партии, но и привело к серьезным изменениям общественного мнения в отношении компартии.

Первая реакция партийных кругов выразилась в заявлении, что на основе собственного расследования они признали все дело Зорге выдумкой милитаристского правительства тех дней, и что Ито не имеет к этому никакого отношения. Такая реакция поразительно напоминает позицию, занятую советским посольством в Токио во время объявления об арестах членов группы.

Чиновники Министерства юстиции, прокуратуры и полиции охотно втянулись в драку. Их собственная заинтересованность в дискредитации ведущей фигуры в Японской коммунистической партии не нуждалась в особых объяснениях. Их «откровения» в прессе придавали вес широко распространенным слухам о предательстве, совершенном Ито в отношении членов группы.

Двоюродный брат Одзаки Одзаки Хоцуки, поддержанный Каваи и прогрессивной организацией, названной «Ассоциация независимых адвокатов», участвовал в расследовании дела. Похоже, что какая-то делегация этих «адвокатов» явилась в Управление городской полиции и потребовала передать ей материалы по делу Зорге, после чего отбыла обратно с двумя грузовиками документов. В минуту наивности один из адвокатов взял этот материал с собой, направляясь в штаб-квартиру Японской коммунистической партии, чтобы спросить совета, что делать с этими бумагами. Чиновник любезно принял документы,

которые и исчезли без следа. Нет возможности проверить правдивость этой версии.

Разоблачения, сделанные G2 в феврале 1949 года, внешне не поколебали позиции Ито в коммунистической партии, и первым делом ее Центрального Комитета было спровоцировать роспуск «Общества за обнародование фактов по делу Одзаки — Зорге» Одно дело эксплуатировать миф об Одзаки — «патриоте и коммунисте», и совсем другое — честность живого члена Политбюро партии.

Однако у руководства Японской компартии были собственные трудности и разногласия, не связанные с «разоблачениями Зорге». Вот почему Ито, уйдя в подполье во время чистки среди руководства в июне 1950 года, был официально исключен из Политбюро в октябре следующего года. Его местожительство было неизвестно, но по слухам он жил в Пекине. Было или нет предательство, совершенное Ито в отношении Китабаяси Томо, первым шагом в разоблачении группы Зорге, однозначно не доказано, и тема эта, вероятно, останется и в дальнейшем полицейской тайной и предметом взаимных обвинений в Японии.

«Главным результатом дела Зорге в Японии было образование групп по созданию культа Одзаки и его соучастников, японцев и европейцев, которые сражались и посвятили себя революционному «Новому порядку в Азии», который в конечном итоге привел бы к освобождению народов Дальнего Востока.

В 1956 году в Токио было основано «Общество за помощь тем, кто посвятил себя делу Одзаки», чтобы поддерживать память об этой группе мучеников за дело мира. Именно это общество и выделило средства на памятник, установленный на могиле Зорге, на котором читаем надпись: «Здесь покоится смелый воин, посвятивший свою жизнь борьбе против войны, за мир во всем мире».

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ДЕЛО ЗОРГЕ

На сообщение об аресте Зорге и его сообщников, появившееся в октябре 1941 года, Советский Союз отреагировал спустя несколько дней, кратко сообщив по радио, что некий Бранко Вукелич арестован в Токио. И ни слова о причине ареста.

Да и сами японские власти, кроме голого и сделанного явно неохотно уведомления германского посольства, хранили глухое молчание в отношении этого дела, и кроме майского пресс-релиза в печати не появилось никаких сообщений. Кроме туманных и зловещих слухов, ходивших в дипломатических и

журналистских кругах, ничего не было известно о развитии и последствиях дела Зорге, хотя все об этом говорили, вплоть до самой публикации весьма осторожного заявления, сделанного японским Министерством юстиции. Полиция не скрывала своего желания как можно больше узнать о реакции иностранной колонии в Токио на это запоздалое сообщение об арестах, используя для этой цели прямые вопросы детективов, допросы японцев, общавшихся с иностранцами, а также слежку и наблюдение. В конце концов, некое общее мнение было составлено.

Высокопоставленные чиновники советского посольства в Токио, отвечая на подобные расспросы, в один голос отрицали, что им хоть что-либо известно об этом деле. Как писал первый секретарь посольства после обеда со своим знакомым японцем на вечеринке с выпивкой, состоявшейся 15 мая (за два дня до выхода пресс-релиза), «мы не ожидали услышать какие-либо разговоры об этом деле, но Такамори (хозяин) спросил меня о деле Зорге. Мы ответили, что хоть и говорят, что здесь замешана штаб-квартира Коминтерна в Москве, однако на самом деле все дело спланировано «пятой колонной» гестапо, и потому московским властям ничего не известно о нем». А корреспондент ТАСС Киселев заметил: «Германскому послу в Токио должно быть известно о деле Зорге все, и если он ничего о нем не говорит, он, должно быть, антигитлеровец. Этот факт доказывает, что существуют две оппозиционные силы внутри гитлеровского правительства. И вопрос теперь в том, чтобы внимательно наблюдать за тем, что собирается предпринять японское правительство в отношении этого дела. Ни советское правительство, ни советское посольство не имеют к нему никакого отношения».

И советские, и японские власти были заинтересованы в том, чтобы постараться скрыть связи Зорге с Москвой, дабы не подвергать опасности продолжающиеся переговоры между двумя странами, направленные на поддержание нейтрального статус-кво на границах Маньчжурии и Сибири.

Присутствие в советском посольстве представителя московского Центра, второго секретаря посольства и консульства Зайцева, связанного с группой Зорге, ныне оказалось весьма неудобным фактом, и Зайцев тихо и быстро был отозван из Токио.

После войны, в ходе заседания Международного военного трибунала по Дальнему Востоку в Токио м-р Кун-нингэм, защитник генерала Осимы, бывшего посла Японии в Берлине, не раз пытался использовать имя Рихарда Зорге в деле против своего

клиента и всякий раз встречал яростное сопротивление со стороны советского прокурора генерала Васильева, пока не был, наконец, лишен слова председателем трибунала[150].

М-р Куннингэм пытался допросить свидетеля обвинения полковника фон Петерсдорфа, сменившего полковника Шолля на посту помощника германского военного атташе в Токио в декабре 1938 года и занимавшего этот пост до января 1943 года. Американский юрист намерен был доказать, что большую часть информации, которую Зорге переправил в Москву, он получил в германском посольстве. В письменных показаниях под присягой полковник Петерсдорф, захваченный в плен русскими на Восточном фронте и дотошно допрошенный советскими службами безопасности в Москве по делу Зорге, утверждал, что Зорге был для германского посольства главным источником получения информации о боевых порядках японской Квантунской армии в Маньчжурии и на севере Китая и что именно через него немцы узнавали о тех вещах, о которых не сообщал им японский генеральный штаб. Таким образом, в основном через Зорге эта жизненно важная информация о Японии попадала в Берлин скорее, чем из японских источников, таких, как клиент Куннингэма — генерал Осима.

Это хорошо иллюстрирует следующая выдержка из диалога, состоявшегося на суде:

«М-р Куннингэм (в перекрестном допросе): В поисках информации вы предполагаете, что, кроме как из японского генерального штаба, вы получали информацию о мощи Квантунской армии в различные периоды и от германского корреспондента Рихарда Зорге. Это так?

Генерал Васильев: М-ру Куннингэму прекрасно известно, что эта часть аффидевита (полковника Петерсдорфа) была вычеркнута, и потому я протестую против вопроса…»

Председатель вынес решение, что та часть документа, что была вычеркнута, не может служить доказательством.

«М-р Куннингэм (обращаясь к предыдущему заявлению полковника Петерсдорфа): Итак, в отношении немецкого корреспондента Рихарда Зорге, от которого вы получили «точные данные о количестве дивизий в Квантунской армии и номера некоторых из них». Какую должность вы занимали в то время в германском посольстве?

Генерал Васильев (вновь возражает против вопроса): Мы убедились, что данные, которые есть у свидетеля и которые касаются мощи Квантунской армии, столь неполные и неправдоподобные, что мы решили вычеркнуть эту часть из аффидевита, потому что данные, которые он приводит, не окажут

пользы трибуналу».

Мотивы такого поведения советского обвинителя вполне ясны, ибо информация, переданная Зорге германскому посольству, родилась в результате шпионажа, которым занимались Одзаки и Мияги, и посольству она была передана с согласия московского Центра, получившего точно такой же отчет от Зорге, и потому дальнейшие вопросы Петерсдорфа вполне могли открыть все дело в целом.

Тем временем Куннингэм и Васильев уже говорили на повышенных тонах:

«М-р Куннингэм: Мне бы хотелось показать, будь у меня такая возможность, что Ричард Зорге, через которого этот свидетель получал информацию, и через которого посол Отг получал всю свою информацию, и которому посол Отт показывал телеграммы из Германии, и от кого посол Отт получал советы, был самым знаменитым шпионом — одним из многих в русской истории».

Председатель решил, что подобная линия допроса будет пустой тратой времени, поскольку маловероятно, что свидетель бьш бы склонен сделать подобное признание.

Тогда Куннингэм быстро сменил тактику, спросив Петерсдорфа, знает ли он Крома — «газетчика и товарища Зорге». Вопрос разрешили, однако ответа от Петерсдорфа не последовало.

Тогда Куннингэм предпринял еще один шаг, чтобы заставить Петерсдорфа пролить свет на источники информации, которые были у Зорге. Однако вопрос получил отвод.

Диалог завершился финальной схваткой между американскими и советскими адвокатами.

«М-р Куннингэм (свидетелю): Когда вы обнаружили, что Рихард Зорге, от которого вы получали точные данные, был русским шпионом?»

Петерсдорф пробормотал что-то невразумительное по-английски, и председатель трибунала попросил его больше не говорить.

Генерал Васильев был категорически против допроса: «В таком виде это попытка оскорбить страну, представленную на этом трибунале… Трибунал пока не установил факт, был ли Зорге русским шпионом или каким-то другим шпионом, и потому советник защиты Куннингэм не имеет права утверждать это». Председатель колебался по вопросу о якобы оскорблении, сомневаясь при этом, мог ли советник защиты доказать свое утверждение. Куннингэм торопливо воскликнул, что никакого оскорбления он наносить не собирался, но что «судьба трех народов в огромной степени зависела от той информации,

которую Рихард Зорге получал в германском посольстве».

В последнем усилии уцепиться за вопрос о последствиях деятельности группы Зорге Куннингэм намеренно спровоцировал окончательное постановление суда. Он представил для дальнейшего перекрестного допроса вопросы, касающиеся сотрудничества Петерсдорфа с Одза-ки, Вукеличем и Мияги. Суд объявил перерыв, чтобы дать возможность трибуналу принять решение большинством голосов.

Результат можно было предсказать заранее. Аффидевит Петерсдорфа бьш признан единственным имеющимся свидетельством в отношении сотрудничества Японии и Германии, «любые перекрестные допросы по второстепенным вопросам» были запрещены, и дискуссия была закрыта.

Генерал Васильев в ходе заседаний международного военного трибунала на Дальнем Востоке успешно отводил любые вопросы и свидетельства, касавшиеся дела Зорге. Даже предположение, что один из трех членов трибунала и союзников-победителей мог организовать шпионскую группу во вражеской стране во время войны и притом группу, обладавшую решающим влиянием, в 1947 году рассматривалось как оскорбление. Однако почти двадцать лет спустя советские власти обнародовали свою собственную торжествующую версию этого «второстепенного вопроса» — дела Зорге.

7 ноября 1944 года годовщина русской революции 1917 года праздновалась в Советском Союзе с особым ликованием. Русские армии изгнали нацистских захватчиков с территории западных советских республик и продвигались все дальше к Германии. Особое внимание было уделено в газетах вкладу разведывательных служб в эту решающую победу. В то утро широкая русская публика узнала имена многих секретных агентов, которым по такому случаю было присвоено звание Героя Советского Союза. И в этот самый момент в тюрьме Сугамо в Токио Зорге шел на казнь, пребывая в полной изоляции, брошенный на произвол судьбы своим московским начальством, но выполнивший возложенную на него миссию.

5 ноября 1964 года, накануне такого же празднования годовщины революции 1917 года, а также в годовщину его казни Рихард Зорге был посмертно удостоен высшей награды — звания Героя Советского Союза. Событие было отмечено серией публикаций в советской прессе, подготовленных ведущими журналистами и посвященных вкладу Зорге в победу во Второй мировой войне. Были обнародованы доселе неизвестные исторические подробности его карьеры, при этом от упоминания

других имен журналисты воздержались. Одна из улиц Москвы была названа именем Зорге, а затем и танкер. Весной 1965 года советские власти выпустили в честь Зорге почтовую марку стоимостью 4 копейки. На этой памятной марке изображено лицо Зорге на алом фоне, а рядом — репродукция медали Героя Советского Союза.

Каково истинное значение выбора момента для неожиданной и запоздалой реабилитации одного из самых выдающихся советских секретных агентов? Как написал с явной осторожностью корреспондент «Правды», даже после смерти Сталина, «в последующие годы множество причин не позволяли информировать народ об этом героическом сотруднике разведки. Лишь спустя двадцать лет наступили благоприятные условия для того, чтобы рассказать правду о Зорге».

Непосредственным источником подобных «откровений» являлись дискуссии в Советском Союзе о событиях, последовавших сразу после нападения Германии на Россию в июне 1941 года, в которых Сталин подвергался критике за то, что не сумел предвидеть этого разгрома, и за промахи, допущенные им в управлении войной.

В центре споров лежал отказ Сталина внять предупреждениям, полученным из нескольких источников, о неминуемом нацистском нападении. Эти дискуссии высветили главное достижение Зорге и стали исходной точкой запоздалого акта справедливости. Сообщения Зорге из Токио о германских намерениях, очевидно, подшивались в папку под названием «Сомнительная и вводящая в заблуждение информация».

Однако сталинское пренебрежение к достоверной разведывательной информации, полученной из какого-либо секретного источника, было всего лишь одним из элементов его общей недооценки стратегического планирования, которым занималось советское высшее командование, и вклада военной разведки 4-го Управления. За одинокой фигурой Зорге ныне встают тени его руководителей — генерала Берзина и полковника «Алекса» Боровича, расстрелянных в ходе чисток, реабилитированных в 1964 году и посмертно получивших признание за свои заслуги в годы войны.

Одновременно с созданием понятного широкой публике образа Зорге беспрецедентное признание получила и его профессия. «Шпион — это прежде всего человек политики, способный уловить, проанализировать и связать воедино события, на первый взгляд вроде не связанные между собой. Он должен обладать широтой кругозора стратега и способностями дотошного наблюдателя. Шпионаж — непрерывная и

требовательная работа, которая никогда не прекращается». И еще: «Меньше всего Зорге походил на тех секретных агентов, образы которых были созданы западными писателями. Ему не было нужды вскрывать сейфы, чтобы выкрасть документы, — эти документы показывали ему сами владельцы сейфов. Он не стрелял из револьвера, чтобы проникнуть туда, куда ему нужно было проникнуть: все двери любезно открывали перед ним хранители секретов».

Советский агент, в отличие от своих западных противников, должен обладать выдающимися интеллектуальными качествами и эрудицией. Здесь нет места образу крадущегося призрака-шпиона. Зорге был легендарным «сотрудником советской разведки», убежденным «международным коммунистом», чья идеология и техническое мастерство сами по себе явились практическим вкладом в дело мира.

Новый портрет Зорге приобрел некоторые атрибуты патриотического культа. Фигура его помещена в жесткий и лестный хвалебный шаблон, а личность жестко зафиксирована избранными моментами легенды. И потому цель этой книги состояла в том, чтобы дать более откровенное, честное и человечное представление об этом человеке.

notes

Примечания

1

Отец Зорге родился 5 апреля 1851 года в Веттинена-Саале в Саксонии, а мать, Нина Кобелева, родилась в Баку 20 апреля 1867 г.

2

Подобно почти всем «фактам» о начальных годах жизни Зорге, даже размер и состав его семьи — вопрос противоречивый. Согласно его собственным показаниям на суде, у него было три брата, двое из которых были убиты на Первой мировой войне. В 1942 году один брат и две сестры были еще живы. Его бывшая жена, Кристиана, утверждала, что Рихард был одним из «девяти детей». Из независимых свидетельств следует, что брат Рихарда Зорге, д-р Герман Зорге был химиком и много лет прожил в Мюнхене — Рихард называл его «инженером», а умер в Тулузе в 1958 году. Одна из сестер была замужем за ведущим немецким специалистом по глазным болезням и, похоже, разорвала все связи со своим братом Рихардом.

3

Здесь можно упомянуть и «Капитал» Маркса, и «Анти-Дюринг» Энгельса, и «Финансовый капитал» Хильфердинга.

4

Высшая с похвалой *(лат.) (Примеч. ред.)* Дата установлена по копии сертификата Гамбургского университета, найденного среди бумаг Зорге.

5

Находясь под арестом в Токио, Зорге был глубоко заинтересован в сокрытии любых военных аспектов своей миссии.

6

Никаких следов членства Зорге в какой-либо секции Германской коммунистической партии в Гамбурге в течение этого периода (1919–1920 гг.) до сих пор не обнаружено.

7

Зорге утверждает, что он был схвачен и выслан из Голландии.

8

В своем признании Зорге писал, что он ушел в 1922 году «после горячей политической полемики». Однако в другом свидетельстве безоговорочно отрицается эта дата.

9

Один из руководителей советской военной разведки в Европе Игнаций Рейс, псевдоним «Людвиг», находился в то время (1919–1920 гг.) с секретной миссией в Руре и Рейнланде и встречался с Зорге.

Авторы признательны д-ру Герману Веберу за эти сообщения.

Этот «факт» стал известен лишь недавно и появился только в советской прессе.

Скрытым мотивом для создания подобного института для группы интеллектуалов послужил опыт русской революции и его применение в германских условиях, а для радикалов — желание пересмотреть, используя академические термины, политические, социальные и экономические основы общества.

13

Франкфуртский университет и сам был поначалу основан на частные пожертвования. Авторы признательны профессору Полю Клюке за его помощь и предоставление авторам подробностей, касающихся истории университета того периода.

14

Герлах умер вскоре от диабета в Берлинской клинике. Если бы он был жив, он стал бы первым директором этого института.

15

Хотя коммунистическая партия и была объявлена вне закона после революционных событий 1923 года, запрет был снят 1 марта 1924 года, и романтическая бравада всех этих предосторожностей была явно чрезмерной.

16

Один неподтвержденный источник дает основание предполагать, что З˚рге играл активную роль в этом неудачном деле.

17

Муж советовался с Кристианой относительно своего решения отправиться в Москву, которое, похоже, волновало его в течение некоторого времени. В связи с их приездом во Франкфурт в 1922 году она писала: «Возможно, Ике уже тогда было приказано поехать в Москву?» Она согласилась сопровождать его.

18

До ноября 1927 г. — РКП(б), после XIV съезда — ВКП(б), после 1952 г. — КПСС. *(Примеч. ред.)*.

19

Это можно еще перевести с японского как «информационный отдел».

Наиболее ясное и авторитетное заключение о структуре Коминтерна появилось у Карра в «Истории Советской России: социализм в одной стране».

21

Экземпляр этой книги есть в Амстердамском институте. Интересно отметить, что работа эта на следующий год вышла и в японском переводе.

22

После 1945 года Гайптнер стал послом Восточной Германии в Пекине и ˆире, а позднее — заместителем министра иностранных дел.

23

Зорге также говорит, что у него были две краткие встречи с англичанами в московском отеле до того, как он уехал в Швецию после Конгресса Коминтерна в 1928 году.

Однако на одном из допросов он говорил, что в мае 1930 года вернулся в Москву.

В отдельных случаях Зорге также датирует свое возвращение в Москву «в конце лета» или «в сентябре» 1929 года. Но говорит об этом неясно, тщательно Продумывая все в своих показаниях на следствии.

Эти заявления были, вероятно, составлены по сообщениям информаторов, работавших на веймарские власти среди немецкой колонии в Москве, и не Подтверждаются какими-либо другими источниками.

Здесь вполне уместен комментарий бывшего датского коммуниста Рихарда Йенсена: «Факт, что Зорге стал шпионом, не очень сильно удивил меня. Когда русские находили подходящего человека в политическом аппарате, он зачастую оказывался в ГПУ или в службе военной разведки».

28

«Московский центр» — это был фактически технический термин, используемый в привилегированных кругах, чтобы скрыть 4-е Управление.

29

М-р Вере Рэдмен, чиновник британского посольства в Токио, арестованный по обвинению в шпионаже в Токио в декабре 1941 года.

30

Эти биографические подробности взяты из появившейся хвалебной ста-тьи в газете «Комсомольская правда» от 13 ноября 1964 года, в которой Берзин описывается как «основатель и глава военной разведки Красной Армии». Его Партийная кличка была «Павел Иванович». Была и еще одна кличка, под которой его знали многие, — «Старик». Не путать Яна Карловича Берзина с Яном Антоновичем Берзиным, псевдоним «Винтер», товарищем Ленина по Цимме-рвальду и членом Центрального Комитета партии большевиков в 1917 году, который умер, занимая пост советского посла в Вене в 1925 году.

Клаузен также упоминает о Боровиче в своих тюремных записках, называя его настоящее имя и говоря, «что это советский еврей, который, думаю, ос-тавил шпионскую группу в Канаде, чтобы возглавить дело в Японии (sic)».

Клаузен в 1935 году отправился в Японию, он добирался через Соединенные Штаты и Францию по канадскому паспорту, первоначально принадлежавшему Боровичу.

32

Из Коломбо Зорге послал открытку в Германию одному из своих друзей Детства.

33

Он также известен как «Вилли», псевдоним «Гревич». Клаузен описывает его как американского еврея.

34

Здесь есть серьезное противоречие в датах. По его собственным словам, Клаузен выехал из Москвы в марте 1929 года, однако записи германской полиции показывают, что он отплыл из Гамбурга в Шанхай в октябре 1928 года, и в конце этого года был зарегистрирован, как постоянно живущий в Китае и Маньчжурии. Последние подробности, вероятно, точны с точки зрения хронологии передвижений Клаузена. Неясно, однако, зачем он отодвинул дату своего отъезда из Москвы на шесть месяцев.

35

В статье уже упоминавшейся восточногерманской газеты «Neues Deutschland» от 30 октября 1964 года в интервью с Клаузеном последний утверждал, что Зорге сказал так: «С этой женщиной все в порядке, можешь брать ее».

36

Другим членом группы Лехмана была молодая американка, известная Клаузену как мисс Рет Беннет. Она занималась шифровальными работами. Но ее пребывание было кратким, и в ноябре 1929 года она уехала в Москву. Клаузен считал, что она была членом Коммунистической партии Соединенных Штатов.

Это, вероятно, не «официальная» организация, а группа, созданная для привлечения иностранцев «левых» убеждений.

38

В 1935 году Клаузен встретился о ним в московской радиошколе.

39

Денежные переводы поступали к Зорге также со счетов Национального Сити-банка в Нью-Йорке.

Ли Лисан, Китай, представлял Всекитайскую федерацию труда; Эрл Бра-УДер, США, — первый секретарь Всетихоокеанского секретариата профсоюзов; Хо Ши Мин, Индокитай; Том Манн представлял Английскую, Жак Дорио — Французскую и М. Рой — Индийскую партии соответственно.

41

В квартире м-ра Александра фон Дунина, которого полиция подозревала в том, что он — советский агент.

42

О функциях, возложенных на Эйслера, можно узнать из материалов, захваченных полицией после ареста Ноуленса и относящихся к некоему «Леону». Описание этого человека напоминает деятельность и черты Эйслера.

43

В действительности Ноуленс был ветераном советского разведывательно-го аппарата и постепенно передвигался через Вену и Рим на Дальний Восток. Был он польским евреем. Согласно одним данным, его видели живым в Москве в 1940 году, а по другим, он был ликвидирован в ходе сталинских чисток.

44

Очевидно, авторы имеют в виду гостиницу «Москва». (П*римеч. ред.)*

45

«Я забыл упомянуть, что во время моей работы в Китае я посетил Японию, будучи в отпуске, и провел три дня в «Империал-отеле». Япония произвела на меня столь благоприятное впечатление, что, когда я вернулся в Москву из Китая и мне предложили вновь заняться шпионажем, я шутливо предложил Токио в качестве возможного места назначения». (Протокол судебного допроса от 28 июля 1942 года.)

46

Согласно статье, опубликованной в «Комсомольской правде» 13 января 1965 года, в 1933 году, в Москве, после возвращения из Шанхая Зорге женился на некоей Екатерине Максимовой.

47

Осенью 1964 года статья опубликована в Москве в сборнике, выпущенном газетой «Комсомольская правда» под заголовком «Я знал Зорге» неким Яном Горевым. Из доступных источников ясно, что автор был коллегой Зорге по работе в 4-м Управлении.

Возможно, что это не простое совпадение и что «Горев» — это псевдоним Александра Скоблевского, советского функционера высокого ранга, посланного в 1923 году со специальной миссией в Берлин, чтобы консультировать Германскую коммунистическую партию по вопросам организации ее военного аппарата накануне октябрьского восстания. Не вызывает сомнений, что на какой-то стадии Зорге был связан с этой работой.

Скоблевский под псевдонимом «Горев» был арестован немецкой полицией по обвинению в подрывной деятельности и в 1925 году предстал в эффектном театрализованном судебном представлении в Лейпциге по обвинению в измене — так называемом «процессе ЧК». Советские власти незамедлительно поставили контрпроцесс над двумя немецкими студентами в Москве, уже находившимися под арестом якобы за шпионаж, после чего должным образом произошел обмен обвиняемыми.

Вскоре после публикации брошюры Горева о Зорге тиражом 40 тысяч экземпляров было объявлено, что брошюра неожиданно изъята из обращения.

Книга, опубликованная в Париже Николь Шатель и Аленом Гэреном «Товарищ Зорге», в основном базируется на советских источниках и дает несколько неправдоподобную биографию «Горева». Тайна так и остается нераскрытой.

Авторы выражают признательность нынешнему редактору этой газеты, который пишет: «Рихард Зорге работал на нашу газету с 1934 по 1940 год в качестве нашего корреспондента в Токио. Он не был у нас в штате, но регулярно писал для нас статьи. В январе 1940 года мы опубликовали его последнюю статью».

Это было надконституционное образование, состоявшее первоначально из руководителей Японии эры Мейдзи.

Жалованное дворянство (*фр.)* — дворянство, приобретенное гражданской службой. *(Примеч. ред.)*

Однако позднее Зорге изменил свои показания. На суде выяснилось, что эта деталь о контакте с Вукеличем была обговорена еще до отъезда из Москвы и что в Москве его информировали о том, что Вукелич может оказаться в Японии еще до того, как он (Зорге) доберется до Токио.

52

Протоколы следствия по делу Вукелича не найдены. Существует лишь неполная, но существенная часть заявлений или признаний, сделанных Вукеличем следователю, ведущему его дело. В основном из этого источника и взяты следующие отрывки. Недавно в югославском ежемесячном журнале «Ревью» в октябре 1964 года появилась статья, содержащая новый биографический материал о Вукеличе.

На самом деле он был ортодоксом сербского происхождения.

Вполне вероятно, что друзьями Вукелича были Хьюго Клейн, позднее знаменитый загребский психоаналитик, и Мило Будак, хорошо известный как представитель крайне правого крыла хорватских политиков и министр образования в «Независимом государстве Хорватия» после 1941 года.

55

Слова «Ольга» приведены в прямой речи, без каких-либо изменений. Взяты они из непрямой речи, записанной со слов Вукелича в его показаниях.

Мейсснер в своей книге «Человек с тремя лицами» утверждает, что их отношения были любовными, однако на этот счет нет других правдоподобных свидетельств. Мейсснер также предполагает, что Ольга была хорошо известной в Париже дамой, привлекательной и богатой молодой женщиной. Однако и в Данном случае нет данных, которые подтверждали бы это. Представляется более вероятным, что она была сестрой «А. Тилде на», главы советских секретных служб в Париже.

57

Этот специальный номер так и не вышел.

58

Суд над Мияги состоялся 30 марта 1942 года. На этом же заседании Мияги заметил: «Зорге никогда не говорил мне определенно, чтобы я занимался шпионажем».

59

«Я ненавидел, — писал Мияги, — тиранию японской бюрократии, правившей Окинавой».

Есть сведения, что Ямаки Чийо позднее вышла замуж за окинавца.

Обвинения подобного рода против сотрудников японского консульства были нередки во время Первой мировой войны и после нее.

Письма от Поля Моссе. Однако корреспондент агентства Рейтер, работавший в то время в Японии и знавший Зорге в течение его первых недель пребывания в Токио, отмечает, что Зорге производил впечатление «спокойного, простого, скромного, интеллигентного» человека.

Это напоминает высказывание Уиттакера Чамберса: «Быков, из русской фракции, предпочитал работать бреднем и собирать многие тома документов».

Эти биографические подробности взяты из статьи Геллера, опубликованной 2 марта 1965 года в «Красной Звезде» — газете советской Красной Армии, после реабилитации Урицкого, который был арестован ГПУ 1 ноября 1937 года и вскоре расстрелян.

Вызванному в 4-е Управление для объяснений американцу удалось оправдаться ссылками на трудности работы в Японии, и вскоре его вновь отправили на разведывательную работу — но в Соединенные Штаты, где он встретил Чамберса, которому в разговоре откровенно заявил: «Я больше дня не буду работать на этих убийц».

Некоторые из этих писем были опубликованы в газете «Комсомольская правда» 13 января 1965 года. Екатерина умерла в Красноярске в Сибири 4 августа 1943 года.

В своем заявлении, исправленном в ходе предварительного следствия, Зорге пишет, что Гюнтер Штайн «был симпатизирующим, но никогда действующим членом моей группы, хотя и сотрудничал с нами». Несколько ранее Зорге сообщил полиции, что он постепенно «приобщал Штайна к участию в нашей работе».

Главной вероятной жертвой должен был стать генерал Ватанабе — преемник Мазаки на посту генерал-инспектора военной подготовки. И он действительно был среди тех, кого убили несколько недель спустя, 26 февраля.

69

Зять премьера Окады, очень похожий на него внешне, намеренно выдал себя убийцам, которые и расстреляли его, приняв за премьер-министра. Экспремьерами были Такахаси и адмирал Саито.

70

Статья «Взгляд на чистку в армии» была написана в июле 1935 года капитаном Муранакой и лейтенантом Исобе. За написание этого труда, вскрывшего много секретных данных о фракционном соперничестве и заговорах, оба офицера были уволены из армии. Они снова надели форму 26 февраля 1936 года, чтобы принять участие в мятеже. Приговоренные к смертной казни, они были казнены в сентябре 1937 года.

В этом контексте стоить отметить, что Карл Хаусхофер, владелец «Геополитики», подобно Отту начал свою военную карьеру артиллерийским офицером и, как и Отт, сотрудничал с японской армией в 1909–1911 годах. Осенью 1936 года, во время краткого визита в Германию Отт познакомился с планами и идеями Хаусхофера в отношении Японии в Институте геополитики.

Без сомнения, он заметил определенную параллель между этими ужасными драмами и третьей, а именно: убийством министра сегуна Ии Наосуке, совершенного снежным утром 1860 года за оградой Вишневого парка в Уедо националистическими фанатиками из Мито.

73

Рассказывали, что Зорге как-то вечером в 1936 году говорил в «Импери-ал-отеле» одному знакомому, что помогал Отту кодировать телеграмму в Берлин.

Тем не менее один из журналистов указал, что обязательство «создавало основу» для военного альянса «и должно рассматриваться как таковое японским генеральным штабом с одной стороны и бюро Риббентропа с другой».

Зорге утверждал, что в 1937 году он написал Отту отчет об этой поездке во Внутреннюю Монголию. «Этот отчет содержал некоторые конфиденциальные материалы, например, о деятельности во Внутренней Монголии тех японцев, которые занимались военными или другими специальными вопросами».

76

Первой «крышей» Макса Клаузена был импортно-экспортный бизнес, но он не был успешным, и Максу пришлось от него отказался. Японские архивы не дают точной даты основания фирмы «М. Клаузен и К», но если принять на веру данные восточногерманской газеты, то фирма эта существовала уже до того, как Макс привез Анну домой из Шанхая.

Одни члены Общества Сева были националистами, другие патриотами, как немарксистами, так и марксистами. Существует поучительное исследование общества и его членов — включая и не симпатизирующих, не способных оценить «либералов» — книга Чалмерса Джонсона «Пример измены».

Среди других тем были: создание специального самолета («камикадзе»), пролетевшего из Токио в Лондон в начале весны 1937 года; нападение на Пэней; разногласия между генеральным штабом главного командования и штабом генерала Мацуи в Северном Китае, выразившиеся в отзыве последнего; визит в Токио Вонг Комина, главы марионеточного режима в Пекине; суть назначения генерала Итагаки министром обороны; информация о японских левых; безработица; миграция фермеров-добровольцев в Маньчжурию. Все это примеры тем, исследованных Мияги и субагентами.

Например, время от времени книгопродавцам запрещали продавать некоторые книги и журналы иностранцам и их просили также докладывать, с описанием конкретной личности, о тех иностранцах, которые приобретали такие издания.

80

Большинство сведений, относящихся к личности Ханако-сан, взяты из интервью, которые она дала одному из авторов в Токио. Вскоре после войны она написала воспоминания о Зорге: «Зорге — человек. Воспоминания его любовницы Мияки Ханако», Токио, 1949 год. Более поздняя версия — Исии Ханако «Вся моя любовь — человеку Зорге», Токио, 1951 год. Имя матери Ханако было Мияки, Исии — имя ее отца. Сейчас она известна как Исии Ханако.

81

В письме к своей русской «жене» Зорге пишет: «Сейчас я похож на побитого рыцаря-разбойника».

Или Лушков служил ранее на европейской границе Советского Союза, или как старший офицер ГПУ имел доступ к информации о советских боевых порядках в этом регионе.

Интересно заметить, что после передачи 4-го Управления Урицкому, Берзин был назначен в командование Дальневосточной армией заместителем генерала Блюхера. Впоследствии Берзина послали в Испанию в качестве главы советской военной миссии при правительстве республиканцев. В 1937 году его вызвали в Москву и расстреляли. В 1964 году генерал Берзин был официально реабилитирован.

84

В статье, озаглавленной «Дальневосточная Красная Армия», Лушков упоминает о внезапном исчезновении Блюхера «во время Чанкуфенга». Стычка при Чанкуфенге между японцами и русскими имела место между серединой июля и серединой августа 1938 года — другими словами, вскоре после побега Лушкова. Похоже, что это подтверждает теорию, что «исчезновение» Блюхера и побег Лушкова были взаимосвязаны.

85

Есть несколько указаний на то, что Лушков, возможно, был расстрелян в Японии в августе 1945 года.

Этот вывод напрашивается из вопроса, заданного Зорге во время предварительного следствия, когда его спросили, правда ли, что он делал подобные предупреждения Вукеличу. Ответ Зорге был т; хов: «Я действительно не помню, но вполне вероятно».

По версии Зорге относительно этого предположения, в то время была сделана попытка установить постоянный радио контакт в Шанхае вдобавок к владивостокскому звену. Это должна была быть лишь ретрансляционная станция, и не было намерения устанавливать связи в Китае. «За исключением двухтрех раз, попытки наладить связь с Шанхаем заканчивались неудачно. По приказам из Москвы мы пытались установить прямой контакт с Хабаровском, но Клаузен не стал больше этого делать, чтобы предотвратить пеленгацию нашего передатчика».

88

Это было первое перехваченное японцами сообщение группы с дослушивающей станции в Корее.

Клаузен вспомнил о встречах с этими советскими чиновниками, когда ему показали два тома его дневника за 1941 год, конфискованные японской полицией во время ареста.

В действительности Зайцев был первым известным представителем, назначенным в Австралию ГРУ (Главное разведывательное управление советских вооруженных сил, ранее называвшееся 4-е Управление).

91

Начиная с 1940 года, японский контроль за обменом валюты усилился.

92

Один из субагентов Мияги.

93

Оба эти сообщения были перехвачены прослушивающей станцией японского Министерства связи в Корее. Неясно, когда они были расшифрованы, возможно, Клаузеном в тюрьме.

В показаниях в роли свидетеля на предварительном суде 18 ноября 1942 года в связи с делом Зорге, Коноэ отрицал этот инцидент. «Это совершенная ложь».

95

Разведывательная и пропагандистская организация японской армии.

96

24 апреля 1941 года германский военно-морской атташе в Москве, телеграфировал в Берлин: «1. Здесь ходят слухи о якобы возникшей опасности войны между Германией и Советским Союзом, которые подпитываются людьми, приезжающими из Германии. 2. По словам советника итальянского посольства, британский посол предсказывает 22 июня в качестве даты начала войны. 3. Другие называют 20 мая. 4. Я пытаюсь опровергать слухи, которые явно абсурдны». Послание, не требующее комментариев. «Советско-нацистские отношения в 1939–1941 годах».

97

Полковник Кретчмер был германским военным атташе в Токио с зимы 1940 по 1942 год.

Эго утверждение, сделанное японскому прокурору, явно противоречит краткому изложению другого послания Зорге, отправленного им в Москву в мае 1941 года. «Во время аферы Гесса Зорге узнал в германском посольстве, что Гитлер послал Гесса в Британию в качестве последнего средства для достижения мирного соглашения с Англией до начала войны против Советского Союза. Таким образом Зорге было известно, что, несмотря на Пакт о ненападении, германское нападение на Советский Союз было неминуемым». («Информация, собранная Зорге и отправленная им в Советский Союз», издание японской полиции, 1957 год.)

99

Сообщение было, очевидно, передано по радио между серединой апреля и серединой июня.

100

Сообщение это не сохранилось.

101

«Организатор» — кодовое имя главы дальневосточного отдела 4-го Управления.

102

Главным источником информации для Одзаки был Танака Синдзиро из газеты «Асахи».

103

Авторы очень признательны д-ру Джону Эриксону с правительственного факультета университета Манчестера, который взялся провести специальное исследование этого вопроса.

104

Казами был главой секретариата Кабинета в первом кабинете Коноэ и в течение некоторого времени министром юстиции во втором кабинете.

105

Зорге уже докладывал об информации, полученной от военно-морского атташе адмирала Веннекера, что японский нефтяной резерв равен двухлетней потребности военно-морского флота, шестимесячной для армии и шестимесячной — для гражданских нужд.

106

Американский посол в Японии.

107

Тихоокеанская сеть была связана со штаб-квартирой Американской коммунистической партии в Нью-Йорке, а через нее с офисом Коминтерна на 39 Ист 12 стрит.

108

На следующий день после ареста супругов Китабаяси, 29 сентября, Ито вновь был доставлен в полицию. Эпизод этот так и остался невыясненным; похоже, что, по крайней мере, в течение года его официально не допрашивали.

109

Этим чиновником был Вильгельм Шульце, близкий коллега-журналист Зорге и руководитель официального германского агентства новостей в Токио. Охаси, инспектор полиции, руководивший арестом Зорге, позднее утверждал, что он наблюдал за домом и решил, что присутствие этого гостя было, вероятно, связано с падением кабинета Коноэ, происшедшего двумя днями раньше, и что он пришел «получить у Зорге отчет об этом событии».

Клаузен должен был встретиться с ним 20 ноября.

111

Текст ответа из Москвы был найден полицией в доме Клаузена.

112

Похоже, что Зорге поддерживал время от времени связь со своей бывшей женой, Кристианой, которая поселилась Нью-Йорке. В начале 1941 года фрау Отг, жена германского посла в Токио, навестила ее и передала ей деньги и приветы. Кристиана получила визу для поездки в Японию незадолго до того, как сообщение между Соединенными Штатами и Дальним Востоком было прервано. Она телеграфировала Зорге, однако ответа не получила. Вскоре он был арестован.

113

За все дело в целом отвечал Тамазава Мицусабуро, и именно он допрашивал Одзаки.

Йосикава в разговоре с одним из авторов.

Традиция эта, как все признают, установлена была в ходе знаменитого дела Оцу в 1891 году. В Оцу, близ Киото, на русского царевича, позднее ставшего императором Николаем II, напал и ранил его японский полицейский. Японский кодекс наказаний предполагал, что покушение на жизнь члена японской императорской фамилии карается смертью, но что максимальное наказание за любые другие попытки убийства — пожизненное заключение. Однако японское правительство считало, что полицейский из Оцу должен получить высшую меру наказания, и с этой целью, соответственно, оказывало давление на органы юстиции. Однако это давление было успешно отвергнуто.

Когда руководитель пресс-секций Министерства иностранных дел в Берлине встретился с Осимой в октябре, чтобы обсудить арест Зорге, Осима, указав на независимость суда и его ответственность лишь перед самим императором, не преминул вспомнить о деле Оцу.

116

Во время интервью Йосикава вспоминает, что он сказал Зорге: «Что до нас, японцев, мы бы встретились, как и положено людям, если идеология и сделала нас врагами».

117

Аффидевиты были получены, чтобы опровергнуть утверждения Агнес Смедли и ее друзей, что показания о ней, сделанные Зорге, Одзаки и другими, не представляют никакой ценности, поскольку были сделаны в ходе японского следствия и потому были даны под давлением.

118

Два громких случая имели место в 1933 году. В феврале романист Кобая-си Такидзи, придерживающийся левых убеждений, был убит в полиции. В конце года известный марксист Норо Эйтаро умер в полиции.

Можно привести два примера. Новозеландец Бикертон был жестоко избит в ходе следствия, проводимого Особой высшей полицией в 1934 году. В 1940 году корреспондент агентства Рейтер Мелвилл Кокс выпрыгнул или был выброшен из окна и разбился насмерть в ходе следствия в штаб-квартире Кем-петай в Токио.

120

В ходе этих пяти допросов Толишус вынужден был стоять на коленях, в обычной японской манере, в то время как три детектива без остановки били его ногами или выворачивали ему голову и руки.

Из ее отчета можно предположить, что она была арестована Кемпетай (она пишет «жандармерия»). Единственный пример жестокости в ее деле произошел в день ее ареста, когда полицейский, или офицер Кемпетай, ударил ее по лицу.

122

«Если осмелитесь, — сказал прокурор, — изменить этот отчет в суде, будете строго наказаны».

Однако она продолжает, что этот человек «был редким дураком». «Его изощренный ум вскоре заставил меня запутаться в своих собственных показаниях».

Исии Ханако, например, не верит, что Зорге пытали, а она с самого начала войны постоянно общалась с такими людьми, как Каваи Текичи, двоюродный брат Одзаки, зять Одзаки, и другими, изучавшими дело и, естественно, предвзято относившимися к довоенной полиции. Однако она согласна с мнением, что Вукелича (как и Мияги) пытали. В отношении Одзаки и Клаузена мнения расходятся.

Весьма вероятно, что с этим же переводчиком столкнулся и Отто Толи-Шус и самый неприятный из его мучителей, возможно, играл некоторую роль в полицейском расследовании дела Зорге. Эго создание (которому Толишус дал кличку «змея») кричал на Толишуса: «Я узнавал у человека из «Франкфуртер Цайтунг», и он сказал мне, что ты шпион!»

Икому попросили взять на себя эту обязанность в Министерстве образования по просьбе министра юстиции. Он вспоминает: «Конечно, были подходящие переводчики в Министерстве иностранных дел, однако из-за связей последних с немецким посольством Министерство юстиции желало, насколько это было возможно, избежать вмешательства Министерства иностранных дел в процесс следствия по делу Зорге. Я вынужден был согласиться на это предложение, независимо от своего желания».

127

В интервью Йосикавы авторам книги.

128

На самом деле Охаси был помощником инспектора и, похоже, так и не вырос выше этого чина.

129

Охаси говорит, что он ответил Зорге так: «Вы хотите сказать мне, что вы, материалист, верите в привидения?» После чего Зорге громко расхохотался.

130

Сосед, человек по имени Киотаке, вероятно, умер до того, как группа Зорге была раскрыта. В противном случае он, конечно же, был бы арестован, и его имя обязательно появилось бы в протоколах дела.

131

Здесь вновь, в комментарии Мияги, можно заметить рассчитанное пренебрежение.

132

Каваи как член подразделения официальной службы Осако принимал участие в неудачной попытке склонить бывшего военного диктатора, военачальника Ву Пейфу занять место поддерживаемого японцами политического лидера.

133

Это был Нозава Фураи.

Сайондзи также обвинили в нарушении Закона о безопасности национальной обороны, в частности, статьи 6 этого закона, относящейся к «утечке информации на сторону».

Например: «В целом студенты Оксфорда очень много работают. Но были некоторые, кто вел себя шумно, в бросающейся в глаза манере — и некоторое число их оставило Оксфорд, так и не закончив курса».

136

М-р Редман (ныне сэр Вере Редман) и м-р Мацумото вернулись со своими коллегами по посольству в родные страны в 1942 году.

137

Авторы в долгу перед м-ром Джоном Чапменом из колледжа Сан-Антонио, Оксфорд, за эти и некоторые другие подробности, приведенные в этой главе, которые содержатся в его выходящей из печати книге о германо-японских отношениях во время Второй мировой войны.

138

Стамер был ранее в штате личного офиса Риббентропа и служил в качестве офицера, используемого для связи с Осимой, японским послом в Берлине. В Токио Стамер вел в 1940 году переговоры о заключении Тройственного пакта, согласно прямым и личным указаниям германского министра иностранных дел.

139

Следующий список немцев, живущих в Японии, Мейзингер послал в Берлин в августе 1942 года Результат был тот же.

140

В германских архивах не обнаружено никаких следов этой переписки.

141

По необъяснимой причине Вернер Кром и его секретарь Урсула Шварц не были включены в этот список.

Такая же процедура была применена и к Сайондзи с И нукай 7 декабря 1942 года.

143

Японские источники не упоминают о том, что он крикнул: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза и Красная Армия!», как утверждалось в советской прессе.

Командование американских войск лишь зарегистрировало освобождение Клаузена из тюрьмы Акита 9 октября 1945 года.

145

Опубликовано в «Ревью» — югославском ежемесячном журнале, изда-вавшемся в Белграде. Югославская пресса, следуя примеру своих русских и восточногерманских коллег, отдала дань соотечественнику.

146

В 1965 г. А. И. Микоян — Председатель президиума Верховного Совета СССР. (*Пріймеч. ред.)*

147

В начале лета 1965 году Ханако-сан пригласили в Советский Союз. Согласно сообщениям японской прессы, русские газеты писали о ней, как о «ближайшем друге Зорге, делившим со смелым агентом все горести и радости». На черноморском курорте Сочи она посмотрела представление «Пресс-атташе в Токио» — русскую пьесу о карьере Зорге в Японии.

148

Легенда эта изложена, в частности, в книге Ганса Отто Мейснера «Человек с тремя лицами».

149

А не в Лондонской лечебнице, как утверждает Уиллоби.

150

Главный судья Уэбб из Австралии.